

Юрий Стрелов

ОТЧАЯННЫЕ ПРИДУРКИ

Роман

Мистика. Фантастика. Приключения

**Иркутск
2013**

УДК 821-161-1
ББК 84(2=Рус7)

С 84 Стрелов Ю. **Отчаянные придурки**: Роман. – Иркутск, 2013.
– 420 с.

© Ю. Стрелов, 2013

От автора

В типографии «Поликом-Плюс» у меня было выпущено два фантастических романа «Зона» и «На острове снов». И вот я завершил свой третий фантастический роман. Все три романа связаны между собой. Мои герои просто перекочевали из тех романов в эту книгу. Это реальные люди, а вот фамилия всем изменил кроме автора. Решил свою фамилию не менять, и, по-моему, это весьма необычно для читателя. Во всех трех романах, всё то, что происходит в реальной жизни, ничего не придумано. Сущая, правда. Такой уж я неугомонный и беспокойный человек. А вот, то, что происходит в другом мире, считайте моей выдумкой. И выдумка ли это? Пусть это лежит на совести автора. Читатели ведь тоже разные. А вдруг и поверят автору. На том всем и спасибо. Главная мысль всех моих книг заключается в любви к человеку. Люди ведь все разные. А любить всех надо. Надо любить наш мир, нашу родину-планету. Она такая маленькая и беззащитная. Поверьте, я видел её из далекого космоса. А ведь мы сами вредим её здоровью. Нет мира на планете. Нет мира между народами. А она переживает за всех нас непутевых, жестоких. Порой она и возмущается. И она права. Наш мир полыхает в огне, в войнах. Друг перед другом вооружаются. Почитайте мои книги. Какие мы неотесанные приходим в тот мир. Такие мы уж есть. Конечно, мы не должны быть такими. Но, что сделаешь? Если вокруг бряцают и пугают оружием? Бомбят города, где гибнут мирные люди, кругом убийства, взрывы. Если вокруг казнокрадство, воровство, к власти рвутся хапуги, бездушные болтуны и обещальники. Но в том мире, мои герои постепенно становятся другими. Ведь прибыли они в другие миры бороться с нечистой силой, которая угрожает нашему миру. Это великая ответственность. И к тому же мне хотелось показать другие миры, где можно жить без всяких

войн. А вот в нашем реальном мире мы бессильны. Но, стараемся как-то помочь людям. Хотя бы не хамили друг другу, не завидовали, от злобы не скрипели бы зубами, да и не пакостили бы, а надо быть добрее. Это ещё одна мысль в моих книгах. Вот, кажется, и всё, что я хотел тебе сказать, дорогой читатель. С уважением ко всем вам – реальный фантаст.

Часть первая. Соблазн всему голова

Отчаянные

Зимой живу в домике за городом. Осень. Дождь со снегом бились в окна. Шумела тайга. Недовольна. Куда денешься? Надо смириться, милая. Надо. Рваный дым из печной трубы катился по крыше. Дым, смоченный дождем, падал на сырую землю. По моему телу пробежала изморозь. Зашел в домик. Здесь тепло и сухо. Потрескивали дрова в печке. Хорошо! Прибавил настроенные крепкий и горячий чай. Многие говорят, что в такую погоду бывает тоскливо. Какая чушь! Мне никогда не было тоскливо в такую погоду. Плохо было. Моя жизнь ухабистая, корявая, с многочисленными наводнениями, перекатами, порогами, засухой. Уныния – никогда. В том, что иногда путешествую в иные миры, даже счастлив. Почему? Тяжко бывает мне в этой жизни, вот я и жду момента, когда нырну в какой-нибудь мир. Там хоть становлюсь тем свободным человеком, каким всегда мечтал стать. Там не давит на меня вечная фраза: «Будь, как все». Ну, не могу я быть, как все.

В этом году ездил на Волгу, Дон, в Москву. И даже заболел там. В Москве врач сказал, что на юге мне не климат.

Попил чаю и отправился в тайгу. Многие меня спрашивают, зачем я хожу в тайгу, если оттуда ничего не приношу. Мол, будь, как все. А если я люблю ходить в тайгу, чтобы посмотреть на неё, чтобы слиться с ней? Стать её частицей. И тайга придает

мне силы. Конечно, если есть грибы, то их наломаю, да и ягоду собрать можно.

Надо мной качались и шумели вершины деревьев. На меня и на тропу падали листья. Вот упавшая береза. Она перегородила тропу. Придется придти с пилой и топором. Надо готовить путь под будущую лыжню, по которой хожу из года в год.

– Сядь, отдохни, – услышал знакомый голос. Это был Дюрд. Обыкновенный дух в образе человека. Они иногда проявляются для того, чтобы позвать меня и других таких же, как я, странных придурков из нашего мира в соседний параллельный мир. Много раз туда путешествовал. После каждого возвращения из другого мира наши путешествия записывал. Много накопилось рукописей. После каждого возвращения пытался бросить констатировать факты. Неведомая сила заставляла садиться за стол и в строгой последовательности записывать. В двух книгах «Зона» и «На острове снов» я рассказал о духах.

Значит, мы снова отправимся в путь в какой-нибудь параллельный мир.

– Здравствуй, Дюрд, – не поворачиваясь, ответил я. – Один из отчаянных придурков слушает тебя.

Он проявился впереди меня. Мы оба сели на поваленное дерево.

– Значит, ты называешь себя придурком? – спросил Дюрд.

– Отменным. Вот такие, как я – придурки. Мне говорят, что живу не так, как все. А таких, как я, тоже много.

– Ты забастовал? Надоело записывать?

– Зачем? Кому всё это нужно? Кому нужны мои книги? Некоторым пытался прочитать, но меня не поняли. Они люди грамотные, культурные, образованные. Сказали мне, чтобы я писал что-нибудь реальное о передовиках производства. Иногда смотрю фантастические фильмы. Всё не то. Ничего похожего на то, где я был. Две реальности. Одна вот она. Другая реальность в другом мире. Ведь там тоже реальность. Для себя записывать? Зачем? Поведадь миру, что есть другой мир, и другой свет?

– Разве тебе не интересно узнать другие миры?

– Интересно. Мне даже нравится путешествовать. Хочется скрыться в другом мире от серых буден нашего мира. Правда,

есть люди, которым я даю читать мои рукописи. Заметил, что-то просыпается в людях. Один бывший работник райкома партии сказал мне, что его зацепило.

– Вот видишь, люди начинают понимать тебя. Ты ведь добро людям несешь. Твоё слово много значит.

– Конечно, при прочтении люди меняются. Отдельные люди. А есть плюются. Зубами скрипят. Вот и хочется мне порой в тайгу уходить.

– Сам ведь хочешь побывать в другой реальности, и встретиться со своими друзьями, – сказал Дюрд.

– Если надо, я всегда готов. Слушай, Дюрд, у меня один вопрос. А кто такие существа, что появляются из воздуха? Даже девушек воруют. И эти существа странно улыбаются. Кто они?

– Ладно. Всё потом. Там видно будет. Тебя друзья ждут.

И он исчез.

– Куда же мы, придурки, потребовались? – сам у себя спросил я.

Вокруг меня всё исчезло. Меня что-то легко сдавило. Жужжание. Яркий свет. Стоял под куполом дома. Сколько раз здесь бывал. Вроде нормально описал этот дом, находящийся на острове Диком в книге «На острове снов». Крыша конусом, а посередине отверстие. Ещё раз напомним об этом острове. Он находится в каком-то неведомом мне мире, где живут давно умершие люди. Вернее не люди, а их духи. В том неведомом нам мире появляются человечески тела, какие были в нашем мире, а вот если в них душа, не знаю.

– Отлично. Куда же я потребовался?

Вышел из дома. Вот и мои друзья. Бомжи из Москвы: Олег Битна-Шляхта, Сергей Чемулаев, Иван Иванов. А ещё появляется оленевод чукча Володя Тымневакат. Как правило, этого брали из чума. Ещё раз напомним о своих потусторонних друзьях. Олег Битна-Шляхта – бывший артист. Сергей Чемулаев когда-то трудился в райкоме партии в нашем городе. Иван Иванов занимался философией в университете, и в высшей партийной школе. После Горбачевской перестройки и Гайдаровских реформ, вот эта троица стали бомжами. Чукча же Володя Тымневакат был даже членом райкома партии в своем улусе. Он и сейчас про-

должает пасти оленей. Один я нигде не избирался. Везде пытались от меня избавиться. Потом изгнали из партии. Возможно, появятся и наши товарищи по команде Подгузников Кирьян Аполлинариевич и Степа Клубков. Подгузников в нашем городе работал секретарем райкома партии. Сейчас он на пенсии. Степа Клубков бродяга и путешественник, каким когда-то и я был в молодости. Вот это мои главные герои в моих рукописях. Я уже писал, что, когда мы попадаем в другой мир, то мы оказываемся молодыми. Стариков и старух здесь нет.

– Мы только что появились, – сказал Олег. – Володя куда-то побежал. Кстати, когда мы были в последний раз, хорошо выпили.

– Славное вино, – ответил Иван.

– Доброе вино, – улыбнулся Сергей.

– Ясно, что ничего не ясно, – сказал я. – Куда нас теперь? Где же, Подгузников и Степа?

– Вон они идут от домов, и по две бутылки несут. Снова да ладом, – сказал я. – Сколько успели принять на грудь?

– Малую малость, – ответил Кирьян. – Всего выпили по бутылке. Они нас зауважали. На дорожку по две бутылки дали. Утощайтесь, понимаешь.

– И мы их тоже стали уважать, – ответил Степа.

– Не ради пьянки мы сюда! – возмутился Сергей. – Ещё бы сюда поварих и доярок.

– Ты что это взбеленился? – возмутился Кирьян.

– Он нас не уважает, – повысил голос Степа.

Конечно, и Володя успел выпить. Володя был небольшого росточка, подвижный и на кривых ножках. Он вдруг сорвался с места и стал бегать вокруг нас и кричать:

– Зарежу! Всех зарежу! Они мне на дорогу ничего не дали! А вам дали! Зарежу!

Он всегда так кричал, но человек он безобидный.

– Вот дает! – засмеялся Кирьян. – Мы ничего. Посидели культурно. Никого не трогали. Это всё чукча. Уважения к себе требовал от поваров. Драться к ним полез. Мы ничего. Сидели мирно, тихо, культурно. Вежливо с поварами обошлись. Не всех ведь мы избили.

– Вежливо. Всех избили, и закричали так, что они вина вам не принесли, что два повара упали в обморок. Идите в дом, – сказал Сергей.

– Мне приказывать? – понизив голос, спросил Степа. – Да я тебя, мозгляк, одним ударом зашибу. Он еще уважения к нам не проявил. Кирьян, он не уважает нас?

– Не уважает, – твердо ответил Кирьян. Степа и Кирьян среди нас были самыми здоровыми.

– Тебе, тень несчастная, русским языком сказали, мы сидели культурно, мирно беседовали, – задушено ответил Степа. – Мы вежливо попросили вина для своих друзей. А эти повара стали выкаблучиваться. Мы и не выдержали. Нервы у нас не железные. Ну, двоих кинули под стол. Закричали мы. Откуда мы знали, что этот народ хлипкий.

Неведомая сила отобрала у друзей бутылки, подхватила друзей и понесла к дому.

– Не позволим! – кричал Кирьян. – Свободу личности!

– Размажу по острову! – кричал Степа. Дверь распахнулась, и друзья влетели в проем. Мы же, молча, последовали к дому. Вошли. наших друзей здесь не было. Мы встали под купол. Сергей сказал:

– Стыдно ведь. Ну, отмочили. В общем-то, все мы здесь собрались придурки.

– Почти все побывали в психушке. Зря туда не сунут, – ответил Олег. – Кажется, один Юрка Стрелов там не был.

– Да и я не чище был, – склонил свою большую и лысую голову Подгузников. – Зачем я людей смущал и призывал к каким-то вершинам? Зачем? До сих пор не пойму. Дурью маялись, и всю страну с ума сводили.

– А я чище был? Тоже надо было меня туда отправить, – ответил я. – Все мои руководители за мои выступления считали меня придурком. Так, что от вас, я не отстал. Надо потом пораскинуть умом, зачем мы им, такие вот придурки нужны в другом мире?

Кстати, Олег, Сергей, Иван и Степа побывали в психушке.

– Что-то нас не отправляют, – сказал Олег.

– Обиделись, – ответил Сергей.

– Что-то у них не заладилось. И не спорьте со мной, – сказал Иван. – Не заладилось.

– Надо было словечко замолвить за наших друзей, – сказал я. – Они немного выпили. Пошумели немного. Что тут такого?

– Мы в чем виноваты? – спросил Олег.

– Чуть столовую не разнесли, – ответил Сергей.

– Значит, кто-то нам помешал, – сказал я. – Зачем нас трогать? Не надо было этим поварам нас трогать.

– Зачем нас сюда пригласили? – воскликнул Сергей.

– Для интереса, – ответил Иван.

– Мне с вами хорошо, – сказал я. – Духовно отдыхаю. Только тогда, когда я попадаю в иной мир. Лучше выйдем из дома, раз мы им нужны. Только, чур, больше не пить.

Мы вышли на улицу. Направились к морю. Оно было спокойное. Легонько плескалось о берег. Олег быстро разделся и бросился в воду. Мы последовали за ним. Нырjali, плавали, и за нами никто не приходил.

– Пообедать бы сейчас, – признался Олег.

Мы пошли в столовую. Несколько рабочих обедало. Мы уже знали, что все они бывшие мертвые в нашем мире. Никто из них не требовал вина. Мы пообедали и хотели уходить, как к нам подошел один из рабочих, черненький, маленький и худой.

– Привет, мужики, – сказал он и стал обедать.

Я спросил:

– Здесь трудишься?

– Здесь.

– Из каких мастей будешь? – спросил Олег.

– Местных здесь нет. Они на материке. Сам я из-под Рязани.

Поехал в Сибирь в поисках счастья. Ещё в начале двадцатого века был убит бандитами в перестрелке. Сейчас здесь далекое будущее.

– Не пробовали удрать на материк? – спросил Иван.

– Пробовали. Бесплезно. С воздушных кораблей показывали, как местные живут. Сказка. Этим людям мы невидимки. Да и зачем мы этим людям? Столько лет прошло.

– Значит, вы такие же придурки, как и мы, – сказал я.

– Возможно.

– Наши отправители ловят таких отчаянных придурков, – ответил Олег. – Среди нас все с какими-то сдвигами. Может, такие надежнее. У нас ведь ничего нет. И терять нечего. Да и ничего не просим. Наши отправители и подбирают таких лохов. Вот и весь ответ, Юрка, на твой вопрос. Зачем нас сюда отправляют? Потому что мы лохи. С дурака спросу мало.

– Согласен. С дурака спроса нет, – ответил я. – Возможно, и нашу буйную пьянку простят.

– Так это были вы? Устроили здесь побоище несколько дней назад! – удивился мужичок. – Ну, и пить вы здоровые! До вас были мужики из вашего времени. Напились, и разнесли столовую. Наш комендант Гниломедов, сколько раз устраивал «сухой закон» после нашествия мужиков из вашего времени. Один раз был парень, так он по спору без перерыва выпил половину ведра вина. Потом отдохнул, и допил до конца. Мы тоже иногда употребляем грамм по сто, но, не более. А то отправят в страшное подземелье под кнут.

Мужик пошел к выходу.

– Странно. Всё странно. Не перестаю удивляться, – сказал Сергей. – Возможно, на его прахе город стоит. А он с нами беседовал. Парадокс.

– Мир устроен сложно, – ответил я. – Всё перемешано. Мертвые в живых превратились. Живые ведут беседы с мертвыми. Чудно. Главное то, что в этот мир отправляют придурков. Столько умных людей остается в нашем мире! Даже в нашем милом городке жуть сколько умных. В районной думе, в городской администрации. Зайдешь в административный дом, кабинеты переполненные. Так и жужжат, так и жужжат. Я ведь в этом мире ни одной дамы из главной конторы не видел. А ведь они все умные, все правильные. Теперь и Подгузников с нами.

– Чуть не так стал жить, как все, то ты дурак, – ответил Олег. – И это правило живет из века в век. Если нам доверяют какие-нибудь дела в другом мире, то мы, конечно, счастливы.

Мы вышли на улицу.

– Пройдемтесь по поселку, – предложил я. – Где-то здесь жил мой пес Черныш. В нашем мире он помешал. Пристрелили. И его перебросили на этот остров.

Улицу перебежал молодой и рыжий пес.

– Это его сын, а может, и внук, – сказал я. – Надо спросить про Черныша.

Я подошел к двум женщинам. Они красили забор.

– Девчата, здесь жил пес по имени Черныш. Где он?

– Его снова переправили на большой остров. Он постоянно Гниломедова облаивал.

– Самого Гниломедова никуда не переправили?

Девчата засмеялись. Потом, видимо, испугались, и стали ози- раться. Одна из них замахала на меня руками.

– Уходите! Уходите! Вдруг он услышит. Устроит нам веселую жизнь.

Мы пошли дальше.

– Хоть бы кого из знакомых увидеть, – сказал Сергей.

– Значит, сейчас здесь единовластие, – сказал я. – Пойдемте к пещере.

Три женщины потрошили рыбу, а пять мужиков готовились к отплытию на небольшом паруснике. В прошлый раз здесь сто- яло на рейде несколько кораблей, да и людей было много.

– Где остальные корабли? – спросил я. – Где люди?

– Мы не люди? Хотя...какие мы люди? Так. Одно название. Копия от людей. Один корабль, он и есть один корабль, – отве- тил рыжий парень.

– Я уже был здесь. На соседний остров перевели корабли? – спросил я.

– Знаток явился. Был здесь? Значит, ясно, кто ты. Страшный шторм был. Все унесло в море. Люди? С Гниломедовым не ужи- лись. На большой остров перебрались. Нам и здесь хорошо. Ка- кая нам разница, откуда нас возьмут в ад? За грехи надо ответ держать.

– Знакомо, – тихо ответил я. – Эти на отшибе живут. Значит, такие же дураки, как и мы.

– Сльшим, чего уж там, дураки мы, – ответил другой муж- чина. – Гниломедов так назвал нас. Вот здесь мы и дурачимся. Воля. Свобода. Сами себе хозяева. На корабль не можем взять. Не на прогулку идем. Да и не на рыбалку вас сюда бросили. По-

нимать надо. Из России? Много людей из России. Мы вот тут все из России.

– И мы из неё, матушки, – ответил Сергей.

Мы с удовольствием поели рыбу с хлебом. Даже попробовали копченого мяса.

– Откуда хлеб и мясо? – спросил я.

– С большого острова привозим. Мы им помогаем выращивать пшеницу, картошку, охотимся. Живем здесь. На большом острове тоже есть свои Гниломедовы. Мы привыкли друг к другу, – ответила одна из женщин. – Живем в мире и согласии.

– У каждого своя судьба, своя доля, – сказал Иван. – В нашем мире нам выпала судьба невзгод, лишений, испытаний. И сюда берут для испытаний.

Мы пошли к дому. Перед нами возник Дюрд.

– Скучаете? Много было дел. Не до вас. Теперь прошу. Как всегда, войдите в дом под купол.

– И чего нам предстоит наколбасить? – спросил Олег.

– Вы и так хорошо повеселились.

– Выпили самую кроху, – ответил я.

– Хорошо знаю ваши крохи. Идите.

Мы вошли в дом. Дюрд шел к пещере.

Встали под купол.

– Интересно, в какие края нас? – спросил Сергей.

– Куда это вы без нас, понимаешь? Захотели от нас сбежать? – услышали мы голос Подгузникова.

– Нехорошо, однако. Шибко нехорошо, – сказал ещё один наш друг – Володя Тымневакат. Они оба оказались рядом с нами.

...Мы стояли на небольшой площадке. Кругом камни, пожухлая трава. И очень жаркий день.

– Куда это нас угораздило? – спросил Кирьян.

– Мы находимся на небольшом скалистом холме, – раскинув руки, ответил Иван. – Вокруг нас девственные леса неизвестного нам мира.

– Натуральный гид, – засмеялся Кирьян. – И что это за мир?

– Природа, как природа, – ответил Иван. – Судя по наличию солнца, и очень редких кучевых облаков, отменной жары, мы оказались в летнюю пору. Кстати, хочу заметить, я не гид, но

философ. Философ от жизни. На любую тему. Далее. Где-то, на широте южных морей, но не на севере. Не видно моря, не видно рек. Возможно, какая-нибудь есть река в куще деревьев. Если удариться в теорию южных широт...

– Стоп! – крикнул Кирьян. – Стоп! Нам не до философии!

– Но, позвольте! – воскликнул Иван. – Без философии не возможна любая цивилизация. Философия – это есть соль всего сущего. Вот пример. На ваш толстый нос сел комар, а под пятой вашей обуви находится муравей. И если вы соизволите прикоснуться к этим живым существам, то...

– Хватит! – заревел Кирьян. – Я не только прикоснусь к ним, но и уничтожу! – и он на своем толстом носу поймал комара. – Вот, что я с ним сделаю! – и прихлопнул его. – Вот и вся каникель!

– Я хотел сказать, – ответил Иван.

– Ты потом захоти. Сейчас не до философии. Вот философия. Куда это нас сослали? Кого-то опять выручать.

– Однако я увидел речку, – сообщил Володя. – Блеснуло.

– Это у тебя с перепоя в голове блеснуло, – громко засмеялся Кирьян.

– Я верю Володе, – заступился я за оленевода. – Он ярый охотник.

– За бутылками, – продолжал смеяться Кирьян, и осекся. – Кажется, я увидел что-то.

– Вот и спустимся с горы, – предложил я. – Одежда на нас чудная.

– Одежда нам говорит, что мы попали во времена средних веков, а то и раньше. И не спорьте со мной. Древние века. Можно было бы, и поспорить со мной.

– Спорить с тобой, что против ветра, – ответил Кирьян. – Я и сам вижу, что мы попали в средние века.

У моих друзей в ножнах мечи, а у меня, как всегда, кнут. У Володи через плечо сумка. Из неё торчали ножи. Значит, будет жарко.

– Как в сказке, – сказал Кирьян. – Может, все мы во сне? Но, так всё реально. Идем к реке.

Мы спустились с холма и вошли в лес. Привычных для меня лиственниц нет, не было берез, пихты и ели. Нас обступили настоящие южные, раскидистые деревья и трава выше пояса. Сменяя друг друга, мы мечами пробивали себе путь. Только к закату солнца мы выбрались к песчаной отмели широкой реки.

– Нет у нас спичек и еды, – сказал Сергей. – Решили нас, видимо, взять на измор.

– Мечами добудем себе пищу. На юге живой камухи навалом, – сказал Кирьян. – У нас охотник есть.

– Мы пока ничего не встретили, – сказал Сергей.

– Я много что видел, – ответил Володя. – Следов разных много.

– Следы человека? – спросил я.

– Раз есть река, значит, будет и рыба, – сказал Олег.

– Плохо то, что здесь магазина нет, – засмеялся Кирьян.

– Лодка, однако, идет, – сообщил Володя. Мы прислушались. Действительно, были слышны удары весел по воде. Слышен был разговор.

Из-за поворота показался небольшой корабль в один парус. За веслами сидело по пять человек по бортам. По берегу шли десять человек.

– Какое же это время? – спросил Кирьян.

– Очень древнее, – ответил Сергей. – Возможно, ранние викинги. Значит, недалеко море. Если пойти вверх по реке, то можно выйти к селению.

Мы спрятались за кусты. Корабль скрылся за поворотом.

– Я думаю, что меня поддержат. Нам надо идти за ним, – сказал Кирьян.

– Может, к морю? Стихия морская даст пищу к размышлению над смыслом наших деяний, – сказал Иван. Кирьян прервал: – К чёрту деяния! Надо идти за кораблем!

Мы пошли туда, куда ушел корабль.

За поворотом мы увидели, как парусник пристал к берегу.

В одну улицу протянулось село.

– Мы просто странники, – сказал я. Друзья меня поддержали.

Какие дома? Настоящие хижины из камня и бревен.

Мы поняли, что на корабле прибыли пираты. Таскали на корабль шкуры, разную одежду, кувшины с чем-то. Один мужчина бросился отнимать козу, и тут же упал сраженный мечом.

Мы приблизились. Один пират, похожий на колобок, подошел к нам и хотел, видимо, что-то спросить при помощи меча, ткнув его в грудь Кирьяна. Он мгновенно выдернул меч из ножен и отбил меч пирата.

– Свянячье рыло! На кого руку поднял?!

Пират попятился, запнулся и упал, но, тут же, вскочил. Что-то закричал на непонятном языке.

– Ну, что, сучонок, лопочешь! – закричал Кирьян. – По-человечески встретить не можешь? Попробуй, сунься, помидор непасынкованный!

Пираты быстро собрались в кучу. Приготовились к бою. Рабы бросили всё, и упали на землю, вытянув руки.

– Кошмар! – кричал Кирьян. – Что мы везде должны кого-то освобождать? У нас крестьяне, казаки, рабочие сами себя освобождали! Здесь вы, как раздавленные клопы на земле валяетесь! Встань, обмылок! Встань, говорю! – и он легонько притронулся ногой к рабу. Он съезжился, но не встал. Кирьян стал пинать рабов, и даже некоторых колот мечом.

Пираты успокоились, и стали смеяться.

– Клянусь своей лысиной, никаких освобождений! Хватит, ядрена вошь! – он плюнул, и вложил меч в ножны. Стал успокаиваться. Мы прошли мимо пиратов. Пошли к самому большому дому. Пираты что-то крикнули, и рабы вскочили. Началась погрузка на корабль.

У крыльца, склонив головы, стояли четыре мужика.

– Чего высторожились?! – крикнул Кирьян. – Словно бульенные морды! Таразаны истуканные! Где у вас тут харчевня? Что с вас взять. Всё равно вы по-русски ни бельмеса не поймете!

Мужики что-то начали говорить, но не сдвинулись с места. Мы обошли их, и вошли в дом. Обстановки нет. Голые стены, длинный стол, лавки.

– Какой-то кошмар! – не унимался Кирьян.

– У пиратов спросим, – предложил я.

Мы пошли к пиратам. Остановили двух. Кирьян спросил:

– Огольцы, куда это нас занесло?

Один пират что-то ответил, но мы не поняли.

– Ты брось мне здесь камуху молоть! – повысил голос Кирьян. – Тебя по-русски спрашивают. Тьфу! Сам что-то сморозил, а с других, понимаешь, спрашиваю. Откуда эта лошадиная морда ответит? Получается, сплошная комедь моей матушки.

– Может, мы не туда попали? – спросил Сергей.

– Шибко эти люди плохие, – сказал Володя.

– Там сражение намечается, – сказал Сергей.

В метрах пятидесяти несколько пиратов окружили кого-то. И тут мы услышали голос Степы.

– Ублюжьки морды! Огрызки ведьматские! Я вас всех в дугу!

– Кажется, нашего друга тронули! – заревел Кирьян и подобрал увесистую палку. Бросился помогать Степе.

– Поможем? – спросил Олег и вынул из ножен меч. – Раз нас сюда забросили, то мы должны действовать. В бой, старики!

Два пирата, которых мы спрашивали, бросились бежать.

Мы пошли помогать нашим друзьям. От кулаков Степы и от дубины Кирьяна пираты падали на песок. Кто-то из них оставался недвижим, а кто полз к морю. Несколько пиратов, обнажив мечи и сабли, пошли на нас. Против нас они были, как не странно, медлительные. Они стали отступать.

Бой прекратился. Мы дали возможность пиратам погрузиться в лодки и плыть к кораблю.

Мы пошли к селению. На ходу Кирьян спросил у Степы:

– Как ты сюда попал?

– Как и вы. Оказался на холме. Что-то блеснуло. И пошел. Один из пиратов бил палкой безоружного человека. Я заступился. Тут и вы пришли на помощь. Куда я без вас, каналы! Куда нас теперь?

Мы вернулись к большому дому. Люди кланялись нам.

– Где можно добыть пищу? – спросил Кирьян.

– Они по-русски не понимают, – ответил Сергей.

– Подождите, граждане, с ними надо говорить знаками, – сказал Иван. – Есть общее движение для всех народов. Граждане чужого мира, я попытаюсь вам объяснить, что нужно нам.

Иван махал руками, бил себя по животу и делал глотательные движения.

– Нам нужно ням-ням.

Один мужик улыбнулся, и показал на небольшой дом. Мы пошли к нему. Вошли. Дом похожий на нашу русскую забегаловку. Два длинных стола, лавки. Буфет. За ним человек с широким лицом. Сопровождающий нас мужчина, что-то объяснил буфетчику. Он пригласил нас сесть за стол. Две девушки принесли нам в деревянных чашках еду, напоминающую по запаху сибирскую похлебку. Здесь всё деревянное, даже ложки.

– Смотрите! – воскликнул Сергей. На мгновение стена открылась туманом. Вот он стал рассеиваться, и мы оказались на холме. У подножья горы начинался город, утопающий в зелени. Возможно, что это будущее или другой мир, но не тот, где мы только, что были. Дома с куполообразными крышами были в два этажа.

– Если это не какой-нибудь фильм, то это реально, – сказал Сергей.

– Что же нам, ёси-моси, делать? – спросил Кирьян.

– Река, однако, пересекает город, – сказал Володя.

– Мне, кажется, что это далекое будущее в этом мире, – сказал я. – Нам показали, что будет через много веков на том месте, где мы только что были.

– Фантастика, – сообщил Иван. – Если дадут вспомнить про наши путешествия, и если я расскажу про это моим товарищам по свалке – скажут – спятил. Опасно признаваться. В общем-то, весьма интересно. Что произойдет дальше? Вот вопрос. Думаю, что нам надо осваиваться в этом мире. Пойдемте?

– Друзья, вы заметили, одежда на нас прежняя, – сообщил я. Одежда на нас была та, в какой мы были в нашем мире.

– Что бы это значило? – спросил Олег. – Ловко! Всё правильно. И все непонятно.

– Как быстро нас переодели! – воскликнул Кирьян. – Как в сказке! Умереть, не встать! Всё чертовски чудно, понимаешь. Заманчиво всё.

Мы вышли к первым домам. Широкая улица. Асфальта нет. Вместо него прозрачный материал зеленоватого цвета, а под

ним будто морские водоросли, живые цветы, коврики зеленой травы после схода весеннего снега.

– Господи! – сказал Олег. – Мы попали в сказочный город.

Мы остановились на краю начинающейся дороги, и боялись ступить на неё, до чего она была чистой. Володя опустился на колени, и погладил дорогу, и, кажется, даже её лизнул. Встал.

– И, что это за камуха? – спросил Кирьян.

– Гладкая дорога, как стекло, но это не стекло.

– Что это за пидэрсия? – опять спросил Кирьян, и ступил на дорогу. – Как зимний каток. А ведь лето.

– Там вон чья-то харя выглядывает, – сообщил Степа.

– Я смотрю, они живут здесь отменно, – сказал Кирьян. – Выкаблучиваться будут перед нами. Обломаем. Эй, харя бульенная! Выходи! Не бойся! Бить не будем. Если, конечно, будешь выпендриваться, то отмителим за милую душу. Выходи!

Человек вышел из кустов. Обыкновенный мужик. Вот только одежда на нем белая из легкого материала. Наверное, одежду одевает через голову, как свитер. Глаза у человека большие и под цвет чистого неба, лоб крутой и широкий. Лицо, да и весь его вид говорил, что он из людей культурных.

К двухэтажному дому проложена дорожка из того же материала, что и дорога. Окна большие из цельного стекла. Кругом южные деревья, кустарники, цветы. Перед окном фонтан. Всё, как в сказке.

– Нищак, живете, мужик, – сказал Степа. – Не жадуй. Пригласил бы на кружку чаю, а может, что и покрепче. Не откажемся. Будем тебя уважать.

Мужик стоял и молчал. В глазах любопытство. И мне показалось, что он шевелил губами, как бы повторяя наши слова.

И тут произошло чудо. Мужик растворился в воздухе.

– Мать моя! – воскликнул Кирьян. – Ёси-моси, каналья! Куда же он испарился? Попали в сказку? Что я молочу? Мы и так в сказке! Всё можно ожидать, орлы! Что делать будем?

– В дом зайти, однако, надо, – предложил Володя.

– Откуда ты знаешь, что надо зайти? – спросил Степа.

– Я чую тут человека. Он смотрит на нас. Добра желает. Он мне в голову говорит. Шибко плохо говорит.

– Твоя косоглазая ширка приглянулась? – вкрадчиво спросил Степа.

– Зачем ругаешься? Ты есть рыжий оболтус, – ответил Володя.

– Ах ты, змей ползучий! Ах ты, чукча из анекдота! – повысил голос Степа, и он протянул руку, чтобы схватить Володю за горло. И тут произошло ещё одно чудо. Неведомая сила отбросила руку Степы.

Тут мы увидели человека. Он стоял у открывшейся двери. Одежда, как и у исчезнувшего мужика. Такое же бледное лицо.

– Ах ты, стручок бледнолицый! Он меня ещё и гипнотизирует! – крикнул Степа.

Неведомая сила подняла Степу на один метр. Степа округлял глаза. Лицо его стало багровым. Он только мычал. Мы смотрели на бледнолицего человека. В глазах его любопытство и веселость.

– Слушай ты, сморчок бульенный, – закричал Кирьян. – Отпусти нашего друга, а то мы здесь такого наколбасим, что черти в аду вздрогнут. Отпусти, говорю, незрелая сыроежка!

– Зачем, однако, ругаешься, сморчок бульенный, – ответил человек. Голос тонкий, пронзительный.

– Робот? – спросил Кирьян. – Всё повторяется. Они будут повторять за нами словно попки. Ты робот?

– Робот хрен бледнолицый, – повторил человек.

– Гражданин, пожалуйста, не говорите эти слова. Они поганые. Тьфу! Слова эти не очень хорошие, – ответил я.

Кирьян заскрежетал зубами. Прохрипел:

– Поганка лесная. Ублюдок. Я тебе покажу, как дразниться, недоделок.

– Много слов не понимаю, – ответил бледнолицый. – Слова поганые? Бульенные морды, однако. Вы из соседнего мира. Много непонятного в вас, сыроежки бледнолицые.

– Слушай, хмырь узкозадый, ты мысли мои читаешь? – спросил Кирьян. – Мог бы, чёртов потрох и культурные слова изъять из нас. Я бы мог тебе лекцию прочесть из нашего мира. Такую бы речугу толкнул, обхохочешься. Отпусти на землю нашего товарища, а я тебе твои лупяные зенцы на твою бледную задницу

натяну. Вы все здесь такие выпендристые? Я пока с тобой культурно беседу веду, могу и разозлиться и тронуть, как следует.

Степа опустил на землю. Глаза его осатанели, губы дрожали.

– Мужики, он мне речугу в мозги впаривал. Вроде понимаю слова, а понять не могу. Культурный шибко. Что-то о нашей низкой культуре молот.

– Вы бы, гражданин хороший, толком объяснили, кто вы и что вы? – спросил Олег.

– Что он мне о культуре балабонил? – возмутился Степа. – Попросил бы меня, и я бы тоже мог быть культурным.

– Да, помолчи ты! – возмутился Кирьян. – Помолчи хоть немного. Я с ним хочу культурно побеседовать. Он нас считает совсем бескультурными. Мы ведь тоже кое-где были. Конечно, мы в нашем мире, народ грубый, неотесанный. Это факт. Можем, и культурно побеседовать. У нас ни одного дня без войны, грабежи, убийства. Даже столетняя война была. Ты не смотри, интеллигент сраный на то, что можешь человека поднять, а то всей сворой твой бледный пятачок почистим, чёртово вымя.

Пока говорил Кирьян, у человека всё более вращались глаза. Потом он перебил секретаря.

– Стойте, стойте, чёртово вымя! У меня нет пятачка! И вымя нет. Ну, и язык! Проходите! А Степа подумал, что надо пройти, в чёртово логово.

– Спасибо за приглашение, – ответил Кирьян. – Хотя мы тут собрались и придурки, но уважение должно быть с вашей стороны. Кха. Кгм. Этово, тово...

– Мы ведем себя вежливо и никого пока не трогаем, – сказал Степа. Подгузников перебил: – Подожди ты болтать здесь о сраной вежливости! Не время говорить о вежливости! К чёрту её. Видишь, как они нас принимают? О вежливости с ними говорить? Сейчас. Веди нас в свою берлогу ублюжью, срань беломордная!

По прозрачной дорожке мы подошли к открытой двери. Теплиц и огорода не было.

Мы вошли в дом. Стены из прозрачного материала. Сквозь стены всю округу видно, а вот с улицы ничего не видно. Какое счастье! Ковров и дорожек и прочей мещанской дряни – нет.

Из стен выдвинулись кресла. Мы сели. От стены выдвинулся стол. Посредине стоял графин из очень тонкого и прозрачного стекла.

– Можете попить, – сказал человек.

– А что на закусь есть? – спросил Степа. Человек немного помолчал, видимо, осмысливая сказанные слова, и ответил:

– Вы подумали про водку? Это напиток. В нем находятся те витамины, какие вам сейчас требуются. Нам надо осмотреть ваше биополе, энергетику. Мозг ваш мало загружен. Такие слова. Нам очень трудно понять вас, хотя мы такие же земляне, как и вы. Выпейте и отдохните.

Мы выпили по стакану. Напиток напомнил вкус черемухи и коньяка.

– Сколько градусов эта бьяка? – спросил я.

– Градусов? Сколько градусов? Зачем? Отдыхайте.

– Нам пожрать бы, – сказал Степа. – От этого компота ни в одном глазу. И в пузе пусто, как в наших карманах.

Меня потянуло на сон. Последнее, что я увидел, как Кирьян склонил буйную голову на грудь.

Проснулся от того, что на меня смотрело несколько бледнолицых людей. И тут я обнаружил, что вся наша компания находится в огромной квадратной комнате из стекла. И сквозь стекло и смотрели эти бледнолицые. Видимо, они нас посчитали за дикарей.

– Чёртово вымя! – закричал Кирьян, и начал стучать по столу напротив бледнолицых. – За кого вы нас приняли? Оглоеды беложопые!

– Распушу переучек! – орал Степа. – Подумаешь, грамотные нашлись! Понаделали стеклянных дорог и довольны!? Суповые наборы! Бледнолицые поганки!

– Что вы на нас высторожились? – кричал Кирьян. – Откройте, бульенные морды! Таразаны поганые!

– Зарежу! Всех вас зарежу! – кричал Володя.

И только Иван, Олег, Сергей и я стояли спокойно.

– Как вы думаете, что это? – тихо спросил Олег.
– Параллельный мир. Это точно, – ответил Сергей.
– И это не мир волосатиков, – ответил я.
– Высокообразованный мир, – сообщил Иван. – Зачем они так отнеслись к нам? Всё испортили наши беспокойные друзья. Эти люди думают, что все наши люди такие крикливые товарищи. Например, я не могу так кричать. Хотя иной раз хочется крикнуть. Зачем? Что даст? Голос человека должен нести какую-то нагрузку, информацию. Мысли. То, что наши товарищи произносят бранные слова, какой смысл? Где мысли? Для этих людей бранные слова ничего не дают. Могут дать нагрузку для размышлений. Ну, например, информация о матери.

В это время Степа бил кулаком по стеклу и кричал:

– У вас тут ещё баба есть? Эй, ты, профурсетка! Бикса потусторонняя! Выпусти нас!

– От злобы, наверное, дошла до костей! – кричал Кирьян.

– Я не люблю баб околетьх! – кричал Степа. – Худоба коклюшная!

– Возможно, это далекое будущее, – сказал я.

Три друга продолжали шуметь.

– Может, навалиться всем в одно место, – предложил Олег.

– Дождаться ночи и разнести эту, как говорит Кирьян – подлянную пидэрсию и камуху, – подал мысль Сергей.

– Надо только этих гавриков остановить, – сказал я, – а то они нам всю обедню испортят.

– Товарищи, господа! – крикнул Сергей. – Внимание!

– Внимание, чёрт вас возьми! – закричал Олег. – Минуту внимания! Успокойтесь! Придет ночь, и мы ещё сообща подумаем. Неужели не можете докумекать? Этих твердолицых хотите угорворить? Чёрта с два! Они, что роботы! Погодите до ночи!

– Мы ещё им покажем кузькину мать, – успокаиваясь, проворчал Кирьян. – Дорожки понастроили, так и рыло вперед? Не выйдет! У нас тоже кое-что есть.

– Успокойтесь! – закричал я. – Не понятно? Вам предложили дождаться ночи. Разжевать и в ухо впялить?

Мужики успокоились. Кирьян даже улыбнулся.

– Это будет по нам. Впарим им мозги по самую кочерыжку. Пусть переваривают до морковкиного заговенья. Ёси-моси, а ведь это и впрямь будет для них загогулина.

– Дело мелькуете. Пусть у них мозги покарячатся, – ответил Степа.

– Я их зарежу! – крикнул Володя. Но, когда увидел, что два его друга улыбаются, стал успокаиваться.

Друзья легли на пол. Решили отдохнуть. Мы тоже легли.

– Благодать, – сказал Кирьян. – Отдохнем. Наберемся сил, и устроим им здесь такую канитель, что бледножопые вздрогнут. Успокойся, Володя.

Он тоже лег.

Ночь, в нашем понимании, не наступала. Было светло, как днем. Свет был странный, не такой, как днем. С небес лил не вредный для глаз свет. Конечно, это работали спутники.

Вокруг нашего стеклянного куба – никого. Мы стали изучать прозрачные стены. Где-то должна быть дверь, или другое, какое отверстие, куда нас всунули.

– Вот здесь они нас и пронесли, – сообщил Володя.

В одном месте можно было различить едва заметные полоски. Значит, в этом месте вход.

Степа толкнул это место, но оно не поддалось

– Проклятье! – возмутился Степа. – Вся эта канитель мне не нравится!

Всей компанией мы навалились на предполагаемую дверь, и она распахнулась.

– Уходим в лес к партизанам! – засмеялся Кирьян. – А то они нас как курей переловят. Где же этот лес?

Мы вышли наружу, и пошли по улице. Через какое-то время мы оказались на площади. Такой красоты я не видел. Фонтаны, цветы, под нашими ногами, под «стеклом», настоящие произведения искусства. Вокруг площади разноцветные дома из прозрачного материала в два этажа. Здесь нет знаменитых высоток.

На площади гуляли люди, в основном, молодежь. На них спортивная одежда из тонкого материала. Несколько человек остановились, и стали разглядывать нас, словно мы были в зверинце.

– Что высторожились? – резко спросил Кирьян. – Быстро мурло начистим!

– Темнота таежная! – сообщил Степа.

Мы прошли мимо молодых, миновали площадь и остановились. Увидели невероятное чудо. С огромной скоростью над нашими головами пронеслись – парень и девушка. Они держались за руки.

– Умереть не встать! – воскликнул Кирьян. – Вот это настоящее чудо! Как это они так? Это же великое чудо!

– Просто, они научились управлять энергией тела, – спокойно ответил Иван. – Перемещение в пространстве за счет внутренней энергетической системы. Я об этом только задумывался, и надо мной, как это положено у нас, все смеялись. А здесь летают свободно. И не надо никакой техники. Они научились считывать мысли, и строить такие города. У меня на эту тему есть трактат. Боюсь кому-нибудь показать. Засмеют. У нас над любой оригинальностью смеются. Вот поэтому мы такие отсталые. Когда-то за оригинальность мыслей сбрасывали со скалы, сжигали на кострах, забивали камнями, сажали в тюрьму, в лагерь. Сейчас у нас засмеют, или так тебя встретят бюрократы, что пройдут годы, чтобы что-то продвинуть в свет. Я понимаю товарища Подгузникова. Он всю свою сознательную жизнь служил марксизму, своей безбожной партии. Он привык отвергать всё то, что не отражало сущность идеологии партии. Безбожие и всё новое, в таком вот плане, отвергалось и высмеивалось. Народ, одурманенный вашей идеологией отрицания, как стадо овец, был послушен и шел за вами. Всё непонятное партии – отрицалось и высмеивалось. Если кто пытался вырваться из плена вашей идеологии, то подвергался гонению. И, конечно, его считали врагом партии и советской власти. Таких клеймили – дурак. Такие вот дураки и придурки перед вами – Иван Иванов, Юрий Стрелов, Олег Битна-Шляхта, и примкнувшийся к ним Сергей Чемулаев.

– А я кто? – грозно спросил Степа.

– Ты был ни с теми, ни с другими. И таких людей тоже масса.

– Хоть я и такой, и то ладно. Изобразили себя пупами земли.

– Вот и весь факт, – развел руки Иван. – Вот так к нам относились. Товарищ секретарь, засмейся. И тогда будет полный порядок.

– Ты говори, да не заговаривайся. А то ведь я не посмотрю, что ты философ, могу и накостылять, – пригрозил Кирьян.

– Это уже лучше, – засмеялся Иван. – Полный набор. Вам, Кирьян Аполлинариевич, не стыдно? Теперь-то вы уж должны знать, что это была сущая правда.

– Ну, ну, хватит, – затряс руками Кирьян. – Хватит. Раздухарились. Конечно, всё, правда. Чего уж.

– Лучше вы посмотрите на молодежь, – сказал Олег. – Как она здорово отличается от нашей молодежи. Какие они все культурные. Не курят, не пьют из бутылок пиво. Да и мы недалеко ушли от нашей молодежи.

– Какой стыд, – сказал я. – Показали мы себя настоящими дикарями. Нам только и посещать мир волосатиков. Как они там? Короче. Надо, мужики, нам бежать. Мне, кажется, нас сюда специально. Посмотреть этот мир и сравнить с нашим миром. Вы заметили, какой здесь воздух? Чистота. И никаких труб. Можно и остаться, но они держали бы нас, как дикарей, в стеклянном квадрате. Достукались. Сюда отправить бы на экскурсию наших всех правителей. Нам-то что показывать?

Мы шли к последним домам города. За нами пока не гнались. Тут мы увидели что-то похожее на автомобиль. Он медленно катился навстречу нам. Машина сделана из того же материала, что и тот куб, из которого мы вырвались. Машина низкая. Главное, без звука и выхлопных газов.

На сидениях два человека. Когда они проезжали мимо нас, то я заметил, что не было баранки и переключателя скоростей. Не было выхлопной трубы.

Может, это роботы?

Мы вышли на окраину города. Возможно, это был парк? Чистота за городом. Странно. Мы шли между деревьями, и поражались чистотой. Вышли к озеру. На пляже мы не увидели при-

вычного мусора, бутылок, банок из-под пива. Чудеса! И тут к нам подошли два человека. Один из них очень медленно сказал:

– Не бойтесь нас. Бульенные морды. Что это такое? Мы еще не привыкли к таким вашим словам. Не знаем их обозначения.

Было видно, что он подбирает слова.

– Вы плохо думаете о нас.

– Как о вас думать, если посадили нас, как дикарей в стеклянный квадрат, – ответил Сергей.

– Степа. Так вас звать. Кирьян. Много говорят непонятных слов, выражений. Вспоминают мать. Мы понимаем, что вы должны любить мать, но вы о ней говорите плохо.

– Ах ты, кочерыжка! – прохрипел Степа, сжимая кулаки. – Я и мать свою не помню. Что они в моей башке ковыряются? Ах, вы, мухоморы поганые! Чо стоишь, как обмен! Чо вылупился, как кролик на капусту?

Подгузников перехватил его.

– Охолонь. Они изучают нас. Пусть изучают. Лишь бы за стекло не посадили. Мы для них настоящие дикари. И это правда.

– Ты покрасней ещё, – огрызнулся Степа.

– Конечно, эти бульенные морды шибко из себя умными корчат, – тихо проворчал Кирьян. – Мы сами можем быть культурными. У меня дома большая библиотека! Конечно, они не имеют право над нами изгаляться.

Действительно, у Подгузникова большая библиотека. А толку? Он ничего не читал. Когда его избрали секретарем райкома партии Туманского района, он в книжном магазине закупал книги, какие попадались под руку. Даже на одной из полок стояли книги на непонятном языке. Обложка красивая. Кирьян говорил:

– Читать-то я не люблю. Но, понимаешь, я, всё-таки, первый секретарь Туманского района. И у меня должна быть богатая библиотека. Надо же! Столько писателей, этих пачкунов, расплодилось! И пишут проклятые и пишут. Теперь вот бери всё. Тьфу, мать их за ногу этих пачкунов!

Надо сказать, что мне этот секретарь нравился. Он был прост с народом, потому что сам вышел из глубин народа. Заочно окончил Высшую Партийную Школу. Научился перед зерка-

лом много и непонятно говорить, ну, как все профессиональные лекторы. А вот, когда он был на рыбалке или на охоте, он становился на одну ногу с любым рабочим. Вот и в другом мире он с удовольствием включился в роль такого вот человека. Мы с ним в нашем мире были в хороших отношениях. Он всегда защищал меня от расправы, какую готовили мне мои руководители. Как-то он сказал мне:

– Юрка, как мне порой надоедает этот галстук, эта должность, все эти беспутные и бестолковые речи. Все, Юрка, это пустышка. Куда мы катимся? Докатимся. Но играть надо. Все играют, и я играю. Коммунист. Нельзя. Терплю.

А когда его попросили покинуть место секретаря, да ещё отбрали партийный билет за организованные попойки, то он с облегчением сказал мне:

– Ну вот, Юрка, и я с тобой сравнялся. Галстук долой. Теперь хоть кого хочешь, особенно подлого человека, могу послать куда надо. А набор слов у меня такой, что я и без мата, за милую душу отчищу. Господи, как хорошо! Какая наступила легкость!

Вот такой был один из моих друзей.

– Стыд, ведь, какой, – стонал я.

– Так они нас за дикарей держут! – возмутился Степа. – Мы ведь тоже умные! Что высторожился, как заголын таежный.

К нам подошел ещё один бледнолицый. Он сказал:

– Мы хотели с вами познакомиться, мать вашу.

Оба человека были бледнолицые и худые.

Первый бледнолицый сказал:

– Мы знаем ваши имена. И откуда прибыли тоже знаем. Меня не бледнолицый звать, а Кока, а его Вето. Не путайте наши имена.

– Откуда вы знаете о нас? – спросил Олег.

– Мы всё объясним. Сейчас вам надо немедленно ехать с нами. Ученый совет не разрешает вас отпускать. Вы должны находиться в научной лаборатории. У вас странные выражения, ядрена вошь. Вы сбежали. Вас поймают и доставят на место. Нам бы не хотелось этого. У нас другой метод контакта с существами из другого мира.

– Стыдобышка, – продолжал стонать я.

– Где мы находимся? – спросил Сергей.

– Если вы не боитесь, то мы вам предложим поездку в кузькину мать. Странно. Почему в кузькину? В одно место. Там и поговорим. Надо улетать всем нам. Вас могут вернуть. Нам не хотелось этого делать. Станные у вас выражения. Садитесь и ничего не бойтесь.

К нам подкатила прозрачная машина.

– Мы не испугались, – ответил Степа. – Мы бы здесь многое что разнесли. Не будем вас трогать. Садимся, друзья.

Мы влезли в машину. Удобные сиденья. Машина неожиданно оторвалась от земли, и с огромной скоростью устремилась над лесом.

Летели мы минут пять. Машина приземлилась у небольшого дома похожего на добротный деревенский дом из нашего времени. Вокруг никаких строений.

– Где город? – спросил я.

– От того города, где мы находились, пять тысяч километров.

Мои друзья издали звуки удивления.

– Умереть не встать, – воскликнул Кирьян. – Ёси-моси. Вот тебе и кузькина мать, понимаешь, чёрт возьми!

– Такое невозможно! – заявил Сергей.

– Комедь моей матушки! – крикнул Степа. – Такой дом. Но, это ведь не наш мир! Как такое возможно! Дом из нашей русской деревни!

– Это наш мир, – ответил Кока. – Мы перемещаемся в пространстве при помощи космических волн и солнечной энергии. Пройдемте в дом. Там вас не засекут волны от лаборатории.

Порог из трех ступенек. Как у меня в домике за городом. Открылась деревянная дверь, и мы вошли. Обстановка скромная. Единственно, что меня насторожило, так одна стена была белой, как снег, и гладкая, как стекло. Вдоль трех стен стулья, посреди-не стол с самоваром.

– Словно попали в наш мир, – сказал я.

– Эта обстановка взята из вашего мира, – ответил Вето. Он встал у белой стены. Кока сел в углу. Кока высокий и худой, Вето маленький и толстенький.

- Где мы сейчас, чёрт бы вас подрал?! – воскликнул Кирьян.
- В другом измерении, – ответил Кока.
- И чего это так? – спросил Кирьян.
- Хозяева пригласили нас сесть, что мы и сделали.
- Сейчас вас ищут, – сказал Кока. – Даже могут подумать, что вы вернулись в свой мир.
- Как вы знаете наш мир? – спросил Олег.
- Не могу сообразить, – тихо сообщил Володя. – Голова у меня на боку. Шибко не могу понять.
- Мы проникаем в ваш мир через энергетические каналы. В вашем измерении вашего мира очень мощная энергия.
- Хорошо, хорошо, ядрена корень, хорошо, – перебил Кирьян. – Как вы знаете наш русский язык?
- Мы его не знаем. Хотя и знаем. Мы разговариваем с вами энергетическим языком.
- Как это? – спросил Кирьян. – Опять выпендриваешься? Ты мне дуру не гони! Откуда знаешь язык?
- Мы разговариваем с вами, какой бы национальности вы не были. В каждом из вас есть энергетический план. Он связан с мозгом. Мы беседуем с вами при помощи энергии. Мы пробуем изучить ваш язык. Русский язык очень сложный язык, особенно его выражения чувств вашего человека. В общем-то, он нам не нужен. Мы говорим с вами через ваш мозг.
- Я открываю рот и говорю и отвечаю, – сказал я.
- Вам так кажется. В это время у нас с вами не работают голосовые связки. Открываете рот. Вы нас слышите через чувства. Слух ваш не в ушах в это время. Он внутри вас. Попробуйте не открывать рот, и не слушать.
- Я решил не открывать рот, и не слушать, но в меня проник голос Вето.
- Вот видите, мы с вами можем вести беседу. Не открывая рта и не произнося ни одного слова, – сообщил Кока. – Я недавно был в вашем мире, и разговаривал с одной женщиной при помощи музыки. Она работает в клубе.
- На какой хрен вы ползаете в наш мир? – услышал я в себе голос Степы. Я посмотрел на него. Он не открывал рта.

– Значение многих ваших выражений мы не знаем, свинячьи хвосты. Так сейчас выразился Степа. Почему мы хвосты? Мы – люди. Но не хвосты.

– С какой целью вы к нам проникаете? – спросил Кирьян. – Мы можем и культурно выражаться. Мы цивилизованные, понимаешь, люди. Вот так.

– Вы, товарищ Подгузников, спрашиваете нас, зачем мы проникаем в ваш мир? Очень просто. В вашем мире, воинственном и злом, залегает огромная энергия. И потом. Надо же знать, кто ещё живет на нашей родной планете в других измерениях. Разве вам было бы не интересно узнать, наладить контакт, кое-чему поучиться, кое-что перенять? Разве не так?

– Не так. Наши бы политики, военные скрыли бы всё от народа. И стали бы вас настраивать, чтобы вы помогли уничтожить ту или иную страну, – ответил Кирьян. – Видите, как я могу говорить с культурным человеком.

– Откуда вы знаете, что так бы произошло? – спросил Вето.

– Я хорошо знаю наших политиков и военных.

– Это ведь страшно, – сказал Кока.

– Страшно. И не лезьте к политикам и военным, – спокойно ответил Кирьян. – Вы лучше налаживайте контакт с учеными. И не с теми, кто изобретает разное оружие против человечества, а с учеными, кто изучает космос. Изучайте, приглядывайтесь.

– Мы, как вы выразились, приглядываемся к некоторым ученым, – ответил Вето.

– Вы хорошо говорите, хотя и через наше чувство, – сказал Кирьян. – Наш язык удивителен.

– Много непонятного.

– Мы были в других мирах. Там тоже во многом нас не понимают.

– Кирьян насобачился говорить! – воскликнул Степа. – Мононы несчастные! Бледнолицые сыроежки! Что ты, Кирьян, с ними лопочишь? Мы ведь для них дикари!

– Стоп! Стоп, ребята! – крикнул Сергей. – Молодец, Кирьян Аполлинариевич! Ведь Кока и Вето правы. Ни с одним миром у нас нет ладу. Кто мы, как не дикари? Посмотрите на этот мир. И какой наш мир. Сравните. У нас постоянные войны. Одна нация

крошит другую. Наш мир полыхает в огне. Здесь мир и спокойствие. Вам и здесь нужна война? Вот тогда вам хорошо будет. Вы этого хотите? Ну?

– А что они выкаблучиваются? – стал успокаиваться Степа.

– Они правы. Нас трудно понять. Мы представители нашего мира. Чуть не по нам, мы идем в драку, – поддержал Сергея Олег. – Кто не понял, в ухо. До каких пор? Надо согласиться. Мы для этого мира настоящие дикари.

– В ваших выражениях много непонятного. Посещаем ваш мир, особенно Россию, и не можем привыкнуть к странным выражениям, – сказал Кока. – Никакие русские словари не помогают.

– Всё это для связи слов. Русский язык весьма богатый. Сейчас мы вам покажем со Степой сценку из русских мужиков. Два мужика хорошо выпили, и стали друг другу доказывать, что кто-то из них не довентил крутку. А мужики-сантехники оригинальный народ насчет мата. Сейчас мы вам устроим настоящий русский мат. Давай, Степа.

– Это мы можем, – улыбнулся Степа и потер руки. – Киря, оловянная твоя тыква, куда девал газовый ключ. Он мой, а ты его потерял.

То, что я услышал, это был, действительно настоящий русский мат. Многие мужики для связи слов произносят мат из десяти простых слов, восемь из русского мата.

За это время Кока и Вето всё более бледнели, глаза бешено вращались, видимо, не в состоянии переварить русские выражения, приправленные отборным матом. Они повалились на пол. Пришлось прекратить издевательство.

– Мы только начали, – сказал Кирьян.

– Как я соскучился поговорить по-нашему, по-русски, – отозвался Степа.

Мы привели Коку и Вето в чувство. Отхлестали по щекам.

Они встали. Потом Вето посмотрел на меня и спросил:

– У вас тоже много выражений, но в ваших словах нет мата. Почему?

– И ещё странно. У вас самое маленькое образование из вашей команды. Вы из рабочих. И были даже преступником. И почему в ваших словах нет мата. Почему? – спросил меня Кока.

– Не знаю. С детства не любил мат. Грубостей у меня много. Это так. Я без мата могу найти нужные слова и выражения. У меня вопрос. Как вы попадаете к нам? И почему вы не идете на контакт хотя бы с учеными? От нашей команды никакого толку. Что, например, взять от меня? Ничего. Что толку от меня? Я лично отвечаю за себя. Да и каждый из нас скажет эти слова. Мы другие. Мы солдаты вселенной. Наше дело воевать за правое дело. Помочь людям, например, вырваться из рабства, найти лабораторию и уничтожить её. Если грубо сказать, то мы настоящие наемники. Мы отличаемся от других наемников тем, что мы не берем денег, нам не надо богатство, роскоши. Мы боремся за идею. А идея наша такова – любопытство, помочь людям выпутаться из дерьма, приключения, бороться с темной силой, чтобы нам это не стоило. Очень просто и доходчиво я вам изложил нашу суть. Так в чем же толк от меня лично для вас? Смысл?

И вот как ответил Вето:

– Очень сложно идти на контакт с вашим миром. К нам проникают такие люди, как вы. Зачем? Не знаем. Вас надо изучать. Наше физическое тело проникает в ваш мир со своим телом. Вы есть энергетическое тело. Ваш разум при переходе в наш мир через плотное пространство между измерениями обретает физическое тело-копию. Вы находитесь не в своих телах. И нам ещё непонятны биологические частицы материи ваших тел созданных недоступными для нас разумными существами. Возможно, есть мир вне наших измерений, где и делают ваши новые тела. И эти разумные существа словно Боги. Они следят за всеми нами. И от них многое, что зависит. Мы иногда встречаемся с ними. Они не сообщают, где они живут. У них прекрасен мир. Светлый мир. И главный у них – Создатель всего сущего во вселенной. Есть ещё такие измерения, куда переселяются души умерших людей. И там идет отбор по грехам каждого человека. Вы в том мире были, и видели давно и недавно умерших людей. Там, где живут те, кто посылает вас в разные измерения, есть светлый мир. И он никому из живущих людей недоступен. Туда можно

попасть только после отбора. Может, это и к лучшему, что тот мир недоступен. Например, ваш мир агрессивный, неустойчивый, отсталый. И вы это хорошо знаете. Есть у вас горячие головы, которые готовы всех уничтожить. Как можно ваших военных и политиков допустить в другие миры? Они начнут сразу строить границы, искать верных и неверных. Разделят другой мир по национальностям и верам. Ваш мир напоминает мне варваров из древних времен, только окультуренных варваров. Нам не нужны в нашем мире ваши ученые, что изобретают разные оружия, ваших агрессивных религиозных фанатиков. Не надо нам ваших министров, губернаторов, мэров и президентов. Особенно нам не нужны ваши миллиардеры, обворовавшие вашу страну. Нам не нужны и ваши продажные журналисты, которые воспевают богатых людей, защищают миллиардеров от суда, воспевают прошлых царей в вашей стране. Не нужны нам и адвокаты, защищающие миллиардеров от суда. Все эти люди не нужны и в других измерениях. Им вольготно только в вашем мире. Народ ваш живет в нищете, а миллиардеры ещё более богатеют. Разве так можно? У вас был мировой кризис в 2009 и 2010 годах. И что? Ваше правительство пустило слезу и помогло миллиардерам, в общем, самым богатым. А пенсии за этот год не повысили. Хотя повышение было запланировано. Вот так вы и живете. Ваше правительство помогает только богатым. Ваш мир развратен до беспредела.

– Проникая в наш мир, вы считываете мысли наших людей? – спросил Олег. – Ловко!

– Как всё можно узнать о вашем мире? – спросил Кока.

– Вы нарушаете конституционные права человека! – возмутился Кирьян. – Какое вы имеете право ковыряться в мозгах человека, если он этого не желает?

– Отвечаем. Мы друг у друга мысли не читаем, – ответил Вето. – У вас можно. От вас всё можно ожидать. В вашем разуме, как вы правильно выражаетесь, чёрт ногу сломает. И ещё. Вы – существо из другого мира. И мы обязаны говорить с вами на энергетическом языке, через ваши мысли. Это хорошо, что мы вас доставили сюда. Такой же дом, как и в вашем мире. Обстановка ваша. Если бы вы остались в городе, то вас бы разложили

на мельчайшие части. Познать вас. Вряд, чтобы вышло. Пробовали. Только начинали изучать ваше тело, как такие же люди, как вы, исчезали. Наши ученые живут надеждой, что раскроют секрет ваших тел.

– Ёси-моси! – воскликнул Кирьян. – Вы всё знаете! Я бы ваших ученых в бараний рог бы согнул! Что захотели! Разложить нас! Ах вы, сморчки-поганки! – И Кирьян разразился отборным русским матом. Его поддержал Степа. Володя заскрипел зубами, и готов броситься к бледнолицым.

– Признавайтесь мать вашу! – кричал Кирьян, – что удумали? А то мы вас ещё более ухуддим!

Сергей встал и закричал:

– Уймитесь! Мы договорились всё выслушать!

– Змеи ползучие! Что удумали! Нас на части разложить! – кричал Кирьян. – Я вас сам разложу, как вермишель!

– Разве нас не разложили на части, когда мы появляемся в другом мире? – спросил Олег.

– Сравнил! – отозвался Кирьян. – Там я иду добровольно. Здесь хотели нас силой распечатать!

Кока и Вето ещё сильнее побледнели. Глаза готовы вылезти из орбит. Бедные мужики. Они тряслись.

– Я вас трясогузки моченые распушу! – орал Степа.

Мы бросились к Кирьяну и Степе, и стали их успокаивать.

– Злые моржи! Зарежу! – закричал Володя.

– Хватит! – повисил голос и я. – Хватит! Сами вы бульенные морды! Загалдыны таежные. Эти бледнолицые сморчки короткохвостые виноваты? Система у них такая. Нам надо выслушать и понять. Что им надо от нас? Вот и весь базар. Постыдились бы! Эти два бледных прыща спасли нас, и притащили сюда. Так давайте выслушаем их, этих потусторонних хмырей. Вопросы зададим. Пусть ответят. Они нам какое-то кино собрались показать, так пусть показывают. Как они пойдут с нами на контакт, когда мы здесь такое устроили. Стыдно, товарищи, стыдно.

Мужики стали успокаиваться.

– И то, правда, – прогудел Кирьян. – Что это с нами? Конечно, обидно. Они из себя корчат, чёрт знает что. Мы для них букашки. Козявки. Пыль. Не уважают нас.

– Факт, не уважают, – поддержал Степа.
– За что вас уважать? – спросил Олег.
– Ах вы, милые уважатели, действительно, постыдились бы, – сказал Иван. – Кто мы для них в эту минуту? Люди из средних веков. Возможно, и раньше. Мы есть бессознательные букашки по отношению к этому миру. Да и по отношению других цивилизаций, кроме волосатиков, мы есть отсталые элементы. Сравните. Наш мир. И мир этой цивилизации. И они правы. С нашим миром нельзя вести никаких переговоров. То, что мы сюда попали, то мы не ученые, а бродяги вселенной, настоящие наемники, как правильно сказал Юрка Стрелов. Но, в наших мозгах заключается вся информация о нашем мире. А теперь мы вносим информацию и в этот мир. И я горжусь этим. Я есть носитель информации! Я – библиотека, компьютер и прочая техническая штука несущая мысль для других цивилизаций. Это ли не счастье! И я горжусь, что я путешествую в другие миры. А вы, товарищи: Подгузников, Клубков и Тымневакат лезете со своими кулачищами на тех, кто списывает вашу и мою информацию для познания нашего мира. Разве это не счастье? Да пусть даже мы не будем помнить себя, когда появимся в нашем мире, какая разница в этом? Я сейчас себя знаю. И я нужен в других мирах. И пусть нас изучают на здоровье. Вот ещё для чего нас отправляют в другие миры. Сразу открыться? Что тогда произойдет? Можно только представить. Только нужна постепенность. Через вот таких оболтусов и придурков, как мы. Их задача познать наш пылающий мир. И мы, как говорит Юрка Стрелов, профессиональные придурки, оказываем ещё помощь в освоении мира других цивилизаций для будущих контактов. Подойдет время, когда все измерения соединятся в одно главное измерение. И даже мертвые соединятся с живыми.

– Вот это отмочил, ядрена корень! – крикнул Кирьян. – Говорил, как по писаному. Как я понял, что все мы, вот эти придурки, настоящие герои? Это уже другой коленкор. Другой раз бывает обидно. За бессознательную обезьяну нас принимают, понимаешь.

– Я тогда кто? – спросил Володя. – Ты настоящий герой, а я дурак?

– Все мы придурки. Но в тоже время, мы настоящие герои. И ты, Володя герой.

У Володи стала расширяться тощая грудь. Он заулыбался.

– Однако, мы шибко герои.

– Какую кинушку вы будете нам казать? – спросил Степа.

И тут в мою голову ворвались слова Вето.

– От вас шла огромная энергия агрессии. Наши приборы приняли вашу энергию. Отсеют агрессию, а энергию оставят. В накопитель войдет. Агрессия, что идет от вас, разрушает в наших телах биологические клетки, уничтожает кровяные тельца, увеличивает приток белых телец.

– Мы видели, как вы ещё больше побледнели и затряслись, – ответил Сергей. – У вас нет защиты от нас?

– Нет. Зачем? Очень редко попадают от вас такие люди, как вы. У нас бояться вашего мира. Мы знаем, что какие войны прошли у вас. И сейчас у вас постоянно воюют. Везде взрывают машины, дома. Зачем? Весь ваш мир, это огромный аквариум зла.

– Это правда, – ответил я. – Огромная мировая зона. Мы все находимся за колючей проволокой. Границы, таможни. Я против всего этого. Я побывал в нескольких измерениях, и нигде нет границ. Только они есть в нашем мире. И придумали всё это наши правители.

– Узнаю коммуниста-анархиста Юрку Стрелова, – засмеялся Кирьян. – Когда я был секретарем района, то тебя все так называли. Никого не слушал, никому не подчинялся. И был постоянно в борьбе с начальством, против советской власти. Тьфу! Понесло! Товарищи Кока и Вето, разве у вас нет границ? Или есть?

– Ничего этого нет, – ответил Вето.

– Есть мир технической зрелости, – ответил Кока. – Они строят корабли, которые проникают с космической скоростью через пространство внутри наших измерений. Проникают через тонкую оболочку, в основном, к вам. Они берут у вас энергию. А вы эту энергию не чувствуете, потому что вы ею сами полны.

– Они не желают идти с нами на контакт, – сказал Олег.

– Конечно. Ваши политики и военные сразу бы стали добиваться секрета таких кораблей. Если бы они попали в руки терристов? Их в вашем мире всё больше и больше. Ими руково-

дят темные силы. Во главе некоторых государств у власти стоят люди с душой террористов.

– Значит, вы попадаете в параллельные миры? – спросил Сергей.

– Нет. Мы уже вам говорили, что в светлый мир мы не можем проникнуть. Он для нас недоступен. Это не для нас, – ответил Кока.

– Ваш мир хотя и воинственный, но самый пугливый, – сказал Вето. – Появиться перед вашими людьми нельзя. Начинается паника. И мы стараемся с вами не идти на контакт. Многие ваши люди, обладая мощной энергией, пытаются лечить людей. И на этом стали наживаться. Это великий грех.

– Откуда вы знаете, что они наживаются? – спросил я.

– Через ваши мысли.

– У вас не наказывают тех, кто ковыряется в мыслях других людей? – спросил Степа.

– У нас стоит ограничитель личных тайн.

– Вдруг появится бандит, шпион? – спросил Володя.

– Таких людей у нас нет, – ответил Вето. – Это у вас сплошные бандиты и шпионы. У нас не подслушивают друг за другом.

– Ёси-моси! Вы нас, зачем окучиваете? – спросил Кирьян. – Мы для вас скот? Как можно вести с вами переговоры, если вы всё про нас знаете!

А так, как Кирьян говорил простые слова с матом, то бледнолицые совершенно окосели.

– Мы вас спокойно спрашиваем, заячьи уши! – заревел Степа. – Что вы ковыряетесь в моей башке? Пока мы вас культурно спрашиваем. Вас не трогаем. Кто мы для вас? Пробирочники? Кто мы для вас?

Ответил Кока.

– Вы есть люди. Только...

– Что только? – спросил Степа.

– Мы есть полные дикари? – вкрадчиво спросил Кирьян.

– Резать надо, – сказал Володя.

– Послушайте хоть ответ. Почему вы такие нетерпеливые? – ответил Вето. – Вы люди. Но очень отсталые. Ваш мир очень отстал от нашего мира. Все мы появились в одно время. Ваш

мир злобный и воинственный. И в этом ваша беда. Ваш мир катится к катастрофе. Наши ученые рассчитали, что в 2062 году на планету обрушится комета. Огромная волна сметет многие ваши страны. Над планетой будет летать смерч, уничтожая всё живое. Но, это может и не произойти. Нашу планету, особенно ваш мир, ещё с древности посещали инопланетные существа. Некоторые из них уже прилетели пока ещё в качестве роботов. И поселились в соседнем мире. Они свободно попадают в ваш мир. Пытались попасть к нам, но мы их отразили. У них есть план. Захватить всю планету со всеми измерениями. Они и представители темных сил соединились. Нашли общий язык. Они входят в организм ваших людей. Эти существа умело шепчут вашим правителям и многим людям, что надо делать.

– Не вы ли с ними за одно, свинячьё потроха? – хрипло спросил Степа.

– Нет. Мы не с ними. Вы сами себя погубите, – ответил Вето.
– Когда-то и наш мир полыхал в войнах. Потом мы победили зло. Против кометы можно найти средство. Мы бы вам помогли. А вот с этими пришельцами вы должны сами справиться. И мы могли бы вам заодно помочь. Но вам не до нас. У вас много земных проблем. Вы оснащаете армию современным оружием. Против кого? Против таких же людей, как и вы. Ваш президент Медведев прямо сказал, что армию надо оснащать. Всё для неё. После Медведева пришел другой президент, Путин. Все одинаковые. И другие ваши президенты тоже захотят вооружиться лучше прежнего. Вот вам и наш ответ. Как с вами договариваться?

– Нам бы хотелось вам кое-что показать, – сказал Кока. – Но вы постоянно шумите, и не даете нам показать вам то, ради чего мы вас сюда привезли.

– Дорогие товарищи земляки, – обратился Олег. – Можно хоть немного помолчать? Нам кино будут показывать. Разве не интересно?

– И то, правда, – сказал я. – Требуете к себе уважения, а сами никого не уважаете. Пусть показывают.

Мужики успокоились. Мы стали рассаживаться.

Какое-то наваждение

На белой стене возник чужой мир. Огромное поле, и на нем шло сражение. Похоже на наш мир. В двух кадрах увидел кого-то знакомого. Конечно, показалось. Заросший детина с оскалом белых зубов. Всё-таки, наваждение. Спросил:

– У нас тоже такие фильмы есть. Зачем нам это?

– Это не фильм. Реальность, – ответил Кока. Все в голос спросили:

– Как реальность?

– Мы давно путешествуем во времени. Наша наука достигла такого, что вашей науке потребуется много лет, если вы не перебьете друг друга. Такое произошло в соседнем мире.

– В мире волосатиков?

– Нет. Это не пример. Тот мир, что исчез, мог бы быть прекрасным, но там поселился злой дух. Ещё много причин. Этот мир был таким же, как ваш мир. Постоянные войны религий. Там, где начинается спор между религиями, там возникают войны. Самоуничтожение, – говорил Кока. – Они сами разрушили свой мир. Там сейчас селятся пришельцы-завоеватели. Сейчас мы вам покажем наше прошлое. Оно было таким же, как и у вас.

Один всадник скакал прямо на нас. Растворился.

– Он мог выскочить сюда? – спросил Олег.

– Не мог он сюда выскочить, – наконец-то, улыбнулся Кока.

– Сейчас он продолжает скакать по степи, – сказал Вето.

Кирьян встал и решил потрогать стену, но его остановил Кока.

– Стойте! Вы могли переместиться в наше прошлое и оказаться на этом поле!

– Может, нам хочется испытать такое вот, – ответил Кирьян.

Мы все подошли к стене.

– Не делайте этого! – последнее, что я услышал, потому что мы шагнули в стену. Тут же мы услышали ржание лошадей, крики воинов, звон металла. Мы стояли в метрах трехстах от битвы. Два всадника подъехали к нам и что-то стали говорить.

– Ты мне брось лопотать, – ответил Кирьян. – Ты мне по-русски толкуй. Что тебе надо огрызок из прошлого?

Всадники поскакали к лесу.

– Видимо, какие-то посыльные, – сказал Олег. – Мы им зачем?

И тут мы увидели, что из-за леса выкатилась конница и помчалась в нашу сторону.

– Они раздавят нас! – крикнул Сергей.

– Нам надо шагнуть навстречу. Там, кажется, стена, – предложил Олег. Он шагнул, и тут же исчез. Мы последовали за ним, и оказались в комнате.

– Разве так можно? Как так можно? – возмущенно сказал Кока. – Вас не для этого направили сюда!

– Может, и для этого, – ответил Кирьян. – Мы в не таких переделках бывали и ничего. Вот мы. Мы устраивали целые битвы!

– Понятно. Вы настоящие воины. Но это конница!

– Зачем нам эта камуха? – подозрительно спросил Степа.

– Вас не переубедить. Давайте лучше смотреть наше прошлое. Такое происходило две тысячи лет назад. Оно похожее на ваше прошлое. Копия.

– И когда вы брызнули в сторону? – спросил Кирьян.

– Около двух сотен лет прошло с того счастливого начала, – ответил Кока.

Битвы, резня, вымирание городов от страшных болезней. Такие кадры быстро проносились перед нами.

– Наш мир шел к катастрофе, – говорил Вето. – И у нас появилось оружие массового поражения. Правители государств, друг перед другом изощрялись в словоблудии. Появились террористы, как и у вас. Одни люди наживались на войне, другие беднели. Правители и государственная дума издали указы о запрещении забастовок. Наказывали выступающих. Вы такое прошли. Вам знакомо. Мы на стороне ваших защитников природы.

– У нас таких людей считают изменниками родины, – сказал я. – Были у нас такие товарищи Пасько и Никитин. Их вся страна знала. Сейчас стали о них забывать и не писать о них. Потому что всем военным невыгодно. Как сбрасывали всякие военные отходы в океан, так и сбрасывают.

– Мы знаем. Из наших людей были на том суде. Этих прокуроров и судей, что судили Григория Пасько, надо было судить. Получилось всё наоборот, – сказал Кока.

– Я тоже на стороне Никитина и Пасько, – ответил я.

– И вот наш народ восстал. У нас не было такой революции, как у вас. Ваши правители отделились от народа. Наши вожди были в народе. Ваши правители создали себе привилегии, обзавелись бюрократией. К примеру, ваша Россия губит себя тем, что со страшной силой размножается бюрократия.

– Я тут вам примерчик толкну, – сказал я. – Раз мы собрались поговорить, то будьте добры послушать меня. Дом, в котором я жил, развалился от непонятно чего. Его на плохом месте строители поставили. У меня была двухкомнатная квартира. За неё наша контора дала денег, на которые я купил однокомнатную квартиру в старом доме. Для того чтобы оформить на себя квартиру, я вынужден был собрать 17 справок. Бывшие детские сады заняли конторы. А зайдешь в них, там подобие осинового гнезда. Так и жужжат. И контор размножается всё больше и больше. Нашу страну разъедает бюрократия и чиновники. Уже захватили бюджетники здание в три этажа. Бюджетные халявщики. Ещё требуют повышения зарплаты. Есть у нас такой бюрократический департамент. Я туда справки на квартиру представлял. Там издеваются над нашим братом, как хотят. Каждую буквочку чуть ли не под микроскоп смотрят. На всех их надо натравить такого начальника, каким у нас был директор комбината Беликов. Был на комбинате отдел по проверке документов. Отдел этот был от местного КГБ. Тоже всякие справки собирали. Всё у заведующей секретным отделом считалось под секретом. Даже обыкновенные мостовые краны, задвижки у сантехников были засекречены. До того дошло, что на учет поставили газовые и гаечные ключи. Вот до чего додумались секретные товарищи. Мало ей было двух людей. Запарилась бедная. Работала бы до пенсии и помалкивала, а она пошла к директору, требовать, чтобы увеличили штаты. Я тогда сантехником работал. Каждую задвижку поставили на учет. Всех сантехников записали в секретный журнал. Абсурд мог бы долго продолжаться, если бы не Беликов. Он даже побледнел. Встал, да как грохнет кулаком по столу: «- Как?!

Ваш отдел бездельников ещё работает?! Ах вы, тунеядцы! Ах вы, бездельники! Ах вы, бюрократы! Черви бумажные!» В общем, разогнал шарашку. Журналы, справки, бумаги сожгли, а пепел развеяли. Всё. Нет на этих бюрократах таких людей, как Беликов. Винаваты в этом начальники, мэры городов. Мне становится страшно от расширения контор чиновниками. Куда у нас не сунься – контора. Кругом чиновники.

– Любопытный пример, – ответил Кока. – Такого безобразия у нас не было. – Он на некоторое время замолчал, а потом продолжил говорить: – Ясно вижу этот документ, где видны семнадцать подписей бюрократов. Ужас! Как вы так живете?

– Откуда вы узнали о них? – вкрадчиво спросил Кирьян.

– Вы и этого не знаете? – спросил Вето. – Всё фиксирует мозг. Это у вас издевательство над человеком! У вас любят в ваших конторах издеваться над человеком. Ваш районный департамент, как и областной совершенно не обязательные конторы. Это ваши нахлебники. Все ваши конторы съедают половину районного бюджета. Итак, по всей вашей стране. Столько у вас много чиновников и бюрократов. До каких пор вы будете терпеть эти безобразия? Не понимаем. Терпелив ваш народ.

Пока шел разговор, на стене менялись картины из прошлого. Под куполом огромного здания собралось много людей. Кричали, размахивали руками. И вдруг, всё исчезло.

– Дальше вам не интересно. Из глубины народа появился человек под именем Дар. Он скрывался от властей. Поднимал народ на борьбу. И народ восстал. Многие видные люди поддержали Дара, – говорил Вето. – Главный лозунг восстания – борьба за мир, за единение. У нас была одна вера. Вера в единого Создателя вселенной. Много крови пролилось. Наши предки выстояли. Потом состоялся всемирный Совет старейшин, на котором главным был избран Дар. Прекратились войны. Те правители, которые хотели продолжить вести войны, отправляли в дома для умалишенных. Их там лечили от агрессивности. Удивительно то, что во главу ваших государств избираются психически нездоровые люди. Их надо лечить от шизофрении. Они больны. Куда у вас смотрит медицина? Неужели они не видят, что этим людям нельзя доверять власть?

– Это ясно, что у власти всегда стояли шизики, – сказал Иван. – Взять хотя бы Ленина и Сталина. Больные люди. По ним психушка плакала. Хрущев был не лучше. И вся его свита, подобна ему. Югославию бомбили из-за одного человека. Ирак бомбили из-за одного человека. Это здоровые люди? Их надо было лечить в психушках, а их избрали в президенты США.

– Да, я согласен, – ответил Кока. – У всех ваших президентов неустойчивая психика. Буш-младший больной человек. Но не один психиатр не скажет, что он больной. Его надо было лечить. Нас это удивляет. Нам жалко простых людей, что вами, как правило, управляют больные люди. Бесноватый Гитлер и вся его свора, больные шизофренией. А Клинтон с его постоянной улыбкой о многом говорит. Буш-младший больной человек. Больного человека избрали на второй срок. Значит, и нация больная. Народ больной. Внимательно приглядитесь к Барак Обаме. Например, зачем Брежневу потребовался Афганистан? Зачем? Столько там положить людей! Неужели никто не видел, что Брежнев уже болел опасной болезнью? Зачем больной Ельцин приказал ввести войска в Чечню? Зачем? Много погибло молодых парней. И почему ваш президент Путин не прекратил войну в Чечне? Внимательно взгляните в его глаза. Они абсолютно безразличные к страданиям народа. Это тоже одна из форм болезни. Пусть он физически здоровый человек, но он духовно больной. В какие-то минуты его глаза покрываются дымчатой пленкой. Про таких людей говорят – кремень-мужик. Президент страны не должен быть таким. А он правит огромной страной. И сейчас он снова у власти. Опять стал президентом. Вы посмотрите на вашего Жириновского. Власть ему совершенно нельзя доверять. Вы посмотрите на всех ваших политических лидеров. Все они больны мерцающей психикой.

– К власти рвутся больные психологически, – сказала я. – Возможно, наша наука ещё не достигла того, чтобы обнаруживать у рвущегося к власти человека, душевную болезнь.

– У нас такая болезнь называется мерцающая психика, – ответил Вето. – Есть морские течения, приливы и отливы. Так и психика. Лунные фазы влияют на психологию человека, животных, на растения, на всё то, что живет и растет. Солнечная

активность. Есть ещё космические лучи. О них ваши ученые ещё не знают. И знать бы не надо. На человеческую психику они влияют очень сильно. Если научиться управлять хотя бы микроскопическим лучом космоса, то это будет самое сильное оружие в мире. Вашим ученым нельзя такое доверять. Да если ещё об этом узнают ваши психически больные президенты? Что тогда будет? И читать мысли у другого человека вам тоже нельзя. Есть в человеке ген, который отвечает за это. Мы его нашли. Мы можем свободно летать, как птицы. Вашим ученым нельзя это знать. Мы знаем, что некоторые ваши ученые попадали в другие миры, и шли они на контакт с темными силами. Мы не желаем идти на контакт с такими больными учеными.

– Мы были в стеклянном квадрате. Это для лечения? – спросил Иван.

– И это тоже. От вас лично ничего не зависит. Но этот сосуд помогает узнать всё о вашей жизни. Через него мы познаем и ваш внутренний мир вашего человека.

– Этот сосуд хорош для наших президентов и других многих руководителей, губернаторов и мэров, – сказал Иван.

– Это приемник. Продолжим. Так вот, наш председатель Совета и его команда издали много указов. Открыли школы, учебные заведения. Учеба в них бесплатная. Если только кто брал плату за учебу, того сажали в сосуд. На обзрение. И лечили от взяток. Учеба и лечение человека бесплатно. Если ваши ученые встали на одну ногу с правителями и министрами и стали изобретать оружие, машины для уничтожения человека, то у нас ученые устремились всё полезно делать для человека. Надо было развивать человека, особенно детей, молодежь. Дар и его люди сделали ещё одну революцию в душе человека.

– Памятник бы его увидеть. Какой он? – спросил Кирьян.

– У вас ставят памятники. У вас их любят. У нас памятники – дела человека. Дар был небольшого роста, незаметный. Жил скромно. Это у вас принято за правило, чем богаче человек, тем быть ему у власти. Народ у вас в нищете, а они обогащаются. Стыд и позор. У вас так устроено, чем богаче человек, тем он становится ещё богаче. Устраивают для себя большие оклады. Народ молчит. Если пойдут против власти – тюрьма. У вас за-

щищают богатых. У вас всегда защищали богатых. Мы очень хорошо изучили то время, когда у власти в вашей стране стояли коммунисты. Кто много говорил с трибун, быть ему у власти. А что было в его душе, никого не волновало. Лишь бы был предан одной партии. Сейчас у вас ещё хуже. Судили одного мужика. Он украл два мешка зерна. Осудили на три года тюрьмы. Губернаторы, мэры крупных городов строят дворцы в южных странах. Их защищает власть. Некоторые ваши люди наворовали у государства и стали миллиардерами и уехали в другие страны. Их поощряет ваша власть. Их никого не осудили. А ведь их нельзя выпустать из страны. Надо судить, и сажать до конца его дней. У вас же так делают с некоторыми заключенными. Как мы можем вести переговоры с вашими президентами и председателями правительства, если они помогают миллиардерам стать ещё богаче? Хватит о них. Их всех будет судить высший суд на том свете. Сейчас вы увидите Дара.

На экране сквозь толпу народа шел человек небольшого роста, светлый, подвижный. Дар одет в спортивную куртку, в штанах, похожих на джинсы. И, кстати, лысый. Он что-то говорил на непонятном языке, потому что мы слышали его голос. Потом он поднялся на подножку машины и продолжал говорить и размахивать руками.

– О чем он говорит? – спросил я.

– О прекращении всех войн, которые начинали правители. Надо трудиться, и что будут уничтожены все оружия. Говорит о свободе личности, о борьбе с бедностью. Открыть школы.

– У нас только об этом болтают, – ответил Иван.

– Во все края он отправлял людей. Он обладал даром проникновения в человеческий мозг. Были у него ученики. Пятьдесят лет он был председателем Совета планеты нашего мира. Не стало войн. Появилось много ученых. Люди пытались сделать вокруг не только хорошо, но и стали изучать внутренний мир человека. Мы научились избавляться от болезней, научились летать, передавать мысли на расстоянии.

– Неужели не было людей, которые шли против Дара? – спросил Кирьян.

– Были. Именно среди бывших правителей. Народ восстал против них. Было такое. Народ стал избирать своих представителей округов. Из этих округов выдвигались в центр. Дар жил скромно. Своих сподвижников заставлял жить скромно. Семья Дара жила в одноэтажном доме в три комнаты. Он постоянно был в разъездах. Памятник о нем – его дела.

– Чудные вы, – тихо сообщил Кирьян. – У нас живут по другим правилам. Против нашей жизни, как жили наши правители и многие начальники, всю свою жизнь боролся Юрка Стрелов. Он проиграл. Он думал, что в 1991 году свергнут коммунистов, и начнется светлая жизнь. К власти пришли хапуги. А ведь они были коммунистами. Мне по-человечески Юрку жалко. Кстати, а как вы к нам попадаете? На кораблях?

– На кораблях мы летаем в космос. Долго объяснять. Космос бездонный. На кораблях мы летаем по планете. Перевозка грузов. Есть у нас специальные дороги, по которым ездят машины. И там мы можем летать. Железных дорог у нас нет. Мы также перемещаемся в другие миры, в другие измерения. Здесь нужна огромная концентрация энергии. Есть отдельные участки между нашими мирами, где могут проникать специальные корабли. С ними и наши тела. Вы всё – равно не поймете. Да и зачем? Не каждый из нас может перемещаться в параллельный мир. Так же, как у каждого человека есть талант к какому-то предмету, так и здесь. Вот мы двое этим обладаем. Мы трудимся в институте земли и космоса.

– У нас могут быть такие люди? – спросил я.

– Могут. Вы заняты другим. Вам нет времени заниматься собой. У вас нет таких институтов. Например, институт мозга не занимается тем, чем мы. Строение мозга, частицы его, два полушария. Кто за что отвечает. Этого мало. Мы нашли частицу, ген, отвечающий за концентрацию мозга – подняться в воздух и летать. И вы можете найти эту частицу. Эта частица есть у всех разумных существ во вселенной. Так устроен мозг. Проникновение в параллельный мир, это тоже работа с частицей. Из вас двоих, мы бы выделили двоих, которые интересуются внутренним миром человека. Иван Иванов и Юрий Стрелов. Один засел в архивы. Изучает труды Блаватской, Бердяева, Вернадского, Бех-

терева. Другой записывает всё виденное и пережитое, анализирует, сопоставляет. Не вздумайте отступать. Это ваша основная жизнь.

– С этого места вы можете проникнуть в наш мир? – спросил я.

– Есть несколько мест на планете, откуда мы можем попасть к вам. Вот такие дома строили наши предки. Они вроде ваших дач. Нам нравится бывать здесь. Отдыхаем и занимаемся научной работой. Отсюда мы путешествуем в другие миры и в прошлое.

– В будущее можете попасть? – спросил Иван.

– Мы ещё не можем туда пробиться, – ответил Кока.

– В нашем мире были предсказатели будущего, – сказал я. – И многое, что исполнилось.

– В вашем мире этого ещё не достигли, – ответил Вето. – Прочувствовать будущее могли. Интуиция предвидения. Потому что каждый человек – это прошлые и будущие жизни. Он ничего не видит, а будущее дается информацией на современном видении и языке. Ведь есть же талантливые писатели, поэты, которые создали произведения, что многое исполняется. Но он не мог видеть будущее. Это интуиция, как бы сигнал будущих поколений из определенного участка мозга. Там заложены все наши предыдущие и будущие жизни каждого человека. Над этой проблемой мы и трудимся. Такому человеку, как Нострадамус и другие прорицатели, которым дано такое ощущение – приоткрывается информация видения будущего. Информация от будущих поколений проясняется. Порой ему даже могут казаться видения из прошлого и будущего. В таком мозгу, при помощи силы воли и концентрации на данный участок мозга, приоткрывается информация от того человека, который будет жить после этого человека через сто, пятьсот, тысячу лет. Человек, который придет после вас, ваш родной, и он вам даст информацию, не ведая, что дает данную информацию. Между вами, каждого из вас, находится информация всех поколений. Такое в людях появляется крайне редко, хотя это есть в каждом человеке. Мы пытаемся пробиться между прошлыми и будущими жизнями, пока без всякого успеха. Это позволительно только тем, кто находится за гранями измерений. Правда, мы кое-чего достигли. Проникаем

в прошлое. Вашему миру не до этого. У вас огромные средства уходят на оборону, на вооружения. Эти средства направить в космос. Сделать щит и осветить всю планету. Убрать из космоса отходы от ракет и спутников. Убрать космический мусор.

Пока это говорили Кока и Вето, Степа, Кирьян и Володя надувались, пыхтели. Кирьян перебил:

– Будто у вас есть щит.

– Он у нас давно есть. Приближение каждого метеора знаем. И уничтожаем его в космосе. Нашему миру ничего не грозит. Щит, это вроде спутника-улавливателя. А также они освещают планету. Вот мы и рассчитали, что через шестьдесят лет может стать для вашего мира трагедией. Вашим правителям надо одуматься. Ведь ваши войны, взрывы атомных бомб, Чернобыль доходят и до нас. Они отрицательно влияют на биосферу. И мы должны их отражать. Если мы берем энергию у вас, то мы вам не вредим. Наоборот, мы вам помогаем. Берем лишнюю энергию, которая вредит вам. Пока мы не можем наладить контакт с вашим миром. В вашем мире много зла и агрессии. С отдельными людьми мы идем на контакт, и изучаем ваш мир. Из вас так и рвется энергия.

– Вот поэтому нас и посадили в сосуд? – спросил Олег.

– Да. Мы каждого из вас, в отдельности, изучаем. И много чего в вас не можем понять. Вашу толпу совсем невозможно понять.

– Значит, ваш человек – это человек, а остальные букашки, бульенные ваши морды? – спросил Кирьян. Степа ткнул пальцем в Ивана и меня: – Эти придурки умнее меня, значит? Они, значит, всё понимают, а мы что? Накрутили тут, чёрт знает чо!

– Подожди, подожди, Степа, – остановил его Кирьян. – Юрку Стрелова я давно знаю. Сталкивался с ним. Хернёй какой-то там занимался. Всё ему было не так, как у людей. Знаю. Вечно боролся против советской власти. Тюрьма по нему плакала. Это так. Выходит, что я хуже его? Он, что? Умнее меня? Я первым секретарем был, в область намечали. А вы тут какую-то хренотень загнули. Иван и Юрка, значит, люди, а я тогда кто? Отвечайте. Значит, вы все люди, а мы все варвары?

– Варвары? – переспросил Кока. – Ваш мир варварский. Так понятнее. Ваши правители по отношению к своему народу – варвары. И их не переделать. У вас так принято, чуть получил высокую должность, так сразу и отрывается от народа. Просто они заигрывают с народом. Выступают везде, ездят, даже показывают, как они на лыжах с людьми катаются, на мотоциклах ездят. Но мы им не верим. Ваши люди не чувствуют фальшь в поступках правителей, министров и разных высоких по должности начальников. Насчет ваших двух товарищей? Не расстраивайтесь. Каждый из вас достоин внимания. Просто они этим делом занимаются вплотную. Вы тоже занимаетесь, но другим делом. Вас бы не выбрали. Мы догадываемся, что ваши отправители ведут тщательный отбор людей для путешествий в другие миры. И вы подошли, и вам доверяют. И мы не понимаем, почему вы обиделись? Вы такие же люди, как и мы. Только мы отличаемся от вас тем, что мы пошли другим путем. Ваше несчастье состоит в том, что к руководству приходят люди, к которым в душу вошла темная сила. Мы бы хотели помочь вам избавиться от темной силы, которая повисла над вашим миром. И всё-таки, мы изучим ваш мир. Так что, вы не должны сердиться на ваших друзей. Вы – добровольцы. Только с вами может измениться ваш мир. Если бы таких людей, как вы, было бы много. И ваш мир изменится к лучшему.

– Вот это другой коленкор, – заулыбался Кирьян. – С таким делом я солидарен. Конечно, поможем!

– Ура! – закричал Степа, и наши хозяева повалились на пол.

– Тихо, шельма! – зарычал Кирьян. – Разорался тут! Они хлипкие. Разязвил свою посудину. Итак, всем ясно, что мы добровольцы. Поможем. Поднимайтесь, недопасынкованные вы мои, ёси-моси. Что вы так сдубенились? Вставайте.

– Не люблю я этих слабаков, – сказал Степа. – Как и баб околетых. Бедрастых люблю баб. Мужики должны быть мужиками.

– Да помолчи ты с этими бабами! – ответил Кирьян. – Здесь вон, какие вопросы решаются! На международном уровне. Сдались тебе эти бабы!

– И то, правда, что здесь кричите? – возмутился Сергей. – Хуже бомжей на свалке. Народ здесь физически слабый. Осторожно надо.

– Фарфоровые, – добавил Олег.

– Я понял! – подал голос Володя. – Понял. Юрка с Иваном умнее нас? Никак не соображу. Почему они умнее нас? Однако, я тоже умный. У меня вон цельный табун оленей.

Степа громко засмеялся.

– Умора! Проснулась кума, а постелька пуста. Володя, ты даешь! Умора с тобой!

– Ты, паря, если не врубаешься, то и не лезь в свару, – сказал Кирьян. – Другие нас под стекло бросили и просвечивали.

– Да я ничего, – ответил Володя. – Не понял я, что к чему? Товарищ наш говорил шибко много, и шибко умно, заслушаешься. У нас так умно говорили партийные секретари, только не очень понятно. Наши товарищи тоже говорили много и красиво. Но я ничего не понял. Ещё бы послушать.

– Ладно, Володя. Хватит с тобой. Тут такие проблемы решаются, – сказал Иван. – У вас тоже бывают столкновения? И до каких пор? Надеюсь, что они мой мозг не потревожат?

Кока и Вето встали. Сели на лавку. Потом приложили руки к лицу и замерли. После этого они снова стали бодрыми. Вето сказал:

– Столкновения бывают, но не такие, как у вас. Любой сложный вопрос решается голосованием. Мы вас тоже сейчас просветили. Это для вас не вредно. Вы считаете себя добровольцами, так помогите нам. Те ученые поместили вас в лабораторию. В стеклянный сосуд. Мы тоже ученые. Поселяем, таких, как вы, людей, в естественные условия. Мы против того, чтобы вас, как подопытных животных, помещать в сосуд. Многие ученые нашего мира, такими вас и считают. По характеру вы недалеко ушли от животных. Вы готовы уничтожить друг друга.

– Дом построили под таких людей, как мы? – спросил Иван.

– Да. До вас уже были группы из вашего мира. Одну группу долго держали в лаборатории. Однажды, они растворились в воздухе. Одну группу мы выкрали и привезли сюда. Другая группа сама сбежала, – сказал Вето.

– Мы бы этих ученых быстро бы охомутили, – сказал Ки-
рьян.

– Вдруг нас найдут? – спросил Иван.

– Они догадались, что вы здесь. Не насмелятся. У нас стоит
защитный пояс. Если такое случится, то мы поставим вопрос на
конференции Общины. Если перевесят голоса, то вас вернут, но
не под куб. Дадут все условия жизни, но под присмотром ученых.
Такое тоже было. Отняли у нас. Посадили в лабораторию. Они
оказались такими же, людьми, как вы. Среди колб, они нашли
спирт. Разгромили лабораторию, перебили стражу и скрылись.
Так их и не нашли. Возможно, они исчезли в ваш мир.

– Здесь есть спирт? – спросил Степа, и облизнулся.

– Спирта у нас нет. Он только в лабораториях.

– Жаль, – ответил Кирьян. – Мы бы вместе посидели. Кха.
Кгм. Культурно бы поговорили. Кгм. Уважили бы нас. В гости
ведь к вам пришли. И ничего на стол не поставили. Как-то не
очень уважительно. Мы к вам, понимаешь, от души, а вы нас вот
так. Не уважаете, значит.

– Мы вам свои карточки отдали, а вы так к нам? – спросил
Степа, и стал тяжело дышать.

– У них спирт есть? – спросил Володя. – Мы вас будем шибко
уважать.

– Ребята, – прошептал я Ивану, Сергею и Олегу, – эти три
друга нам всю обедню испортят.

В мой мозг прорвались слова Коки:

– Не беспокойтесь. Мы их успокоим.

Мужики застыли, словно статуи.

– Посидите и без слов, – сказал Вето. – Мы знаем, на что вы
способные. Слышать нас будут, но без слов и движений. Сначала
об уважении говорят, а потом лезут драться. Разве так можно?

– Веселее за столом, – ответил я. – Конечно, маленько мы бы
приняли на грудь грамм двести.

– Не уверены. С вами иногда бывает ваша землячка.

– Не надо! – крикнули мы в один голос. Кока и Вето даже
вздрогнули. Я добавил: – Лучше бы наши друзья повеселились,
чем эту неугомонную сюда.

– Отсюда можно исчезнуть в другой мир? – спросил Иван.

– Именно отсюда можно, – ответил Кока. – Почему вы хотите исчезнуть?

– Если бы вы знали эту женщину, – ответил Сергей. – В наших головах вы можете её представить, воссоздать картинку с её присутствием.

Мы замолчали. Кока и Вето через какое-то время даже засмеялись. Мы впервые такое чудо увидели на лицах бледнолицых.

– Чудная женщина, – ответил Кока. – С нею не соскучишься. Вы не бойтесь. В наш мир Сатана не попадет. Он давно изгнан из нашего мира. Нам неизвестно, как она попадает в другие миры. Сейчас мы можем её показать.

– Не надо! – воскликнул Сергей.

– Надо, товарищ Чемулаев, очень даже надо! – раздался голос неугомонной Октябрины Правдиной. – Почему вы так испугались меня? Что же вы так стали нервничать? Значит, я подобие, а вы осязаемые? Мы попробуем. Я вам задам вопрос, а вы не уходите от ответа.

В это время наши друзья заерзали на стульях.

Правдина подбежала к Кирьяну, и пыталась ударить его по щеке, но её рука свободно прошла сквозь голову. Октябрина отскочила.

– Ах, так! Сейчас я вам покажу, как издеваться над женщиной! Я не позволю!

Она попыталась поднять стул, но рука и тут прошла сквозь него.

– Вот оно что? Издеваетесь? Я всё-таки, женщина.

Она подошла к Коке и плюнула ему в лицо, но и плевка не поучилось.

Подгузников и Степа громко смеялись. И нам было смешно.

– Смеетесь? Я вас вопросами замордую! Господа из другого мира, отвечайте! Не уходите от ответа!

И она тут же исчезла.

– Где сейчас неугомонная? – спросил я.

– На море купается, – ответил Вето. – В Сочи она сейчас живет.

– Она не пострадает в нашем мире? – спросил Иван.

– Нет. Этот человек взят из вашего сознания. Это вроде тени, только копия человека. Силой воображения мы можем создать всё то, что в этот момент надо. Бывают миражи. Сейчас был мираж женщины.

– Например, я пожелаю создать образ женщины, но не околелой, а пухленькой, – потер руки Степа.

– Можно создать. Вы на это не способные. Хотя и это вы можете. Вы всё можете делать, что и мы. Вы намного отстали. Часть мозга у ваших людей не работает.

– Я же вам говорил, что мы все придурки, – засмеялся я.

– Вы можете создать вот сейчас такую женщину, какую мне надо? – спросил Степа.

– Можем, – ответил Кока. – В мыслях обрисуйте её.

Степа помялся немного, и стал объяснять мужикам словами и руками. И вдруг перед нами появились контуры женщины. Через мгновение она показалась нам полностью. Крепкотелая, смуглая, в короткой сорочке. Степа облизнулся, с хрустом потер руки, и медленно подошел к красавице. Протянул руку, и решил погладить её, но рука прошла сквозь тело.

– Хватит травить душу, – прохрипел Степа.

– Вы можете воссоздать её? Дать ей осязаемость? – спросил Кирьян.

– Можем. И это может получиться монстр по характеру. Отрицательная энергия. Облик человека можем создать. Но, клонов мы не желаем делать. Это опасно. Такие образы мало существуют. Испаряются. Пока его держит твое сознание, контакт разговора, а потом исчезает.

– Ваш мир намного выше нашего, – вздохнул Иван. – Мы только ещё мечтаем, а у вас уже есть. У нас такое невозможно.

– Откуда вы знаете! – повысил голос Кока. Прорвалось! – Созданные образы могут быть и у вас. И создаются. В отдельных местах. Эти образы агрессивны. У вас такой же мозг, как и у нас. Вы можете устроить великолепный мир, но вы этого не желаете. Если вы начнете убеждать людей, что вы бываете в других мирах, и что вам надо менять устройство вашего мира, то вас могут кое-куда определить. Некоторые люди из вашего мира помнят, что они побывали в других мирах, но молчат. Боятся призна-

ваться. Твои рукописи, Юрий, считают фантастикой. А ведь ты написал чистую правду. Да, вы можете жить лучше. У вас такая мощная энергетика!

– Кажется, нас нашли, – сказал Вето. – Мы от вас взяли всё, что надо было. Спасибо. Не бойтесь. Теперь они вас не возьмут. Что надо было мы взяли.

– Мы успокоим их нашим русским матом и кулаками, – ответил Кирьян. – Где здесь скамейка? Есть две штуки. Пригодятся.

– Всё будет нормально, – ответил Вето. – Всё хорошо.

Раскрылась дверь, и в проеме появилось три мужика в спортивных костюмах белого цвета. Стали, как столбы. Молчали. Молчание продолжалось довольно долго. Наконец, мужики ушли.

– Вот и всё, – сказал Кока. – Мы им всё объяснили. Теперь вас никто не тронет.

– Мы сами кого хочешь, тронем, – набычился Степа.

– Нам тяжело говорить с вами, – ответил Кока. – Среди ваших слов, мы подбираем доступные.

– Клянусь своей лысой головой, как же вы будете трепаться с нашими учеными? – спросил Кирьян. – Порой они, как начнут болтать по телевизору, то их журналисты осаживают. Попросят говорить проще.

– С ними будем говорить на их языке, – ответил Кока.

– Однако они шибко умно говорят, – сообщил Володя. – У нас есть хороший охотник Урбан. У него шибко большая голова, а в день несколько слов говорит. Скучно с ним. Мне другой раз шибко хочется послушать умного человека. Хотя я и ничего не пойму, но ведь умно говорит этот человек. Как они умно и долго говорят с трибуны, а я не пойму. Слушать хочется. Вот бы мне так научиться говорить умно, долго и не очень понятно.

– У твоего Урбана большая голова, но дурная, – засмеялся Степа. – Главное, Володя, чтобы в голове что-то было.

– Мой дед говорил, что хороший и добрый ум может быть не в большой или маленькой голове, а в сердце.

– Чудак твой дед, – ответил Степа. – В сердце нет ума.

– Прав твой дед, – ответил Иван. – Мудрый дед. Не объем головы дед имел, а то, что внутри.

– Я смотрю – все умники, один я дурак, – психанул Степа.
– Ты что это вспузырился? Ёси-моси, причем здесь голова? Душа! Вот главное. А то, что выше плеч, круглая пидэрсия, – ответил Кирьян. – Она для примочки. Мозги связаны с душой. Насчет дураков. Все мы здесь такие чудики. Слушайте, Куку и Ветошь. Тьфу! Ну, и имена. Это самое. Кха. Кгм.

– Кока и Вето, – подсказал Иван.

– Не умничай, – резко ответил Кирьян. И уже более спокойно спросил: – Понимаю. Кока и Вето. Чудные имена. Вы кино показывали. А где есть киношная будка?

Бедные Кока и Вето! Они были в напряжении. Глаза быстро вращались. Переваривали слова Кирьяна. Потом Вето ответил:

– Понятно и не очень понятно.

– Мы можем ещё похлеще говорить, – сообщил Олег. – Кирьян Аполлинарьевич вот о чем хотел спросить. Вот эта стена. Загадка для нас. Как всё такое происходит? Можно попасть в прошлое через эту стену? У нас такие есть кинозалы. У нас просто показывают кино.

– Есть несколько мест на земле. Мы уже вам об этом говорили. Вот на этом месте мы создали межвременное поле. И отсюда можем попасть в прошлое и в другие параллельные миры и в дальний космос.

– Вы могли бы избавить наш мир от сволочей? – спросил Кирьян.

– У нас сейчас и других дел много. Только что передали, что в два места на планете неизвестно откуда прорвалась темная сила, пришельцы-завоеватели из далекой планеты. Повреждены два защитных щита. Мы не допускаем к себе темную силу. Наши ученые думают, как отладить ген у ваших правителей, чтобы изменить ваш мир к лучшему. И тогда не будет сволочей. Недавно, наши ученые нашли ген старения человека. Будем трудиться над самой страшной болезнью всех людей всех измерений. В нашем мире есть два научных центра, где изучают гены человека. Если ваши ученые изобретают оружия для истребления друг друга, наши ученые всё создают для пользы человека. Ваш мир дикий. Кстати, вам надо отправляться.

– Увидимся ли? – спросил Иван. – Мне бы хотелось отдельно поговорить насчет мозга, о разуме человека. Я философски подхожу к этому.

– Философ нашелся! – засмеялся Степа. – Мы есть воины. Наше дело бороться против темной силы. А здесь для меня скукота.

– Это факт, – поддержал Кирьян. – Отправляйте в прошлое. Меч или дубину в руки и пошел крушить. Скукота здесь. Кха.

– Нам надо удалиться. И вам пора исчезать, – сказал Кока.

И они тут же исчезли.

– Эй, мужики! Профессора кислых щей, куда вы?! – крикнул Кирьян.

Я очнулся. Сидел за столом в той деревне, откуда мы попали в соседний параллельный мир к Коке и Вето.

– Где вы, умники! – закричал Кирьян. Мои друзья тоже очухались.

– Что это было? – спросил Степа. – Где мы были? Где эти хмыри?

– Может, это был сон? – спросил Кирьян.

– Сразу у всех не может быть одинакового сна, – ответил Иван. – И не спорьте со мной. Проспорите. Судя по тому, как мы сидели, то можно понять, что всё произошло быстро. Заметил по повару. Он продолжает что-то мешать в кастрюле.

– Что же это такое было с нами? – спросил Олег.

– Длилось несколько секунд, – сказал Иван. – Психологический трюк. Они следили за нами. Возможно, усыпили нас на одно мгновение. И за это время нам показали соседний мир. Сейчас здесь находится древний мир Коки и Вето. Так я думаю. И я уверен, что вот этот дом, есть то место, где мы на стене смотрели прошлое. Этот дом похожий на тот дом. Будущее, где мы были, создали как галлюцинацию. Подсунули нам её. Смотрите, мол, и любуйтесь.

– Кто подсунул? – спросил Сергей.

– Мы их не видели. Они невидимки, – ответил Иван.

– Может, всю эту бодягу разнести? – спросил Степа.

– Разноситель. Подождите. Вот этот мы ели продукт. И угодили в будущее этого мира. Так. Давайте сделаем эксперимент, –

предложил Иван. – Я начну, есть то, что ел. Вы следите за мной. Если что, то вы...

– Можно будет тебя по темечку приголубить? – спросил Степа.

– Разрешаю. Даже нужно. Как только отключусь, так и бей. Начинаем. Ем я один.

Иван стал есть. Молчал. Ничего не произошло.

– Как? – спросил Кирьян. – Были глюки?

– Ничего, – ответил Иван. – Значит, секрет в другом.

– Ну, и придурки же мы! – воскликнул Кирьян. – Как это могли эти дуболомы с нами такое сотворить? Здесь есть вход в соседний мир. И, значит, они наблюдают за нами?

– Они нас видят, – добавил Иван. Кирьян и Степа ткнули кулаками в стену. Кирьян сказал: – Вот вам, бульенные морды! Вот вам, сучьи потроха! Какую-то камуху нам показывали, понимаешь, ёси-моси. Клянусь своей лысиной взяли бы наших ученых, да показали бы им всё своё, да как бы у нас жизнь повернуть по-другому.

– Они нас не уважают, – сказал Степа. Он замолчал. Подошел к окну. Крикнул: – Мужики, кажется, нам скоро будет жарко!

– Однако надо уходить, – сказал Володя. Мы вышли на улицу. Люди прятались по домам, потому что в километре от берега шло несколько кораблей.

– Вот теперь нам бы надо не встречаться, – согласился Кирьян. – Пусть местные люди сами разбираются. Мы не для этой битвы сюда посланы.

Мы пошли в гору. Вот та самая площадка, откуда мы пришли в деревню...

Мы стояли под куполом дома. Никто не появлялся. Я чувствовал, что что-то теплое, нежное опутывало меня, грело кровь. И тут мои друзья исчезли. Вокруг меня всё стало расплываться...

Сидел на скамейке. Рядом мои друзья по путешествиям: Олег, Сергей, Иван, Кирьян, Степа. Почему-то Володи не было.

Мы находились на свалке. Замусорено. Кричали вороны, трещали сороки, где-то ревели коты, дрались собаки.

Небо затянуто сплошными темными тучами. Нельзя было определить время суток. Моросил дождь. Было удивительно то, что он нас не касался.

– Куда это мы попали? – тихо спросил Сергей. – На ту свалку, где я был, непохожая.

– Мне, кажется, что это мировая свалка, – ответил Иван. – Вопрос. Где она находится?

Мимо нас прошел человек с тачкой. Что-то знакомое было в его лице. Олег позвал:

– Эй, мужик, где мы находимся?

Он не ответил. Вот ещё один мужик. Олег протянул руку, чтобы задержать его, но рука нашего друга прошла сквозь лохмотья и тело.

– Вот это дела! – воскликнул Олег. – Мы или они не осязаемые. Мы сейчас попробуем. – И он решил похлопать Ивана по плечу. Рука также свободно прошла. Мы все оказались не осязаемые.

– Фантомы! – воскликнул Иван. Для чего-то нас сюда сунули!

С боков, спереди и сзади нас появились такие же люди, как мы. Все сидели на лавках. Словно мы на стадионе. Я хотел встать, но неведомая сила сковала меня. Мы могли только махать руками и говорить. Тут случилось невероятное. Один мужик бросил тачку и побежал. Я четко видел, как он пробежал сквозь тело сидящего впереди Ивана и через других людей. За ним бежали два парня с кнутами. И они тоже свободно пробежали сквозь наших соседей.

– За моей спиной крикнул Кирьян:

– Ёси-моси, каналья! Я этим парням подставил ножку, а они словно труховки! Хоть бы хны! Да все они здесь труховки!

– Мы здесь все пустые, – ответил Олег. – Когда вы появились?

– Кха. Куда мы попали, ядрена вошь? Не соображу. На свалке что ли? Юрка, ты часто сюда попадаешь. Это свалка, мать её в дышло!

– На мировой свалке, – ответил я. – Кажется, я догадался, кто сейчас будет здесь.

- Если знаешь, что выпендриваешься? – прогудел Степа.
- Только что догадался. Здесь собрали многих греховодников. Тачки возят с грехами. В пещере возят, а теперь и здесь.
- А нас на кой ляд сюда заволокли? – спросил Кирьян.
- Для очищения души, – ответил Олег.
- Для очищения и прочистки совести, – ответил Сергей.
- Вы думаете, что у Абрамовича и других миллиардеров душа очистится? Не смейся, – засмеялся Кирьян.
- Вон и они, – сказал Иван.
- На одной из лавок, сидели люди.
- Чего это они тачки не таскают? – спросил Степа.
- Ещё как таскают! – смеялся Кирьян.
- Усовестить их, видимо, решили, – ответил Иван. – Усовестить таких людей невозможно.
- Толку? Проснутся и ничего, – сказал Кирьян.
- В глубине сознания всё это останется, и в какой-то момент, может и проявится, – сказал я.
- Нежелательно проявиться этим гражданам, – ответил Иван.
- Невыгодно им. Даже если всё и вспомнят – промолчат. Вы думаете, что они совершенно не будут помнить свое перемещение? Будут помнить. Даже самому себе не признаются. Сытая жизнь побеждает. Иногда, у этих людей проявляется озарение. И тогда они начинают помогать людям. Это длится недолго. Никто меня не переубедит в том, что богатым людям даются деньги честно. С незапамятных времен среди них не было ни одного честного человека. Богатство построено на обмане. Некоторые мне скажут – у него большой оклад. Рядом живут люди умнее его, но в нищете. Большой оклад он сделал сам себе. Честно? Конечно, нет. Даже многие ученые бедствуют. Я ведь тоже мог нажиться. Жил я по совести. А совесть сейчас не в моде. И вот я здесь, с вами, на этой свалке. Только я не знаю, в каком качестве?
- Будто я нажился! – крикнул Кирьян. – Ничего я не нажил. Денег не скопил. Живу от пенсии до пенсии. Не крал. Не обманывал. Было дело. Пудрил народу мозги. Все пудрили. Такая была страна. Кто больше и красиво наврет, тот и хорош. Здесь Володя прав. Мы болтали много, красиво, но непонятно народу.

Вот и проболтали свою страну. А сейчас к власти пришли воры с государственным уклоном.

– Вот ты, Кирьян, раскаялся. Вот поэтому ты и в нашей команде. Если бы не раскаялся, то таскал бы здесь тачку с грехами, – ответил Иван.

Кажется, я начинаю различать некоторых оборванцев. Друг за другом тащили тачки политические деятели многих стран. Трудно было узнать некоторых.

Вдруг со своего места поднялся Абрамович. В руках у него футбольный мяч.

– Он, что? Играть собрался? – засмеялся Кирьян.

– Свободу личности! – кто-то из них закричал. За моей спиной кто-то ответил, что это Гусинский. – Буду жаловаться в Гаагский суд по правам человека. Подайте мне адвоката Генри Резника!

Я четко услышал голос невидимого человека.

– Кого захотел в адвокаты! Он здесь тоже тачку катает. Ты ещё пожалуйся журналисту Евгению Киселеву! Пусть он опять баламутит народ в защиту тебя. Что-то он не баламутит народ в защиту пенсионеров. Цены на лекарства взлетели на такую высоту, что некоторым пенсионерам половину пенсии надо отдать за таблетки. Оба хитреца. Они здесь тоже тачки катают!

Доморощенные миллиардеры потащили тачки с грехами. Кнутобой начал их подбадривать кнутом. Они падали в грязь, поднимались и снова падали. Так и скрылись за кучей мусора.

Вдруг небо стало ещё темнее, сверкнула молния, и загрохотал гром. С темных небес обрушился на оборванцев ливень со снегом и градом.

Потом на месте свалки образовался огромный сарай, и он был забит людьми в лохмотьях. В углу появился стол с черной скатертью и кресло. В нем сидел спортивного сложения длинноволосый человек во всем черном. На худом лице огромные и блестящие глаза, красные губы. Перед ним в вазах разные фрукты, кубки. Человек что-то отпил из бокала.

– Кто это? – прошептал Кирьян. – Он с хвостиком? С рогами? Под такими волосами их не видать.

– Нам, кажется, что это он. В общем-то, он никому не показывается, – ответил Олег. – Это копия его. Представитель ада, куда бросают грешников.

– Ну, что, греховодники и греховодницы? – спросил красногубый. Голос его прозвучал внутри моей головы. В этом мире нет национальностей. И я понимал его.

– Сатана Сатанович, я уже говорил, что лично я не виноват, – услышал чей-то голос. – Обстановка требовала. Время было такое. Я все муки ада прошел.

– Ты мне, господин Берия, не оправдывайся. Даже отчество придумал мне. Моё имя никому неизвестно. Знает его сам Создатель вселенной. Мы с тобой ещё поговорим. Сейчас у меня на тебя нет времени. Здесь мне надо поговорить с живыми. Пока они ещё царствуют при своих должностях. Кто-то из них сейчас спит, кто-то дремлет на работе. Я какой раз их к себе вызываю. Недавно с ними беседу вел. Сейчас у меня на земле, в двадцать первом веке, дела есть. Взбудоражить людей составляет одно удовольствие. Затемнить им мозги. Хочется побороться с вашим Богом. Сейчас я очень силен в вашем времени. Мозги пудрю людям. И они поддаются мне. За богатство кого хочешь куплю. И душа его моя. Все на земле этого века будут поклоняться мне!

Степа попытался встать, даже смог приподняться.

Вокруг нас от таких слов красногубого зашевелились люди. До этого я слышал возмущенные голоса. А тут многие закричали:

– Давайте сообща разнесем ад! С нами наш Бог! Мы не предадим его! Давайте соберем всю нашу энергию и уничтожим ад!

Красногубый вскочил и стал бегать.

– Опять живые здесь? Ну, я до вас доберусь!

– Хрена с два доберешься! – закричал кто-то справа. – Бей его! Мы тут ему покажем новое ледовое побоище!

– Русские медведи разъярились, – сказал кто-то. – Мы их поддержим.

Наконец, Кирьян и Степа сорвались с места и бросились к красногубому, но неизвестная сила усадила их на место.

Вокруг всё растворилось. Мы оказались под куполом дома.

В нас вошел голос Дюрда.

– Всех отправляем по домам. Чуть нам всё не испортили. Ваша энергия такой была мощной, что многое плохого натворили в аду. Они будут гадать, что это и откуда? Набирайтесь сил для следующих приключений.

Я сидел на поваленной бурей лиственнице. Долго путешествовал? Посмотрел на часы. Отсутствовал минуты две. За такое время столько увидел и узнал!

Пошел к своему домику. В печурке потрескивали дрова. От тепла и выпитого чая потянуло на сон.

Прилег на нары, и тут же уснул...

Остров ссыльных

Опять записывал свои приключения. Может, когда-нибудь кто-то найдет мои книги и, возможно удивится, что жил в чудной стране России чудак-человек, который записывал свои странствия в другие миры. И кто он, этот человек? Отпетый чудак. Да и если такой придурок, который бы вел дневник путешествий в параллельные миры? Пока про таких не слышал.

Кто будет читать? Может, кто-нибудь заинтересуется. Наша страна из самой читающей превратилась в одну из стран не читающих. Порой от этого мне становится страшно. Но, я не унываю. Считаю, что уныние – это великий грех. Хожу по городу и успокаиваю всех, что будет всё хорошо. Как говорил бывший президент Ельцин, царствие ему небесное, они наворуют и успокоятся. Нет, не успокоились. Окультуренные бандиты высоких рангов не насытятся богатством. В такой короткий срок после революции 1991 года появилось столько миллиардеров в нашей стране, что по количеству их мы обогнали самые богатые страны. У меня возникло такое ощущение, будто они соревнуются между собою, кто больше украдет у государства, у народа.

На лыжах пошел в тайгу. В это лето наготовил много дров. Привезли мне четыре машины отходного горбыля. И все их я перепилил на поленья.

Снег в этом году пошел в конце сентября. В начале ноября снегу упало выше колен.

Теплый и тихий день. Температура воздуха дошла до нуля. Шел по лыжне. Неожиданно на снегу появился Дюрд. Следов не видно. Мы сели на пригретую солнечными лучами сосну.

- Всё хорошо у вас прошло, – сказал Дюрд.
 - Нормально. Конечно, не считая пьянки на острове.
 - Наверное, стыдно?
 - Конечно, стыдно.
 - Как вы гуляли, записал в свои дневники?
 - Ничего не пропустил. Я никогда и ничего не пропускаю.
- В первую очередь про свои выходы. Стараюсь посмеяться над собой.

– Дел много, – вздохнул Дюрд. – Здесь хоть немного отдохну. Чаю у тебя в домике попил.

– Помню, старые люди говорили так – вот умру, и на том свете отдохну.

– Неправда. Дела только начинаются. Теперь и ты хорошо знаешь, что мы не отдыхаем.

– Особенно в пещере, – ответил я.

– Кто что заслужил, то и получил, – строго ответил Дюрд.

– Короче. Куда нас на этот раз?

– Дай хоть немного посидеть.

– Не замерзнешь в летней одежде?

– Хоть в самый сильный мороз не замерзну. Энергетическое поле. Не чувствую вашего мороза и даже огня.

– Счастливым.

– Ты так понимаешь счастье?

– Лично счастлив уже тем, что встретил утро, увидел солнечный свет, – ответил я. – Вдохнул свежего, таежного воздуха. Разве это не счастье? Бог дал мне ещё один день на нашем свете. Вот оно счастье! Иду на лыжах. Снег. Тайга. Счастье!

– У некоторых счастье в сорока комнатах на двоих, – улыбнулся Дюрд.

– Для них это тоже счастье. У меня легкое счастье. У них оно тревожное. Ночью могут придти и отобрать миллиарды. Лично, с меня, как с гуся вода. Живу от пенсии до пенсии. Ведь и у меня была возможность наворовать у богатых и жить в своё удовольствие. Как тогда? Где счастье счастливее? У кого из нас?

– Придет час, и им ничего будет не надо. Надо читать Библию. В ней весь ответ для таких людей, – ответил Дюрд.

– Знаю. Читал. Счастье должно быть в том, что я делаю и что создаю. Всё остальное от Сатаны и от лукавого.

– Ладно. Исчезаю. Вы как-нибудь с Иваном поговорите. Вы есть два сапога пара.

Дюрд исчез. Я продолжал сидеть. Пригрела сосна. Удивительное тепло шло от неё. Потянуло на сон.

Оказался под куполом дома. Рядом стояли: Сергей, Олег, Иван и Володя.

– Опять из чума взяли? В мешке спал? – спросил я.

– В Анадыре я был на совещании оленеводов. Скучота была. Задремал в кресле. И вот я с вами.

– Степы с Кирьяном нет, – сказал я. – Без них скучно.

– Ещё бы сюда...

– Не надо, Олег, не надо сюда Октябрину, – ответил Иван. – Меня дрожь пробивает, когда слышу это имя. Она сейчас живет у Черного моря.

– Я просто посмеялся, – ответил Олег.

– Нашел над, чем смеяться, – быстро ответил Сергей. – На этом острове от этой дамы не скроешься. Нашел чем шутить. Пойдемте на улицу.

Мы вышли из дома.

– Будто только что вернулись, – сказал Иван.

– Мы в столовой всё узнаем, – ответил Володя, и почему-то облизнулся. – Однако там что-нибудь есть.

– Отставить столовую, – засмеялся Олег. – За нами прибыли.

К нам подошел Дюрд.

– Сейчас я здесь пообщаюсь, а потом вами займусь. Отдохните у моря.

Дюрд пошел к строящемуся дому, а мы отправились к морю.

Три моряка только что причалили к берегу. Рыбаки. Почему нет рыбы?

– Улов плохой? – спросил Сергей. В последнем нашем путешествии этих мужиков здесь не было.

– Здесь были другие люди, – сказал я.

– Были. Были, да сплыли, – ответил широкоплечий, рыжий и хмурый парень. – На днях их куда-то взяли. Нас недавно воткнули сюда.

– Из нашего мира? – спросил Иван. Парни переглянулись. Вытянули на берег плот. Один из парней вбил металлический стержень с веревкой, которая привязана к скобе на плоту.

– Мир один, – ответил хмурый.

– Конечно, – ответил Иван. – Если вопрос поставить философски. Мир, так называемая нас вселенная, создана космическим разумом. В каждом из нас, свой, индивидуальный мир. Но он только часть, молекула, атом в окружающем мире – разум.

– Началось, – проворчал Сергей.

– Объясни толком, – прервал Ивана один из мужиков. – Я посмотрю, как ты будешь философствовать, когда попадешь в беспредел, или в пещеру под кнут. Всё улетучится.

– Я буду размышлять и под кнутом, – быстро ответил Иван. Он улыбнулся и тихо сообщил: – Мои бичи по свалке как-то не поняли меня и решили избить. Я ускользнул. На Ярославском вокзале пытался вразумить бичей о недопущении воровства друг у друга пустых бутылок. Не поняли. Прогнали. Потом я один бичевал.

– Ну, и что произошло, когда ты им речь толкал на вокзале? – вкрадчиво спросил Сергей.

– Ударили бутылкой по месту, где сосредоточена вселенная. И это вселенной было довольно больно.

– Если бы я не подоспел бы во время, то они бы его растерзали, – сообщил Сергей. – Мы тогда с ним едва ноги унесли.

– Ещё в одном месте я пытался прочесть лекцию о грязных носках и белье. Не поняли меня. Ведь я ношу чистые носки. Так вот, граждане островитяне, опираясь на духовный стержень человеческого сознания...

– Молчать, сука! – прервал его широкоплечий мужик. – Ты нам ещё толкни речь о светлом будущем! Падла заученная!

– Что я такого сказал? – обиделся Иван. – Это сущая правда. Человеческое сознание неразрывно связано с духовной сущностью индивидуума...

Сергей своей рукой прикрыл ему рот. Мы с Олегом взяли его под руки, и повели от мужиков.

– Никто меня не может понять, – ворчал Иван.

– Понимаем, понимаем, – ответил Сергей. – Не каждый поймет, потому что не каждому дано понять.

– Он красиво говорил, но я ничего не понял, – развел руки Володя. – Что-то умное сказал, Иван. Очень умное. Шибко большая голова у тебя. Люблю слушать умные речи, хотя и не пойму. На собрании меня выбирали послушать нашего губернатора Абрамовича. Умно говорил. Только я его не понял. Спросил моих товарищей оленеводов. Они его шибко сильно слушали. Мне не ответили. Они его не поняли. Вот и ты, Иван, тоже, однако, много говоришь, заслушаешься. Только я ничего не понял.

– Хватит озорничать, – сказал я, – Куда теперь нас?

Мы пошли к дому. Впереди семенял Иван. Пытался оторваться от нас. Обиделся. Он должен понять, что не каждый любит философствовать на абстрактные темы.

– Может, в столовую зайдем, – предложил Володя.

– Вина там нет, – быстро ответил Сергей.

– Мясо пожарить. Посидим, однако, культурно.

– Без этого дома нам нельзя попасть в другой мир? – спросил Иван. – И тут же добавил: – Что если сесть в лодку?

– Можно попробовать, – ответил Олег. – И всё будет ловко.

– Сколько раз пытались бежать, и ничего у нас не вышло, – ответил я. – И на этот раз ничего не выйдет.

– Ещё раз попробуем, – сказал Сергей. – Если ничего не выйдет, то больше не будем сбегать.

Мы вернулись к берегу моря.

– Мужики, – обратился я к ним. – Мы не первый раз здесь. Я, например, со счета сбился. Ни разу не был на том берегу. Можно взять лодку?

– Берите. У нас их ещё две есть. Нам нравится плот. Он устойчивее. Берите, – ответил рыжий парень: – Можете её оставить там. Если, конечно, не вернетесь. Не жалко.

Мы в море. Поставили парус, и наша лодка стремительно побежала по маленьким волнам к чернеющему вдали острову. Кстати, материк остался слева. Лучше на остров. Там видно будет.

Сошли на берег. Нас никто не встретил. Вытянули лодку подалее от моря. Даже её взгромоздили на бугорок. Не должен сюда добраться прилив.

– Когда-то на материке нас встречали обросшие, грязные и одичавшие инквизиторы, – сказал я. – Что-то плохо верится в наш побег. Но испытать надо.

Мы пошли по песчаному берегу до скал. А может, это не остров? Поднялись на гору. По пути сорвали бананы. Обезьяны на нас никакого внимания. Чуть не наткнулись на большую змею.

Вышли на тропу. Володя опустился на колени, и стал щупать траву. Встал.

- Человек прошел недавно.
- Дикарь? – спросил я.
- Сапоги на нем. Не дикарь.

Тропа вывела нас в поле засеянное пшеницей. За полем стояло несколько домов выложенные из кирпича. Дома огороженные высоким забором из широких досок. С левой стороны поблескивала река.

Мы шли вдоль трехметрового забора.

– Неужели мы сбежали? – спросил Олег. – Какое время здесь? И что за люди?

Голоса приближались, и мы шли на них.

Мы отчетливо слышали:

– Успокойтесь! Успокойтесь! – призывал хриплый голос. Видимо, надорвался кричать. Даже закашлялся.

– Некаво меня успокаивать! Некаво! Пусть делятся с нами! – кричал другой человек надрывным и громким голосом.

– Не поделятся если, то мы им устроим, похлещи продрозверстки!

Наши. Где только нет наших!

– Мы трудились, трудились, воздвигали дома, сеяли хлеб, разводили скот, а вы, лодыри, да ещё делись с вами. На трудоднях нас обманули. Вы хуже варваров! А ещё коммунистами и руководителями были! Злыдни!

Забор резко повернул влево, и мы вышли на небольшую площадь. На ней толкалось человек двадцать. Кричали, махали руками, а двое держали друг друга за воротники.

Неожиданно с нами оказались Кирьян и Степа.

– Сквозь тернии к звездам! – смеялся Кирьян.

– На чем пролив переплыли? – спросил Сергей.

– Двое мужиков решили не дать нам лодку. Сказали, что одни уже уплыли. Степа чуть приложился к одному. Он и отключился. Степа вспомнил его. Редкий мерзавец.

– Он был у нас главным объездчиком на полях, – сказал Степа. – Беспощадно всех бил плетью. Бабушку на колосках застал. Она больная была. Забил её до смерти. Он открутился. Я его физиономию запомнил. В начале пятидесятых его застрелили.

– Такой молодой, а вспомнил его? Как это? – спросил Иван.

– Когда мы с Кирьяном шли, то передо мной нарисовалась картина наяву. Этот хмырь на лошади бьет женщину кнутом. Понял, что это моя бабушка.

– Как теперь лодки вернуть? – спросил я. – Другие могут пострадать. Там ведь есть рыбаки, кроме того хмыря.

– Мы взяли одного из них. И вашу лодку стянули к воде, – ответил Кирьян. – Не сволочи же мы. Как можно рыбаков оставлять без лодки? И нашу лодку зацепил.

– Интересно, а что у них за базар такой? – спросил Степа.

– Дратья, однако, будут шибко, – ответил Володя.

– Давайте так, орлы? Мы никого не трогаем. Пусть сами разбираются. И нас пусть не трогают, – сказал Кирьян.

В центре толпы стояли трое хорошо одетых мужчин. Один из них ткнул в нашу сторону длинным пальцем.

– Кто такие? Пывылазили отовсюду!

Русская речь. Наши.

– Шли мимо, – ответил Кирьян. – Нам теперь нельзя и по улице пройти?

– Где ты здесь нашел улицу?

– Ходите, шпионите? – резко спросил высокий и худой мужик. Он похож на огородное пугало. – Здесь усадьбы этих господ. Всю здесь землю захватили. Мы на них вкалываем, а они тянут с нас. Земля для всех. Шпионить пришли?

– Никто у вас ничего не захватывал! – крикнул один из богатых одетых мужиков. – Вы во все века были лодырями! Мы вам на трудодни даем! Кто сколько заработает.

– Какая здесь местность? – спросил Кирьян у маленького мужичка, похожего на облезлого пса.

– Зачем нам местность? – ответил он. – Шли своей дорогой, ну и шагайте! Мы здесь сами как-нибудь разберемся.

– Слушай ты, рвань поносная, отвечай, как следует! И нечего здесь корчить из себя революционера! – возмутился Степа. – Куда мы попали долдоны пустомельские!

Все притихли. Смотрели на нас. Чисто одетый мужик выдвинулся к нам.

– Вы прибыли к нам с материка? Отправляйтесь обратно.

– Откуда мы пришли, это наше дело, свинячье ухо! – ответил Кирьян. – И тут нам антимонию не разводите! Ответить лень? Что здесь не поделили? Трудодни? Здесь колхоз?

– Ясно. С материка, – сказал чистюля. – Без вас обойдемся.

– Не похоже, – ответил мужик, похожий на пугало.

– Вы похожи, – ответил Олег. – Все одинаковы. Только вы отстали на целый век. Колхозы? Трудодни? Ловко вы здесь построились. Не смешите.

– Царизм здесь у вас, понимаешь, или что? – вкрадчиво спросил Кирьян. Потом, как закричит: – Признавайтесь, мать вашу в дышло!

– Мы все здесь другие, – ответил чистюля. – Вот это все крестьяне. Мы их хозяева.

– Волосатики? – спросил Степа.

– Какие волосатики? Ещё чего, – ответил мужичок, похожий на облезлого пса. – Волосатики, это шпионы? С материка?

– Не похоже, – ответил чистюля. – Те ходят в рясах, а эти чёрт знает в чем. Да и рожи у всех бандитские.

– Ах ты, сучье вымя! – заревел Степа.

– Бить их всех надо, – сжал кулаки Володя.

– Отвечай, суповой набор! – крикнул Кирьян, и схватил за горло мужичка похожего на пугало. – Отвечай, говорю, суповой набор из времен Горбачевской перестройки. Я тебе покажу, куриный пупок, какие мы бандиты!

Тут с головы пугало слетела тряпка похожая на шапку, и он оказался совершенно лысый.

– Ну, друг ситный? Попался? – прорычал Кирьян. – Бандит, или кто ты?

– Стойте! Стойте, граждане свободного острова! – раздался голос, который резанул в моей голове. Все затихли. Кирьян отпустил пугало, и тот свалился на землю, но, тут, же поднялся. Попятился.

Тут мы увидели Коку и Вето. Недавно мы были у них. Тогда, что это за мир? Где мы? Вот тебе и сбежали.

– Вам бы, Кирьян и Степа, только кулаками махать, – сказал Кока. – Все эти люди, крестьяне из России.

Кирьян стал громко смеяться.

– Умора! И вы ещё здесь пузыритесь? Вы же все здесь под колпаком вот этих лысаков! Канальи труховные! Отвечайте, кушшка и ветошь, как вас там величать!

Он шагнул к Коке, но неведомая сила остановила его. Он замер с поднятой рукой. Сейчас он был похож на статую Ленина на броневике.

– Мочалки поносные! Вы моего друга охомутили? Да я вас! – крикнул Степа. И он тоже замер, и стал похож на картину, где рабочий из дореволюционной России поднимает булыжник для атаки.

– Вы не будете шуметь? – спросил нас Вето.

– Конечно, хотелось бы шумнуть, – ответил Иван. – Я гляжу, что на этом острове рождается два класса – богатые и бедные. Жаль. Мы здесь такие типы подобрались, что нас уже не переделать. Мир перевернулся в обратную сторону. Национальные герои Степан Разин и Пугачев – разбойники и душегубы. Все восстания против царского самодержавия – разбойники. А помещики и богатые – святоши. Хорошо. Но восстания просто так на пустом месте не возникали. Какая-то была причина. О ней писали – Шевченко, Некрасов, Пушкин. Перечислять нет смысла. И вот сейчас, здесь, зарождается класс эксплуататоров и бедных. Ответ? Вот эта площадь. Если снова появится Пугачев? Что тогда? Вы этого хотели, господа Кока и Вето?

– Мы есть труженики! – крикнул один из мужичков в лохмотьях и в лаптях. Надо сказать, что кроме троих нормально одетых, все были в лохмотьях. – Мы вкалываем от зари до зари, а они жируют. Мы их кормим. И они ещё нас называют быдлами! Дождетесь! Возьмемся за вилы. И сбросим кровососов!

– Вот вам и ответ, – сказал Сергей.

– Вот ваш и эксперимент, – сказал Олег.

– Такое не раз здесь было, – ответил Вето.

– И у нас живут люди по-разному, – сказал Кока. – Но такой разницы нет. В вашей России, особенно со времен Ельцина резко началось разделение общества на очень богатых и очень бедных. Ваши правители поощряют тех, кто ворует у народа. Именно с вашего Ельцина появились очень богатые и наглые. У нас давно нет бедных. Все живут хорошо.

– Надо уметь жить, – ответил мужик похожий на пугало.

Появился ещё один мужик от богатых. Он был копия партийного работника. Брюхо переваливало через ремень.

– Ты смотри, и здесь успел брюхо отрастить! – засмеялся Олег. – Оказывается, и здесь такое возможно!

– В нашем мире таких нет, – быстро ответил Вето. – Вот эти четверо господ, действительно бывшие работники обкома партии. Мы решили эксперимент провести на этом острове, но не вышло. Мы не могли из них вытравить стремление обогащаться за счет других. На этот остров из вашего мира мы отправили тех, кто хоть немного провинился перед обществом. А вот этих товарищей мы взяли из вашей жизни и решили перевоспитать их при помощи наших. Среди этих оборванцев есть и наши люди. Мы их послали сюда, чтобы они помогли нам перевоспитать ваших. Единственное отличие ваши земляки сделали. Они сбрили волосы с головы. Если они у нас совсем не растут, то тут они решили поддаться под наших людей. наших людей перевоспитали на свой лад. Сейчас у них наши люди в работниках. Наблюдаем. Что получится дальше? А вот эти люди в лаптях, из вашей России. И тоже попали под власть обкомовских работников.

– Если они слышат, как вы о них говорите? – спросил Иван.

– Эти слова они не слышат. Будем ещё немного наблюдать. Там видно будет. Вот таков ваш мир. Как идти к вашим людям на контакт? Вот поэтому мы и берем некоторых из ваших людей для изучения. Так что вы не сердитесь насчет нас.

– У меня к вам вопрос, – послышался голос Октябрины Правдиной. Во время появилась! Она пробилась сквозь толпу и встала напротив Коки и Вето. – Здесь я услышала, что вновь образовавшиеся здесь богатые построили дворец в сорок комнат. Сколько человек в вашей семье?

– Трое. Ну и что? Кто успел, тот и съел, – ответил брюхатый. – Всегда так было. Не мы начинали, не мы и закончим.

– Сорок комнат зачем? – спросила Правдина. – Хочу понять. И не уходите от ответа.

– Все в России так делают. Мы что? Хуже других? Мы как все.

- А вы экспериментаторы, куда смотрите?
- Прибыли разобратся. На соседнем острове у нас место отдыха. Долго не были там. Мы прибыли туда, а там всё разграблено. Эти люди всё перевезли сюда. Украли. Привыкли в России воровать. Вот и здесь такое устроили.
- Мы честные труженики, – ответил чистенький мужичок известную фразу из времен развернутого социализма. – Мы недавно создали союз промышленников.
- Промышлять на соседнем острове, – вставил Иван.
- У нас, из нашего мира собрались все воспитанные, благородные люди, – не сдавался чистенький мужичок. – Может, вот эти в лаптях.
- Мы не воровали! – крикнули из толпы. – Мы по вашему указанию брали там всё, что попадет под руку. Мы сами живем в лачугах.
- Заврались совсем! – закричал брюхатый. – Мы честные труженики. Они сами у себя украли на том острове!
- Только не уходите от ответа! – закричала Правдина. – Вы разграбили базу отдыха этих бледнолицых ублюдков! Признавайтесь! И я вас буду хвалить! Кока и Вето, найдите способ для наших земляков, чтобы они не воровали.
- Мы хотели...
- Ничего вы не хотели! – перебила Правдина. – Заткнули сюда отпетых прохиндеев из нашего мира на воспитание, а они ваших воспитали на свой лад. Вы расселите ещё многих наших из государственной думы и от правительства. Пригоните сюда президентов от США. Они вам здесь устроят новый Ирак. Разбомбят все ваши города. Пришлите сюда хотя бы пятьдесят наших конторских, и разбросайте по вашему миру. Вот было бы смеху! Чтобы богатых защитить от лапотников, возьмите сюда адвоката Генри Резника. Сделайте такой эксперимент.
- Ответим, – сказал Вето. – Никогда. Ваш мир полыхает огнем, потому что к власти приходят отрицательные люди. Все они греховодники.
- Мы это знаем, – ответил Иван. – Смысл вот этой затеи? У вас других дел мало? Мерзавцев-то зачем сюда прислали? Теперь

я имею право подумать о наших правителях. Что все они, без исключения, засланцы.

– Но, но, – побагровел брюхатый. – Слушать тут разных бродяг. Сами вы мерзавцы! От таких слышим!

– От такого слышу! – крикнула Правдина.

– Хватит! – повысил голос Кока. – На первом месте у вас воровство. На втором месте – вранье. На третьем – гулянки, войны и разврат. Мы дали этим людям заняться наукой. Мы бы научили, как пользоваться энергией от солнечных лучей и космоса. А они стали сразу воровать и угнетать людей.

– Как два государства? – спросил я.

– Если бы вы прошли дальше по острову, то увидели бы заграждения и сторожевые башни. Сами укрылись за заборами высотой в три метра, а крестьян не только заставляют работать на них, но и воевать с соседями по острову.

– Точно, как у нас, – сказал Олег.

– У меня вопрос! – крикнула Правдина. – Слушай, бывший секретарь обкома партии, почему вы не занялись техническим прогрессом? И не уходите от ответа!

– Некогда. Только построили дома, а соседи напали на нас. Пришлось поднимать крестьян на войну.

– Зачем? – спросил Сергей. В это время Кирьян и Степа так и стояли истуканами. Только в злобе таращили глаза.

– Видите ли, маленький поросенок от соседей пересек нашу границу, и залез в корзину, чтобы съесть яблоко.

– Ну и что? – спросил я. – Из-за этого воевать?

– Пусть он ответит, – сказал брюхатый, и ткнул пальцем в чистенького мужичка. – Он из того государства. Пришел защищать своего поросенка.

– Все вы одинаковые! – крикнули из толпы. – Надоели эти перепалки! Утихомирить некому этих тунеядцев.

– Ну и что? Наша курица тоже пересекла вашу границу и на одном из огородов клюнула помидор. И пусть бы клевала, – ответил чистенький. – Так они скандал организовали.

– Ещё не хватало, чтобы какая-то глупая курица клевала наш помидор! – крикнул мужичок, похожий на пугало.

– Из-за этого вы воевали? – удивился Сергей.

– Ваш паршивый поросенок уничтожил яблоки! – крикнул чистенький. – Ваш поросенок полное дерьмо!

– Да я тебе за нашего поросенка глаз вырву! Хотя вы его сожрали и не подавились!

– Мы вашей курице голову открутили!

Мужики готовились к кулачному бою. Они неожиданно замерли, как и Кирьян со Степой.

– Оживите их, – попросила Правдина. – Я им такой вопрос задам, что они вздрогнут.

– Без вопросов обойдешься, – ответил Кока.

– Как вы разговариваете с женщиной? Я же, всё-таки, женщина. И вы не имеете право так разговаривать с женщиной. У вас все такие?

– Приобщаемся к вам, – ответил Вето.

– С вами, господа помещики, будем ещё разбираться, – сказал Кока. Помещики ожили, и быстро удалились.

Один мужичок рванул на себе рубашку.

– До каких пор они будут измываться над нами.

– Пора за вилы братья! – крикнул другой мужик. – Мы им скоро устроим новую крестьянскую войну имени Ивана Болотникова.

– Кока и Вето, – вышел лысый мужичок. – Заберите нас домой. Вы нас к ним отправили, чтобы мы их воспитали. Ничего не получилось. Мы не можем больше так. Домой хотим.

Кока и Вето, видимо, что-то сказали ему. Из толпы вышло четверо оборванцев и подошли к Коке и Вето.

– Эксперимент не удался, – пронесли слова Коки в моей голове. – Идите к той роще. Там вас перебросят на материк домой. Хватит с вас.

Четыре оборванца, жителя прекрасного мира, пошли к лесу. В это время кто-то из крестьян закричал:

– Мы здесь устроим новую революцию!

– Опомнитесь, сыны мои! – крикнул человек с большой бородой и в длинной рясе. – Граждане острова раздора! Призываю вас к милосердию к ближнему своему!

Кока и Вето исчезли.

Кирьян и Степа ожили. Кирьян крикнул:

– Сбежали свинячьи макаки! А это, что за такой поп?

– Вполне сознательный поп, – ответил Иван. – Понимает обстановку. Желает примерить богатых и бедных. Вечный вопрос истории.

– Я не поп, а священник. Тише, братцы. Не позорьте род человеческий. На костер вас мало за грехи ваши тяжкие, ироды неумные. – И тут же протяжно запел: – Не сквернословьте ироды забубенные! Проклянута я вас отшельники болотные!

– Это он мне такую песенку провозгудал? Каналья волосатая! – заревел Степа.

– Изыди, рыжедетскопоносный! – пропел поп. И неистово перекрестил Степу. – Я лицо духовное, это, значит, неприкосновенное! На колени ироды греховодные! Я не каналья, а лицо духовного звания. На колени. Буду причащать вас, сыны мои. На колени!

Что-то знакомое было в его голосе. Кто же он?

Степа заревел, и схватил попа за бороду, и она тут же отвалилась. Под ней оказалась тоже борода, но ещё не отросшая, немного рыжая, скорее всего похожая на пучок отработанной соломы.

– Я вот сейчас тебя причащу, оборотень! – зарычал Степа.

Я узнал человека, прикинувшегося попом. Это был мой земляк Александр Хилопатов.

– Он нам всем здесь головы морочил! – крикнули из толпы. – Проповеди читал. А мы его кормили, поили, лучшее место отводили в доме. Трутень!

– Плут!

– Мошенник!

– Повесить его!

Саша Хилопатов воздел руки над головой и потряс ими.

– Я сдерживал вас, сыны мои, от грехопадения! Стыдил от воровства и блудодейства по отношению к женщинам!

– Ах ты, тварь тунеядная! – заревел здоровый мужик. – Я ишо ему тайну свою открыл!

– Какая там тайна? Микола, сын мой, это не тайна. Двум бабам навяливал блудство. И не знал, на какой женщине остано-

виться! – пропел Саша. – А ещё ты у своего соседа курицу украл и принес мне, чтобы я тебе грехи отпустил!

– Замолчи! – закричал Микола.

– Охолонь, – остановил его Степа. И совсем тихо добавил: – Ты мне покажи, где здесь бабы?

– Стыд-то, какой! – ахнула Правдина. Всё это время она держалась за голову, и качалась.

– Это он у меня курицу украл! – добавил кто-то.

– Я не крал курицу! – ответил Микола. – А взял, как несушку. Та, что просто несет яйца, но не несушка, подsunул попу. Потом несушку ондам. Ты у меня лапти украл. Я их повесил сушить, а ты украл.

– Я вор? Сам ворюга! Мою нижнюю рубашку с веревки снял!

– Тихо! – заревел Кирьян. Правдина продолжала держаться за голову, и её глаза быстро вращались под очками. Кирьян кричал: – Курощупы облезлые! Рожи недопасынкованные! Молчать!

– Ах вы, курицы в декрете! – крикнул Степа.

Это что-то новое для меня. Спросил у Степы.

– Что за камуха такая?

– Курица в декрете? Это насадка, – тихо ответил он и закричал: – Засели тут на острове, а вокруг ничего не знаете! Дожили! В лаптях ходите! Люди в космос летают, а вы в лаптях! Не стыдно? Портянки друг у друга воруете!

– В рубищах, – добавил Кирьян.

– Дети мои, – снова запел местный поп Саша Хилопатов. – Остепенитесь и не воруйте! Не обманывайте друг друга! И я вас прощу!

– Набить ему морду! Перебросить попа к богатым, – кричали в толпе.

– Так как я лицо духовное и неприкосновенное, – продолжал петь Саша, – то имею право отлучать некоторых здесь от церкви.

Наконец-то, и Сергей узнал Сашу. Долго он приглядывался к попу.

– Кого я вижу! Да это же сам Саша Хилопатов. А я думаю, кто это так складно врет. Постыдился бы, Саша. Ты, что это честной народ обманываешь? И здесь продолжаешь гнуть дуру? Ах ты, мелкий пакостник. Юрка, Стрелов, да это же сам Саша Хилопатов! Кто его не знает в нашем городе Туманске? Хватит обманывать бедный народ. Хорошо ты здесь пристроился. Вон отсюда!

Саша перестал петь. Плюнул себе под ноги, и стал пробиваться сквозь толпу, получая подзатыльники и пинки.

Скрылся за углом дома.

Надо бы немного рассказать об этом человеке. Удивительная личность. В конце этого путешествия обязательно поведаю о нем. Без таких людей наша бы жизнь тоже была бы скучной, как и без таких придурков, как мы.

Вдруг Иван сказал:

– Граждане свободной помойки! Извините. Свободного острова! Как вы допустили, чтобы вами командовали прощелыги!?

– Как и везде, – ответил Микола. – В любом мире такое творится. Поднимите камень с дороги и бросьте в меня, если всё это не так!

– С дороги я подниму дрын, чтобы вас отметелить, – заявил Кирьян. – Рядом с вами мощная цивилизация. Вы в лаптях. Строят дома...

– Свинарник, гонят подгузницу, – вставил я.

– На одном из островов организовали райком партии, – добавила Правдина. – Дикарей приручали к цивилизации. Даже красный флаг водрузили.

– Хватит! – крикнул Кирьян. – Наводружались, понимаешь, дальше некуда. Хватит, ёси-моси! Потом, после нас, дикари эти флаги на бедра пристроили. Научились у нас воровать, врать, обманывать, не работать. Тьфу!

– Хорошо, хорошо! – замахала руками Правдина. – У меня всего один вопрос.

– Уходим, мужики, – сказал Микола. – Это пришельцы. Они нас вопросами замордуют.

– Не уходите от ответа! – закричала Правдина. – У меня к вам масса вопросов!

– Молодец, Правдина, – похвалил Кирьян. – Так их лапотников! Знай наших. Хвалю, понимаешь.

Правдина развернулась, приблизилась к Кирьяну, взяла его за воротник, и свой очковый глаз приткнула к глазу бывшего секретаря райкома партии.

– Теперь я задам тебе вопрос, и ты у меня не уйдешь от ответа.

– Караул! – закричал Подгузников. – Помогите! Спасите!

– Испугался! – повысила голос Правдина, не отпуская Кирьяна. – Бывало до тебя слово человека не доходило, а теперь я тебя словом допеку! Я собирала деньги в фонд мира для голодающих арабов Кувейта и негров Америки. Куда деньги шли? На гулянки. Арабы Кувейта и негры Америки умирали с голоду, а они в стране гулянки устраивали! Отвечай!

– Тикай, мужики! – закричали в толпе. – Здесь политикой пахнет! Эти страшнее буржуев! Отсюда прямо на Колыму отправят!

Мужики разбежались. Остались мы и Правдина. И было весьма смешно смотреть на эту сцену.

– Ты, что, Правдина? – закричал Кирьян. – Белены объелась? Нашим деревням надо было помогать. А этим, Кувейту и неграм не надо было помогать! Они лучше нас живут. У нас разруха, нищета, мужики в деревнях спиваются. Ты только родилась?

– Не уходи от ответа! Куда конкретно уходили деньги? Замордую вопросами. Попался?

– Эти деньги уходили в бездонную бочку центрального комитета партии! – ответил Кирьян.

– И на вашу гульбу! – крикнула она.

– Спасите! – кричал Кирьян. – Степа, выручай! Мои уши от её крика заложило!

Степа подхватил Правдину за ноги, но она крепко держала Кирьяна. Кричала в ухо.

– Отвечай обкомовский выкормыш! Почему деньги не отправляли бедным кувейцам и неграм? Почему ты защищал прощелыг от партии? Не уходи от ответа!

Вчетвером мы едва оторвали её от бывшего секретаря. Очки прилипли к левому глазу Кирьяна.

– Отдай очки! – кричала Правдина, извиваясь в наших руках. Мы отнесли её к краю площади. Она визжала. В то же время она успевала задавать нам вопросы.

Мы отпустили Правдину. Она пожелала ударить Степу, но тот увернулся, и удар пришелся по упитанной щеке Сергея. Получился громкий и сочный звук. Даже Правдина хихикнула.

– Отъел морду в райкоме. Потом на обмане людей в электричках. Бичара. В райкоме бичевал, а потом и в Москве. Придурка корчил из себя. Все вы здесь придурки и тунеядцы. Шарамыги. Не уходите от ответа.

– Ах, ты, недопасынкovaná брюква! – крикнул Кирьян.

– От брюквы слышу! Пасынкуют помидоры, а не человека, – сказала Правдина. – С таких людей, как вы, и собравшиеся здесь придурки, и развалилась великая страна, и наша родная коммунистическая партия. Вот ты, Стрелов, кому давал рекомендации в партию? Знаю. Таким же врагам советской власти, как и ты сам. Ты ведь этому попу давал рекомендацию. Коммунисты во время спохватились. Не приняли его. А ты, товарищ Подгузников, кого принимал в партию? Воров с государственным уклоном. Прошцелыг принимал и прохвостов! Отвечай!

– По закону того времени не мог не принять. Что я должен был делать? Вся страна такая была.

– Ой, плохо мне! – воскликнула Правдина. – Куда я попала? Ушли от ответа. Я же, всё-таки, женщина, могли бы, и ответить на мой вопрос.

– Рвем когти, – предложил Степа. – Её не переспоришь.

– Я, всё-таки, женщина, отвечайте!

Как в сказке, откуда-то появились люди в белых и длинных халатах. У всех на головах тюрбаны.

То, что потом говорили люди в тюрбанах, мы понимали.

Старец воскликнул:

– И эта неугомонная здесь? Это хорошо. Даже отлично! Она этим грешникам будет задавать вопросы, и чтобы не уходили от ответов.

Появилось несколько молодых женщин. Они требовали к себе уважения.

– Надеть на этих проституток паранджи! – приказал старец.

– Нет никакого права! – кричала молодая толстушка, её под-держали молодые. – Я свободная женщина! Буду жаловаться в международный суд! Не позволим!

Мужчины, похожие на богатырей, с силой напялили на неё паранджу. Молодые оказались прыткими – разбежались. Всех переловили. И тоже напялили паранджи. Женщины визжали, матерились, все, как одна просили дать пива и закурить.

– Тащите их на площадь! – приказал старец. – И каждой ку-рильнице дать по восемьдесят ударов плетью! И потом все они будут моими женами! И каждая из них должна носить паран-джу! Тащите!

Женщин тащили на площадь. Посредине стояла широкая лавка. По краям стояли два палача с плетьюми.

– Потом их в мой гарем, – сказал старец, и дробно захихикал. – Их после такого наказания у меня уже около тысячу жен. В два года один раз к ней зайду погладить по головке. На большее я не годен. Пусть побесятся. Полезно. Нет пива, нет сигарет, нет парней. А та, что задает вопросы, пусть тоже этих греховодниц замучает вопросами. Ей такое задание дано. Вопросы задавать.

Первой на лавку положили толстушку кверху задницей.

– Приступай, палач. А после порки поцелую в щечку. И пусть неугомонная задает свои вопросы.

Вокруг всё стало исчезать. Но я услышал сочный удар кнута и истошный визг и голос Правдиной.

– Больно? Терпи. А пока я тебе буду задавать вопросы, но не уходи от ответов.

Всё исчезло.

Я сидел на поваленной сосне. Взглянул на часы. Прошло около пяти минут.

Будни окаянные

Я сидел на поваленной сосне. Взглянул на часы. Прошло около пяти минут.

Городок наш Туманск, как и сотни и тысячи других городков нашей удивительной страны, не может существовать без таких людей, как я и мои друзья. Без таких придурков и чудаков жизнь

была бы скучной и серой. Ну, а без Саши Хилопатова жизнь просто была бы невозможна. Скучота была бы адская. Нельзя без Саши. Саши украшают нашу жизнь. Вот и захотелось мне рассказать о нем.

Шел я по улице, а навстречу Саша Хилопатов. Он был без бороды. Он и в нашей жизни отращивал её. Было это в начале девяностых годов, когда многие коммунисты бросили партийные билеты в мусорные ведра, Даже жгли их на виду всей страны, как это сделал известный режиссер Марк Захаров. Странно. Почему он раньше не сжег? Боялся за свою репутацию. Такие люди мне никогда не внушали доверие. Разорвали, сожгли, искусили, побросали в унитазы, а потом толпой ринулись в церкви.

Я тогда Саше сказал:

– В новую церковь поп требуется. Один мой товарищ доложил. Вот была бы у тебя борода.

Он возмутился.

– Нужна мне твоя борода, как собаке веник.

– Не скажи. Там хорошо платят. И ничего не надо делать.

Он насторожился.

Дело в том, что Саша был известным в городе лодырем. Постоянно искал работу, где легче отбыть смену, или кого-нибудь обмануть, что-нибудь стянуть.

Говорил он очень хорошо о светлом будущем, о честности, справедливости, и в основном, говорил лозунгами. Я порой удивлялся, как его не взяли в райком партии. Я ведь ему рекомендацию в партию написал. Правда, коммунисты во время спохватились и отказали ему в приеме в их сплоченные ряды. А надо было бы принять. Там таких коммунистов были миллионы.

Саша неожиданно сделал хмурое лицо, гулко прокашлялся и спросил:

– Сколько попу платят?

– Хватит и тебе, и твоей семье. Ещё и в ресторан сходишь.

Он ещё более нахмурился, ещё раз прокашлялся, поскреб в крепком затылке, попытался пригладить непослушные рыжие волосы и постражал голосом.

– Кха, кгм, Нда. Это самое. Того. У меня борода мигом появится. Мне нет времени с тобой лясы точить. Дела ждут. Надо бы, где Библию отхватить. Приобрести, прости меня, господи.

И он наложил на себя крест. Вот это перевоплощение! Любый артист бы позавидовал!

Широкими шагами он направился к библиотеке.

Через три месяца ко мне пришел Саша. Библия в руках. На его лице красовалась рыжая борода. Он разгладил её, прокашлялся и густым басом сказал:

– Вот я и того. Кха. Кгм. Я готов в попы. Где там собираются прихожане? Хватит бездельничать. Не попал в райком, подамся в попы. Надо людям помочь в тяжелое время для страны. В то время, когда вся наша страна напряглась в тяжелом порыве к светлому будущему, должны быть востребованы умные люди. А поп в нашем краю, как нельзя и весьма обязателен. Буду читать людям проповеди. Библию вот читаю. Я ишо развернусь. Того. Кха. Кгм.

Немного подумал и закричал:

– Я всем покажу на чо я сподобен!

Через некоторое время я увидел его без бороды. Спросил, в чем дело? Он начал плевать и скрежетать зубами.

– Пошли они. Там уже из Новосибирска прислали попа. Я того, – и он сжал кулаки. – Именно я похож на попа. Я из простыни рясу сделал. Простынь только испортил. Она денег стоит. Кто мне за неё заплатит? Они отказали мне уплатить деньги за неё. Я зря, что ли шил её на рясу? Да и солиднее я. У меня и голос гуще.

Потом закричал:

– Я псалмы учил! Зазря что ли? Мне говорят, что у меня нет специального образования. На кой ляд оно мне? И когда они успели выучиться? Этого, того. Ещё мне сказали, чтобы я не кричал в церкви.

Потом он подумал и резко сказал:

– Я – самородок. Здесь я всех знаю, и меня все знают. Этот поп сказал. Надо же! Захлестнуло! Вспомнил. Иеромонах он. У каждого, мол, священнослужителя есть звания. Но, я ведь на-

стоящий поп. Одна борода чего у меня стоила. Да и голос отменный.

Топоча сапожищами, он удалился.

В соседнем мире он решил навестить.

Кстати, я напомнил ему ресторан.

Дело было так.

Сашина жена Аграфена подарила ему семерых пухленьких, рыженьких чад. Из четырех комнат одна принадлежала ему. В неё вход был запрещен, потому что все продукты хранились в холодильнике. Продукты он отпускал строго по весам, по расписанию и по журналу «Доход-расход». Каждую субботу Саша распределял обязанности на неделю. Ровно в десять утра, когда хозяин кабинета, проснувшись, и сделав гимнастику, шел завтракать. Всё это он делал в одиночестве. Потом нажимал сигнальную кнопку. Пронзительный звук сирены извещал о том, что можно входить по одному.

Хозяин восседал в кресле. На столе перед ним лежал журнал: «Распределение обязанностей. Наказания. Поощрения». Нахмурив кустистые, рыжие брови, из-под которых сверлили стоящего перед ним ребенка, маленькие цвета месячного поросенка глазки, Саша напыжился, откинулся на спинку кресла. Ярко-красный галстук будто надулся, и был похожий на ком мерзлой брусники.

– Кто таков? – спросил Саша и ещё более захмурел.

– Это я. Дима.

– Какой Дима?! – повысил голос Саша. – Отвечать по существу! Точнее давай!

– Есть отвечать по сукесву! Я – Дмитрий Александрович Хилопатов.

– Вот так-то! Так. Что ты на неделе нагрел? Пробрался в мой кабинет и выкрал булочку. Надо уметь воровать. Наказание за неумение красть шесть ударов ремнем. Так и запишем. Ложись на лавку.

Отпрыск хлюпал носом и ложился на специальную лавку для наказаний. После порки мальчишка уходил за дверь. Саша возбужденный, злой ходил по кабинету.

– Следующий!

Вошел малыш лет восьми.

– Кто таков?

– Я исти хочу. Исти, – шепчет малыш.

Саша возмущается. Он закричал:

– На еду надо заработать! У меня здесь записано. Соседка притащила тебя за то, что ты, у её дверей нагадил. Если ты нагадил, то надо было убегать. Сколько учить вас! Бестолочь! Всю неделю будешь посуду мыть после завтрака. Имя?

– Сидор Александрович Хилопатов.

– Следующий!

За дверью мама отправляла отпрысков по одному и по строгой очереди. Принимала их после порки, вытирала им слезы и сопли. Гладила по головкам.

– Кто таков?

– Пантелеймоша. Пантелеймон Александрович Хилопатов, – громко отчеканил пятнадцатилетний сынок. Он выпячивает грудь и тарашит на папу нагловатые глаза.

– Так. Кха. Кгм. Молодец! Весь в папу. В меня вырос. Чего ты там наколбасил? У меня записано. Что?! – крикнул папа. Он даже задрожал. Стукнул кулаком по столу.

– Как ты попался? Если ты кого обманул, взял у кого деньги, то не отдавай! Придумай что-нибудь. Но не отдавай! Зачем отдал? Совесть замучила? Совесть – понятие относительное. Совесть не должно быть. Сколько раз этому я вас учил.

– Бес попутал. Вы сколько раз нам говорили, что совести не должно быть. Я помню. Так получилось. Следующий раз не отдам.

– Безобразие! – кричал папа. – Всю неделю обед готовить! Картошку чистить. Следующий! Кто таков?

– Спиридон Александрович Хилопатов. – очень тихо ответил тринадцатилетний отпрыск и скромно потупил глазки.

– Двойку получил? И промолчал? Я бы пошел в школу, как в прошлый раз и дал бы учителям разгону. Сразу бы четверку дали.

– Кошелек я стянул. Постеснялся отдать.

– Постеснялся?! – заревел Саша, и даже ослабил галстук. – Ложись на лавку. Девять ремней. Нет такого слова – стесняться! Нет!

Потом Саша ходил по кабинету и кричал:

– Нарожала мне стеснителей! Кого ты мне нарожала? Совесть и прочая скромная гадость – ахинея! Аграфена, а ну сюда!

Тихо вошла Аграфена, довольно симпатичная, но затюканная мужем жена.

– Ты кого мне нарожала? – рывкнул Саша и плюхнулся в кресло. – Устал я от вас. Пройдусь. Отдохну от всех вас.

Он надел ярко-белый костюм, галстук цвета мерзлой брусники. Отправился в ресторан. Денег он не взял. Не дурак он какой-нибудь. Человек он умный.

Саша заказал на одного, как положено сто грамм коньяка, много вкусной еды. Человек он благородный, интеллигентный. Саша слушал музыку, танцевал с дамами, очаровывал их разговорами на очень высокие темы, даже завел разговор о развернутом социализме с человеческим лицом. И, мол, в том обществе будут жить только такие люди, как он, честные и благородные. Потом он выбирает нужный момент и идет в туалет. Он делает вид, что идет туда, а сам – шаст в дверь, и был таков.

Как и должно быть, однажды он попался. Домой он пришел туча тучей. В грязи, в крови и без любимого галстука. Ворчал:

– Надо же! Галстук им помешал! Мерзавцы! Не поняли мою душу!

На пути в кабинет под ноги попался малыш Сидор.

– Опять у дверей соседки нагадил? Не сбежал?

– Сбежал. Она не заметила. Я исти хочу.

– Исти? Как не стыдно? Постыдился бы. А ну, ложись на лавку! Где мой ремень? Я им покажу, как с меня галстук срывать! Ложись!

После того, как Саша отвел душу, выпоров ремнем малыша, закричал:

– Аграфена, носи новый галстук! Ты, знаешь, мать, я не люблю ложиться спать без галстука. Он, как-то солидность, стержец дает.

Потом он даже задумался, и на его крепком лбу появилась извилистая морщинка.

– Хорошая штука галстук, – тихо сказал он. Успокаивался, гладил упитанный живот, шею, гладкие щеки. – Ведь тряпка, а сколько дает фору. Наденешь его, и будто, где побывал. Солидность, мерзавец, придает, интеллигентность.

Это не весь Саша. С ним приключались и другие дела. Захотелось Саше «подышать» свежим воздухом. Решил приобщиться к земле, к огороду. Уговорил он одну семью поменяться. Он им квартиру, а они ему коттедж. За несколько лет Сашина семья отменно загадила квартиру. И пришлось новой семье делать ремонт. Дорого этот ремонт им стал. Эти бедные бедолаги не знали характер Саши. Ключнули на такую затею. В это время Саша и его лихая семейка уничтожили всё то, что росло в огороде. Сожгли забор. Пошел на дрова сарай. Съели все овощи. Тут и осень подкралась незаметно. Пора возвращаться домой. Те, что сделали ремонт, возмутились:

– Мы сделали капитальный ремонт. Где справедливость? Где честность? Где твое благородство, о котором ты так много говоришь с трибун?

Саша возмутился:

– Обижать многодетного папашу? Это вам должно быть стыдно! У меня столько детей! Им захотелось свежих овощей покушать. Забор гнилой был. Он сам сгорел. Сарай? Он сам обвалился от старости. Вы бы сами проявили благородство, да сами бы предложили нам переселиться на лето в ваш коттедж. Нам становится холодно. И мои дети желают вернуться домой.

В общем, Саша переселился в свою квартиру. И даже был возмущен, что жильцы не успели докрасить дверь на второй раз. А бедные хозяева коттеджа, когда пришли к своему дому, то схватились за голову. Полный разор! У хозяйки сердечный приступ. Увезли в больницу, а потом и мужа. Хотите ещё что-нибудь про Сашу? Пожалуйста.

Занял Саша у одной женщины деньги. Прошло время. Женщина потребовала вернуть долг. Саша обиделся. Спросил:

– У вас сколько детей?

– Один. Ну и что?

– У меня семь. Не стыдно? Вы эти деньги подарили моим детям. Какая же вы не сознательная? В последнем прыжке мы находимся от коммунизма. Развернутый социализм строим с человеческим лицом, а вы тут с какими-то претензиями! Не стыдно? Когда вся наша страна, весь наш народ, считай, надсажается в этом строительстве, то некоторые несознательные люди мешают надсажаться. И эта несознательная женщина не понимает высоких идей нашей любимой родины, советской власти. Ах, вот в чем дело! Я понял. Вы против советской власти? Вот, где собака зарыта! Вы не любите советскую власть!

– Я люблю советскую власть. Дело не в этом. Вы мне должны, – начала, было, женщина, но Саша был в ударе. Он неистововал. Он был в родной стихии.

– В то время, когда все женщины влюблены в советскую власть, то вы её не любите.

– Люблю я её! Не в этом дело!

– Ладно, – стал успокаиваться Саша. – Больше я никому не скажу, что вы против советской власти. И на этом разойдемся. Я могу и передумать. Скажите, спасибо, что вы попали на благородного и интеллигентного человека. Никому более не скажу о вашем отношении к советской власти. Можете идти. Могу передумать.

И бедная женщина ушла.

Однажды он добился, и ему выделили путевку на курорт. Захватил он с собой свой любимый белый костюм и красный галстук. Решил он нервы подлечить. Да и устал родимый. И решил он на курорте пройти все процедуры, какие назначают больным. В общем, прыгал из одной ванны в другую. Люди отдыхали, купались в море, а он посвятил себя лечению. Однажды он попал в непонятный кабинет. Посредине его высокое кресло. Что бы это значило? Лечиться, так лечиться, решил Саша. И полез на указанное ему кресло. Врач была женщина. Спросила:

– Мучают колики?

– У, как мучают. Спасу нет.

Надо сказать, что Саша был абсолютно здоровый человек. Он решил так, если ему дали путевку, уплатил деньги, то надо

оправдать лечение. Ему каждая копейка дорога. Жадность, скажу я вам, страшная штука.

Он при женщине чуть не расплакался.

Ему дали слабительного, а потом, он такое не предвидел – поставили клизму.

После этой процедуры два дня из туалета не выходил. На чем свет стоял, ругал всех докторов, но только не себя. Тут и сезон закончился. Бледный, похудевший, злой он покидал курорт.

Разве не чудной мужик? Веселый мужик. Как-то мы с ним трудились в одной бригаде. Ремонтировали задвижки в тепловых камерах. Кто бы с ним не спускался в камеру, быстро выскакивали. В камере он любил свистеть. Звучно получалось. Спустился и я. Начал гудеть разные песни. Два раза трудился с ним. На третий раз он выскочил из камеры.

– Не могу с ним работать. Он гудит.

– А ты свистишь!

Саша даже подпрыгнул.

– Как?! Это же художественный свист!

Зимой это было. Стоял сильный мороз. Мы сидели в теплушке, и пили чай. Только что ввалился Володя Калинин.

– Залез я в тепловую камеру и подкручиваю гайку, а Саша Хилопатов наверху свистит, арии выводит. Сижу в жаре, работаю, а он все свистит. Свистун чёртов! А мороз-то крепчает. Взглянул, а он уже зеленеет. Ну, думаю, всё, сейчас околеет. И, правда – замерз и перестал свистеть. Вот у Саши сила воли! Мне бы такую силу. Я в жаре под восемьдесят градусов вкалывал, на пот перевелся. Он на морозе в пятьдесят свистел, и ничего.

Однажды, Саша признался мне.

– Не пойму тебя, Стрелов. Что ты за человек? – он осмотрелся и тихо продолжил: – Если честно, по секрету, я всех обманывал. Тебя не смог обмануть. Я не виноват, что люди любят обманываться. Мне от этого весело. Учю, учю людей, и всё без толку. Ну, поддайся. Дай я тебя обману. Займи пятьдесят рублей. Завтра отдам. Шучу. Не отдам. У меня семья. Если начнешь требовать, то я тебе такую речь закачу о твоей совести, что все вздрогнут.

Как-то, в дачном поселке Саша украл шиферные листы. На саночках перевез к своему домику. Пришел хозяин дачи – нет

листов. Соседи видели, как Саша на саночках увозил листы. Сообщили соседу. Посоветовали, чтобы он срочно перевез их к своей даче. Готовился выпасть свежий снег. Потом Саша может отпереться. Утром Саша пришел на свою дачу. Шифера нет. Саша стал кричать, что у него украли шифер. Трудился ведь мужик. От пота две рубашки сменил, а тут украли. Как не стыдно! Что за люди? Он кричал о честности, благородстве, и чтобы воры вернули шифер. В общем, хозяину шифера пришлось прилечь к упитанной Сашиной физиономии.

И вот мы встретились. Спросил его, что он помнит о том, как он попал в соседний мир. Он задумался. Потом тихо ответил:

– Всё шутишь? Всё что-то придумываешь? Честного человека оскорбляешь? Надо, Юра, жить по совести. Вот идет Мария Николаевна. До пенсии у неё надо попросить пятьдесят рублей. Есть люди благородные, честные, понятливые. Помогут бедному человеку.

И он пошел навстречу женщине, рассыпая комплименты.

– О, как вы выглядите! Всё молодеете! Ни что вас не берет!

Молодец, Саша! Надо добавить, что дети у него выросли. Разъехались по стране. Нормальными, хорошими детьми стали его дети. В папу не пошли. Насмотрелись.

Как-то он собрался к дочери в один из крупных городов страны. В контейнер взял любимую люстру, кресло, стол, лавку для порки внуков и ремень. Когда приехал, то затребовал себе отдельный кабинет. Поставил стол. Установил лавку, а на гвоздь повесил ремень. Заставил дочь купить ему чистую тетрадь. Свои деньги он спрятал в ботинок, под стельку. Бедным предоставлялся.

– Папа, ты опять за своё? Сколько можно? Мир изменился? Сейчас другие люди, другие дети. Можешь отправляться домой.

Узнал про всё это зять. Взял Сашу за шиворот. Мужик он был крепкий. Подвел он Сашу к двери и дал ему пинка под зад. Выбросил на улицу.

– Не очень сознательный и культурный ты человек! – кричал Саша. – Разве так по буржуазному можно? Мы строим развернутый социализм! Уже и к коммунизму пора, а ты меня под это

самое! Нельзя так. Это не этично, наконец! В наш прогрессивный век и под это самое ногой?

Взял Саша любимую люстру, стол, кресло, лавку и ремень. Уехал домой.

– Ремнем тебе дорога, – сказали дочь с зятем.

Теперь он, иногда, особенно по субботам, смотрит на лавку, трогает ремень, висящий на стене, и тяжело вздыхает. Однажды вырвалось, нечаянно так выскочило.

– Выпороть бы кого сейчас.

Мне, кажется, что мы ещё встретимся с ним в другом мире. Уж больно любопытная личность. С ним не соскучишься. Я не люблю грустить. Без таких людей, как Саша, сплошная была бы скукота. И вспомнит он наши путешествия. Но для него это обернется печальной, но в тоже время смешной трагедией. Потом я напишу о нем.

Шел я по улице, а навстречу Коля Дыркин. Тоже удивительная личность. В его жизнь постоянно вторгались из милиции и от КГБ. Если Саша искал то, что кого-то можно обмануть или украсть, то Коля прямая противоположность. Он всё пытался сделать для людей. Но, наши люди не понимали его. И называли его придурком. Кстати, Саша тоже этой клички не миновал. Оба они были придурками, но разными. Так что, в моей команде придурков хватает. Люди смеялись над Колей. И удивлялись все, почему он не ходит на демонстрации. Он говорил:

– Мозги вам пудрят. Вся эта система – опиум для народа.

Люди строчили жалобы на Колю, что он против советской власти, и что он много говорит о Боге с придурком Юркой Стреловым. И мечтают построить храм в городе.

Для дач выделили по пять соток земли, а Коля добивался, чтобы людям отмерили по десять, а то и по пятнадцать соток. Опять смеялись над ним.

– Ты, Коля, против советской власти. Раз она так постановила, значит, так и должно быть.

Никто не поддержал Колю. Когда власть сменилась, то стали выделять до пятнадцати соток земли. И даже требовали, когда им наделяли земли меньше. И тогда Коля не смеялся над людьми.

Жалобы, жалобы.

Участники войны строевым шагом шли мимо трибуны, на которой стояли молодые, упитанные коммунисты, холеные представители советской власти.

– Что вы делаете, мужики?! – кричал им Коля. – Кому честь отдаете? Отдаете честь разрушителям социализма и ворам?

Мы тогда с Колей много беседовали с участниками войны. Многие не понимали нас. И был шаблонный ответ:

– Ты против советской власти. Мы отдаем честь советской власти. И не мешайте нам это делать.

– Какая это власть?! – возмущался Коля. – Это представители социально-бюрократического строя с уклоном в буржуазию!

Участники войны гнали нас от себя. Гнала нас от них и милиция. Мы состояли на учете у КГБ. Моя статья о строительстве храма в городе вызвала поток писем в редакцию, на радио. Даже Саша Хилопатов выступил с гневной статьей против того, что в нашем городе храм не нужен. Будущий поп Саша смеялся:

– Уморили вы меня! Сказки для детей! Вы взрослые. Это опиум для народа! В то время, когда у нас социализм с человеческим лицом, но должно быть поповской идеи!

После указа президента Ельцина о праздновании старинных праздников, член райкома партии на второй день организовали крестный ход.

– Юра, приобщайся к нам. Будем собираться вместе и молиться.

Десять дней тому назад, он смеялся надо мной.

– Юра, давай к нам! – крикнул другой бывший член райкома партии, самый лучший пропагандист по антирелигиозным вопросам. Двадцать дней тому назад, в районной газете была напечатана его гневная статья против того, что я выступил за строительство церкви.

Он взял меня за пуговицу, но странно, его маленькие глазки бегали, и задушено сообщил:

– Надо, Юра, читать Библию. Мы решили поднять вопрос о строительстве храма. Нас много собирается. Не отрывайся от народа. Давай, примыкай к нам.

– Это называется – хамелионизм, – ответил я. – Иисус Христос таких людей, как ты, критиковал.

Он крикнул:

– Зря! Христос был отменным смиренным послушником!

Такое я не мог выдержать. Вернулся.

– Надо бы вам, всей вашей толпой, прочесть главу шестую, стих шестой от Матфея. И ещё. Иисус не был смиренным послушником. Знать надо. Это был настоящий революционер. От него возникла новая вера. Завет. Как он вел себя с торговцами у церкви. Разбрасывал лавки. Это смиренный послушник? Как он вел себя с прощелыгами, мошенниками, фарисеями! Он вел за собой народ. Читать надо Библию. Вы все здесь лицемеры. Как можно так быстро, в несколько дней от ярого атеиста стать религиозным? И ринуться в крестный ход. Кто вы? Как так можно?

И вдруг я понял, что этих людей ничем не проймешь. С такими людьми и боролся Коля Дыркин.

Вот одна из бывших атеисток подошла к перекрестку дорог, и на виду у всех, стала неистово креститься. Что это? Кто мне даст ответ?

Встретили меня двое. Один трудился инструктором в райкоме партии, другой был начальником партийного отдела. Были лучшими пропагандистами района.

– Юра, ты почему отрываешься от народа? Вот ты всегда такой. Мы тут иконы нашли и решили устроить крестный ход. Приди к нам. Покайся.

– Вы покайтесь? – спросил я.

– Чего нам каяться? Мы добиваемся строительства храма в городе. В Доме культуры собираемся. Не отрывайся от нас. Приходи. Если что, поможем.

– Вы же месяц назад долбили меня через газету и радио. Я пытался организовать верующих, а вы мешали.

– Э, Юра, куда хватил! Не было должного указания. Пришло такое разрешение, и мы должны следовать этому указанию. Ты, Стрелов, всегда лез вперед батьки в пекло. Нехорошо. Нельзя. Будь как все.

– Если вдруг всё изменится?

– Теперь не изменится. Везде строят храмы. Ну, а если что, то мы как все. Подключайся к нам.

– Фарисеи вы, – сказал я и пошел от них. Один из них крикнул:

– Кто это такой? Почему не знаем? Где он работает?

– Библию надо читать. Там ищите ответ на таких людей, как вы, – ответил я им.

Что ещё я мог ответить им? Что? Как можно так быстро поменять свои убеждения? И с этими людьми хотели что-то построить в нашей стране светлое и прекрасное. Надоели они мне.

Над нами вечность

Я опять в Москве. Захотелось увидеть моих друзей. Три дня искал их по всем электричкам. С ними столкнулся в переходе в метро. Сергей брэнчал на гитаре, а Иван и бородатый Олег пели. Олег опять «косил» под «слепого».

– Здорово, орлы! – приветствовал я. Сергей и Иван никакого внимания на меня. Олег перекрестил меня и пропел:

– Не мешай, сын мой, ублажать нашими всепроникающими бархатными голосами во благодать высоко духовных чад проходящих мимо и бросающих деньги в коробку. И отпустятся оным чадам все грехи. Не мешай глаголить истину про чудотворное влияние музыки на думы и чаяния и даже чувства проходящих мимо нас умных людей. Аминь.

Одна толстая женщина остановилась.

– Тю! Да, я этого бородатого видела! Он зрячий! Вот с тем пришибленным худым пиво жрали. Зрячий успевал тыкать пальцем в газету, и что-то доказывал плюгавенькому.

– Чего? – спросил Иван. – Это я-то того? Разве можно обзывать странников в другие миры? Как вам не стыдно? И не спорьте со мной, уважаемая толстушка. Денно и ночью этот слепец молится о вашем здоровье. Чтобы вы не похудели и не истощились. И, чтобы вы не поплошали личиком. Как не стыдно?!

– Аминь, – пропел Олег и перекрестил даму. – Геть отседова, а то нашла на тебя Октябрину Правдину. И она тебя замучит вопросами. И не уйдешь ты от ответа. Свят, свят, свят. Аминь.

Сергей быстро укладывал гитару в чехол.

– Пора, ребятки, сматываться, – сказал он. – Жареным пахнет.

– Убегаете! – закричала толстая. – А чо вам моё лицо? Мой муж меня за моё лицо полюбил. Народ амманывайте! Сволочи!

– Мы народ не обманываем, а благость ему соизволяем, – ответил Олег. – И, вам, любимая мужем, толстозадая судырыня, желаю встретить Правдину.

Мужики рванули в толпу – я за ними. Дама кричала:

– Люди добрые, это мошенники! Я не толстозадая! У меня нормальная, любящая мужем задница! Ловите их! Утвари!

Но добрые люди вереницей шли мимо. И никому не было дело до нас. И только один мужик, стоявший в стороне, засмеялся и сказал:

– А чо? В теле баба. Мне таки по душе. Повоевать бы с тобой в укромном месте.

И тоже скрылся в толпе.

– Все мужики сволочи и утвари!

Плонула и тоже растворилась в толпе.

– Назойливая баба, – сказал Олег. – Всю обедню испортила. Когда, Юрка, приехал?

– На Дону был и на Волге, – ответил я. – терпеть не могу толпу. Шум, гам, особенно не люблю визглые женские голоса. У меня железное правило. Никогда не спорю с женщинами.

– Куда нас теперь? – спросил Иван.

– Пойдемте дальше от сутолоки, – предложил я.

Мы вышли к Казанскому вокзалу. Два милиционера стали подозрительно приглядываться к нам. Мы спустились в переход. Вышли к Ярославскому вокзалу.

Здесь к нам подошел Дюрд. Он сказал:

– Кроме вас меня никто не видит. Я в вашем сознании. Вам, кажется, что вы меня видите. В реальности меня нет. Обман зрения. Я задаю вам задание на мой облик. И вот он я. Идите к воде. Там много точек, откуда можно будет взять вас в любой мир.

И он тут же исчез.

Мы на берегу речки Клязьма. Лужайка. Немного можно полежать и отдохнуть на свежем воздухе.

Мы с Иваном сели на бугорок.

– Благодать, – сказал Иван. Он сбросил рубашку. Ключицы и ребра выпирали бледную кожу. – Загорать не люблю. Сейчас пусть тело подышит свежим и лесным воздухом.

Он лег на спину. Глядел в чистое, светло-синее небо и долго молчал. В метрах ста от нас легли на травку Сергей и Олег.

– Ужас берет, – нарушил молчание Иван. – Прямо надо мной, напротив моего зрения, бездонный космос. Нет конца ему. Страшно. Такое огромное пространство давит на меня, плюгавенького, микроскопического. Порой, когда я очень долго смотрю в одну точку над собой, то иногда, что-то проявляется. Вокруг мною обозреваемого мира надвигается темнота и мир исчезает. В центре бездонность. И я эту бездонность вижу, чувствую, ощущаю. Мысль моя требует остановиться, не смотреть в эту глубину. Внутри меня что-то сопротивляется. На пути моего зрения возникают очертания бесчленных, движущихся потоков, похожих на утренний туман, ползущий по распадку. Но двигаются они не в одну сторону, а в хаотическом состоянии, не цепляя друг друга. Они похожи на солнечные протуберанцы. Такое ощущение, что мне, кажется, они живые. И если ещё дольше смотреть, то бывает не по себе. Однажды, я так увлекся, что в этих протуберанцах увидел маленькие очертания, похожих на головастиков. Возможно, это и есть живые существа. Меня будто кто отдернул от этого созерцания. Очнулся. А мир вокруг меня словно ночь. Ничего вокруг себя не видел. Стало страшно. Долго привыкал к дневному свету. Думал, что с ума сойду. Скажу прямо. Космос заселен живыми существами. У них там своя жизнь. Разум. Возможно, это наши души. Не надо одежды, воздуха, земли. Ничего не надо. Один разум. Каждая душа соединяется с живыми существами в колониях – протуберанцами. И их подпитка – энергия солнца. Плазма. В ней, в плазме, главная суть жизни в космосе. Она живая эта плазма, и она главная в космосе, связанная с космическим разумом – Богом. Создателем вселенной. Представь, умирает человек. В нем есть энергия. И пока человек жив, эта энергия связана именно с этой плазмой. Человек умирает. Энергия, назовем её душой человека, стремится в пространство. Вот тебе и тоннель, свечение,

благость, яркий свет. Умиравший человек в этот момент не желает возвращаться в реальную жизнь. Ему там хорошо. Если бы он знал, что там хорошо, то разве он вернулся бы в реальную жизнь? Так устроен наш мозг, что ему не дано знать тот мир, где есть вечность. Мы, люди, отбываем свой грех в нашем мире. А нам, кажется, что у нас светло. У нас темно. Там светло. Человеку не дано знать мир плазмы. Иначе мы бы удавились. И это сделано правильно. Для плазмы, наш жизненный цикл – мгновение. Побаловались в нашей жизни, и обратно, в плазму, в вечность. Там нет времени, пространства. Представь. Не было вселенной. Была вечная плазма. Вечный разум во всем. Космический разум. Бог. Вечность. Из энергетической плазмы космический разум сотворил вселенные с их звездами, планетами. Наша плазма, что окутывает нашу планету с её живущими в ней существами, живет в нашей солнечной системе. Плазма связана с другими созвездиями. Плазма – это связующее межгалактическое в бесконечном пространстве и времени живое существо.

– Я тоже об этом думал, – прервал я. – Иван, наши с тобой души, как я понял, схожи. Я тоже так соображаю насчет этого.

Он словно не слышал меня. Он говорил. Он был в ударе. Глаза его были расширены, и, не мигая, смотрели в бездонное небо. Что он сейчас видел?

– Плазма опутывает планету. Она живая. Я вижу её потоки. Она находится в километрах тридцати от земли. Как удивительно её сполохи похожи на протуберанцы от солнца. Есть напоминают мне сетку. Каждая нить сетки уходит в бесконечность. Удивительно устроена вселенная. Плазма. Отдельные участки её уходят в глубину космоса и к солнцу. И всё взаимосвязано.

Вдруг он резко прикрыл глаза ладонью. Хриплым голосом сообщил, что кругом темнота, и только там свет, И там он что-то увидел.

– Юрка, это ты рядом со мной? Странно. Вдруг, на миг, я не почувствовал своего тела. Я будто одно целое с землей, космосом. Смутно подумал, что я лежу на земле, а рядом ты. Там, в беспределе, я увидел лицо человека. Он смотрел на меня, и лицо это стало приближаться. И во мне кто-то сказал, что так больше мне нельзя делать.

Иван быстро сел, отвел руку и чуть прикрыл глаза.

– Кругом темно. Ничего не вижу. Надо привыкать к дневному свету. И он так темен. Нам только, кажется, что наш мир светлый. Темный он. Там так светло и тепло. Видимо, не дано человеку, заглянуть в тот мир вечности и понять строение плазмы и тех каналов, которые я видел, что пронизывают космос. Вечная книга Библия права. Вначале было слово, и слово было Бог. Великая книга. Такое и было начало. Потом уже началось построение параллельных миров. Удивительно сложен мир. Мы можем только строить гипотезы о создании вселенной, и что такое плазма, и каналы, уходящие в бесконечность. Я пока ничего не вижу. Темнота. Боюсь полностью открыть глаза и увидеть людей со злыми лицами. Боюсь. И, как увидеть над собой прекрасный мир. Возвращаться надо. Потом наши души устремятся в плазму, в каналы, в космос, к свету, к солнцу. Вот почему, мне, кажется, нельзя вызывать души умерших людей. Там их настоящая жизнь. И только прах в могилах. И больше ничего нет. Нельзя часто ходить на кладбища, тревожить прах. Какой смысл? Память должна быть об умерших родных. Это прах. Есть ответ в Библии от Матфея. Глава восьмая. У одного из учеников умер отец, и он попросил Иисуса, чтобы он, сын, похоронил отца. Иисус ответил: « Иди за мною и представь мертвецам погребать своих мертвецов». Я долго думал над этой фразой. Как могут мертвецы хоронить мертвецов? Ответ – ученики Иисуса, апостолы, их жизнь – вечность, а обыкновенные люди без него похоронят. Потому что каждый человек, это мертвец. Прах. Душа отрывается от мертвеца и уходит в небо. О душе надо думать и вечности. Умирает человек. Хоронят. Слезы. Истерика. Море цветов. Несут фотографии, награды. Какое лицемерие. Кому это нужно? Зачем? Показать людям, что какой он хороший? Кому показывать? Дела его на земле в этой жизни вот ответ. Дела его. Мы лицемерим, когда хороним.

– Терпеть не могу визжащих голосов женщин, – прервал я.
– Иная кричит, визжит, а через неделю нового мужа нашла. Умер мой товарищ. Жена плачет, рвет на себе волосы. Кричит:

– Кто теперь любить меня будет? Держите меня, а то я лягу с ним. Держите меня! Лицемерка. Как не стыдно? Через восемь

дней привела в дом нового мужа. Всё для людей устраивала. Показуха.

Иван будто не слушал меня. Зажав колени худенькими руками, он раскачивался, и что-то тихо говорил. Глаза у него были закрыты. В метрах ста от нас Олег и Сергей загорали. Я приблизился к Ивану. Сел с ним рядом. Он говорил:

– Конечно, мне надо было сдержаться, а я его в ухо. Вот и вся моя жизнь, – говорил он. – И вот я на улице. За мерзавца выгнали. Возможно, оно и должно быть так. Теперь я свободен. Как прекрасно быть свободным. Могу хоть сутки смотреть в небо, и искать там ответ о смысле жизни. Из века в век человек задается вопросом, что же такое жизнь? Почему именно я, родился от матери, а не кто-то другой? Случайность? Возможно. Это один вопрос. Ради чего мы живем? На это могли ответить коммунистические идеологи патриотическими лозунгами. До них никто не ответил. Ради чего? Вот только что я смотрел в бездонное небо. Ведь и там жизнь. И наши души устремляются туда, чтобы жить. Может, ради этого мы живем? Ради вечности? Тогда ради чего, лично меня, родили? Я не говорю обо всем человечестве, потому что в человечестве все люди состоят из индивидуума. И один из его представителей вот он – я. И этот представитель размышляет о смысле жизни. Имеет ли он право так рассуждать? Почему он не имеет таких прав? Обыкновенный комар или клоп борются за жизнь. Значит, этот клоп, как представитель клоповой армии кровососущих так понимает жизнь? Борьба? Вокруг меня люди и каждый из них ведет борьбу за существование. Народился в борьбе, начиная от крошечного ядра, живет в борьбе человек и умирает в борьбе за жизнь. Вот и весь смысл жизни. Борьба. Меня выжили с работы, выкинули на свалку, потому что я мешал им лучше и слаще жить. Борьба. Может, в этом ответ? Никто не ответит. Может, и не дано понять смысл нашей жизни? Пусть, мол, человек размышляет над этой темой, пусть мучается, если ему это интересно. Что там надо мной? На то я и человек, чтобы размышлять. Переходный период. Испытательный срок. Что заслужил, то и получи. Если в человеке с детства заложена темная сила? На что разум? Пусть борется с темнотой. Пример. Человек встал утром. Всегда злой. Ближнему говорит: – « Утром меня не

трогай. Я злой». Значит, в нем сидит темная сила. Борись. Я ведь вот борюсь, а почему этот человек не борется? Что делается на остановках автобуса? Так и витает злоба. Она концентрируется и выходит наружу, бьет в мозги нормальному человеку, портит нервы. Происходит цепная реакция. Зло витает над миром. Это огромная энергия. Где-то она собирается в пучок, начинаются конфликты и даже войны. Вокруг нас всё живое. Трава, цветы, деревья, вода. Всё. Даже наша земля есть живой организм. В злобе своей мы вредим всему живому. На мой взгляд, мы движемся к катастрофе. Природа начинает бунтовать, бороться с деятельностью человека. Опять борьба за жизнь. Я чувствую, ну, просто вижу отблески от того, как полыхает всё на земле. Конец света. Если ничего не изменится, живой мир начнет гибнуть. Планета, как живой организм начинает бунтовать. Да и к власти почти во всех странах приходят сатанисты. Идет борьба с человеком. Борьба. И возьмут нас, всех скопом, в другой мир. Там распределят кого куда. В ту самую плазму мы попадем. И начнется на земле новый цикл жизни. Мы и так, незаметно для нас, переходим в другой цикл, в другую эпоху. Чувствую. Человек изменится. Меняется его физиологическая структура, его характер, внутренний мир. А вот кто захватит этот внутренний мир, пока ответа нет. Сами люди виноваты.

– Виноваты все, – сказал я. Иван резко повернулся ко мне. В глазах удивление: – Это ты? Ты. Так и знал. Удивительный мир я увидел там. – И он кивнул в сторону неба. – Такое бывает во мне ощущение, будто я сливаюсь с небом. Не чувствую тела. В начале, бывает страх. Потом появляется интерес. Когда возвращаюсь, то опять страх. Вот и сейчас страх. Боязнь перед такой бездной и вечностью. Всё возможно. Вдруг наступит такая легкость, что возьмешь и взлетишь. Устремишься в космос, в каналы.

– Ты прекрати испытывать судьбу, – ответил я. – То, что нас отправляют в другие миры, это совсем другое дело. То, что ты увидел в небе, я не видел. Бывает со мной такое ночью. В темную ночь выйду из своей избушки и начинаю смотреть в небо. Вижу его куполообразность, меня берет оторопь. Надо мной бездонность. Где-то рядом, за тонкой, но недоступной человеку пленкой, есть другой мир. И возможно, на этом месте, где мы с тобой

находимся, сидит человек и тоже размышляет о множественности миров. Вот сейчас я протяну руку и ухвачу его за нос. И скажу я ему:

– Что, брат, попался? Не шали. Не топчи нас.

– Всё так, Юрка, всё так. Только с тобой я могу поговорить. Ты умеешь слушать. И никогда не споришь и не возражаешь.

– Он вдруг встрепенулся и оглядел меня, словно увидел меня впервые: – Странно. Ты никогда не споришь! В чем-то ты не согласен! Спорь. Доказывай свою правоту.

– Зачем? Смысл спора? Я полностью с тобой согласен. Даже если я не очень согласен, то зачем спорить? Ведь это твое мнение. А мнение, если я чувствую и знаю, что это философия моего товарища, тогда зачем спор? Если я знаю, что существует плазма, то в чем смысл спора? И потом. Мы с тобой знаем, что мир не только сложен, но он и многолик. Смысл спора? Есть движения в космосе, свои течения, ветра. Смысл спора? Миллиарды душ там находятся. Мы с тобой об этом знаем. Смысл спора?

– Ты прав. Если бы нас с тобой послушали люди, то сказали бы, что мужики рехнулись. Бомжи не могут, не имеют право говорить на эту тему. Нельзя нам рассуждать. Нехорошо, – ответил он и лег на спину: – Вечность. Моя душа вечна. Поэтому меня ничто не интересует в моей реальной жизни. У меня ничего нет. Родные по крови? Я им не нужен. Мои деньги моей жене нужны были. Ответ в Библии. Самые злейшие враги у человека – его родные. Моя душа во мне. Вот, что главное. Мой второй – я. Моя душа принадлежит Богу. И я его люблю. Он – моя любовь. Вот вы, мои друзья, сейчас вы мои родные. У нас родственные души. И когда мы уйдем в вечность, то будем вместе. Не желаю я там отдыхать, как говорят мне старые люди. Я хочу там вкалывать. Там много работы. Вот мой вопрос из вопросов. Ответа нет. Да и не должно его быть. Надо заниматься вопросами, находить ответы, но для себя, потому что точного ответа на любой вопрос, может только быть полуответом. Если говорят, что тот или иной человек дал ответ – ложь.

– Я согласен с тобой, Иван. Вопрос есть, ответ неполный. Я всё знаю – говорят лицемеры.

– Вот мы бродяги до чего додумались! – воскликнул Иван, и приоткрыл глаза. – Как не стыдно так рассуждать? Нас могут в психушку отправить. Здесь полная свобода!

– Свободы полной нет, – возразил я. – Мы зависимы от обстоятельств.

– Не спорю, – поднял руки Иван. – Не спорю. Относительная свобода. Ах, как она прекрасна!

– Эй, философы! – крикнул Олег. – Кажется, за нами.

Между Олегом, Сергеем и нами появился Дюрд. Куда нас на этот раз? Иван сел, и округлил глаза. Сказал:

– Вот этот наш реальный мир, как пересылка в другой мир. Можно жить. Как бывает темно. Мне в голову пришла ещё одна мысль. Мы, Юрка, с тобой потом обсудим. А сейчас нас отправляют на другую пересылку.

– Пересылка здесь, на земле, в нашем мире, – ответил я.

– Согласен. Но тогда отправляемся в другой мир.

Его голос прервался, потому что всё вокруг исчезло.

Солдаты вселенной

Будто я есть, а вроде меня и нет. Хотел поднять руку, даже чувствовал, что поднял её, но не видел. Вокруг очень светло. Теплота опутала моё тело, словно вошла в меня, будоражила кровь, принесла успокоение, радость. В начале, что-то сдавило грудь, через голову из всего тела выдавилось наружу непонятное. Что это было – не знаю, но понимал, что это что-то мерзкое. Потом пришло облегчение, радость, и кровь стала наполняться теплом, силой. Такое было ощущение, будто вокруг меня пели птицы, играла музыка, тихая, легкая, похожая на старинный вальс, но более, нежнее. Такой музыки никогда не слышал. Откуда это? Даже слышал голоса, проникающие в мозг, будто кто-то разговаривал со мной, но сам я не отвечал. Словно кто-то во мне вел беседу.

И тут я очнулся. Стоял под куполом дома. Несколько раз здесь бывал. Где я только, что был? Как слаб человек, и как он бессилен против неведомых нами обстоятельств. Как мы кочевряжимся, что какие мы сильные. Всего, мол, достигли, и всё мо-

жем. Мы – слабые, ничего не достигли и ничего мы не можем. Делаем только вред природе и себе. Вот это мы можем. Куда нас? И ещё. Меняются ли те люди, которые, как и мы, бывают в других мирах? И что толку, если они ничего не помнят? Всех правителей бы отправить в соседний мир, и чтобы они посмотрели, что можно жить без всяких войн. Например, тот же Абрамович, побывав в соседнем мире, и чтобы он всё помнил, вернулся бы домой, то не купил бы команду «Челси», а пустил бы эти деньги на детские дома. Я не против того, чтобы наши люди стали жить богаче, чтобы они честно заработали деньги. И у меня есть такие знакомые. Хорошие, толковые, честные люди. Хотя некоторые из них могли бы жить ещё богаче. Тогда какой в этом смысл? В основном же, богатые обворовывают страну. Вот в чем наша беда. Обворовать страну, тоже надо иметь талант. Именно этим людям надо показывать другие миры. И как вышибить из них темную силу? Я, например, борюсь с ней каждый день. И порой эта сила берет верх надо мной, и потом мне становится стыдно за свои поступки. Читаю Библию. Там много ответов. Порой я опять срываюсь, и опять поднимаюсь, но не обманываю народ. Библия помогает мне выстоять. Борьба. Человек сам должен бороться с самим собой.

Я стоял под куполом, и так вот рассуждал. Вокруг никого. И только по стенам двигались причудливые, расплывчатые тени, похожие на очертания людей. Я их не боялся. Где мои друзья?

В этот момент меня словно кто вытолкнул из-под купола.

У крыльца стояли мои друзья – Олег, Иван и Сергей.

– Что это было? – спросил нас Олег. – Словно меня просвечивали.

– Сперва из нас выгнали разную дрянь, – ответил Иван. – Я даже чувствовал, как она вытекает из меня. Что-то в нас поменяли. В этот мир мы не должны вносить разную гадость из нашего мира.

Мы оказались на острове Диком, где комендантом служил Гниломедов. Было странно то, что местность была словно в тумане.

– Такое ощущение, будто это не реально, – сообщил Иван. – Сейчас нас отправят.

Нас не отправляли. Туман рассеялся, и мы увидели всё знакомое. Каждый домик увидели, даже столовую. Над нами чистое небо.

К нам подошел Дюрд.

– Что это с нами выделывали? – спросил я. Дюрд словно к чему-то прислушивался. Потом ответил:

– Иван прав. Выдавливали плохое. В вашем мире сейчас много отрицательной энергии. Подчистили вас.

– Где это бывает? – спросил Иван.

– В космосе.

– Там есть живая плазма? – быстро спросил Иван. Дюрд улыбнулся. Ответил: – Ваши рассуждения с Юрием что-то вертятся рядом. Вам никогда не понять строение космоса, вселенную. Пожалуйста, рассуждайте. Это хорошо. Ваши теории мы не будем разрушать. Вы даже побывали в плазме. Да, плазма, живой организм. На блюдечке мы ничего вам не подадим. Человеку дан разум. Вот и трудитесь. Это так. Вокруг вас в вашем мире сейчас много темной силы. Люди её не видят, но чувствовать её обязаны.

– Вечная борьба добра со злом, – сказал Олег.

– Это так, – ответил Дюрд, и тут же исчез.

– Вот те раз! – воскликнул я. – Нас куда?

– Вдруг сбежим? – хитро подмигнул Сергей, – ведь мы ещё не были с другой стороны. Там живут современники. А может, ещё какие люди.

– Помню, в первый раз я здесь появился в 2389 году. Потом ещё как-то приходил катер с материка. Как мы доберемся? – спросил я.

– Вот так, – ответил Сергей, и махнул рукой в ту сторону, куда мы всегда отправлялись. Там был мыс и небольшая пещера.

Мы отправились к пещере. Здесь мы всегда встречали людей. Сейчас был один парень. Он сидел у костра и смотрел на море. У берега были два плота и баркас под парусом.

– Здравствуй, отрок. Где люди? – спросил Иван.

Парень даже не повернул голову в нашу сторону, но сказал:

– Впервые вижу море. Мечтал. Даже не представлял, какое оно? Конца не видно. Море нежное, теплое, душу греет.

- Романтик, – тихо сказал Сергей. – Как ты сюда залетел?
- Долго рассказывать. Брат случайно убил человека. Я рядом был. На себя взял. У брата пятеро детей. Я не женат. За дело убил. Он коммунистом был. Его сын брата дочь опозорил. Я всё взял на себя. Грозили, что я враг народа. Коммунистов, мол, я решил извести. И было мне задание убивать большевиков. Потом расстреляли меня. Хоть море увидел.
- Где остальные? – спросил я. – На рыбалку ушли?
- Угу. К ужину вернутся. Что-нибудь, сгоношу.
- Сибиряк? – спросил я.
- Угу. Из Качуга я. На реке Лена. Рыбалка была, грибочки, ягода разная. Хорошо жили. Два коня было. Коровы. В тридцатые годы это было. Мельница своя была. Всё отобрали.
- Значит, твоих родных раскулачили, – сказал я. – Раскулачили. Моего деда Максимова по матери, тоже раскулачили и расстреляли. Кораблик не одолжишь?
- Можете взять баркас.
- Мы залезли в баркас. Оттолкнулись от берега. Я и Олег сели за весла. И тут мы увидели, что к нам бежали – Степа, Кирьян и Володя.
- Как вы без нас? – кричал Кирьян. – Кто без меня будет направлять вас?
- Они с нами рядом. Теперь нас семеро. Настоящая великолепная семерка. Мы объяснили друзьям о нашем намерении изменения курса плавания.
- Ёси-моси, каналья! – воскликнул Кирьян. – И у меня была такая мыслишка. Вперед, мужики!
- Мы обогнули мыс, и вышли в открытое море. Поставили парус, благо ветер был попутным. Прошло время, и наш остров исчез с горизонта. Кругом вода и чистое небо.
- Вдруг шторм? – спросил Сергей.
- По идее, если мыслить и рассуждать теоретически, то мы должны пойти на дно, и с нами всё будет покончено, – стал рассуждать Иван. – Мы есть энергетические субстанции. Следовательно, мы в оном мире не существуем, а, значит...
- Тьфу, каналья заученная! – оборвал его речь Кирьян. – Хватит долдонить! Это наши лекторы могли так запутанно болтать

часами. Надоело. Хватит. Давай говорить на простом и народном языке. Мне нравится вот так по-простому болтать. Тогда я отдыхаю классно. Значит, хрен нас кто потопит!

– Ладушки, – сказал Степа. – Мы будто поплавки.

– Мы есть люди, Степа, – ответил Кирьян. – И мы все из России. Хрен нас кто возьмет!

– Вдруг это Тихий океан? – сказал Олег. – Вот, где будет ловко! Вот будет умора!

– Не каркай! – проворчал Степа. – Может, это и не океан?

Ветер усилился, и наш карбас побежал быстрее. Вскоре волны становились всё больше и выше. Нашу лодку бросало от волны к волне. Парус порвало. Мачта переломилась. И тряпку унесло. Управляли веслами. Один раз, как мне показалось, я увидел гору.

– Земля! – закричал я. Так, наверное, кричал матрос с того корабля, который мотало несколько недель по океану.

– Земля! – крикнул и Сергей. Огромной волной нашу лодку перевернуло, и мы оказались в воде. Берег был близко. Настоящий песчаный пляж. Повезло. Мы выбрались на берег.

– Сбежали. Куда? – спросил Олег.

– Судя по природе, мы находимся где-то на юге, – сообщил Иван. – Если это остров, то, возможно, он населен дикарями. У меня такое ощущение, что за нами следят. Опыт. Когда я собирал бутылки, то за мной следили мои товарищи-бомжи. Так вот и сейчас.

Я тоже чувствовал, что за нами следили.

– Странно, однако, не чую ничего, – сказал Володя.

– Пусть только сунутся, – сказал Кирьян и крикнул: – Выходите! Мы вам быстро рога ломаем!

Никто не появлялся.

Мы пошли к ближайшим зарослям.

Кстати, на нас одежда из нашего мира.

– Неужели сбежали? – спросил Олег. – Мы ведь всё нарушили. Не верится.

– Однако тихо кругом, – сказал Володя.

– Кажется, что-то летит! – воскликнул Степа.

Мы спрятались в зарослях. Над лесом появилось что-то круглое, похожее на спортивный диск.

Он постоял немного на месте, потом вдруг завертелся. Вращение становилось всё быстрее. От такого вращения он был почти невидим. Неожиданно исчез.

– Что это за камуха такая? – спросил Степа.

– Возможно, через много лет появятся такие аппараты, – сказал Иван. – По теории физики ученые сего мира преодолели основы тяготения.

– И кто это? – спросил Кирьян, – Объясни по-русски. Не теми.

– Есть отправная точка параллельно любой плоскости. Взять такую скорость. Куда же улетит корабль? – сам у себя спросил Иван.

– Куда он делся? – спросил Степа.

– Фантастика, – ответил Иван. – Никуда он не должен улететь. Это факт. Просто он попал в другое измерение. Вращаясь вокруг оси, а плотность между измерениями невидима, он врезался в другой мир.

– Тьфу! – плюнул Кирьян. – Как закрутил. Он может оказаться у нас. Так бы и сказал. Мудришь всё.

– Именно он угодил к нам, – ответил Иван.

– Человека можно там закрутить, что он в сосиску превратится, – сказал Степа.

– Аппарат так устроен, что внутренняя капсула находится в том состоянии, какое бывает в космосе. Наружная часть вращается.

– Металл может расплавиться, – возразил Олег.

– Наука на что? Значит, они достигли того, что не плавится. Мы находимся в мире тарелок, – ответил Иван.

– Значит, мы попали не в далекое будущее, а в параллельный мир? – спросил Сергей.

– Думаю, что это так? Возможно, это и будущее. Значит, мы не сбежали. Нам, кажется, что мы сбежали. И придется нам смириться.

– Вдруг это будущее нашего мира? – спросил Олег.

– Сомневаюсь. Конечно, хотелось бы сбежать, – ответил Иван. – А может, и нет.

– Ты какой-то не такой. Вечно сомневаешься, – сказал Кирьян.

– Только в сомнениях рождается истина, – ответил Иван. – Кто не сомневается, тот не рождает истину.

– Кто это сказал? – спросил Кирьян.

– Я сказал. Надо самому выражаться собственными мыслями, а не жить подачками от других. Если бы каждый человек пытался бы мыслить так, как подсказывает ему собственный разум, то человек нашего мира прыгнул бы далеко вперед.

– Темная сила удерживает человека от такого развития, – ответил я.

– Твердо освоилась она, а скорее он, со своей лихой командой, – сказал Иван. – Как эту силу вытравить из-под сознания – задача. Мы боремся с ней в других мирах. В открытую там боремся. В нашем мире мы бессильны против него, так как всё человечество заражено этой силой, как гриппом, как человеческим, так и куриным. Эта сила всё более нагнетет. Сами люди и есть носители этого гриппа. Мы – солдаты вселенной в борьбе с темной силой в других мирах, воюем с таким гриппом. Обидно. Мы в своем мире – никто. Вот, что обидно. В других мирах – мы – солдаты вселенной, а в нашем мире, мы – нуль.

– Куда хватил! – поднял руки Кирьян. – То, что мы солдаты, я за это, а то, что мы нуль – не согласен. Разве Юрка – нуль? Он всю свою жизнь боролся за правду и справедливость. И ничего в жизни не нажил. А я мерзавцев от партии от него защищал. Район я держал в порядке. Сейчас что делается? Полный развал. Я жил и работал по правилам того времени. Были и такие люди, как Юрка. Неформалы. Они раздражали тех коммунистов, кто жил не по чести. И таких людей тоже много было.

– Партию я помогал разваливать, – ответил я. – Страну я не думал разваливать. Да и что я? Песчинка.

– Раз партию развалили, то и страна рухнула. Всё было взаимосвязано, – сказал Кирьян.

– Значит, такая страна была, – ответил Олег.

– Песчинка говоришь? – спросил Иван. – Песчинка. Потом ещё песчинка. Потом ещё. Вода вместе с песком бетонные дамбы рушит. Вот тебе и песчинка. Все мы, скопом, сообща, вместе с коммунистами и их бюрократами вот и разрушили два колосса – партию и страну. Вот тебе и песчинка.

– Хватит о политике, – прервал Кирьян. – Надоела. Лучше ты мне ответь, где мы?

– Отвечаю честно. В параллельном нам мире, откуда, иногда, к нам прилетают вот эти корабли, возможно, живут такие люди, как мы. Так, Иван? – ответил Олег.

– Именно так, – задумчиво ответил Иван. – Мы не сбежали. Переместили нас. Вот и весь побег. И то, что этот мир высокотехничен – факт.

– Хватит долдонить, – резко прервал Кирьян. – От твоих слов можно спятить. У меня даже голова расхололеилась. Ты, как наши лекторы. Кому хочешь голову заморочишь.

– И у меня что-то в голове звянькнуло, – поддержал Степа. – Порой тебя, Иван, не понять.

– Один Юрка его понимает, – сказал Кирьян. – Мы ведь одна команда. И будьте добры изъясняться яснее. А то, как наворотит разных словечек, хоть святых выноси. Хрен ты заболтованный, отвечай, как на духу.

– Он шибко грамотный, однако, – сказал Володя. – Я люблю слушать грамотных. Говорят шибко складно, красиво и непонятно. Я однажды на совещании слушал Абрамовича. Меня тогда избрали делегатом на совещание. Тоже говорил красиво и непонятно. Он шибко хитрый, однако, как старый морж. У нас много бедных, а он какую-то футбольную команду за границей купил. Чужую страну он любит. Многие чукчи так думают. Ему сам Сатана помогает. Я так думаю.

– Вот тебя бы избрать губернатором Чукотки. Свой. Умный, хозяйственный, – сообщил Сергей.

– Меня не изберут. Я – бедный оленевод. Бедных, но умных не избирают. Вы не найдете бедного губернатора. Я не умею говорить долго и непонятно. Если бы меня избрали губернатором, я бы жил скромно, как живут большие люди в соседнем мире. Почему у нас не так?

– Ты, Володя, прав, – сказал Сергей. – Помню, я тоже кое-где был. Тогда было немного другое. Научился классно болтать, и я у власти. Сейчас, чтобы пробиться во власть, нужны большие деньги. Деньги решают всё.

Пока мы так вот переговаривались, ещё два летающих аппарата скрылись с места в одной точке неба. Мы видели и людей. Такие же, как мы, но, что-то их отличало от нас. Если это так, то я здесь был.

Мы пошли через рощу, и вышли на дорогу. Вскоре появились первые дома. Все дома одноэтажные и построены из круглых бревен, но тщательно выглажены и выкрашены в зелёный и синий цвета. Деревня. Разве можно её сравнить с нашими деревнями? Идеальная чистота и порядок. Много цветов, зелени, фруктовых деревьев. Дома расположены вдоль небольшой речки в одну улицу.

Навстречу нам шли двое. Небольшого роста, худенькие, почти подростки. По лицам можно понять, что взрослые.

– Здравствуйте, добрые люди, – приветствовал Кирьян. Они никакого внимания.

– Ах вы, мать вашу, ядрена вошь, они ещё и не здороваются! Упыри потусторонние! – крикнул Кирьян.

– Глисты поганые! – закричал Степа. – Я твой короткий нос быстро ухую и удлиню!

Он протянул руку, и хотел ухватить мужика за нос, но она прошла сквозь тело.

– Невидимка! – крикнул Степа. – Проявись!

– Шалава из шопинга – отозвался Кирьян.

Степа пнул одного из мужиков, но нога прошла мимо, и Степа упал.

Кирьян стал смеяться.

– Клянусь своей лысиной, и Правдиными вопросами, здесь живут слабаки.

Тут случилось необычное. Мужики упали.

– Что за дребедень такая? – спросил Кирьян. Степа вскочил.

– Я ведь слегка их пнул, – сказал Степа.

– У нас энергия. Она уложила их, – ответил Иван.

Из крайних домов бежали люди. Они подняли слабаков. Они едва шевелились.

Неожиданно появился летающий аппарат. Из него вышли два небольших человека во всем зеленом. Из плоских ящичков вытянули блестящие шнуры, накинули их на головы слабаков. Немного постояли, и вдруг засуетились. Неожиданно появился ещё один корабль. Мы решили скрыться в роще. Мало ли, что может случиться.

Я оглянулся. Из центра корабля вытащили блестящий стержень с усиками. И он стал делать круговые движения.

– Мужики, – сказал Иван. – Надо уходить дальше. Эти щупальца ищут нас. Они догадались, что какая-то неведомая сила уложила их. Мы для них невидимки.

Усики остановились и были направлены в нашу сторону. Мы побежали. Выскочили на тропу.

Нас пока никто не догонял. Я постоянно чувствовал, что кто-то следил за нами.

Мы шли долго, и вышли к реке.

– Кажется, оторвались, – сказал Степа. – Ну, и влипли мы.

– Не грех было бы искупаться, – сказал Сергей. – Всякая дрянь на нас налипла.

– Кто нам запретит? – ответил Степа. – Эти бледнолицые черви?

– Нельзя так, дорогой товарищ, отзываться о неизвестной нам цивилизации, – сказал Иван. – Это люди, разум, общество. Нельзя. Возможно, это были бы прекрасные собеседники.

– Вам бы с Юркой только собеседников найти, – ответил Ки-рьян. – Искупаться бы не мешало.

И он стал раздеваться. Мы последовали его примеру. Вода была прохладной, чистой и прозрачной. Таких рек в нашем мире я не встречал, если не считать из времен моего детства.

Недалеко от нас выскочили из леса ребяташки. Маленькие, юркие, худенькие и белотелые. Конечно, они не видели нас. Олег подплыл к ним и спросил:

– Ребята, а где у вас здесь селение?

Никакого внимания.

– Тьфу! – плюнул Кирьян. – Мог бы я заговорить об уважении к старшим. Так они не видят нас.

– Уходим отсюда, – сказал Олег.

– Как же мы будем с ними икшаться? – спросил Степа.

– Да на какой ляд нам с ними встречаться? Они всё равно нас не видят, – ответил Кирьян.

– Возвращаемся в лес, – предложил я. – Там видно будет.

Мы в лесу. Потом мы выбрались на опушку леса. Небольшое селение. На поляне паслись коровы. Одна была почти рядом. Володя решил её погладить, но рука прошла сквозь тело. Корова не упала. Она даже не вздрогнула.

– Результат положительный, – сказал Иван.

– Что это обозначает? – спросил Олег.

– Это, значит, что ничего, не значит, – ответил Иван. – Загадка.

– Эх, наворотил, – засмеялся Кирьян.

И тут мне пришла мысль. Что если наша энергия поражает существа, которые мыслят? Поражают мозг. Не в прямом смысле, а в том, что существа теряют сознание. Об этом я поделился со своими товарищами. Иван потерял руки, похлопал ими и ответил:

– Разумно. Как это я не подумал? Разум. Какой у коровы разум? А вот человек, это другое дело. Великолепно! Так оно и есть!

– Значит, если я кого из них трону, то они сандалиии вверх? – спросил Степа. Иван остановил его жестом руки. – Только на время. Чудно устроен мир.

– Мы здесь любого в бараний рог свернем? – спросил Кирьян.

– Зачем? – быстро спросил я. – Мы не для войны сюда попали. Для познания. Ещё вы назвали себя – солдатами вселенной. Мы для того, чтобы защищать слабых людей в других мирах. Восстанавливать истину. Мы есть носители мира, а не разрушения. Я всю свою жизнь посвятил этому. И в другом мире я буду следовать этому понятию.

– Всё. Хватит! Разошелся! – ответил Кирьян. – А мы кто? Варвары? Бывает, что и громим, но за дело. Мы не знаем, кто они? А вдруг, они настоящие варвары?

– А дети? – спросил я. – Здесь есть дети. Это говорит о том, что это мирные люди. Обходим деревню.

Мы вошли в лес. Блеснула молния, ударил гром, тряхнуло землю. На мгновение потемнело в глазах. И снова тишина.

Лес изменился. Что-то было не так. Я поделился с друзьями. И они это тоже заметили.

– Будто внутри у меня что-то звянькнуло, – сообщил Кирьян.

– Всё изменилось в природе и в нас после молнии, грома и тряски, – сказал Иван. – Я уверен, друзья, что мы попали в другое измерение. Вот вам и убежали.

Мы вышли на небольшую поляну. Перед нами стоял покосившийся домик заросший бурьяном. Построен он из кривых бревен, поэтому было много щелей. Крыша покрыта соломой. Такие дома я видел на берегах Дона. И этот домик похож на домик ведьмы. Почему я так подумал? Не знаю.

– Что всё это, значит? – спросил Олег.

– Возможно, здесь стояла деревня, – ответил я. – Шло время. И жители ушли в лучшие дома. У нас такое есть. Покинутые деревни.

– Логично, – ответил Иван. – Дом покинут давно. Странно, но на этом участке нет следов от других домов.

– Надо зайти в дом, – предложил Сергей.

– Ещё странно то, что сюда не бегают мальчишки, – сказал Сергей. – У нас бы давно его разобрали по бревнышку.

– Видимо, здесь другие мальчишки, – ответил Иван.

– Всё устроено ловко, – сказал Олег. – Так как мы народ любопытный, то идем до конца.

И он первым стал пробиваться к дому. Мы за ним. Нас опутали кустарники, деревья. Даже на крыше рос кустарник.

Мы ступили на широкое и скрипучее крыльцо. Разрывая паутину, Олег открыл дверь. В лицо ударило прелостью, гнилью, холодом. Мы вошли внутрь. Сквозь потолок видна крыша. В дальнем углу стояла маленькая печурка из кирпича. Посредине

стол, по бокам лавки. Табуреток не было. И тут мне показалось, что будто засмеялась старая женщина. Мы переглянулись.

– Наваждение, – сказал Олег.

– Странно. Здесь даже стекла в рамах целые. Мужики, а ведь к дому даже тропы не видно, – сообщил Сергей. – Показалось. Вы идите на улицу, а я здесь немного с лавок пыль сгоню.

Он взял в углу метлу и стал сметать пыль с лавок и со стола.

Мы вышли на улицу. Стояла гнетущая тишина. Потом нас позвал Сергей. Мы вошли в дом, и расселись по лавкам.

Неожиданно вокруг нас образовался туман. Из него вышла древняя бабка с клюкой. Вокруг бабки прыгали волосатые, маленькие человечки.

– Прибыли, соколики, – прохрипела старуха. – Вот уж и повеселимся. Эй, ты, мордатый, с лысиной похожей на незрелую тыкву, встань, когда с тобой разговаривает дама.

Кирьян засопел, глубоко начал дышать, сжал кулачищи и приподнялся. Глаза округлились, лицо приобрело цвет морковного сиропа. Зачем он так? Мало ли, что может сказать эта старуха.

– Ах ты, старая перечница, шалупонь погребальная, – прохрипел Кирьян. – Ещё и обзывать? Вонь подпольная!

Тут и Степа вскочил.

Старуха прохрипела:

– А ты, вислогубый, чо выпендрился? Очковую змею увидел? Сядь, утварь поскребышная по сусекам! Сядь!

– Да я тебя, тень подзаборная! – заревел Степа. – По полу размажу вместе с твоими оглоедами!

Он хотел поднять стол, но руки прошли сквозь дерево. Вскочил. Подбежал к старухе, и пожелал её ухватить за горло, но рука прошла сквозь тело. Старуха и человечки исчезли. И тут в открытую дверь мы увидели, что к дому приближался огромного роста косматый человек. Он прошел сквозь стену, я даже услышал треск бревен и досок. Кирьян бросился на косматого человека, и боднул его в живот. Подгузников пролетел сквозь великана и упал на пол. Великан исчез.

– Каналья! – закричал Кирьян, поднимаясь с пола. – Это призраки!

– Стоп! – сказал Иван. – Тогда позвольте высказать следующее. Старуха говорила на нашем языке. И даже сленг наш, русский.

– Вот тебе раз! – воскликнул Степа. – Они в наших мозгах ковыряются? Я же видел и слышал, как трещала стена! Она стоит себе и хоть бы хны. Сказка, мать их в дышло!

Стена была цела. Даже между бревен можно было увидеть паутину. Что же это было? Куда мы попали?

Мы вышли на крыльцо. И тут, словно из воздуха, возникли страшные животные, похожие на тигров, но черно-красные, очень лохматые и с длинными и острыми клыками. Я четко видел, как с них текла слюна. Они шли на нас и рычали.

– Ребята, – обратился к нам Иван. – Если нам ничего не сделали, то эти твари исчезнут. Давайте стоять и не бояться. От них всё равно не скрыться. И у нас нет оружия.

Когда они прыгнули на нас, я закрыл глаза. Думал – всё.

– Кто это видел? – спросил Иван.

– Какое тут, – ответил Кирьян. – Закрыл глаза. Думал, что всё, кранты.

– Я видел, – сказал Володя. – Я чуть прищурился. Они сквозь нас прошли.

– Это мираж, – сказал Иван. – Кто-то нас пугает. Вот почему здесь никто не бывает. Здесь живет нечистая сила.

– Сами вы – нечистая сила, – услышали мы грубый мужской голос. Мы посмотрели в проем открытой двери. Увидели заросшую старуху. Она сидела за столом у самовара. Он откуда взялся? Она швыркала чай из блюдца. Брала кусочки сахара из вазы и бросала его в беззубый рот. Где же мужик? Стол был чистым, даже цветастая скатерть на нем. В вазах разные фрукты.

– Смелые! – засмеялась она. Это у неё был такой голос. – Ни что вас не берет. Местные люди боятся нас. Проходите, соколик. Угощайтесь. Пошфыркайте чайку. Побалуйте, родненькие сахарком.

– Пойдем? – спросил Кирьян.

– Чего нам бояться? – ответил Степа.

Мы вошли в дом. Сели напротив старухи. Она протянула взявшуюся чашку из воздуха с чаем Кирьяну.

– Откушай чайку, мялок, – вдруг сказала она нежным девичьим голосом. – Ты самый старший в вашей орде.

Кирьян протянул руку, и она прошла сквозь кружку. Старуха дробно и противно засмеялась.

– Что ржешь, старая кляча и болотная ведьма? – прорычал Кирьян.

– Угадал, мялок, я самая настоящая ведьма. Когда-то мы наводнили ваш мир, откуда вы пришли. Я сама из-под Киева. Подружка моя, Матрена, из Москвы. Мы из времен Ивана Грозного. Меня так и называли киевская ведьма Параська. Я и Ивана Калиту помню. При Грозном знаю Малюту Скуратова. Злейший мужик был, скажу я вам. В подвал загнали меня по его наущению и били кнутами. Вырвалась и подалась на Киев. Несколько моих сестер жило на Дону, у селения Усть-Медведицкая. Есть такая станица на Дону. Сейчас ишо есть наши там отпрыски. Зловредные бабки, скажу я вам. В них мы свой дух оставили. Есть наши отпрыски под Киевом, под Львовом, Парижем, Мадридом. Есть в центральной Африке, в Австралии. Они приплыли туда вместе с первыми поселенцами. В США много наших ведьм. Тоже селились с первыми отбросами и разбойниками. Америка-то осваивалась нехорошими людьми, не то, что Сибирь. В Сибирь мы не попали. Это потом, стали проникать туда наши. Правда, их камнями забивали. Долго рассказывать. Во всех ваших странах есть наши отпрыски. Даже вселили их в обыкновенных людей. Сам Дьявол тоже вселяет своих ангелов в людей. Не волнуйтесь, почти во всех руководителей стран Дьявол вселил своих ангелов. А наши? В простом народе балуются. Дьявол не пускает нас в руководителей всех рангов. У вас есть ведьмы. Вроде руками машут, людей пытаются лечить. В этом лекаре сидит наша ведьма. Чему она вылечит человека? Смех один. Она внедрит в него свой отпрыск. А вот вы, неподдающиеся собрались здесь. Своей энергией всех моих ведьм поразогнали...

– Ты как, старая карга, здесь появилась? – спросил Кирьян.

– Давно. Мы давно ринулись в этот мир. Есть в уголках вашего мира, такие окна. Ваш мир, он и мой мир. Есть для нас три окна в России, где мы шагам туда-сюда. Одно на Дону, на Урале и под Москвой. Одно есть на Украине, под Киевом, сразу

три в прибалтийских странах. Мы надыбали более слабые места между временными слоями. Есть такие слабые места везде. Мы ещё при Киевской Руси шастали в другие миры. Давно сюда проникли. Местных пугнули. Они это место называют проклятым. Вы вот пришли. Вы воюете с нами. Сидела я как-то в одном депутате. Эх, и погуляли мы с ним. Он взял и зашел в церковь. Поставил свечу, а она погасла. Зажег вторую. Погасла. Тут священник и стал меня изгонять из того депутата. Еле ноги унесла. Только церковь и может нас изгнать. Конечно, сам человек редко борется с нами. Ему невыгодно. Кто же откажется от сладкого грехопадения. Да ещё сам Дьявол со своими ангелами такое с людьми вытворяют, даже вы представить не можете.

– Да, много всякой нечисти от вас и Сатаны входит в человечество, – сказал я, и повысил голос, – Гнать надо вас всех поганой метлой! Изыди, проклятая!

Странно, но так уж получилось, мы все вместе наложили на неё крест. Она вскрикнула и исчезла вместе с бараклом со стола.

– Ай, да, мы! – воскликнул Кирьян. – Не знаю, что со мной произошло? Я впервые в жизни своей рукой окрестил человека. Да, какой она человек! Настоящая ведьма! Что-то меня подвинуло к этому поступку. Странно.

– Да и я никогда не крестился, – признался Степа. – Рука будто сама наложила на неё крест.

– Как, всё-таки, долог путь к Богу, – сказал я.

– И этот путь, для нас грешников, длинный и ухабистый, – сказал Сергей. – Я понимаю, что все люди грешники. Читал я про десять заповедей. Вряд ли кто их соблюдает. Тяжело. Но стремиться к этому надо. Быстрее отсюда уходить.

Мы вышли на крыльцо, и будто воздух стал чище. На душе спокойно и радостно. И теперь мне не казалось, что кто-то следил за нами. Возможно, старуха со своей нечистой силой улетела в наш мир. Где-то и там прячется старая ведьма.

– Никто её без нас, однако, не мог прогнать, – сказал Володя.

– Я думал об этом, – ответил Олег. – Возможно, и в других местах, такие, как мы солдаты, гоняют эту ведьму. Сколько зла,

напастей, подлости валится на человека. Выдержать сложно. Порой и грешим отменно.

– Для этого нас сюда? – спросил Сергей. – Пойдемте вон туда, там что-то есть.

Мы спустились с крыльца и вошли в лес. Появилась тропа. Вскоре мы вышли на другую поляну, но маленькую. Едва заметная тропа уперлась в маленький, тоненький металлический столбик.

– Вот тебе раз! – воскликнул Кирьян. – Это ещё что за пидэрсия такая? Чудеса в решете! Клянусь лысиной и Правдиными вопросами, что тут что-то не так! Нам бы сейчас в ту столовую, да кое-чего пропустить за победу над ведьмами.

Володя оживился, а то совсем загрустил. Почти всё время молчал. А тут руки с хрустом потер.

– Немного бы вянца лязнуть.

– Потом дебош устроить, - вставил Олег.

– Мы бы немного посидели, поговорили, – сказал Степа.

Вдруг на опушке леса появился человек во всем черном.

– Ребятки, у нас рядом столовая есть. Вино там, нам бы мяса поджаренное с корочкой и лучком.

Рядом со мной Степа громко сглотнул слюну.

– Мужики, нас ведь зовут, – сказал Степа. – Посидим, поговорим. Значит, нас уважают.

Володя шагнул к мужику. Я резко сказал:

– Назад! Что это вдруг он здесь появился? Эй, ты, пойдти к нам! Разговор есть!

Неожиданно для себя я наложил на него крест. Человек тут же исчез.

– Сам зовет, и сам исчезает, – удивился Степа.

– Юрка его окрестил. Вот он и исчез. Опять бы влипли, – сказал Кирьян.

– Он не смог бы к нам подойти. Вот этот столбик есть положительная энергия. Отсюда нам можно попасть в другой мир. Окно в другие миры, – сказал Иван. – В той избушке – отрицательная энергия. Мы изрядно потрепали её. Отсюда нам можно, видимо, попасть в наш мир.

– Что они не борются с нечистой силой? – спросил Володя.

– Ну, ты, Володя, даешь! – сказал Степа.- В твоём Абрамовиче сидит нечистая сила, почему с ней не борешься?

– Абрамович и нечистую вокруг пальца обвел, – засмеялся Кирьян.

– Этот кого любого заболтает, – ответил Сергей.

– Как он победит нечистую силу? Он так красиво и скромно говорит, даже нечистую силу разжалобил. Когда президент назначил Абрамовича на второй срок, он даже застеснялся и покраснел от скромности, – сказал Олег.

Кирьян стал громко смеяться. И всем нам стало весело.

– Хватит, друзья, – сказал Олег. – Конечно, смешно, что Абрамович от скромности покраснел. Конечно, смешно. Странно то, почему положительная энергия не уничтожила этот дом.

– Положительная и отрицательная энергии в постоянном конфликте, – ответил Иван. – Борьба. Мы, как шаровая молния. Появляемся там, где есть отрицательная энергия. Я давно говорил, что шаровая молния обладает интеллектом. Разум в ней.

– Скажешь тоже, ядрена вошь! – возмутился Кирьян. – Она человека может убить!

– Не спорю. Может. Но кого? Человека, в котором в данный момент поселилась отрицательная энергия. Однажды, я наблюдал такую картину. Рынок. Много народу. Вдруг образовалась гроза. Смотрю. Шаровая молния. Кружит над толпой. Словно кого-то ищет. Нашла. Коснулась старухи, а потом и девочки досталось лет двенадцати.

– И что? – тихо спросил Олег.

– Насмерть, – ответил Иван.

– Хорошо. Пусть сознательная она, но девчонку, зачем убивать? – возмутился Кирьян.

– Что ты, Ванча, буровишь?! – воскликнул Степа. – Какое может быть сознание у молнии? Скажешь тоже.

– Поймите, – не сдавался Иван. – Шаровая молния обладает интеллектом. То, что она коснулась темечка девочки, в это время в неё вошла отрицательная энергия.

– В девочке энергия? – тихо спросил Сергей.

– Какая разница? Душа всегда остается молодой. У неё нет возраста. Старый человек или малый. Какая разница? Повто-

ряю. Две энергии ведут постоянную борьбу. Шаровая молния ищет отрицательную энергию. Она искала и нашла. Есть и животные и деревья носители отрицательной энергии. Одним махом может срезать любой толщины дерево. Например, влетела в форточку, пошарилась по квартире, уничтожая отрицательную энергию, а людей не тронула. И улетела. Ведь эта энергия может находиться в обыкновенной шторке. Сгорела шторка. После её ухода кислород становится свежее, чище и полезнее. Может, кто из домочадцев и попадет под шаровую, то она уничтожила в нем отрицательную энергию, но не убила.

– На том рынке она убила двух людей, – не сдавался Кирьян.

– Убила. Потому что, в этих двух была плохая энергия, и она скверно влияла на окружающих людей. Шаровая молния не уничтожает отрицательную энергию в прямом смысле этого слова, она забирает её в себя. Перерабатывает её и становится ещё мощнее. Если бы она была наполнена злом, то она бы уничтожала всё на своем пути. Шаровая молния – это очиститель воздуха. А он так напитан дерьмом. Надо бы ученым приложить все усилия, чтобы понять, изучить её, и выйти на контакт с ней.

– Другие грозы? – спросил Сергей.

– Это просто разряд двух противоположных полюсов. И это знает каждый школьник. Заставить работать эту силу на человека – это другой вопрос. Шаровая молния совсем другая энергия.

– Шаровая молния – человек? – спросил Володя.

– Вы все, и даже ученые избрали мерило – человек. Разве другая форма не имеет право на существование? Интеллект – не обязательно разумное существо дышащее кислородом. Возможно, шаровая молния – это послание от плазмы из космоса. Просто так, из ничего, она не может возникнуть. Есть отправная точка. Часть от плазмы прикасается с планетой Земля. Происходит соединение энергии, кислорода и азота. Я и над этой теорией рассуждаю. Всё, что связано с энергией, связано с солнцем. Солнечная энергия – энергетический ветер от протуберанцев, космические колдцы, плазма, что находится у ионосферы земли, имеют огромную энергию, дающую в возникновении шаровой молнии. В общем, чтобы вам было понятно, хвост от

плазмы, соприкасается с поверхностью земли и от разрядов образуют молнию. Я так думаю.

– Стой! – закричал Кирьян. Пока Иван говорил эти слова, у Кирьяна всё сильнее расширились глаза. – Каналья! Эх, накрутил! Ты что это делаешь с нами? Нельзя проще объяснить?

– Ты зачем нам мозги крутишь? – прохрипел Степа. – Не понял. Ни черта не понял. Обурел совсем? Грамотным шибко стал? Ты что мне вермишель в мозги воткнул?

– Просто скажи! – ревел Кирьян. – В космосе рождается эта дрянь. Поумнел очень? Что ты кочевряжисся?

– Я не утверждаю и не констатирую, – ответил Иван. – Я – размышляю. Теория суть данного предмета.

– Тьфу! – плюнул Кирьян.

– Шибко красиво, – ответил Володя. – Люблю, когда так говорят, красиво и непонятно. Наш Абрамович шибко умно говорит, запутано и непонятно, но красиво.

– Твой Абрамович хитрец высшего пошиба, – ответил Кирьян. – Его ждет тачка в пещере. Пусть бы среди вас чукчей, набрал бы футбольную команду. Тоже мне пример привел. Я тоже не хуже болтал. Все у нас райкомовские и обкомовские товарищи были великолепными болтунами. Один у нас Балаболкин чего стоил. Мог, змей, часами людей забалтывать. Отдохнет, попьет воды, и давай болтать по-новому. Талант. Вроде всё по делу, но не о чем. Мой ученик по забалтыванию населения. Стыдно мне теперь. А ты мне говоришь Абрамович. По болтовне есть похлеще люди. Возьмем того же Дрожжина. Это ведь чудо. Как-то решил я его послушать, когда он читал лекцию о том, как переходить от развернутого социализма с человеческим лицом к коммунистическим вершинам, и он такого накрутил, что у меня в голове что-то помутилось. Я чуть не рехнулся. Три дня я ходил, как чумной. Ночами какие-то вершины снились, фундаменты. Даже страшно было. Больше я не стал его слушать. Мне передавали, что двух старушек после его лекции увезли в больницу. Что-то у них с головой случилось. Сейчас в нашем городе Туманске есть кабинет, в котором сидят наследники Балаболкина и Дрожжина. Пока не поздно, их лечить надо. Они до сих пор мечтают быстрее перейти к сияющим вершинам. Они тоже много говорят

и непонятно о чем. Странно вот что. Когда они прочтут что-то против партии, они начинают мыть руки. Это настораживает. Я с ними согласен в том, что у нас увеличивается число бедных.

– Ты прав, – тихо ответил Володя. – У нас много шибко бедных. Вот бы эта молния ударила бы по обманщикам.

– Молодец, Володя! – воскликнул Кирьян. – Мы ей, шельме, так и сообщим твою просьбу. Дело говоришь.

– Куда теперь? – спросил Олег. Мы стояли вокруг столбика и разговаривали.

– Хрен его знает куда, – ответил Кирьян

– По мне так и здесь не хило, – сказал Степа.

– Сделали дело, пора и честь знать, – нахмурился Кирьян. – Мы сейчас этот столбик с корнем вытащим.

Они со Степой решили вытянуть столбик из земли, а он даже не шевельнулся.

– Наши богатыри обнюхались, – сказал Сергей. – Это вам, кажется, что вы сильные. Вы есть просто энергия. Здесь нам делать нечего. Поверьте, от этого столбика мы проследуем в другой мир.

И только он это сказал, как вокруг нас всё пришло в движение. Туман. И мы, вся семерка, стояли у реки.

– Вот тебе раз! А где столовая? – спросил Кирьян.

– Как-то, нам будет стыдно, мы ведь лодку угнали, – сказал Сергей.

– Сдалась тебе эта лодка, – сказал Степа. – Здесь нам надо как-то выкручиваться из этой катавасии.

– Пойдем вдоль реки и наткнемся на какую-нибудь деревушку, – предложил Кирьян.

Мы пошли по берегу. Вскоре наткнулись на дорогу. Она углублялась в лес.

– Следов от машин нет, – сказал Володя. – Телеги, кони, коровы. Слышу голоса людей.

Лес кончился, и мы увидели деревню. Дворов пятьдесят. Дома настоящие, из бревен, каких миллионы в нашей стране. Даже крыши такие же. Ничем не отличить. Из дранки крыши. Древность.

– Русью дохнуло, – сказал Иван. – Наши деревни. Россия.

Люди увидели нас, а их было человек десять, разбежались по дворам. Значит, здесь мы видимы. Мы подошли к крайнему дому.

– Эй, хозяйева! – закричал Кирьян. – Какого хрена, мать вашу, от нас сиганули? Мы вас не тронем! Нам бы молока и хлеба. Мы мирные люди.

– Но наш бронепоезд стоит на запасном пути, – вставил Сергей.

– А что ты бронепоезд, в плел? Где ты его взял? Тоже мне, грамотей!

– Это слова из песни, – ответил Олег. – Пора бы знать.

Кирьян раскрыл калитку и вошел. Неожиданно на него напала корова. Кирьян побежал, но она догнала его и поддала под зад, и наш бывший секретарь пролетел метра два, и грохнулся в бурьян. Мы, кто куда бежать. Корова вошла во двор. Калитка тут же захлопнулась. Кирьян выбрался из бурьяна весь в навозе и в грязи.

– Каналья! Убью гаденыша! Меня всеми уважаемого человека и под это самое? Не позволю! Устроим на собрании и на бюро! Тьфу! Что это я молот? Зарапортовался совсем! Ты, Стрелов, прав! В крови у нас осталось коммунистическое из эпохи позднего и развернутого социализма...

В это время он выпучил глаза и взялся за голову.

– Мать вашу, да что же это? Что это я, братцы?

– Удар пришелся по нужному месту, на котором вы сидели много лет, – ответил Иван. – Сейчас происходит остаточный всплеск прошлого. Извините, но в наше время взять сюда из государственной думы, да поддать по нужному месту.

– Вы правы, ядрена вошь, – ответил Кирьян. – Собрать бы их всех сюда. И опираясь на гранитный фундамент марксистко-ленинской теории. Мама дорогая! Спасите, братцы! На расширенном бюро мы это дело утрясем, обсудим. Пробудим... Братцы, помогите! Из меня что-то прет!

– Успокойтесь, товарищ Подгузников, это из вас прет остаточный материализм из времен позднего застоя, – ответил Иван.

– Замолчи, сука заученная! – заревел Кирьян. – Смешно ему! А мне хоть плач.

– Что здесь такого? – спросил Иван. – Многих бы в наше время ударить по нужному месту.

– Смешно, да? Мне какого чёрта...наш народ, претворяя в жизнь, решения партии...Братцы! Караул! Спасите! Мама родная, спаси и помилуй!

– Терпите, Кирьян Аполлинариевич, терпите, это корова вышибла из вас остаточный рефлекс долгого сиденья на заднице у власти, – говорил Иван.

– Умора! Ой, не могу! – громко смеялся Степа. Да и всем было весело. И только Володя не мог сообразить, в чем здесь дело. Он сказал:

– Не пойму. Ничего здесь нет смешного. У нас на трибунах все так говорят. Красиво и непонятно.

– Ой, не могу, – смеялся Степа. – Корова под зад, и как пробка из бутылки полезли слова. Э, Кирюша, а ты, оказывается, с душком. Давай, учи нас, глядишь, и расти начнем. Начали бы мы вдохновляться.

– Замолчи, Степа, не до тебя. Обидно ведь. Какая-то глупая корова под это самое толкнула, и мы, как один, сплоченными рядами вокруг нашей партии. Мама, родная, что со мной?! Вокруг нашей коммунистической партии...

Он закрыл себе рот широкой ладонью. Потом закричал:

– Лучше бы сюда Балаболкина с Дрожжиным. Тьфу! Гадость-то, какая! Спасите! Караул!

И он побежал к реке. Но успел крикнуть:

– Просветленные идеями Маркса и Ленина, вдохновленные учением. Утрясем, пробудим! Краеугольным камнем!

Бухнулся в воду. Мы за ним тоже в воду. Возможно, и мы, что-нибудь ляпнем.

Вдоволь напрыгавшись, мы вылезли на берег.

– Ну как, вдохновитель светлых вершин коммунизма? – спросил Олег.

Он в это время полоскал одежду от навоза.

– Не знаю. Может, вода смоев навоз, грязь и разную хреновину из башки. Мужики, вроде в голове просветлело. Что же это было, мужики? Значит, вода очищает. Смела ведь, – ответил Кирьян.

– Вода, особенно проточная вода, или под душем, всё смы-
вает, – ответил я. – Люблю встать под контрастный душ. Благо-
дать.

– Если серьезно, то весьма всё это странно, – задумчиво от-
ветил Иван. – Удар коровы под это самое. Не может такого быть.
Но, надо попробовать. Мы ведь здесь собрались не только сол-
даты вселенной, но и на разные эксперименты идем. Надо по-
пробовать.

– Э, чего захотел? Нетушки! – крикнул Кирьян. – С меня хватит и одного удара под задницу! С меня и этого хватит.

– А я пойду, – сказал Иван. – Сюда мы посланы для экспери-
ментов.

– Иван, не дури, – сказал Степа. – Начнешь шпарить лозун-
гами.

– Я с тобой, – предложил я. – Пойдем вместе.

– Истосковались по развернутому социализму? – улыбнулся
Сергей. – Меня увольте. Тоже вдоволь наговорился. Шабаш.

– Надо узнать, в чем дело, – сказал я.

Мы с Иваном подошли к дому. Раскрыли калитку. Людей не
видно. Корова бросилась на нас. Мы бежать. Она догнала нас
быстро и тоже боднула, и было весьма больно. Мы упали на до-
рогу, а она спокойно вошла во двор. Мы встали. Иван сказал:

– Мавр сделал свое дело.

Наши друзья смотрели на нас, и, видимо, ждали, когда мы
начнем шпарить лозунгами.

Первым начал говорить Иван:

– Ничего особенного, если не считать синяка на заднице. Он
неожиданно замолчал, словно чего-то, испугавшись. Заговорил:
– Солнечный луч проникает в плазму...

И начал что-то говорить непонятное моему уху. Он зажал рот
дрожащей рукой и побежал к речке. Слова и отдельные предло-
жения так и рвались у него наружу. Слова и из меня потекли.

– Погуляем напоследок. Тетя Глаша, накрывай на стол. Гулять
будем. А ты, гражданин начальник, не лови меня на слове. Вы у
меня, фартовые ещё попляшете.

Мне тоже пришлось закрывать рот. Побежал к реке. Что это с нами? Какая-то корова, и такое сделала с нами? Здесь кроется секрет. Надо разобраться.

Мы кувыркались в воде. Но слова больше не давили на грудь. Значит, вода всё смывает. Но, что это за коровы? Надо узнать у людей.

– Иван, что ты думаешь об этом?

– Ответа пока не нахожу.

– Надо подумать насчет местных жителей, – ответил я.

– Стой! Уже подумал, – крикнул он. – Нашел. Раз это другой мир, то всё должно быть другое. Мы постоянно в других мирах сталкиваемся с необычными для нас явлениями. Почему здесь это не должно быть? Коровы здесь, а может, и одна корова, обладает тем, что заставляет человека говорить то, что она находит в потаенных уголках нашего разума. Возможно, местные люди страдают от этого.

Друзья внимательно слушали Ивана.

– Кто-то же здесь копается в моих мозгах. Про всё наше тайное знают наши отправители. Это их право. Но и они не позволяют, чтобы мы говорили при людях. Здесь же кто-то влазит в нас беспардонно и нагло. У меня есть загадка. Но, боюсь её спугнуть. Возможно, мы и попали сюда, чтобы разгадать эту загадку. Пока не буду сообщать.

– И не надо, – ответил я. – Вместе разгадаем. Идем.

Мы вылезли из воды. И тут Иван сказал:

– Ты заметил ещё одну деталь? Вода помогает остановить процесс речи.

– Я сразу понял, когда Кирьян побывал в воде, – ответил я. Степа не смеялся. Все были молчаливы.

Во двор мы не насмелились войти. Пошли вдоль улицы. Коров не было видно. Возможно, они были во дворах. Заборы высокие.

Молчание нарушил Иван.

– Осторожно. Но, нам необходимо проникнуть в дом.

Ладно, подумал я, пойду первым, так, как я никогда в минуты опасности, не прятался за спинами.

Вошел во двор. Постоял. Надо войти в дом. Оглядываясь, я подошел к двери. Постучал. Тишина. Открыл дверь, и заглянул внутрь. Длинный стол, лавки. Почему-то вспомнил село Макарьево, деревню недалеко от города Черемхово Стрелову, дедовский дом. Обстановка такая же. За столом сидела семья. В торце стола хозяин, маленький, худенький. Жена, старший сын, и ещё шесть детей. Обедали. Что-то хлебали из единственной, большой глиняной чашки деревянными ложками. Старина.

– Хлеб. Соль, – сказал я. Все не стали есть и посмотрели на меня. В глазах страх.

– Не бойтесь нас. Мы – мирные люди. Мы – путешественники. Странные дела творятся у вас.

Они молчали. Дети полезли под стол. Хозяин, жена и старший сын, округлив глаза, смотрели на меня. Потом хозяин вдруг сказал:

– Хлеб. Соль. Мирные люди. Путешественники. Странные дела.

– Да, да, странные дела. Корова напала на нас, – сказал я.

– Корова, – сказал хозяин. И он стал что-то говорить на непонятном языке. Он встал. Кажется, стал успокаиваться. Шевелил губами. Потом вдруг сказал:

– Понятно. У вас странный язык. Издалека сюда прибыли. Очень далеко. Мы накормим вас.

– Как вы поняли мой язык?

– Как?! – удивился он. – Почему ты не хочешь понять наш язык? Странно. Твоя мысль всё передала о твоём языке.

– А кто тебе позволил ковыряться в нашем мозгу, ядрена вошь, – сказал за моей спиной только что вошедший Кирьян. Во дворе слышались голоса.

– Это просто, – ответил хозяин, и назвал себя: – моё имя Лерон, товарищ Подгузников Кирьян Аполлинарьевич. Мы не ковыряемся в мозгу, товарищ Подгузников. Нам идет информация о вашем языке и только. Больше мы ничего не знаем, товарищ Подгузников.

– Что ты заладил одно и то же, как попугай. Кто эти коровы, мать вашу, ядрена вошь! Отвечай!

Лерон испуганно посмотрел на окно.

– Тише. Нас услышат, товарищ Подгузников Кирьян Аполлинарьевич.

За спиной Кирьяна стал смеяться Степа.

– Хватит! – крикнул Кирьян. – Издеваться вздумал? Мерзавец!

– Я не мерзавец. Меня все зовут по имени. Лерон я. Лерон, товарищ Подгузников Кирьян Аполлинарьевич. Какие у вас длинные имена. Сейчас войдет Маркон. Он у нас главный, товарищ Подгуз...

– Молчать, сука! – заревел Кирьян. – Ещё, какой там Мирон будет надо мной издеваться!?

В это время вперед Кирьяна выдвинулся Иван.

– Остановитесь, товарищ Подгузников, остановитесь. Проходите, Маркон.

Вошел маленького роста человек. Он сел в передний угол. Заговорил Иван.

– Их завоевали темные силы. Вселили в их коров что-то непонятное. Их надо доить. Каждый раз прикасаются и ничего не скрывают. Даже самые потаенные мысли выходят наружу. Попробуй, обмани. Отдадут в рабство. Продукты отдают тем, кто приходит за ними.

– Значит, та корова поддала меня под это самое, соприкоснулась моего тела? И я, понимаешь, заговорил, что у меня во мне? – спросил Кирьян.

– Именно так, – ответил Иван. – Я сразу сообразил, когда получил удар под это самое.

– Ловко сделано, – сказал Олег. – Попьют молочко, и ничего не утаят. Местных жителей заставляют держать коров. А без коровы в деревне не жизнь. Она кормилица людей.

– И где эти бульенные хари? – спросил Кирьян.

– Мне, кажется, они поселились в том домике, где мы были. Только надо пройти через тот столбик, – сказал Иван.

– Хорошо то, что вы окунулись в воду, – подал голос Маркон.

– Она очищает тело и одежду от разной мрази.

– Особенно от навоза, – прыснул Степа.

– Я и несколько человек из других селений не подвержены этой заразы, – сказал Маркон. – Если вы пришли нам помочь, то мы подсказем, где их гнездовья.

– Одно гнездо мы разбомбили, – ответил Кирьян.

– Нет. Оно действует. Они над вами посмеялись. Там скопище ведьм женского рода.

– Какие-то животные, как в кино, – сказал Олег.

– Это их страшилки. И они знают, что вы обладаете большой энергией. Им хочется завладеть вашей энергией.

– Нам придуркам, тоже хочется устроить им побоище, – сказал Степа. – Но, как? Как в той сказке. Голову срубишь, а она вновь появилась. И потом, наша рука проходит через их тела, как в тумане.

– Мы поможем вам, – сказал Маркон.

– Вот это хороший ответ, – ответил Кирьян. – Руки чешутся воевать. Силу девать некуда.

– Там вы её используете, – ответил Маркон.

– Слушай, макрец, – сказал Кирьян. – Мы видели аппараты в небе. Что это? Такая деревня, и вдруг такие аппараты.

– Я – Маркон. Мы не знаем никаких аппаратов. Возможно, где-то и есть. Как вы поняли, мы не достигли такого.

Тут он что-то сказал Лерону, и его жена и дети ушли в другую комнату.

– Хорошо. Это другой мир. Их много, – сказал Иван. – Но позвольте, как вы понимаете наш язык? Мы будем учить ваш язык долго и упорно. И я уверен, что некоторые из нас свой язык толком не знают.

– Но, но, – повысил голос Степа.

– Он имел в виду многих, кто остался в нашем мире, – улыбнулся Иван. – И всё-таки, как вы знаете?

– Мы не знаем. Возможно, мы так устроены. Одни из нас быстро воспринимают другой язык, другие хуже.

– Значит, вы ковыряетесь в наших мозгах? – спросил Степа.

– Мы не ковыряемся. Мы слушаем человека, и понимаем ваш язык. Он у вас очень сложный. Зная количество букв в ваших словах, мы быстро усваиваем слога, сочетания букв у любого народа. Мы возмущены тем, что завоеватели почти весь наш

народ подчинили себе. Они живут за счет нашего народа. Они читают даже самые потаенные мысли человека с самого детства. От них ничего не скроешь. И только мы, что спрятались от них, не покорены. Мы всячески боремся с ними.

– Боритесь?! – зло засмеялся Кирьян. – Что это избушку не разнесли?

– Как? К ней, нашим людям не подойти. Всё видят. У них надежная охрана из теней. Они сделали какой-то состав, и напичкали этим составом коров.

– Что она меня под это самое? – спросил Кирьян.

– Она чувствует, что в вас нет бактерий покорности. При ударе по любой части тела, может возникнуть реакция. И вы начинаете говорить. У вас, как я понял, многие люди говорят что-то непонятное.

– Откуда вы знаете, что мы из другого мира, и даже не удивились? У нас бы начался переполох на весь мир. Как узнали? – спросил я.

– Наши люди узнали от завоевателей. Они сказали, что пришли чудища, похожие на людей, и унесут в подземелья. Всех превратят в свиней. Вот народ и разбежался по домам. Мы не боимся. Хуже завоевателей не будет. А вы, оказывается, пришли помочь нам. Вы из другого мира. Об этом тоже узнали от завоевателей. Люди выпивают молоко и всё сообщают о себе и об окружающих. Ещё мы узнали, что эти чудища, ведьмы, лешие и разные твари проникают в наш мир через несколько окон в нашем мире. Одно из окон в этой избушке. Они жили и в вашем мире. Порой вся нечистая сила собирается на праздник. Шабаш. Страшно бывает. Стоит такой гул, молния, гром. Небо озаряется огнями, сверкают молнии, визг стоит до боли в ушах.

– Такого в нашем мире нет, – сказал Кирьян. – Здесь мы им устроим ночь тьмы. Чёртово семя! Как в сказке! И всё наяву.

Вдруг Маркон насторожился.

– Кто-то по двору ходит. Летает. Выследили. Даже не успели покормить вас.

– И попить молочка, – засмеялся Степа.

– Могут поймать, и отправить в подземелье, – тихо сообщил Маркон.

– Что это за камуха такая? – спросил Кирьян.

– Рудник. Там золото добывают. Они любят золото. Даже из-за золота между собою воюют. Могут в окно заглянуть. В сени лежат березовые палки. Возьмите их.

Мы вышли в сени. В углу стояли березовые палки. Лучшего оружия и не надо. Мы вооружились и вышли.

Посредине двора стояло чудище на полусогнутых косматых ногах с копытами. Не то заросший человек похожий на огромную обезьяну, не то на непонятное в природе животное.

– Вот тебя нам и не хватало, – сказал Кирьян. Тварь безмозглая! С мирными жителями только и можете воевать! А ты, ублюдок, попробуй со мной сразиться!

И тут я почувствовал, как что-то появилось за моим поясом. Кнут. Палку бросил.

– Выходи на бой, мерзость! – крикнул я.

Животное затопал ногами, даже пыль поднялась. Значит, это не тень. Это уже лучше. Он заскрежетал зубами, начал бить себя в грудь. Он наклонился. Видимо, приготовился к прыжку. Ждать нельзя. Я распустил кнут, и сделал выпад. Плеть угодила по правой руке животного. Он громко взвыл. Я не стал ждать, а ещё раз пустил вход свой кнут. Животное стало крутиться на одном месте и выть от боли. И вдруг исчез.

– Так его, Юрка, так! – кричал Кирьян. – Так его, упыря от ведьмы!

– Мужики, нам надо найти ту избушку, – предложил Иван. – На этот раз надо пройти через столбик. Он нам и силенки даст.

– Разгромим избенку по бревнышку к чёртовой матери! – крикнул Степа.

– Корова нам бы не встретилась, – сказал Володя.

– Мы её палками оприходуем, – сообщил Кирьян.

– Я эту корову в стайку загнал, – сказал Маркон. – А их на деревне много. – Всех сразу не загнать.

– Коровы у нас для нас неприкосновенные, это Маркон со своими друзьями с ними справляется, – ответил Лерон. – Даже грубого слова нельзя сказать при ней. Замахнуться нельзя. Сразу в рудник.

Мы вышли на улицу, и не стали ждать нападения коров. Я пустил в ход кнут, а мои друзья палки. И коровы разбежались.

Мы вошли в лес. Окружили столбик. Я почувствовал, как в меня вливалась свежая сила.

Через какое-то время мы вышли к домику.

– Мы этот вертеп по бревнышку! – громко сообщил Кирьян.

– Не смей! – раздался скрипучий голос. На крыльцо, словно из воздуха, появилась согнутая старуха с клюкой. – Охоботю вдоль хребтовины бывшего секретаря!

– Я тебе охоботю, старая вешалка! – смеялся Кирьян. – Делаю тебе выговор с занесением в личное дело! Вот, как я! Прочь с дороги прогнившая вешалка! Пора вам всем уходить в книжки, да в кино. Наяву вам делать нечего. Прочь!

– Вам не стыдно вон той красавицы! – проскрипела ведьма. Я оглянулся. И тут же развернулся. Я её сразу узнал. В метрах десяти стояла Рудя. Любовь юности. Такая она была на пароходе. На ней был тот же передник. Она нежно улыбалась.

– Здравствуй, Юра. Много лет мы с тобой не виделись. А ты вот он. Молодой и красивый, как тогда.

Она шла мне навстречу.

– Друзья! – услышал я голос Ивана. – Это ведь ведьма! Пошла прочь, старая ведьма! Изыди! Накладываю на тебя крест!

Рудя стала хрипло и громко смеяться. Она быстро стала уменьшаться. Вместо Руди появился расплывчатый образ ведьмы. Она громко и противно смеялась. Исчезла. Я развернулся к избушке. Старуха стояла на крыльце.

– Ёси-моси! Чёртово вымя! – крикнул Кирьян. – Она мне какую-то доярку подсунула! Ах ты, тварь болотная!

– И мне хотела подарить толстушку! – смеялся Степа.

– На трибуне Абрамович речь говорил, – сказал Володя. – Он говорил, чтобы никто не воровал, и мы будем жить хорошо. Обещал, что организует футбольную команду из чукчей.

– Я сразу понял, что это мираж, – сказал Иван. – На трибуне в институте речь держу о коммунизме. Поймите, мужики, она могла бы нас оставить здесь навсегда.

Кирьян со Степой вбежали на крыльцо. Старуха исчезла. Они выломали подпорку, и крыша на крыльце рухнула.

– Мужики, сделаем по-другому, – сказал Олег. – Нужен сушняк.

Мы быстро собрали разный хлам и обложили дом. И вот когда Кирьян с Олегом подожгли дом, в нем раздались визгливые крики. Вокруг нас носились страшные чудовища, но мы отражали их палками, а я кнутом. Хотя наше оружие проходило сквозь тела, но я понимал, что они ощущали эти удары.

Огромное пламя дом охватило со всех сторон. Над поляной раздавались голоса.

– Так вас, мать вашу! – орал Кирьян. – Знай, наших чудобогатырей! Славное побоище!

Чудища пытались вцепиться в любого из нас, но получали отменные удары, и тут же отскакивали. Растворялись в воздухе, а то и с треском лопались от огня и ударов. Побоище длилось долго. Надо сказать, что с нами были Маркон и Лерон. Прибежали ещё мужики с дрынами. И их всё прибывало. Вот уже собралось их столько, что заполнили поляну. И каждый из них пытался ударить по чудищу палкой.

Потом чудища стали исчезать. И наконец, исчезли. Люди радовались, кричали, обнимались. Радость наполнила поляну.

Вдруг, на опушке леса появилась старуха. Она погрозила клюкой.

– Победили? Не радуйтесь шибко. Отсюда вы нас вышибли. Окаянные пришельцы из другого мира, побили моих воинов! Я переберусь в другое место. Этот мир большой. Такие же, как вы разгромили ещё две избушки. Нам в этом мире хорошо. И мы будем с вами бороться. За нас стоит наш хозяин.

Володя бросил нож в старуху. И, чудо! Нож вонзился в плечо старухи. Она взвыла и исчезла.

Маркон подошел к нам и поклонился. Народ затих. Смотрели на нас.

– Спасибо вам, благородные воины, от всего нашего народа. Нам передали, что молоко уже не обладает сатанинской силой. Коровы ведут себя, как и надо домашнему животному. Нечисть улетела в другие края нашего мира. Здесь их пристанище уничтожено. Глядишь, и люди будут возвращаться из рудников.

Мы ещё немного пообщались с народом, и пошли к столбику.

– Как я понял, нас зовут, – сказал Иван. – Наша миссия здесь закончена. Просто нужен был толчок, и народ восстал. Без нашего участия ничего бы не произошло. Не зря нам придали энергию. Вот куда нечистая сила перебралась? Здесь им жилось вольготно. Странно. Если в нашем мире, эта нечистая прячется в людях, то здесь она свободно бродит среди людей.

– Ты думаешь, что их у нас мало? – спросил я.

– Много. Но, они затаились. Они в людях, – ответил Иван. – Есть такие маги, что лечат людей, а в них – нечистая сила. Ведь и сатанисты обладают талантом врачевания. Вместе с врачеванием они вселяют нечистую силу. Я боюсь магов и врачевателей. Я чувствую во многих этих людях нечистую силу.

– Надо же, такое мы увидели! – сказал Сергей.

Мы подошли к столбику.

И тут же появились у дома на острове. Стояли на улице.

– В столовую бы, понимаешь, сходить? Заслужили, – сказал Кирьян.

– Всё-таки, заработали, – поддержал Степа.

– Мал-мало, покушать бы хочется жрать надо, – сказал Володя.

– Я тоже не против хорошо покушать, – улыбнулся Сергей.

– Какой разговор! – воскликнул я. – В столовую!

– Ловко мы всё провернули, пора бы уж и в столовую, – сказал Олег.

И мы направились к столовой.

– Куда? – послышался очень знакомый голос. Мы оглянулись. У дома стоял Дюрд.

– Если ты нас уважаешь, то нам немного бы, понимаешь. Да и обедать пора, – сказал Кирьян.

– Он нас не уважает, – сказал Степа.

– Ты почему такой, однако?

– Мы ловко сработали, можно и посидеть.

– И ничего зазорного. У нас в Сибири народ гостеприимный. Помню, по поселкам возили райкомовских товарищей. Их бесплатно угощали, как дорогих гостей.

– Конечно, если рассуждать по-научному, то любой организм в определенное время требует отдыха.

– Кнут мне отменно помог. А кто нам поможет в отдыхе?

– Я знаю вас, – ответил Дюрд. – Хорошо знаю. Идите в дом. Ваше время пошло с перебором. Потрудились вы хорошо. Отвечу. Вина здесь нет. Не успели сделать к вашему приходу.

– Могли бы, и постараться, – проворчал Степа. – Мы вернулись с задания, а нам ничего нет в столовой.

– Вернутся ли те ведьмы на то место? – спросил я.

– Будут стараться. Поэтому вы ещё потребуетесь.

– В каждом веке бывают вспышки, вроде болезней, когда черная сила царствует в людях, – сказал Иван. – Во времена инквизиции, сатанинское отродье проникло в церкви. Вон они, что вытворяли. Двадцатый век останется в истории, как царствование сатанистов в людях, в народе.

– И двадцать первый век не чище. Вон, что в мире творится, – сказал я. – Куда не плюнь – попадешь в колдунью. Знаю я одну алкашку. Как запьет, то бросает семью и уходит в загул. На три, четыре дня не бывает дома. Между загулами занимается целительством. Другой раз стоит вся издерганная после пьянки, и машет руками. Это она так лечит человека. Удивительно то, что ей люди верили. Как так можно? Пройдет, бывало, мимо меня, у меня внутри всё сжимается. Болею потом.

– Эти люди, что пришли к ней на лечение, не чувствуют такое, какое ты, – ответил Дюрд. – В них уже сидит нечистая сила. Всё, ребятки, пора. Нельзя вас долго держать.

– Никакого уважения к нам. Хоть бы угостили, – сказал Кирьян.

Это последнее, что я услышал.

Я лежал на спине. Рядом Иван.

– Это Клязьма?

– Она. Вон и наши мужики. Отдыхают. Идут к нам.

Мы встали.

– По домам? – спросил Сергей.

Мы снова сели, выпили, закусили, помолчали.

Молчание нарушил Иван.

– Я поеду на Ильмень-озеро. Что-то меня туда тянет. Посидеть бы у истока Волги. Подумать о скоротечности жизни.

– Всем бы нам немного отдохнуть, – сказал Олег.

– Хотя над нами и вечность, бескрайний космос, но мы люди, – сказал Иван. – И нам положен отдых. И мы его честно заслужили.

Мы встали и разошлись.

Вскоре я поехал на Дон, где меня ждали удивительные приключения.

Городок ведьм

Городок этот маленький, тихий, утопающий в зелени, расположенный на берегу Дона. Вечерами городок будто вымирает. Он погружается во тьму. Редкие фонари на автобусных остановках освещают выбитые от времени, и не отремонтированные со времен Хрущевской оттепели дороги. В основном, улицы здесь не похожие на сибирские. Они широкие, заросшие травой, бурьяном. Старухи здесь ходят, будто подкрадываются, согнутые, и как «уточки» покачиваются. Так, как ходят здесь старухи, я никогда и нигде не видел. Идешь вечером по пустынной улице, а за тобой подглядывают из-за заборов, окон, из-за деревьев. И становится не по себе. Редкий старик доживет до старости с такой старухой.

В основном, деревянный городишко по вечерам словно вымирает. Не слышно голосов, песен, стараются не зажигать свет. Возможно, экономят электричество. И только город оживает по субботам и в воскресенье. В одном месте, по улице Республиканской, съезжаются хуторяне со всего района на ярмарку. Чем только не торгуют. Много, что можно купить из свежих продуктов, овощей, фруктов. И люди словно оживают. Даже старухи становятся бодрыми. Идут на ярмарку, как на праздник. На головах платочки, и носочки цветные, да чистые. Хоть и ничего не купят, но хочется показать себя, да и с другими старухами встретиться. Неделю не виделись. На своем участке трудились. За соседями подглядывали, с соседкой другую соседку обсуждали. Смотрел я на этих старух, и понял одно, с такими старухами

долго не проживешь на этом свете. В них есть что-то такое, что если тебе дано чувствовать отрицательную энергию, то почувствуешь в полной мере. Я эту энергию сразу почувствовал.

Сел в рейсовый автобус, чтобы проехаться по городу. Вокруг меня одни старухи. Через какое-то время мне стало плохо. Закружилась голова, сдавило дыхание, а сердце готово выскочить. Пришлось выйти. И больше я не хотел садиться в автобус наполненный старухами. В коренных сибиряках таких старух нет. Сибирь заселялась каторжанами, ссыльными, гулящими, беглыми. В советское время заселялась Сибирь вербованными, добровольцами, освобожденными из лагерей, ссыльными, ворами, бродягами. И все они не верили властям. Просто им надо было выжить. Появились дети, внуки, правнуки. Свободолюбивые предки и их потомки. Сибирячки, если они коренные – горластые, шумные, острые на язык, гостеприимные, сочувствующие старухи. Здесь же старухи скрытные, завистливые. Настоящие потомки от колдуний. Многие из них обладают черной магией. К сожалению, и у нас в Восточной Сибири, появились старухи, которые ещё молодыми приехали на стройки Сибири. Перемешались с коренными сибиряками. И теперь их трудно отличить от коренного сибиряка. Но я их различаю. Чувствую их. У коренных сибиряков заметная скуластость, неторопливость, особый сибирский говорок, склонность к самокопанию, хитринка в глазах, где можно увидеть и недоверие. В последнее время коренные сибиряки вместе с пришельцами ринулись в церкви. Скорее это не по вере, а дань моде. О какой вере можно говорить, если после Указа президента Ельцина, чтобы проводить церковные праздники, на третий день они толпой побежали в церковь. А на четвертый день после Указа устроили крестный ход.

Съездил в Волгоград. Монументальный Малахов курган впечатляет. Мощь. Когда-то здесь стоял город Царицын. Недалеко от этого города я встретился с комиссаром Гниломедовым. Сейчас он живет на острове, потому что он давно умер, и его душа переместилась на тот остров. Там он трудится комендантом. Иногда я встречаюсь с ним. Он всегда, даже на острове, отменный служака. Конечно, от того Царицына ничего не осталось. Попытался что-то вспомнить, узнать, да где там! Ходил по ули-

цам Чуйкова, Рокоссовского, Калинина, 7-Гвардейской. Почти все дома современные. Есть и деревянные дома, и, возможно, какие-то из них современники Гражданской войны. Целый день бродил по окраинам старого города. Город растянулся вдоль Волги на сотню километров. Под вечер уехал в тихий городок.

Шел по улице Миронова, а навстречу старуха. Мы сближались. Чем ближе я подходил, тем становилось отчего-то тревожнее. Она, шла, согнувшись, и качалась, как все местные старухи, словно уточки. В этой старухе я чувствовал что-то неестественное. Не доходя до меня трех метров, она неожиданно вскинула палку и уперла её в мою грудь. Остановилась.

– Ну, чо, мялок, – проскрипела она. – Всё путешествуешь? Сибиряк, говоришь? – и дробно засмеялась. – Много здесь моих подруг, ой много.

– Ты кто? – спросил я, но, неожиданно понял, кто она. – Как ты сюда угодила?

– Как ты со мной разговариваешь? – рассердилась она.

Прошли молодые. Никакого внимания на старуху. Может, она показалась мне? Надо проверить.

– Молодые люди, остановитесь, – сказал я. – Моей бабуле плохо. У неё диарея в высшей форме. Помогите её куда-нибудь отправить.

Она быстро убрала палку и ощерилась.

– Разбирайся дед сам со своей носительнице диареи. Она, как мы видим, покрепче нас будет! – засмеялся парень.

Значит, они её видят. На мгновение я увидел лицо и фигуру крепкой женщины. Вот почему они мне так ответили. Парень и девушка пошли своей дорогой. Старуха дробно рассмеялась.

– Не вышло, соколик? Не прошел номер. Я здесь поселилась у одной завистливой и злой старухи на улице Октябрьская. Сушная ведьма, но куда ей до меня!

– Пошла вон! – повысил я голос.

– Испугалась. Ты мотри, какой он грозный. Моих подружек тут несколько. Раздолье нам тут. А сколько здесь зловредных старух, уйма! Мы среди них шастаем. Стариков своих в гроб загноили. Живут себе и здравствуют, и от удовольствия ходят по-утиному.

Старуха исчезла. Ходил я по пустынным улицам, и если попадалась какая старуха, то смотрел ей в глаза. Пока та карга больше не попадалась мне. В каждой старухе мне чудилась нечистая сила.

Мне сказали, что здесь чистый воздух, много кислорода. Согласен. Но избыток кислорода тоже для человека может быть вредным. А то, что здесь вольготно нечистой силе, это факт. Немного покопался в истории этого края, и вот я что выяснил. Как и было, многие крестьяне стали переселяться на юг России, не от хорошей жизни. Это сейчас многие историки и журналисты воспевают, как хорошо жили при царе. Именно при царях крестьяне бежали на юг и верстались в казачество. Бежали в Сибирь. Крестьяне шли на Дон, на Волгу, заселяли свободные земли. Наряду с ними бежали и те, кто обладал колдовством. На Руси таких людей забивали камнями. Неведомая сила направляла многих на Дон, на Волгу. Селились на окраинах, внедрялись в крестьян, в казацкие дружины. Шли десятилетия, века. И колдуньи накрепко всосались в народ. Торговцы пытались объехать места ведьм. Слух о ведьмах дошел до наших дней. Теперь я окончательно убедился, что в этих краях живет нечистая сила. Она накрепко внедрилась в старух и передается на внучек. Значит, этим старухам выгодно, чтобы в них сидела нечистая сила. Вот, что интересно, все они носят крестики. И порой даже посещают местную церковь. Как это всё совместить? Случай такой произошел в местной церкви. Пришла одна старуха и решила поставить свечку на помин умершей подруги. Свеча погасла. Она снова её зажгла, и она погасла. Священник вывел её из церкви. И он сказал, что в её подруге, и в ней самой, сидит сатанинский дух.

Побродив по полупустынному городку, я пришел к дому, где поселился. Рассказывают, что в этом доме жила обладательница черной магии. После двенадцати ночи я испытывал что-то неприятное. В пустой соседней комнате в это время было что-то неприятное. Ради экономии электроэнергии ночью люди не включают свет, потому что здесь много живет пенсионеров. Энергия здесь дорогая.

Тихо встал, и пошел в соседнюю комнату. Никого. Но я чувствовал чье-то присутствие. Даже услышал, как кто-то хихикнул. Чтобы успокоить себя, прочел молитву. Начал крестить углы дома.

Была жаркая ночь. Я вышел на улицу. Сел на скамеечку. Рядом появился Дюрд.

– Отдыхаешь? – спросил он. – Молодец. В этом доме есть темная сила. На короткое время ты прогнал её. Здесь, в этом месте, есть проход в соседний мир. Им используются ведьмы. Рядом проходит и наше окно. На днях ты встретил настоящую ведьму. Она внедрилась в местную зловредную старуху. В этом месте, ближе к Дону, вход в другой мир. Однажды ты уже был здесь. На берегу Дона. Вроде заснул, и увидел воина из древней Руси. И даже обнаружил захоронение погибших воинов с хазарами. А сейчас вы тоже нужны для чего-то.

Яркий свет. Я стоял на берегу реки. Рядом со мной Иван, Олег, Сергей.

– Где мы? – спросил Олег.

– Мы миновали тот дом на острове, – ответил Иван. – Следовательно, есть место на земле, откуда можно нас переместить.

– Мы поехали на Ильмень-озеро. Побывали у истока Волги. Загадочные места. Побывали в Нижегородской губернии. Прилегли отдохнуть на берегу Ильмень-озера. И вот мы здесь.

– Как вы думайте, в какой части света мы находимся? – спросил я.

– Интересный вопрос, – ответил Иван. – Неведомо. Судя по природе, мы находимся в средней полосе России.

– Такие деревья бывают и в Сибири, – ответил я.

– Возможно, – ответил Иван. Он будто к чему-то прислушивался.

– наших друзей нет, – сказал Олег.

– Я заметил, что если требуется сила, то они тут же появляются, – засмеялся Сергей.

– Значит, пока их сила не требуется, – ответил Иван.

– Да и Олябрины Правдиной нет, – ответил Сергей, и тут же закрыл рот ладонью.

– Без неё бывает скучно, – сказал я.

В природе стало что-то меняться. Деревья заколебались и стали исчезать. И мы оказались на берегу реки.

На взгорке стоял шатер, горел костер. На нем таганок. И человек с черной повязкой на голове помешивал в котле длинной ложкой. Несколько раз здесь я бывал. Пять мужиков, а это пираты, сидели вокруг костра. Среди них не было Гнатона. Вон и вход в пещеру. Мои друзья тоже здесь были. Мы пошли к пещере. Пираты никакого внимания на нас.

Мы вошли в пещеру. Знакомая картина. Грешники таскали тачки со своими грехами. Каждого из них надсмотрщики били кнутами по голым спинам.

– Каждому своё, – услышал я голос за спиной. Оглянулся. К нам подходил человек среднего роста, и во всем черном.

– Мне сказали принять вас. Мое имя Фер.

Он подошел к нам.

– Идите по вон тому коридору. Там всё узнаете.

Сказал он это, и исчез.

Мы вошли в длинный коридор. Несколько раз я здесь бывал. Странно, зачем он нас сюда направил?

Понял только тогда, когда наугад мы раскрыли дверь в одну из комнат. Длинные столы, на лавках сидели женщины, а в торце стола Октябрина Правдина.

– Это ты её имя сболтнул, – шепнул мне Олег.

Мы хотели прикрыть дверь, но она не закрывалась. Хотели убежать, но наши ноги будто прилипли.

Правдина говорила:

– Трем задала вопросы, и все трое ушли от ответа. Я – женщина, и этим сказано всё. Женщину надо постоянно удивлять, но мужчины этого не делают. Мужчина, как вид, постепенно вымирает. Женщина всё более занимает место в обществе. Наступает матриархат. Вы все здесь – убийцы своих мужей, любовников. Молодцы. Все вы проснетесь на своих нарах на зоне. Но, вы – женщины. Скоро освободитесь. Мужчины всё более зависимы от женщин. Каждая женщина – жены председателей правительств, и членов правительств, и крупных начальников, будто в тени. Но именно жены управляют мужьями. И этим женам всё мало. Давай им дворцы, хоромы, больше хватать денег. Этим

они развращают мужчин. Возьмите жену мэра Москвы Юрия Лужкова. У него жена Елена Батурина нахватала всего выше лобом головы. И Лужков говорит, что он не знал, что она столько всего нахапала. Заметили за ним одну черту. Он постоянно говорит, что он честный и благородный человек. Человек, который постоянно говорит о честности, хорошо потряхните его, и вы поймете, что он нечестный. А почему? С ним рядом его жена. Женщина. Влияние на него сыграло с Лужковым злую шутку. Убрали его с должности мэра. Этим жены развращают мужей. Если взять физиологически, то в нас, женщинах, всё больше появляется мужских гормонов, а в мужчинах женские гормоны. Мужчины изживают себя. А мы, женщины, всё более требуем для себя прав...

Я с силой оторвался от двери и побежал. За мной бежали мои друзья. Остановились.

– Что это было? – спросил Олег. – Даже имя её нельзя произносить. И везде читает морали. И нет на неё управы. Кстати, почему она не появилась у той избушки, где находились ведьмы?

– Потому что, она – женщина, – ответил Иван. – Страшно. Мир без мужчин. Сами женщины, носители мужских гормонов будут производить детей для продолжения рода. Вы заметили одну деталь. В женских лагерях все женщины ходят по парам. Одна из них мужское начало. Другая – женщина. В мужских лагерях не ходят парами. Бывают отдельно опущенные. Это наказание за что-то. А так живут себе без женщин и ничего. Привыкают. Женщина на зоне не может привыкнуть жить одной. Конец приходит человечеству. Мужчина, как вид – вымирает.

– Хватит говорить о мрачном, – прервал Ивана Сергей.

– Где-то здесь есть вход в библиотеку, – сказал я.

– Давайте войдем вот в эту дверь, – сказал Олег, и открыл другую дверь. Пустая комната. В этом деле я уже имел опыт. В углу стояло зеркало покрытое пылью. Я подошел к нему, и коснулся его. Рука не провалилась. Сзади раздался раскатистый смех Правдиной.

– Опять хотели удрать от меня? У меня, Юра, к тебе вопрос. Ты почему дал рекомендации в партию разным отбросам?

Я развернулся к ней. Мои друзья выстроились вдоль стены. Как на экзаменах.

– Отвечу только тогда, когда ты сама ответишь, и не уходи от ответа. Почему не появилась у домика с ведьмами?

Она, видимо, не ожидала такого вопроса и даже на мгновение растерялась. Но только на мгновение. Октябрина была бы не Октябриной если бы не находила ответ на любой вопрос. Она выпрямилась, чудные очки блеснули и она ответила:

– Я наблюдала за вами. Вот так. Потом, я же всё-таки, женщина. И не пристало мне связываться с мужиками.

– Там была старая ведьма! – ответил я.

Она тут же ответила:

– Тем более. Нельзя обижать женщину, даже если она и ведьма. Это, все-таки, женщина!

– С тобой бесполезно спорить.

– А ты не спорь. Вон они не спорят. И каждый из них, как на экзаменах, ждут от меня вопросы. Вот ты, товарищ Чемулаев, отведи мне на один вопрос.

Я решил ещё раз попробовать зеркало. Кто-то же должен нам помочь. Моя рука свободно прошла. Надо бежать. Крикнул:

За мной, друзья!

Я прыгнул в зеркало. За мной последовал Олег. И тут я услышал крик Сергея:

– Караул! Спасите! Она меня держит! Ждет ответа!

И тут появился Сергей. Всклопоченный, красный от возмущения. Весь трясся. И тут же я услышал глухой удар. Конечно, это Правдаина решила взять зеркало на таран. Зеркало не пустило её. Но крик мы услышали:

– Не позволю! Не имеете право! Я буду жаловаться в народный суд! Тьфу! А ну вас! Из-за вас шишку на лоб посадила!

Тишина.

– Фу, – выдохнул Сергей. – Нет, нет, больше не упоминать это имя! Чур, чур, меня.

Лес. Рядом река. Узкий, песчаный берег. Мы выбрались из зарослей.

– Жара. Градусов под сорок, – сказал Олег. – Судя по деревьям, природе, мы находимся где-то в средней полосе.

Олег и Сергей разделились и – воду. Мы с Иваном сели на поваленное дерево.

– Вроде мы все одинаковы, но кому-то дано, всё вспомнить, а кому-то нет, – сказал Иван, – и в этом кроится какая-то причина. Олег, Сергей, ты и я – помним, а Кирьян, Степа и Володя не помнят.

– И эта, неутомная, тоже не помнят. Таких людей, миллионы, – ответил я. – Возможно, и помнят что-то, но скрывают. Эта Октябрина живет на берегу Черного моря, ну и жила бы, так нет, ей надо нас донимать. А если разобраться, то она права. Вопросы у неё всё точные и правдивые. Хватит о ней. Ну, например, уснул человек, а душа его путешествует. В другом мире приняла человеческий облик. И потом снова в спящего человека войдет. Смысл? Никто нам не даст ответа. Ты знаешь, Иван, давно заметил одну деталь. Многие политики постоянно улыбаются. И чем больше человек улыбается, тем больше я ему не верю. В молодости был у меня друг. Эдик Загубенный. Постоянно улыбался. Он мне честно сказал, чтобы я не верил в его улыбку. Плут, мол, я. А эти все не признаются, что они плуты.

– И я не верю тем, кто постоянно улыбается, – сказал Иван.

– Эй, философы, идите купаться! – позвал Олег.

Потом мы вышли на едва заметную тропу. Услышали голоса. Вскоре мы выбрались на поляну. Посредине её стоял такой же домик, какой мы сожгли. Будто копия того домика. Напротив крыльца стоял Саша Хилопатов. На нем длинная ряса, и окладистая борода. Он вокруг себя крестил.

– Изыди, Сатана! Изыди, ведьма! Изыди, нечистая сила! Изыди, мразь болотная!

Вокруг него плясали, кружили разные твари, но его не касались.

– Я вас, твари безмозглые, крестом, крестом! По мордам вас! Эй, Юрка, Стрелов, круши мозгляков! Помоги!

– Саня, мы здесь! – услышал я голос Кирьяна. – Круши, Степа!

Кирьян и Степа с дубинами набросились на лохматых и страшных животных. Появился и Володя. Он кричал:

– Зарежу, суки, зарежу!

– Возьми, Саня, дубину! Этих тварей надо бить дубиной, мечом и огнем!

– И крестом! – добавил Саша. Успевал и себя крестить. – Я хотел им речь выдать, но они не поняли меня.

И тут из раскрывшейся двери выскочила старуха. Она вопила:

– Спасите меня! Караул!

За нею выбежала Октябрина Правдина.

– Вот они где? Решили от меня смыться? Ребята, а крючковатая не уйдет от меня! Я её вопросами замордую! Бить не буду, вопросами затрясу! Ни на один вопрос не ответила!

Правдина ухватила ведьму за ногу, и та упала. Октябрина подняла её и приблизила к себе. Свой глаз вплотную вперила в глаз ведьмы.

– Мне плевать, что от тебя прет гнилью, холодом, землей и падалью. Плевать! От меня, старая вешалка, прет вопросами! Вопрос. Где в последнее время обитаешь? Отвечай! Не отпущу!

– Есть такой городок на Дону. Ещё мы называем его между собой – город ведьм. Наш город.

– Как мне попасть на ваш шабаш? И кому там задать вопросы? Отвечай, сука!

– В том же городке! Между женским монастырем и городом. Есть там полянка, рядом с дорогой. На полянке у Дона. Мы хотели приобщить монашек из монастыря. Они очень набожны. Их души прогнали нас. В этом городишке многие старухи не желают нас гнать. Мы не виноваты. Монашки нас прогнали. Старухи нас не прогоняют. Им задай вопросы.

– И задам, – ответила Правдина и вместе с ведьмой исчезла.

– Этот что не умыкнул? – спросил Кирьян косматого зверя, и стукнул его по голове дубиной. Зверь тут же рассыпался. Мои друзья бились и приговаривали.

– Крестом я вас, крестом!

– Я вас, мать вашу, распушу! Произвели разную камуху на земле непонятно для чего!

– Зарежу, всех зарежу!

– Я на своей гитаре вам похоронную музыку сыграю!

– Ловко мы их, мужики бьем! Я клянусь своей бородой, мы сейчас их одолеем!

– На помин, зверё, получите мой кнут!

– Двенадцатый слег под моей дубиной! Тринадцать! Если философски подходить к данному вопросу, то возникнет вопрос, кто ваши родители? На помойке вас произвели. Но, если так, то вы подлежите уничтожению.

– Тащи, мужики, хворост! – заревел Кирьян. – Мы пока со Степкой сдерживаем их, вы жгите дом. Их из-за этого дома выскакивает уйма. Счету не будет.

Кирьян со Степой ещё яростнее заработали дубинами. Мы бросились носить хворост. Саша, подобрав рясу, тоже стал нам помогать. Володя поджег хворост. Дом вспыхнул весь сразу.

Раздался страшный вой и визг. Из дома стали выбегать и вылетать разные полупрозрачные чудища. Странно, но наши дубины и мой кнут не проходили сквозь тела чудовищ, а ударяли по наступающим телам. Они тут же рассыпались и исчезали.

Вдруг все они ринулись в одно место, мгновенно сгруппировались, и втянулись в воздух. Дом потрескивал.

– Кажись, и с этим домом швах, – сказал Степа. – Крепко мы их вздрючили.

– Не с теми, понимаешь, связались. Кха. Кгм. Ядрена вошь, как мы их!

– Куда они всосались? – спросил Володя.

– Точно определил, – ответил Иван. – Всосались. В другой мир, а возможно, где-то и в этом мире образовались. Мы ведь одно гнездо разрушили, а теперь и другое.

– Вот бы нам туда, мы бы им, понимаешь, по самое дышло бы наkostenяляли, – сказал Кирьян. – А Правдаина, не к ночи сказано, молодец, вопросами их замордовала. Молодец.

Все стали оглядываться. Как я понял, все не так боялись чудовищ, как вездесущую Октябрьину.

– Хотя бы по стопарику на обмын такого дела, – сказал Степа.

Вокруг всё стало расплываться. Мы оказались на берегу широкой реки. На взгорке горел костер, на нем таганок. В чугунке варилось мясо. Пахло очень вкусно. Вокруг костра сидело пять разбойников. Пирата Гнатона не было.

– Несколько раз я здесь был, – сказал Иван. – Зайдем в пещеру, и всё повторится. Зачем? Какой в этом смысл? Во всём должен быть смысл. Мир держится на смысле. Зачем повторять?

– Значит, так надо, – ответил я. – Разные окна в другой мир, разный подход, значит, во всем есть разность.

– Логично, – сказал Иван. – Значит, так надо.

Всё стало исчезать, и я проснулся. Сидел на скамеечке. Чуть светало. Встал. Подогрел чай. Пил и смотрел в окно, в небо. Медленно потухали звезды. Где мои друзья? Трое в Москве. Бомжуют. Степа бродяжничает. Кирьян на пенсии, и лечит свой сахарный диабет. Володя, возможно, перегоняет оленей на новое пастбище, а, может, охотится на кита.

Днем решил прогуляться. Шел по улице Миронова. Непонятно отчего закружилась голова. Впереди увидел древнюю старуху. Она опиралась на корявую палку.

– Ну, чо, мялок, побывал кое-где, утварь сибирская, чалдон желторотый, ангарский водохлеб. Растормошили наш участок? Он в самый раз попадает в это место. Отсюда нас вам не вытравить. Попробуй, вытрави колдовство, злобу и зависть из многих старух этого городка. Не вытравить. Мы накрепко вошли в этих старух.

– У меня к тебе вопрос, старая, – услышал я веселый голос Октябрины Правдиной. – Попалась ведьма старая! Отвечай!

– Спаси, мялок, – бросилась ко мне старуха. Так получилось, что я вскинул руку, и окрестил её. Она завизжала.

– Никакой жизни от вас!

И стала вдавливаясь в воздух. Тут-то я и увидел Октябрину. .

– Вот ты где, Стрелов. Прячешься? Где только тебя не носит. У меня к тебе вопрос.

– Пошла прочь! – закричал я. И она исчезла. Кто-то тронул меня за плечо.

– Гражданин, дед, вы что? Что с вами?

Передо мной стояли девушка и парень. Я стоял, прислонившись спиной к дереву.

– Голова закружилась, – ответил я.

– О помощи просили. И какую-то Правдину гнали.

– Да? Есть такая дама из времен позднего застоя.

– Помочь вам? – спросил парень. – Скорее всего, из времен советской эпохи? Мы приехали сюда отдохнуть из Москвы. Я слышал, что город этот построен на костях ведьм. Даже какая-то бабка промелькнула. Меньше с ними встречайтесь. На большом рынке их много. Что-то у них в глазах есть. Мы на той стороне Дона палатку поставили. Природа там хорошая. пляж рядом. Здесь отдыхать хорошо, но не жить. Может, помочь?

Я пошел своей дорогой к дому, где я остановился отдыхать.

Странный городок. Даже здесь встречаются ведьмы. Правда, она появилась. Молодец она. Тоже борется с нечистой силой.

И вдруг, она оказалась рядом. Я отпрянул.

– Не бойся. Я её так допекла, что она далеко отсюда.

Лицо её сияло, чудные очки сверкали. Она вся так и трепетала.

– Я исчезаю. Надо кое-кому два вопроса задать. Сообщи тебе по секрету. И твоим друзьям по секрету. Сегодня на берегу Дона, на полянке, будет устроен шабаш ведьм.

– Не в женском монастыре? – спросил я.

– Что ты! По дороге к нему. В глухом месте будет шабаш. В монастыре набожные женщины. Его сейчас приводят в порядок. Строители помогают. Ведьмам там делать нечего. Монастырь охраняется светлыми силами. Сейчас у меня к тебе вопрос.

Я побежал. Оглянулся. Октябрины не было. Наваждение! И почему по улицам этого города свободно ходят ведьмы, и даже побывала Правдаина? Не знаю.

Странный городок. Мне не хочется больше здесь появляться.

На шабаш надо посмотреть.

Шабаш на дону

Странности со мной в этом городке продолжались.

Жаркий, изнуряющий день. Ночью духота. Пролетит дождь, жара чуть спадет, и снова духота, и кажется, что ещё сильнее. На природе ещё хуже. Чахлые кустарники, редкая трава, деревья изогнутые. И от них ещё больше тянет невыносимой жарой, и сухой прелостью. Окунулся в Дон. Вроде полегчало. Полежал на песке.

Ушел от города далеко. Меня что-то потянуло. Зашел к знакомой казачке, и, неожиданно для себя, купил две бутылки самогону. Сам себе сказал:

– Не пойму. В этом, что-то есть. Но что? Посмотрим.

Солнце коснулось горизонта, и, притронувшись раскаленной земли, снизу стало накаляться и увеличиваться. Вокруг него и по горизонту, стала расплываться краснота. И будто оттуда, от раскаленного горизонта, потянулся невыносимый жар. Я стал задыхаться и окунулся в воду. Сел в воде по горло. Казалось, что даже волосы на моей голове готовы вспыхнуть. Набрал воздуха и полностью лег на песок. Он стал медленно уплывать из-под меня. Песок ускользал. Вынырнул. Наконец-то, стало прохладно. Вылез на берег. Прошел несколько метров, нашел крошечный островок травы. Лег. Телу было приятно. Длилось это недолго. Солнце уже наполовину погрузилось в полыхающий огнем горизонт. Я снова встал, и бросился в воду. Так я продолжал издеваться над телом, пока солнце совершенно не потонуло в огненном мареве. Стало быстро темнеть. Я оделся и выбрался на тропу, которая должна была привести меня к грунтовой дороге. А там и город рядом. Я сел на пенек, прислонился к дереву, и уснул. Проснулся, когда полная луна освещала окрестность. И было во всем что-то тревожное. Услышал голоса, смех.

Я встал, и решил подойти ближе к тому месту, откуда доносились странные звуки и голоса. Залег в кустарнике. Яркая луна освещала небольшую поляну. Посредине её, вместо костра, стоял маленький сарай. Вокруг него бегали и прыгали обросшие, одетые в лохмотья, чудища. Тут же бегали и бесновались старухи. Встретишь такую в городе, сгорбленную, незаметную с тросточкой и не поверишь в то, что какие коленца они выделявали на этой поляне при полной луне.

Значит, это и есть шабаш. Вот старухи остановились. Чудища сбросили с себя одеяния, и оказались теми ведьмами, которых мы видели в сгоревших домах. Сюда перебрались, мерзкие твари! Старухи стали раскланиваться и что-то быстро говорить. И вот раздался громкий, скрипучий голос, видимо, главной ведьмы.

– Молчать, неугомонные! Хватит жаловаться! Тише!

Наступила тишина.

– Вот мы опять собрались на нашем любимом месте! Нигде нам, горемышным, нет места. Везде и отовсюду гонят нас, помыкают нами.

Раздались всхлипывания.

– Никакой жизни нам не дают! Мы не сдаемся! – повысила голос главная ведьма. – Мы назло будем вредить людям. Пакости, ворожба, колдовство, и зло нести людям, вот наш главный лозунг. Помните, как в прошлом году умерла Авдотья?

– Помним, дорогая наша наставница. Помним, яхонтовая, – раздался тонкий голосок одной из старух.

– К себе не стала нас пускать. А сейчас и её не пускают. Вот и мечется её душонка по кладбищу и нет ей покоя! Почему? Почему я спрашиваю!

– Оттого, милая наша наставница, что решила она прекратить пакостить людям. Добро начала делать. Поздно спохватилась.

– Во-от, – протянула наставница. – Так будет со всеми, кто нарушит нашу клятву. Каждый год мы приносим клятву нашему колдовству. Тащите сюда этого упрянца!

Из избушки вытащили мужичка. Тут же, у крыльца, стоял столбик. Мужичка привязали к столбику.

– Теперь пусть потешатся над ним наши лешаки!

Появились юркие, полупрозрачные существа с длинными руками. Стали они щекотать мужичка под мышками, за пятки. Мужичок извивался, но не кричал. Рот его был заклеен. Старухи прыгали и бесновались. Наставница хлопала в ладоши и кричала:

– Так его, негодника! Тоже решил заняться колдовством. Решил отобрать хлеб у Ефросиньи и Федоры. И даже прогнал их со двора! Мы вытрясем душу из тебя, поганец! Нечего у моих подруг хлеб отбирать. Так его, лешаки! Так! До смерти его надо довести, чтобы его душа попала к нам!

Я попытался встать и разогнать нечисть, чтобы освободить мужичка. Неведомая сила удерживала меня, и даже прижимала к земле. Крикнуть пожелал, но не смог и рта открыть.

Шабаш продолжался. Лешаки на время перестали щекотать мужичка, и вместе со всеми стали что-то черпать из огромного котла жидкость и пить. На большом противне лежали целой го-

рой куриные ножки. Старухи хватали их, рвали руками и зубами и громко смеялись. Шел пир. Наставница кричала:

– Мы хоть здесь, на Дону, повеселимся!

– Так, сладкоголосая, кормилица наша, – хором ответили старухи.

– Четыреста лет с хвостиком я здесь живу, – скрипела ведьма.

– Жила я в московском кремле. Тесно мне там стало. Да и моих подруг камнями побили. А ты, мужик неотесанный, как посмел моих подружек трогать? Придайте ему ещё веселья.

Лешие с диким хохотом набросились на бедного мужика. Тот корчился, извивался. Вдруг он дернулся и затих.

– Околел сердешный, – раздался чей-то голос. – Сердце у него лопнуло.

– Надо было его подольше мучить, – вздохнула ведьма. – Ну да ладно. Не он первый, не он последний. Скажут соседи, что в постели умер. Убрать его. А душу доставить, куда следует.

Мужичок словно испарился. Будто его и не было. И вдруг раздался голосок Октябрины Правдиной.

– Вот ты где? Озоруешь, негодная!

– Сгинь, сгинь, сгинь! – замахала руками ведьма. Но не тут-то было! Октябрина словно из воздуха выдавилась. Подошла вплотную к ведьме. Она кричала:

– Не путай карты руководства! Лешаки возьмите неугомонную даму под руки и к столбу. Захочите её до смерти!

Лешие спрятались в сарае.

– У меня к тебе вопрос, ведьма, и не уходи от ответа.

На поляне никого. И только одна Правда бродила вокруг сарая и ворчала:

– Выходи, горбоносая ведьма. Выходи, поговорим. Несколько вопросов задам. Ну, чего тебе? Ответь на вопросы и можешь быть свободной. Появись крючконосая кикимора.

Тишина. И только было слышно, как пищали комары, да стрекотали сверчки.

Молодец Правда. Сама нечистая сила от неё прячется. Наверное, она много раз её донимала.

У меня в носу защекоotalo. Не удержался и чихнул. Правда быстро развернулась в мою сторону. Пропал!

– Вот ты, где прячешься? – возмутилась она. – Выходи! Разлежся здесь!

Неведомые пути слетели с меня. Я встал.

– Как ты тут образовался? И не уходи от ответа!

– Зачем мне уходить? Я здесь недалеко поселился на лето. Это ты как образовалась?

– Я!? Удивляюсь! Да я везде объявляюсь, где необходима справедливость. Кошмар! Задаю честный вопрос, и все не желают отвечать! Скрываются от меня. Никто не желает поговорить со мной. Все прячутся.

– Люди не прячутся, – ответил я. – Ты людей замучила вопросами. Порой не хочется отвечать на каверзные вопросы.

– И ведьмы тоже?

– И они. Смотря, на какой вопрос. Есть и нельзя ответить, – ответил я.

– Я тебе задам вопрос.

– Мне не надо, – быстро ответил я. – Потому что не желаю отвечать. Да и спорить не люблю с женщинами. Себе во вред.

– Знаю. Мне нравится выводить людей из себя.

– У тебя появляется энергия, когда ты кому-то вымотала нервы.

– Отлично. Ты прав! – воскликнула она. – Давай я сейчас тебе испорчу нервы. Я даже чувствую, как ты начинаешь нервничать. Отлично! Хорошо! Какая прелесть мотать нервы!

– Пошла прочь! – возмутился я. И тут я увидел, ко мне шли мои друзья.

– Так её, понимаешь, – сказал Кирьян. – Где мы находимся?

– На берегу Дона, – ответил я. – Здесь ведьмы шабаш устроили.

– Ясно. Этот сарай пристанище ведьм, – сказал Олег.

– Постарайтесь, друзья, поколотить этих ведьм, – сказала Октябрина. – Лучше всего сожгите.

Октябрина стала всасываться в воздух. Исчезла.

– Ну, ребята, наше дело правое! – громко заявил Кирьян. – Начнем наказывать нечистую силу, тем более нам разрешила Октябрина.

Мы быстро наносили хворосту и подожгли его. Сарай будто ждал огня. Он сразу вспыхнул весь. Внутри его раздался вой, визг, крики. К небу поднялся черный дым. Из дома выбегали полупрозрачные старухи, чудища, лешие. И мы их встречали дубинами. От ударов они рассыпались и исчезали совершенно.

Наступили тишина.

Мы смотрели на догорающие угли. Близился рассвет. Молчание нарушил Кирьян.

– За такую работу хоть того, понимаешь.

Я вспомнил, что в моей сумке есть две бутылки самогону, хлеб и колбаса.

– Случайно вот взял. Собрался к знакомым, – сказал я.

– Мы кто? – спросил Степа. – Мы есть твои друзья.

– Юрка, мы тебя ещё больше будем уважать, – потер руки Кирьян. – Давай посидим на бережку.

– Конечно, уважаем, – сказал Степа.

Володя взял сумку и подбежал к пеньку. Быстро нарезал хлеб с колбасой. Стакан был один. Налил себе половину стакана и тут же выпил.

– Шибко захотел, однако, – ответил он. – Наливайте. Всем хватит.

Каждый наливал себе самогону.

– Отменный самогон. Кха. Кгм. Понимаешь. Можно теперь и о космосе поговорить, – сказал Кирьян, и развалился у пня. – Как там. Того. Понимаешь. Нагородил. Уважь публику, Иван. Что-то там о какой-то плазме. Или вы со Стреловым Юркой стали шибко умными? Уважь. У меня, всё-таки, высшая партийная школа за плечами. Сообразу, что к чему.

– Твоя школа, вроде профтехучилища, – ответил Сергей. – Знаю я вашу школу. Политическая ФЗО. Сам учился там.

– Не скажи, – повысил голос Кирьян. – Там мы изучали марксизм-ленинизм. Если честно, то там много лишнего было. Прав, Юрка. Он был против райкомов. Всю жизнь воевал против них. Ведь, такие, как Стрелов, развалили партию, как вот эти гнездовья ведём.

– Вот тебе раз! – возмутился я. – Они принимали в партию прощелыг, а я виноват?

– Кому ты давал рекомендации?
– Вы кого принимали?
– Стоп! Стоп! – крикнул Олег. – Разошлись. Оба виноваты. Оба принимали в развале партии.
– Каждый из нас, – ответил Иван. – Я тоже принимал участие в её развале. Стыдно, братцы.
– Только не надо трогать партию, – поднял руки Кирьян. – Я ей, родимой, всю свою жизнь отдал. Она была моей кормилицей.
– Подождите, граждане, – сказал Степа. – Я с какого боку? Я в партии не был. Меня вы зачем втиснули в неё?
Раздались хлопки, а потом голосок Правдиной.
– Отлично, Кирьян Аполлинарьевич, браво!
Мы увидели Октябрину стоящую у догорающих углей.
– Надо же, какие-то придурки, разрушили гнездовье ведьм! Ещё сравнивали партию с этой нечистой. Не стыдно? Возмутительно!
– Пошла прочь, – зарычал Степа. – Тебя здесь только не хватало!
– Я, всё-таки, женщина. Культурно надо относиться ко мне.
– Октябрина, не дури, – сказал я. – Сгинь с глаз. В том, что ты приняла участие в уничтожении этого гнездовья – молодец. И ты тоже приняла участие в развале партии. Мы все виноваты.
– Как?! – ахнула Октябрина.
– Кого ты записывала на радио? А ведь лучший инструктор партии Юра Снарядов первым убежал из партии, – ответил я. – Все мы здесь виноваты. Зачем оправдываться? Все виноваты, начиная с центрального комитета, заканчивая райкомаами партии, и такими жуками, как я.
Октябрина исчезла.
Стали исчезать и мои друзья. Я сидел на пне. Не было полянки, сарая. Был Дон, песчаный берег, кустарник и клены. Что же это было? Сейчас мы проверим. Сумка стояла у ног. В ней не было бутылок с самогоном. Не было колбасы и хлеба. Значит, всё такое было? Где? Я начал ходить, но ничего не нашел.
Когда я вышел на дорогу, было уже светло. Навстречу мне ехал мужик на мотоцикле. Он остановился.

– Слушай, где это горело? Митька с ночной ехал. Сказал, что сарай сгорел. Кому он был нужен? Сто лет стоял, а тут сожгли.

Я шел к городу. Странно. Но факт. Всё произошло реально. Как? Как мои друзья оказались здесь? Да ещё сарай сожгли, где обитала нечистая. Значит, мои друзья, да и я сам в тот момент были не реальны? Значит, так. Не могли они здесь оказаться за столько километров от Москвы, а Кирьян из Сибири. С Правдиной всё ясно. Она вездесущая.

Шел я по улице, а навстречу старуха. Я уже видел её. На этот раз она уперла свою клюшку в мою грудь

– Ну, чо, мялок? Думаешь, победили нас? Шалишь, голубчик. Шалишь. Вы, сволочуги, уничтожили ещё один вход в другой мир. И нам закрыт туда вход. Здесь мы распозаемся по зловредным старухам. Да и в молодых пытаемся влезть. Девушки курят, пьют водку, пиво. Они нам подходят. Будем искать новый вход в другой мир, где нам жилось привольно. Если ты такой прыткой, то можешь различить молодых, которые уже становятся нашими. По характеру, и по глазам.

Согнувшись, она скрылась в переулке.

Зашел в магазин. И тут же узнал одну из них. Молодая особа устроила скандал продавщицам. Не тот ей хлеб дали, не ту крупу, не тот сахар. И я увидел в её глазах блеск и злобу. Конечно, в неё вселилась нечистая сила. Женщина сама должна справиться с нечистой силой. Никто ей не поможет. Она должна понять, что с ней что-то происходит. Следить за своими поступками и не «срываться» на злобу. Для меня Лев Толстой всегда был образцом. В своих дневниках он пишет, что по характеру он злой. И всю свою жизнь боролся сам с собой, чтобы быть добрым к людям. И этот пример я всегда рассказываю тем людям, кто не сдерживается от своих зловредных привычек.

Наступила жара. Южное солнце жгло нещадно. Утомленный зноем, не выспавшийся я бросился на диван и погрузился в тревожный сон. С тоской думал о своем любимом Севере, тайге, и о прохладных распадах.

Часть вторая. Над нами вечность

Невероятные приключения придурков

Проснулся ночью. Невыносимо от жары. Вышел на улицу. Сполоснул лицо теплой водой.

Сел на скамейку. Тишина. Только слышно, как стрекотали сверчки. Даже собаки молчали.

Кто-то сел рядом со мной. Никого не видел. Провел рукой вокруг себя – никого. И вдруг чей-то незнакомый голос.

– Отдохнул? Вы нужны.

– Кому мы опять потребовались?

– Кому надо. Имя моё не спрашивай. Оно тебе не нужно. В этом месте хороший вход. Хорошо вы воевали. Отменно. Молодцы!

– Такого ещё не было. Мои друзья были здесь.

– Не они это. Энергетические тела были здесь.

Всё исчезло. Стоял под куполом дома на острове. Рядом со мной Олег, Иван и Сергей. Троих друзей не было.

– Есть ещё надежда бежать? – спросил я.

– Толку? – спросил Сергей. – Несколько раз пытались бежать.

– Когда мы имеем физические тела, то мы не сможем сбежать, – сказал Иван. – А мы из другого материала. Мы сюда направлены. Мол, извольте трудиться. Мы здесь трудимся. Мы здесь – воины.

– Значит, нам опять кого-то надо защищать, – сказал Сергей.

– Пойдемте к морю, – сказал Сергей.

Мы подошли к пещере. Много раз здесь бывали. Три парусника на берегу. Отлив. У костра возились три мужика, а две женщины стирали белье.

– Приветствуем, островитяне! – крикнул Олег. Мужчины кивнули головами и продолжали готовить дрова для костра. Что-то варилось в котле. Женщины на время бросили стирать, посмотрели на нас, улыбнулись, и снова взялись за стирку.

Я подошел к мужикам. Спросил:

– Кто у вас комендант острова?

– Гниломедов, – ответил худенький и маленький мужичок.

– Давно он у вас?

– Давно. Говорят, что давно. Такие, как мы люди, приходим и уходим, а он остается бессменно здесь.

– Лозунгами шпарит?

– Откуда вы знаете, если вы новенькие?

– Мы уже бывали здесь.

– Мы думали, что здесь пересылка. Побыли раз, и хватит.

– Вино есть? – спросил я.

– Бывает. Очень редко. По праздникам.

– Какой намечается?

– Праздник Октябрьской революции.

– С ума сошли, – сказал Сергей. – Я думал, что здесь не бывает праздников.

– Особенно вон в том доме. Там такие дела творятся. Мы редко туда заходим.

– Мы только оттуда, – ответил Олег. Ничего там такого нет.

– Мы знаем откуда. Из подвала. Туда ведет особая дверь. Там выход в другие миры. Мы теперь поняли. Вы из живых. Лично моё тело под городом Красноярск. Я убит в драке на танцплощадке в 1961 году.

И тут мы услышали звонок, похожий на школьный звонок.

– Приглашают на собрание, – сказал мужик. – Но мы на них не ходим. Туда попадают выборные.

– Как в добрые, старые времена, – сказал Сергей. – Любопытно бы побывать на этом собрании. Вы как?

Мы пошли к дому.

Вошли в зал. Бывали здесь. Партийные собрания проходили.

Были здесь стулья, скамейки. У стены стол. Он накрыт красным материалом. Как и положено, посередине графин с водой и стакан. В центре стола стоял сам Гниломедов. Кожаная куртка, черная рубашка и красный галстук. Настоящий комиссар. Нисколько не изменился.

Все рассаживались.

В первом ряду кто-то гулко кашлянул. Знакомый кашель.

– Кха. Кгм. Понимаешь.

Неужели, и он здесь?

Гниломедов, как и положено, постучал карандашом по графину.

– Тише, товарищи, успокойтесь! Для ведения собрания есть предложение избрать президиум. Разрешите огласить список.

Наваждение какое-то! Кто же здесь собрался? Зачем? Для хохмы? Какие здесь будут решаться жгучие вопросы?

Из глубины зала раздался голосок Октябрины Правдиной.

– У меня вопрос.

– Вопросы, товарищ Правдина, потом, – опять постучал карандашом по графину Гниломедов. – Не путайте карты руководства!

– Теперь мне уже и вопрос нельзя задать? По существу собрания вопрос, – не унималась Правдина.

– Потом будет время для вопросов. Сейчас нам надо избрать президиум.

– Вы не уходите от ответа! У нас здесь плюрализм мнения!

Гниломедов бросил карандаш. Плюнул.

– Надо же! Опять всё испортила! До каких пор эта кикимора будет изгаляться над честными тружениками? – раздался громовой голос Кирьяна.

– Я не кикимора, а женщина! Извольте отвечать по существу! А вы, Кирьян Аполлинарьевич, когда были секретарем...

– Молчать! – затопал ногами Кирьян. – Волосогрызка из раннего застоя! Гниломедов, ты чего смотришь? Она же нам всю обедню испортит!

Гниломедов ударил по столу, графин со стаканом подпрыгнули, и он их ловко поймал. Есть опыт. Поставил.

– Ребята, помогите очумелой! – крикнул Гниломедов.

Кто-то громко смеялся, и приговаривал:

– Вот, дают! Вот где артисты из народа! Вот играют! Даже здесь умудрились играть! Ой, страшно. Как они хмурятся! Ой, боюсь!

Два здоровых парня подхватили под руки неугомонную Правдину и вынесли из зала. Она кричала:

– Зажимают критику! Не позволю! Буду жаловаться в центральные партийные органы. Отпустите! Я хочу задать вопрос.

Правдину выставили за дверь.

Мне надоело всё это. До каких пор они будут играть?

Я вышел на улицу. За мной вышли Сергей, Иван и Олег. Выскочили из дома Подгузников, Степа и Володя.

Кирьян плевался.

– Как мне всё это обрыдло? Неужели ещё не устали играть? Всё это, понимаешь, ушло в прошлое, и не вернуть.

– Я за тобой туда попал, – ответил Степа. – Это же чёрт знает что? Кошмар какой-то!

– Мне хотелось кого-нибудь послушать, как они красиво и непонятно говорят, – ответил Володя.

Мимо нас пробежала Правдина. Она нервно размахивала руками, глаза под очками округлились. Очки сверкали, и, казалось, что от них летят искры.

– Так обидеть женщину! Пусть не радуются! Я их всех вопросами замордую. Мне нигде нет препятствия. Если я самого Сталина довела до истерики! Я им сейчас устрою веселую жизнь.

Она пинком раскрыла дверь и ворвалась внутрь. Через несколько минут раздался крик Гниломедова:

– Спасите меня! Спасите. Я больше не могу! Отстань! Хватайте её!

Мы не стали ждать того сладостного момента, когда телохранители Гниломедова вынесут на руках связанную Правдину.

Мы увидели раскрытую дверь в подвал, где есть отверстие, и откуда мы попадаем в другие миры.

Мы вошли в подвал. Дверь за нами закрылась. Мы встали под купол.

Оказались на берегу широкой реки.

– пляж, ребята, – сказал Олег. – Природа не южная. Можно и покупаться. Крокодилов здесь нет.

Вышли из воды, и легли на песок. Хорошо! Тишина. Благодарить!

– Тихо, – сказал Володя и приподнялся. – Вверх по течению идет лодка. Тянут её, однако, лошадей. Люди шибко ругаются.

Мы оделись и вошли в лес. Вскоре из-за поворота показалась огромная лодка. Как и говорил Володя, её тянули две лошади и несколько человек. Бурлаки. На лодке несколько вооруженных человек.

– Это не мир волосатиков, – сказал Сергей.

– Может, их тронуть? – спросил Степа.

– Мы их трогать не будем, мы их культурно спросим, – ответил Кирьян.

– Вежливо спросим, – засмеялся Иван.

Мы выбрались на видное место. Лошади встали. К нам подошел человек и стал нас разглядывать.

– Чего высторожился? – спросил Степа. – Куда путь держите? Что это за страна такая? Отвечай, охломон! Тебя же пока культурно спрашивают.

Человек молчал. Остальные люди тоже молчали.

– Вы что стоите, как обмены? – спросил Кирьян.

– Граждане, незнакомцы, – обратился Иван. – Мы заблудились. Если есть желание познакомиться, пожалуйста, будем знакомы. Если нет, то до скорого свидания, и я пошел.

– Кто из нас или вас, охломон? – раздался знакомый голос. – Приветствую путешественников! Вы меня не узнали? Я – Моркон! Вы нам хорошо помогли.

Старый знакомый. Моркон. Он стоял среди тех, кто был в лодке.

– Где Нерон? – спросил Кирьян. – Коровы дают нормальное молоко?

– Его зовут Лерон. Он через два дня прибудет с новыми товарами. Коровы нормальные.

- Лодка приблизилась к берегу. Люди сошли на берег.
- Многие ваши слова так мы и не понимаем, – сказал Моркон.
 - Что вы везете? – спросил Кирьян.
 - Разные товары к зиме. Продукты, какие мы не производим.
 - Ясно, – ответил Сергей. – Те твари вас не беспокоят?
 - Нет. Они появились в пяти сутках от нас. На болоте. Они всегда там были. Туда какие-то новые прибыли.
 - Поехали в те места, – сказал Кирьян. – Мы им там устроим болотную жизнь.
 - Поедете с нами, и покажите туда дорогу, – сказал я.
 - Туда из наших людей никто не ездит. А если кто-то проезжает вблизи болота, то на дорогу выходят разные чудища. Появляются и старухи. Вот они и говорят на вашем языке.
 - На чем поедем? – спросил я.
 - На лошадях.
 - Может, по этой реке? – спросил Степа.
 - По ней нет. Она уходит в другую сторону. Надо только через лес. Пять суток ехать.
 - Кто-то же должен показать дорогу. Давайте с нами, – предложил Олег.
 - Он боится! – засмеялся Кирьян.
 - Боюсь. Да и дел у меня здесь много. Я должен снабдить несколько селений к зиме.
 - Главный снабженец, – сказал Володя. – У нас был один снабженец. Он с большими деньгами уехал в Америку. А до этого его разбирали, а потом отпустили. У меня был один знакомый в Анадыре. Он на свадьбу дочери украл ящик водки. Поймали. Пять лет присудили. Того миллионера защищал адвокат и журналисты продажные. А этого бедолагу никто не защищал. Тебя не посадят. Воруешь?
 - У нас такое не бывает. Я весь на виду. У меня небольшой домик. За мою работу мне дают продукты, обувь, одежду. У нас нет воровства. Мы назначаем вам проводника. Дирон, подойди к нам.

Из тех, кто тянул баржу с лошадьми, подошел к нам парень. Все они маленькие, тщедушные, белотелые. А этот ростом и мощью со Степу. Белокурый, загорелый парень. Странно. Он не похож на всех этих бледнолицых.

– Вам нужны лошади, – сказал Дирон. – Сухое мясо и сухари.

– Всё это вам сейчас подвезут, – сказал Моркон. – Мы же продолжим путь. Дирон остается с вами. Прощайте.

Моркон и остальные разошлись по своим местам. Вскоре они тронулись в путь.

– Когда они будут на месте? – спросил Олег.

– К закату солнца, – ответил Дирон. – Сейчас для нас придут лошади.

Мы сели на песок.

– Слушай, Дирон. Ты уж извини, понимаешь, но они все какие-то дохлые, а ты вон какой. Что это? – спросил Кирьян. – Такие, как они, даже в нашу армию негодны. А ты вымахал. Что это так?

– Я не отсюда. Моя родина отсюда далеко. По морю плыли около двух месяцев. У нас там очень жарко. Зимы там нет. Снега нет. Фруктов много. Шторм. Наткнулись на подводные скалы. Вынесло нас в устье этой большой реки. Спаслось нас трое. Два моих товарища ведут такие лодки в других местах. Мы в охране состоим. Бешеные люди есть в море.

– У нас их называют пираты.

– У нас бешеные люди. Ещё их называют буры.

– Встречались и нам такие буры, – сказал я. – Да и на острове воевали с пиратами. Там нам помогли дикари. На том острове некоторые товарищи пытались построить коммунизм среди дикарей.

Про это я описал в книге «На острове снов».

Кирьян топнул ногой.

– Вечно с издевкой! Было дело, да пропало.

– Я сам был тогда пиратом, – ответил я.

– Успокойтесь. Хватит. Здесь мы здесь сами корсары, – прервал нас Сергей. – Раз мы здесь, значит, мы нужны для этого

дела. Не для спора мы здесь. Все мы хороши. Все мы – грешники. Только каждый грех надо отвоевывать для блага.

Володя лег на землю и стал слушать.

– Слышу топот коней.

– Вы так слышите, что кто есть далеко? – спросил Дирон.

– Он у нас такой слухарь, – ответил Степа.

Прошло немного времени и из леса вышло девять лошадей. На одной из них сидел тщедушный паренек. Все восемь лошадей были под седлами, и к ним прикреплены мешки с продуктами.

Паренек уехал, а мы сели на лошадей и отправились в путь.

К вечеру мы подъехали к ручью. Остановились на ночлег. Сварили суп.

– Юрка, мне, кажется, что кто-то следит за нами, – сказал Кирьян. – Слежку я давно почуял.

Палатки мы сгруппировали, и залезли в мешки. Ночью я проснулся оттого, что в лесу кто-то смеялся, визжал и стучал по дереву.

– Что это за камуха такая? – спросил Степа.

– Может, пираты? Буры, – ответил Кирьян. – Встретились бы. Мы бы им устроили болотную жизнь.

– Они на море действуют, – ответил я.

– Может, нечистая? – прошептал Олег.

– У меня ещё один вопрос. Насчет продуктов. У нас тоже так называется. Они дали нам затируху. Из неё вот и получился вкусный суп, похлебка, – сказал Володя.

– Да, да, – встрепенулся Кирьян. – Метко Володя заметил. Затируха. И у нас её так называют. И в этом мире её делают в поход. Как это так Дирон?

– Очень просто. Мы знаем, что вы не обладаете даром понимания речи другого себе подобного. Нам стоит немного вас послушать, и мы понимаем вас. Так мы устроены. Слово – затируха? От вас. Она у нас называется по-другому. В вашем мозгу появляются слова, а мы их в себе обрабатываем.

– Ковыряетесь в мозгу? – спросил Кирьян.

– Если надо для дела, то ковыряемся, – ответил Дирон.

– Если пираты, ваши буры этим обладают. Это страшно, понимаешь.

– Им не дано.

– Почему так? – спросил Иван. – Как это вышло и когда? Они люди, как вы. У нас ясно. Мы катимся к катастрофе. Такими нас создали. Узнали бы ячейку в банке. И – всё. Плакали денежки. Мы бы давно погибли. А у ваших пиратов нет такого таланта.

– У нас так устроено, если кто-то из нас начинает нарушать что-то, то у него отнимается этот дар, – ответил Дирон.

– Стойте, стойте! – крикнул Иван и вылез из мешка. – Вы не свободные люди! Вы – чьи-то рабы. Извините, но это так. Лучше я буду с глубинной тайной, но я – свободный. Хотя в этом мы – свободные. Как же мне раньше не пришла мысль? Кроме нашего Бога, никто не должен вмешиваться во внутренний мир человека. Никто! Вы, местные граждане, завоеваны. Вас же завоевали неизвестные нам силы.

– В прошлый раз, они, эти твари, придумали насчет коров. Попил молочка и колись! – повысил голос Олег. – Ловко всё придумано. Вы живете в древнем мире. Из всех цивилизаций, вы самые отсталые. Мне жаль вас.

– Настоящие «Бурлаки на Волге». Есть такая картина Репина. Никакой техники, – сказал я. – Что же это такое! Кругом вредит темная сила! Куда не сунься. А здесь даже украсть ничего невозможно. Как жить без воровства! Ведь захочется у кого-нибудь что-нибудь стянуть. Как же так! Безобразия!

– Ничего нет, – тихо ответил Дирон. Он будто к чему-то прислушивался. – Мне нельзя всё говорить. Тогда в голове возникает боль, и я не могу говорить. У нас таких много. Не говорят, и ни о чем не думают.

– Где-то находится этот источник, мужики, – сказал Иван. – И этот источник где-то стоит целые века. Мы сожгли сарай, а они возникнут в другом месте. Вечная борьба добра со злом. Над ведьмами кто-то ещё стоит.

Дирон схватился за голову, глаза округлились.

– Не могу больше говорить. Даже думать не могу об этом.

Мы отошли от него. Не надо бы подводить парня.

Наступил рассвет. Мы позавтракали, и отправились в путь. Все молчали. Дирон был в стороне от нас.

Я размышлял. Мы сожгли сараи, гнездовья чудищ и ведьм. Вдруг всё это устроено для отвода глаз. Значит, где-то есть источник зла, который внедрил в мозги людей направление лучей к определенному месту. Эти люди под чьим-то контролем. И этим создателям невыгодно, чтобы люди думали. У нас ведь тоже много людей, которые перестают думать, и становятся глубоко ограниченными людьми. В нашем мире есть, кому людям вредить. Мы его знаем. Это сам Сатана. И от самого человека зависит, надо или нет бороться с Сатаной. Я уже об этом много писал. Повторяться не буду. А вот в этом мире неизвестно, кто вредит человеку. Может, найдем источник? Попробовать надо.

– Где находится то гиблое место? – спросил я у Дирона. – Нам лучше направиться к этому месту.

Дирон, держась левой рукой за голову, а правой махнул вправо от дороги.

Иван подъехал ко мне.

– Догадался. Возможно, там есть секрет всего сущего.

– Что вы тут задумали! – крикнул Кирьян.

Мы коротко объяснили нашу догадку. Кирьян даже оживился.

– Вы правы. Любопытно было бы посетить этих тварей.

Дирон сморщился и сказал:

– Я не могу. Сутки туда надо ехать от этого места. И туда путей нет. Мне поручили доставить вас до сворота. Дальше вы сами.

– Вот, что друг, ты оставайся здесь и жди нас, – сказал Кирьян. – Суток нам хватит. Мы не заблудимся. У нас Володя.

– Дирон, а почему сутки? Если вы не знаете туда дороги, как можно понять о времени? – спросил Олег.

– Давно, в наших краях появился человек. Люди сохраняли память о нем. Его имя Герьгий. Говорят, что это имя древнее. Он был здоровый, заросший весь. До сих пор люди передают это имя. От него немного узнали. От большого распада день туда и ночь обратно ехать на коне в сторону высокой горы, на которой стоит огромный камень. Герьгия все боялись. Он жил в срубленной им избушке в лесу. И ничего не боялся.

– Почему он не вернулся? – спросил Иван.

– Пытался. Вот на этом месте его находили без чувств. Хотя он обладал врачеванием. К нему шли люди. Он пытался вырваться, и уйти в свои края, но неведомая сила держала его. Он умер в страшных мучениях.

– Вот мы и отправимся на родину Гергия, – сказал Иван. – Обязаны. Для этого мы здесь.

И мы отправились в путь. Лошадей оставили Дирону. Он сказал, что из деревни придут сюда ещё двое караулить лошадей.

Впереди шел Володя. За ним я. Мы с Володей более опытные бродить по тайге.

На ночь мы остановились у подножия горы, и на берегу бурной речки. Развели костер, и сварили загируху. Потом поочередно рассказывали разные истории из своих жизней. И вдруг кто-то в лесу заплакал, тут же засмеялся, потом начал ржать, хорошо подражая, лошади, свистеть.

– Началось, – прошептал Олег.

– Я шептать не собираюсь, ядрена вошь, – сказал Кирьян. Закричал:

– Эй ты, кикимора! Выходи на честный бой! Трусишь? Выходи!

Звуки прекратились. И вдруг неожиданно подул сильный ветер. На наш костер упало дерево. Степа с Володей успели убежать.

– Дохлая кошка! Тебе не испугать нашего чукчу! – кричал Степа. – Ты способна на пакости! Выходи на бой!

Ветер стих. Неожиданно забурлила речка. Она быстро вышла из берегов. Мы не успели убрать палатки, мешки, продукты. Всё смыло водой. Нам явно не давали спать. Мы решили дежурить по двое. Я сразу уснул. Тут же меня разбудил Володя.

– Вставай, однако. Будь осторожен. Не откликайся. Ты спал долго.

Мне показалось, что я только что уснул.

Вооружившись мечом, я пошел на дежурство с Иваном. За поясом у меня был кнут. Это моё самое надежное оружие.

Сквозь деревья виднелось черное со сверкающими звездами небо.

– Какая-то дрянь зовет меня, – сказал Иван. – Будто голос жены и моего сына. Они живут в Новосибирске. У неё теперь своя семья. Пять лет не виделись.

– Я пока ничего не слышу, – сказал я.

И вдруг, я четко услышал голос Октябрины Правдиной. Будто рядом находилась.

– Юра, Стрелов! Помогите! Ты только можешь мне помочь. От этих бывших болтунов ничего хорошего не дождешься. Я не буду задавать вопросы. Помогите! Тону в болоте! Не бери грех на душу! Помогите!

Я решил помочь неутомонной, и пошел было уже, но Иван преградил мне путь мечом.

– Стой! Ты думаешь, я бы не пошел? Я выдержал. И ребята бы пошли. Нам держаться. Как могли люди подчиниться им? Хотя, что я говорю. Человечество покорено подлецами. Правда, думать, ещё не отобрали. В этом у нас хоть плюс. В лабораториях наши ученые разрабатывают аппарат – подчинить психику человека. Это уже будет конец мыслям. Вот с этого уже началось падение личности. Этих ученых собрать, и отправить на необитаемый остров в каком-нибудь мире.

Светало. Я увидел, как по берегу ручья бежало несколько детей. За ними гнались чудища. Дети кричали и звали нас на помощь. И я решил им помочь, но меня остановил Иван.

– Это мираж. Откуда здесь могут быть дети? Приглядишься. Посмотри на их ноги.

Босые ноги не касались травы. Она даже не шевелилась.

– Отвернись, – сказал Иван. – Представь, будто ничего нет.

Мы отвернулись. Постояли немного и оглянулись. Никого. Тишина. Вскоре, поднялись наши друзья. Мы пошли дальше.

К вечеру неожиданно наткнулись на насыпь. Это заросшая кустарником и деревьями настоящая железная дорога!

Такого я не ожидал.

– Ёси-моси, ядра вояшь! – закричал Кирьян. – Что сделали с цивилизацией эти подлые гнилушки!

– Там что-то виднеется, – сказал Олег. И мы пошли вдоль полотна.

Вот и развалины огромного здания на опушке леса. Дальше, в лес, улицей уходили заросшие бурьяном, деревьями дома. Мы шли по улице бывшего города.

Вдруг Володя насторожился.

– Я слышу шаги убегающего человека. Здесь есть люди.

– У меня есть идея, – сказал Иван. И он стал подниматься на высокую стену. Встал там, и закричал:

– Люди! Не бойтесь нас! Выходите! Мы пришли к вам на помощь! Пора всем вместе повести борьбу за свободу от нечистой силы! Мы не привидения!

Из-за угла кирпичного здания вышел человек в шурах. Он чем-то похожий на Степу. В руках дубина. Он медленно приближался к нам. Иван слез со стены, и встал впереди нас. Широко улыбнулся.

– Подойди и потрогай меня. Брось дубину. Мы ничего плохого вам не сделаем.

Вдруг человек хрипло сказал:

– Теперь вижу. Вы – люди. Но другие. От вас идет какая-то чужая энергия. Идите за мной. Вас ждут.

И мы пошли. Иван спросил:

– Достопочтенный друг, вы, почему свободно говорите на нашем языке?

– На каком языке я должен говорить?

– На своем. На местном.

– Мы и ваш язык знаем.

– Откуда? Как это происходит?

– Мы не знаем. Удивляюсь, что вы не знаете нашего языка.

– Кто ждет нас?

– Наш главный. Президент. Вы нам ничего плохого не сделаете. Мы таких людей, как вы давно ждем. Мы думали, что после всемирной катастрофы остались такие люди, как вы и можете нам.

Мы подошли к расщелине в нижней части стены. Спустились в подвал. Длинный коридор освещался, но не факелами, а настоящим электрическим светом. Кабелей не видел. В стену были вкручены крошечные лампочки. Но светили они ярко.

– Вот тебе и древность, – сказал я. – По-моему, мы ещё увидим что-то более интересное.

– Откуда здесь электричество?! – воскликнул Сергей. Мужик молчал. Он подошел к двери и раскрыл её.

Огромный зал. Впервые такой увидел. Несколько человек будто ждали нас. Они смотрели в нашу сторону. Одеты в легкие одежды. Мужик остался за дверью. К нам подошел мужчина крепкого сложения.

– Пройдемте, – сказал он. – Вас ждут.

Он провел нас через зал к угловой двери. Люди встали друг против друга и молчали. Мне показалось, что они понимали друг друга.

– Что они молчат? – спросил Степа. Мужчина ответил:

– Они не молчат. Они разговаривают.

Мы вошли в ещё один зал, но маленький, где был длинный стол, за которым сидело двенадцать человек. Все в легких костюмах, выбриты, чистенькие.

Мы приветствовали их. Никто из них не ответил. Они молчали.

– Чего высторожились, как обмены? – сказал Степа. – Забрались под землю, так и носы вверх? Мы не таких мозгляков ошлеушивали.

– Хватит озорничать, Степа, – сказал Кирьян. – Эти охломоны здесь расселись и нуль внимания на нас. Упыри подземные. Отвечайте, если вас культурно спрашивают! Русского языка не понимаете? Разъясним бульенные ваши рожи.

Один из них, видимо, главный, заговорил:

– Мы понимаем ваш русский язык. Есть слова, которых мы не понимаем смысл. Вы нас ругаете? За что? Почему молчим? Надо и нас понять. Ваш недостаток в том, что вы не желаете понять других. Чуть что не по вам, вы ругаетесь непонятными выражениями, и хватаетесь за оружие.

– Вы извините нас, – сказал Иван. – В обще-то, мы – воины. Да и не все такие, как наши друзья.

– Поучи, поучи, нас дураков, – огрызнулся Кирьян. – Они сразу скумекали в чем дело. Сразу заговорили.

– Ты, Иван, не гони на нас, – сказал Степа. – Мы сюда по-честному сюда пришли.

– Отчего вы ушли под землю? – спросил Иван. – Почему другие люди живут в деревнях? И почти не знают о вас. Бороться надо сообща. Мы не враги ваши. Мы есть ваши друзья. Сообща что-нибудь и решим. Да и опыт у нас есть в делах ближнего боя.

– Нечистая сила, как вы её называете, к нам не проникает, – продолжил говорить старший. Так я его назвал. – Она расползлась по всему нашему миру. Только ещё в отдельных местах она не бывает. Получает хороший отпор. Конечно, есть места, где такие же люди, как мы, живут в подземельях. Мы не знаем ничего о них. К нам невозможно пробиться через места, где живет нечистая. Садитесь, друзья, на свободные места.

Мы заняли свободные места. Сергей сказал:

– У нас к таким людям, как вы не войдешь просто так.

– Как не войдешь? – спросил кто-то.

– У него огромная охрана, – сказал я. – Когда были коммунисты у власти, то тех вообще не возможно было увидеть, только на портретах красовались.

– Кто они такие? – опять спросил кто-то.

– Всё ясно, – сказал я. – На это мог бы ответить товарищ Дрожжин.

– Не надо, – ответил Кирьян. – Ты ещё эту напomini. Чур, меня, чур. Тьфу! Я расскажу, а Чемулаев поможет.

– Только короче, – сказал Олег. Кирьян громко откашлялся, потер руки, сильно нахмурился и начал говорить.

– С древности человек мечтал о свободе. Был рабовладельческий строй...

Кирьян, в общем-то, коротко и доходчиво стал объяснять историю древнего мира, средних веков, и даже добрался до Маркса.

– И вот этот коммунизм бродил, бродил по Европе и попал в Россию, – прервал Сергей. Кирьян поднял руку.

– Подожди. Не перебивай меня, не перебивай. Ты не так знаешь развитие социализма, как я. Не перебивай.

– Как это я плохо знаю? Я, всё-таки был заведующим отделом по политическим вопросам и истории. КПСС я знаю назубок.

– Я в институте преподавал. У меня студенты были, – подал голос Иван. – Я, все-таки, кандидат наук. Философ.

– Постных щей кандидат, – огрызнулся Кирьян.

– Я тоже преподавал, – начал, было, Олег.

– Так вы здесь все ученые? – спросил кто-то. – Поэтому у вас, столько непонятных слов.

– Это для связки слов! – крикнул Кирьян. Все даже вздрогнули.

– Хватит выкаблучиваться! – сказал Степа. – Подумаешь, ученые. Я может, тоже кое-кем был.

– И я был членом райкома партии, – сообщил Володя. – Даже один раз с самим Абрамовичем за руку здоровался.

– Тьфу ты со своим Абрамовичем! – ответил Кирьян. – Сдался он тебе! Мы тут к самому важному подошли, а ты здесь этого Абрамовича суешь!

– Ты чего нам своего Абрамовича толкаешь? – засмеялся Степа.

– Об Абрамовиче я хотел сказать, – обиделся Володя. – Членом райкома я был. Об Абрамовиче я хотел...

– Не надо хотеть об Абрамовиче! – крикнул Кирьян. – Хватит бузить! Артисты собрались. Пошел он к чёрту этот футболист из команды Челси!

Степа громко смеялся. Мои друзья тоже стали смеяться. И только Володя нахмурился. Ему, конечно, было обидно за Абрамовича.

– Кошмар какой-то! – кричал Кирьян. – Тут такие вопросы подняли, понимаешь, а он нам сюда недобритого господина нам присобачил, мать твою! С какого хрена он нам нужен?!

– Друзья, успокойтесь, – поднял руки старший гражданин. – Так у вас культурно говорят? Культурно громко кричите? Научите нас так культурно говорить непонятными словами.

– Сыроежка, ты нам нами смеешься? – повысил голос Степа, – Ты меня в культурные пришпандорил? Это они здесь выпендриваются. Я обыкновенный человек. И Юрка Стрелов далеко не ушел от меня. Мы с ним настоящие неучи. Они тут, кроме нас с Юркой, все грамотные собрались. Надо было бы им поменьше книжек читать. Заученные стали от книжек. Иванов, например,

может говорить на негритянском языке. Толку? Вместях со мной на свалке. А вы говорите, Абрамович вам нужен. Зачем он вам сдался?

– Степа, ты совсем на речь извелся. Не нужен нам Абрамович, – сказал Кирьян. – Абрамович нужен Володе. Хватит об Абрамовиче. Надоел он нам хуже горькой редьки. Я хочу сказать про Степу. Хотя он не относится к культурной интеллигенции, к какой относимся мы, он тоже может культурно беседовать.

Степа заулыбался и стал надуваться.

– А что? Я тоже могу быть антиллитентом и культурным. Вот чичас мы никого не трогаем, культурно ведем себя. А вы зачем выпендриваетесь?

– Господа культурные тунеядцы и бродяги, имейте совесть. Послушайте местную интеллигенцию, – сказал Иван.

– А ты зачем обзываешься? – спросил Кирьян.

– Ваш покорный слуга – бродяга, – шаркнул ногой Иван.

– Приступайте к навешиванию лапши на наши уши, – засмеялся Степа.

– Может, я расскажу о чукчах. Они не знают мой народ. Олени, моржи.

– Абрамович, – добавил Степа.

– Хватит! – закричал Кирьян. – Ты скоро со своим Абрамовичем Правдину перещеголяешь. К чёрту Абрамовича!

Хозяева переглянулись, и как я заметил, даже улыбнулись. И вдруг старший сказал:

– Ваши непонятные слова и есть культура?

– Культура в непонятности, – засмеялся Иван.

– У нас такой культуры нет, – ответил кто-то из людей.

– Стыд-то, какой, – прошептал Иван. – За кого они нас признали? Ещё коммунистами были.

– Мы – воины, – ответил я. – Нам такое прощается.

– Я не был коммунистом, – ответил Степа. – Шептаться не умею. В психушке был. Это было.

– Кто в ней не был? – тихо ответил Сергей. – Кирьян с Юркой там не были.

– Извините, но я там был, – ответил я. – Работал в редакции рядом с райкомом партии. Все мы были в огромной зоне. И

были мы все в огромном доме для психически не очень здоровых людей. И этот дом назывался Страной Советов.

– Вот он весь Стрелов, – ответил Кирьян. – Как он всё перевтыкает на свой лад.

– Что это за страна Советов? – спросил старший гражданин.

Кирьян деловито прокашлялся, немного задумался и сильно нахмурился. Даже лысина покраснела и вспотела. Потом криво и недоверчиво улыбнулся, и оглядел всех.

– Если серьезно. Кха. Кгм. Того. Этого. Надо же, захлестнуло. На чем я дайче остановился?

– На Абрамовиче, – подсказал Олег.

– На коммунизме, ядрена вошь! Вспомнил! Были, понимаешь, такие теоретики...

И размахивая руками, стал рассказывать о нашей стране. Дошел до революции 1991 года.

Здесь и мы с Сергеем стали помогать.

– Вот Юрка Стрелов участник этой революции, – признался Кирьян. – Все мы были в стороне. Он рисковал. Если бы ничего не получилось. Три пары наручников уже ждали их. Юрка Стрелов был среди них. Вот три человека, перед которыми даже начальник КГБ района отчет держал.

Кирьян даже взмок.

– Фу, ёси-моси, никогда так не увлекался. Вот бы сюда Дрожжина и Балаболкина. Заинтересовал я вас, господа?

– Очень даже интересно, – ответил старший. – Что вы стоите. Сядьте. Отдохните.

– Фу, устал, – сказал Кирьян, и сел мимо стула.

Степа стал громко смеяться. Мы все смеялись, кроме местных. Лица окаменелые, что у роботов. Кирьян так упал, что его ноги взметнулись.

Он тяжело поднялся и отборно начал материться.

– Успокойтесь, – сказал старший. – Вы все какие-то шумные. У вас все такие?

– Октябрины Правдиной не хватает, – смеялся Степа.

– Я здесь, друзья мои, я здесь! – раздался знакомый голос от двери. Я оглянулся. В проеме открытой двери стояла сама Октябрина. Она ещё и улыбалась.

– Попались, голубчики? Попались. Так и пытаетесь оторваться от меня. Один из встречающих убежал от меня. Я ему вопросы, а он бежать от меня.

– Что тебе здесь надо, кикимора?! – крикнул Кирьян.

– Мы здесь культурно обменивались, а ты влезла, – сказал Степа.

– Ну вот, вы уже начали нервничать. Это хорошо. Мне даже от этого лучше стало. Вам не буду задавать вопросы. Жителям подземелья задам.

– Как мы поняли, ваша кикимора всех вас напугала? – спросил старший гражданин. – Почему женщина? У нас женщина находится с детьми. Женщина-кикимора выйдите отсюда немедленно.

Кирьян и Степа громко засмеялись. Да и нам стало весело.

Октябрина стояла прямо, руки опущены. Под очками глаза навывкате, рот раскрыт. Она начала тяжело дышать. Сейчас что-то произойдет. Старший повысил голос.

– Женщина-кикимора, пошла вон!

Он взглянул на Кирьяна, махнул рукой в его сторону и сказал:

– Я культурно сказал? Так у вас культурно говорят?

– Вы очень культурно говорите, – продолжал смеяться Кирьян.

– Я, я, да, как вы посмели? – прохрипела Октябрина. – Я, все-таки, женщина. И меня надо уважать. Я вас вопросами замордую. Я буду писать на вас в Гаагский суд! А на защиту меня, как женщину, я приглашу адвоката Генри Резника. Он защитил Гусинского. Вместе с журналистом Евгением Киселевым они вытащили Гусинского из тюрьмы. Свободу Гусинскому! Тьфу! Что это я молочу? – неожиданно проворчала она, да как закричит: – Да вы тут без нас женщин стали настоящими дикарями! Забрались куда! Где у вас женщины? Где культура? Наши идиоты поддерживают вас!

– Замолчите, женщина-кикимора, – повысил голос старший.

– Раз вас боятся ваши мужики, на кухню тебя! Там тебя научат, как надо уважать мужчин. Вечером придет к тебе охранник.

Он что-то крикнул на своем языке, и вошел заросший мужчина.

– Утащи её на кухню.

Мужик двинул к Октябрине. Она сорвалась с места, и пнула мужика в пах. Он громко закричал, согнулся и упал.

– Я вам здесь покажу, как обижать женщину! Я – женщина! И этим сказано всё! Вы, мужики, наше приложение! И будьте добры уважать нас, женщин. Я – Октябрина. И меня назвали в честь Октябрьской революции. Сволочи, пещерные! У меня первый вопрос! Почему у вас бесправные женщины? Свободу Гусинскому! Тьфу! Сдался он мне. Свободу женщинам!

Старший поднялся. Сел. Лицо у него ещё стало бледнее.

– У нас такого ещё не было, чтобы женщина повышала голос. Сейчас тебя отправят на кухню мыть посуду. Женщины там научат тебя кое-чему.

Здоровяк встал, расправил плечи, подхватил Октябрину на руки и понес. Но Правдина была бы не Правдиной если бы сдалась. Она зубами вцепилась в ухо парня. Он взвыл и выронил Октябрину. Она закричала:

– Я вас всех вопросами замордую!

На неё набросились крепкие парни, но она растворилась в воздухе.

Все даже встали. Замерли. Потом старший сказал:

– Вот точно такое творится за распадком. Здесь такого ещё не было. Впервые. Вы тоже так можете?

– Не знаем, – ответил Иван. – Эта дама из нашего мира. И таких дам у нас великое множество. И они ещё требуют больше прав. Лично мы, вам не принесем зла. Общество наше катится к катастрофе. У нас мужчина, как вид – исчезает.

– Ну, ты даешь! – воскликнул Степа. – Ты что обурел? Куда я денусь? Куда?

– Это правда, – сказал я. – Всё больше мужчины попадают под влияние женщин.

– Кажется, понесло, – сказал Олег. – Когда же мы будем слушать товарищей? Вон как они насторожились. До сих пор стоят.

– Вы не даёте нам рассказать о нас, – сказал кто-то из них. – Вы все такие? Только вас надо слушать, и вот эту женщину? Это и есть культура?

– Таков наш мир, – ответил я. – Никого не слушать, а только себя.

– Почему это? – строго спросил Кирьян. – Люди приходили в райком партии, и я всегда выслушивал людей.

– Можно нам вмешаться? – спросил старший гражданин. Он сел и все сели.

– Пожалуйста, – разрешил Кирьян. – Дрожжина бы сюда. Ладно, я могу ещё поведать о нашем мире. Мне помогут мои друзья. Потом уж вы расскажите.

Мы наперебой стали рассказывать о современном мире.

Потом и хозяева стали рассказывать о своем мире.

Много веков назад на большой территории до самого океана стояли города. Эти люди думали, что мы из-за океана. Потом началась война. Народы пошли на народы, города, на города. Во главе разных воинств оказались женщины-колдуньи. Они требовали к себе уважения, внимания. Они придумали разные пакости, лишь бы людям было плохо. Ночами устраивали гулянья. И этим женщинам помогали разные чудища. Было сделано так, что нельзя говорить плохо о женщинах. Даже нельзя было думать плохо о них. Вот на этом месте были пещеры. Некоторые воины не пожелали подчиняться ведьмам, и ушли в пещеры. Возглавил это воинство великий Алексанит. Он был и великим ученым. Придумал взрывчатые вещества. Только появлялись чудища, их тут же взрывали. И ведьмы и чудища решили устроить блокаду воинству. Спасло их то, что на глубине огромной пещеры, было большое озеро. Люди выращивали овощи, фрукты, разводили животных. Расширяли места под жильё.

– Потолки как? – спросил Олег.

– Алексанит и его ученики изобрели состав из глины, песка и какого-то вещества состав. Им и укрепили и стены.

– У вас были паровые машины. Железная дорога есть, – сказал Сергей.

– Всё уничтожила нечистая сила. К нам сюда она больше не совалась. Остальные люди, что остались наверху, полностью подчинились ведьмам.

– У вас даже есть свет, – сказал я.

– Вода помогает. Алексанит заставил воду вырабатывать свет. Мы далеко ушли под землю. Оттуда поступает тепловая энергия. И нам зимы не страшны.

– Где-то есть центр, где возникает нечистая сила, – сказал Сергей. – Мы разбомбили несколько притонов, где жили ведьмы и нечистая сила. Мы уверены, что где-то есть лаборатория, где производят чудищ и отраву, которой поят коров. Люди от такого молока вообще деградируют.

– Мы всё это знаем. Мы не можем выйти из энергетического двойного кольца. Один установили наши ученые, чтобы к нам не проникли ведьмы. Другое кольцо – блокада. Это кольцо они установили. Как вы прошли через два кольца – загадка. И ваша женщина-кикимора прошла. Загадка.

– У вас многоженство? – улыбнулся Степа.

– Приходится. Нас, мужчин, было мало. Женщин было много. Нужны были дети.

– Женщинам не доверяется власть? – спросил я.

– У нас много работ на кухне, в детских приемниках, на производстве овощей, мяса. У нас им нельзя доверять власть. Было такое. Много лет назад решили доверить женщинам власть. Направили несколько женщин в большой совет. Через несколько лет они затребовали молодых мужчин. Стали развращать мужчин, потребовали к себе уважения, внимания, золотые украшения. У нас все равны. Тут началось разделение. Стали своим мужьям указывать, что надо делать в совете. У вас называется государственная дума. Развращали женщин, чтобы они уходили от своих мужей. И чтобы стали жить отдельно. Начали устраивать вечера: «Что хочет женщина?» Началось всё так, как вы рассказывали. Всё точно так. Во все дела пошли женщины. И мы тогда поняли, что в женщин вселилась нечистая сила. Самых активных женщин мы прогнали со своих территорий. И мы видели, как женщин окружили ведьмы. И они в обнимку удалились. Поймите, что женщины более подвержены нечистой силе. И мы

даже испугались, что одна из них прорвалась к нам. Но, она от вас. Страшно. Вашему миру придет конец. В вашем мире царствует женщина. Она у вас везде. Даже тяжести поднимают. Во всех видах спорта участвуют. Когда же они будут воспитывать детей? Как и у нас так было. Похоже. Страшно.

– Нам бы пробиться туда, где они делают состав, – сказал Иван. – С нами был человек. Он не слабый. Он прибыл сюда по океану.

– Нам надо найти эту базу, и мы вам поможем, – сказал я. – Обязательно поможем. Для этого мы здесь. Катастрофа. Это страшно. Неужели наши потомки будут такими слабаками, как те люди, что жили под влиянием ведьм и чудовищ. Даже какие-то коровы командовали людьми. Как-то мне приснился сон.

– Ты о чем? – спросил Иван.

– Давно это было. Мне показали во сне катастрофу в нашем мире. Наш мир будет разрушен. Какие-то аппараты будут летать над землей и всё чистить от скверны.

– Вы чувствуете такой конец, тогда почему вы попадаете к нам? – спросил старший.

– Вы зовете главного у вас президент? – сказал один из бледнолицых. – У вас так главных в стране называют? Интересное слово. У нас есть похожее слово езидент. Оно обозначает – скала.

– Ясно. Скала – президент, – засмеялся Кирьян. Хотя в этом ничего смешного не было. И я решил выправить дело. Я ответил:

– Не все чувствуют этот конец. Просто нас послали к вам помочь вам. Даже перенять опыт в чем-то. И потом. У нас сложно найти нечистую. И ничего уже не сделать. Всё. Она засела в наших правителях от самого маленького до самого большого. Ведьмы запросто внедряются в женщин. Учат ведьмы девушек с раннего возраста пить водку, пиво, курить и заниматься развратом.

– Это же катастрофа, – простонал кто-то из них. – Мы повторяем. Зачем вы к нам? Вы бы у себя разобрались.

– Я же сказал. Нас направили к вам. Вы теперь видите, мы можем у вас пройти через все преграды, как и наша неугомон-

ная. В нашем мире мы люди маленькие. И потом, у нас невозможно пройти так, как мы проходим у вас. И потом, в нашем мире, нечистая сила так внедрилась в человеческое общество, что её не видно, где она обитает. Она везде. Но мы тоже боремся, как можем. И наши внешние отправители это знают. Они даже нас называют солдатами вселенной. Мы морально поддерживаем наших людей, и убеждаем их, чтобы они, как и мы, боролись с нечистой силой. Многим, видимо, она по нраву. Она им помогает обогатиться, но только не нам. У нас ничего нет. Мы есть в нашем мире бродяги, бомжи. А теперь уже и бедные пенсионеры. Но мы не сдаемся. Мы продолжаем бороться. Так понятно вам, что кто мы есть? Поэтому мы мотаемся по другим мирам и ведем беспощадную борьбу с нечистой силой, пока она у вас видна и не захватила окончательно тот или иной мир. Понятно хоть вам это?

– Конечно, теперь понятно. Мы рады, что вы пришли нам на помощь, – ответил президент. Одно мы знаем немного. Через какой-то дом, нечистая сила имеет вход в один из наших лабиринтов. Наши приборы стали улавливать посторонние звуки. И мы боимся, что они пробивают туннель к нам.

– Про это мы не подумали, – сказал Иван. – Два дома, которые служили им жильем, мы сожгли. Может, под ними есть туннель. Хотя, что я молочу. Главное их жилье находится где-то близко от вас. Это рабы бьют породу. У них много рабов. Вот бы и их освободить. Тогда у вас будет настоящая армия. Мы знаем, что рабы бывают сильными и воинственными, когда они пробиваются на свободу. Мы уже это проходили. И сами видели рабов в действии. Главное нам надо их освободить.

– Тогда медлить нельзя, – ответил Кирьян. – В какой стороне звуки? Нам надо точно знать, куда ехать или идти.

– Они там, откуда вы пришли. Где-то там надо искать другой дом, а под ним туннель. Мы хотели спросить вас. К нам ещё никто не пробивался. Мы засылали свои группы, – говорил президент. – Они не возвращались. Странно. Почему ведьмы и чудища вас не тронули?

Вот это вопрос! На него ответил Кирьян:

– Кишка тонка. Мы бы им быстро рога сломали! Пытались нас заманить, да это им не вышло. Мы люди, что кремни. Всё прошли в этих мирах. И здесь наведем полный порядок. Не смотрите, что мы с вами такие грубые. Тех, кого мы защищаем, мы с ними ласковые. Вы не знаете ещё, когда мы приходим в ярость. Мы с вами нежно и культурно обращаемся. Так что не обижайтесь на нас.

– Где же нам с ними встретиться, однако? – спросил Володя.
– Ты шибко красиво говорил, но я хорошо понял. Так бы все говорили красиво и понятно.

Кирьян от такой похвалы охотника, даже стал пыхтеть и надуваться.

Мы вышли из катакомб. Нас сопровождало несколько воинов. Дошли до конца железной дороги. Здесь наши сопровождающие что-то сказали нам, и пошли обратно. Мы по распадку к дороге.

Нас встретил Дирон и два человека с лошадьми. Дирон проявил беспокойство, и сразу спросил:

– Какие они?

– Такие же, как ты, – ответил я. – Будто твои родственники. Но они не под властью нечистой силы.

– Они мои.

– Мы знаем, – ответил Иван. – Попасть бы тебе туда, но нечистая сила не пустит тебя.

– Ничего. Наведем порядок, – сказал Кирьян. Проехали мы немного и остановились на ночь у ручья. Раскинули палатки. Дирон и его друзья даже спальные мешки нам привезли.

Когда я лег спать, то в стене палатки увидел лицо Дюрда. Значит, за нами. Но, мы ничего не сделали. Значит, в этом месте есть вход в наш мир.

И вот я в своем мире.

Мы узнали ещё один мир, но чем помогли? Что мы сделали? Ничего. Обидно. На этот раз мы ничем не могли помочь людям. Очень обидно.

Молодые бомжи

Устал от того, что меня нещадно жарило южное солнце. Надоело.

Познакомился с двумя молодыми бомжами. Он – беженец из Узбекистана, наполовину русский. Документов нет. Наша миграционная контора чрезвычайно бюрократична. Уже два года в России, а гражданство не может отметить. Косматый, обросший, грязный. В свои двадцать три года кем только не работал. Наймется на месяц, заработает и на эти деньги живет два или три месяца. Голодает. Живет, где придется. Тут подвернулась молоденькая сибирячка в семнадцать лет. Он очаровал её умением говорить ласковые слова, которые она не слышала. Молчаливый отец был постоянно на работе. Там он духовно отдыхал. Мать – алкашка. Если начинала гулять, то до пяти дней не бывала дома. Если выпадали дни трезвости, то постоянно ругала всех и материла. Могла часами лежать, вперив бездумный взгляд в потолок. Если кто из родных лес с вопросами, огрызалась.

– Утром не трогайте меня. Я злая.

В любое время могла пнуть единственную дочь, ударить.

Дочка, закончив одиннадцать классов, уехала в Москву. Училась в школе она хорошо. В общем, была способной девочкой. В Москве не прошла по конкурсу. Экзамены сдала на «хорошо», но из провинции. Принимали только с московской пропиской. Дочкой не захотела ехать. Видеть пьяную мать, молчаливого отца, полностью попавшего под власть алкашки? Тут и встретился Федя. Он сказал:

– Ты, как омытое утренней росой солнышко. Зорька ранняя, цветок весенний, красивый и нежный среди других цветов, но не таких красивых цветов обогретых солнечными лучами. А тебе, как самому красивому, нежному цветочку солнышко отдает тепло намного раз больше.

Ну, и так далее. Обогретая, теплыми словами, сладкими речами профессионального бомжа Феде, молодая сибирячка Анюта подарила речистому тунеядцу свое юное тело и жар своего сердечка. Стали бомжевать вместе. Как говорит пословица: «С милым и в шалаше рай». Папа Анюты был в полном расстройстве.

Надежда на то, что дочка, вырвавшись из квартиры, пропахшей табаком, перегаром и матом пьяницы-мамы, поступит учиться, и что-то заработать на себя – рухнула. Он молчал в полном расстройстве. Он всегда молчал даже тогда, когда она пропивала все деньги. Занимать деньги, все люди отказывали. А посему она была чрезвычайно злая. Она кричала:

– Особенно утром не трогайте меня. Я злая. А ты, курвешка молодая, запомни. Я учила тебя и кормила и лелеяла. Ночей не спала! Никакой благодарности и уважения дома.

Надо сказать, что пока училась Анюта, мама-пьяница постоянно говорила, что как только молодая окончит школу, пусть убирается на все четыре стороны. Анюта решила домой не возвращаться. Она видела пьяную маму, или злую по неопохмельности, получала пощечины, упреки и пинки. Отец молчал и тоже пил, когда мать приводила своих подружек. Как раз в этой маме и сидела нечистая сила. Сидела в ней надежно и навсегда. Пьяницам выгодно контактировать с нечистой силой. И как я понял, что часть этой нечистой перекочевала к Анюте. Я видел её опустошенные глаза, вялую походку, заторможенную речь. И когда я был рядом с ней, чувствовал, как от неё, как и от матери, шла отрицательная энергия. Возможно, молодой бомж Федя понимал это и чувствовал, и пытался перевоспитать молодую бомжиху. Когда-то и отец пытался воспитать перевоспитать свою женушку. Получилось так, что она перевоспитала его на свой манер. Мне, кажется, что говорливый и косматый бомж Федя превратится в послушного, и молчаливого, тем более что уже возле неё вертятся подозрительные особы любящие выпить и покурить. Именно, подружки, как когда появились возле её матери. Начало есть. Вот и ещё одна судьба, попавшая в сети нечистой силы. Феде будет казаться, что вот ещё немного, и он одержит победу, поможет ей перевоспитаться. Не тут-то было. Он уже проиграл. Он в этом не признается, как когда-то её отец. Нечистая сила очень коварная и скрытная тварь. Скрытно входит в человека, а потом начнет ломать его вкрутую. И что удивительно, легче всего они внедряются в женщин, потому что она сама женского рода. В мужчин входят посланники Сатаны.

В Москву я приехал в поисках своих друзей. Федю и Анюту я увидел на московской свалке. Молодых я не сразу узнал. Одежда на них не по росту, и грязная. От них исходил зловонный запах устоявшегося пота. В глазах пустота, безысходность. Движения заторможенные. Я сел на ящик из-под пива и стал наблюдать. Только что подошла машина-мусоровоз. Вывалила коробки, мешки и уехала. Восемь бомжей, в том числе и молодые, разгребали мусор в поисках продуктов и одежды. Два бомжа сцепились драться из-за костюма. Пожилая бомжиха, с большим синяком с правой стороны лица, тянула к себе шаль, Анюта к себе.

– Брось, загрызу, – прохрипела старая женщина.

– Ты меня утром не трогай! Я – злая! – отвечала Анюта. Знакомые слова. Так говорила её мать. Анюта кричала: – Замолчи, сука! Разворочу всю твою завалинку!

– Я не сука! Я в церкви замуж выходила, а ты настоящая сука и блядь!

Бомжи разбирали отходы и подозрительно поглядывали на меня. Возможно, думали, что конкурент. Мне надоело сидеть. Я встал и подошел к Анюте. Молодость победила. Она вырвала платок у старой пьяницы. Да ещё пнула. Так делала её мама, когда была отца и дочь.

– Анюта, здравствуй.

Она даже не посмотрела на меня. Даже отвернулась. Федя вытряхнул тряпки из мешка, и стал что-то говорить молчаливой соседке по свалке. Мне, кажется, что Федя закрывает рот только тогда, когда крепко засыпает. Я заметил, что он говорил о том, что видел, о чем подумал в настоящую минуту. Никакой связи в предложениях. Просто говорил, лишь бы не молчать. Этим он заговорил Анюту? Малоразговорчивая Анюта, в этом была похожа на папу, и с Федей совершенно разучилась разговаривать. Он ей не давал рта раскрыть.

– Как твои родные отец и мамуля? – спросил я.

Она быстро взглянула на Федю, и пожала плечами. На меня не смотрела. Говорил Федя.

– Это вы? Всё путешествуете по стране? Пора бы уж дома сидеть, а вы всё странствуете. Анюта, вон ту куртку отложи. Отец

её работает по ремонту машин. А мама её гуляет на соседней свалке. Совсем спилась. Тьфу! Анюта, брось ты эту вещь!

Для него она уже не солнышко.

– Где этот Семен, - говорил Федя. – Воды бы привез. Не трогай, Анюта, шаль. Отдай её Верке. Сто раз уже говорил.

– Не тронь меня. Я сегодня злая, – ответила она.

– На сердитых воду возят, а на злых навоз, – ответила старая бомжиха. – На кой ляд мне нужна блошистая шаль? Сама бери, сука подзаборная.

– Я всем говорю, что с утра я злая, – сказала Анюта, и пнула женщину. Она бросилась на молодую девушку. Федя спокойно разбирает вещи и не смотрел на дерущихся бомжих.

Откуда-то появился чисто одетый человек с тросточкой. Он начал бить этой тросточкой двух женщин. Те расплозлись в разные стороны.

– Работать надо, тунеядцы! – закричал мужичок тонким голосом.

– Ты что визжишь, – тихо ответил Федя. – Будто железом по стеклу, падла! Сам будто не тунеядец?

– Что ты там вякнул? – скривился мужичок и подставил ладонь к своему уху. – Отвечай, когда с тобой говорят!

– Я говорю, Семен Абдурахманович, воды бы нам, – повысил голос Федя. – Погода сегодня какая-то не такая. Ещё бы нам по грамушке. Лучи шпарят из космоса. Тряпки-то куда? Что нового в городе?

– Поговори мне ещё. Балаболка, – ответил Абдурахманович. – Митька Ус, иди к моей машине. Привез я вам минералки.

– А бутыль? – спросил тщедушный мужичок.

– Не заработали. К вечеру привезу.

Посмотрел на меня подозрительно и зло.

– Кто таков?

– Пришел вот на должность твою посмотреть.

– Шутишь? Смотри, у нас не любят шутить. Иди отсюда.

Мужичок пошел к своей машине.

– С ним не шути, – сказал Митька Ус. – Приведет своих мордоротов.

– Анюта, с матерью видишься?

– Где этой алкашке быть? Недалеко от нас. Прямо на свалке живет, – за Анюту ответил Федя. – Мы в Питер ездили. Там у меня бабка. Не жились. Было смешно, как Анюта пнула бабку и сказала, что она блядь, и развалит её завалинку. Уехали в Москву. Серега, ты, что там припрятал? Опять бить будут. Не могли пива привезти. Жратвы здесь много. Я – свободный человек! Мать её совершенно спилась. Отец хорошо зарабатывает. Иногда дает нам денег. Плевал я на производство. Я – свободный человек! Свобода!

– Как же Анюта? – спросил я. – У неё было сильное желание учиться. В школе даже лекции читала, выставки фотографий делала, картины. Мы же с ней земляки. Из одного города. Тебя Анюта часто вспоминают твои подружки.

На миг, только на миг, я увидел быстрый, осознанный взгляд Анюты. И снова вялые движения, тупой взгляд.

– Ты чего это, девка, как в штаны навалила! – крикнула старая бомжиха. Потом приблизилась ко мне и тихо сказала:

– Он ей слова не дает сказать. А ещё знаешь что? Он заставляет её всего себя мыть, если где подфартит помыться. Впервые такое вижу. Ведь умная девка, а заставила себя полностью подчиниться ему. Всех забалтывает. Мне, кажется, в нем сидит Сатана. А в ней нечистая сила осела. Это точно. Со мной всё. Я конченный человек. Зачем она так опускается? Ведь молодая ещё.

Потом вдруг встрепенулась, к нам подходил Федя, и закричала:

– Эй, Митька, оставь пива!

У Феде глаза черные, большие, но иногда в них можно увидеть хитринку. Он размахивал руками, готовый обнять и приласкать всех. Может заговорить с каждым на многие темы. Обычно про таких говорят: «Рубаха-парень». Но я чувствовал в нем что-то такое, что меня настораживало. Он, видимо, тоже чувствовал мое недоверие к нему, избегал меня и моего взгляда. Уходил от меня дальше.

И сейчас он не взглянул на меня, а бочком, что-то сказал Анюте, и та пошла с ним на другую сторону кучи.

– Вот так всегда, – сказала старая бомжиха. – Гибнет девка. Есть девки крутят парнями. И таких крученных девок становится

всё больше. Мне жалко её. Сама виновата. Зачем так унижаться? У тебя есть, что выпить? Закуси здесь много. А ведь может получиться так, что постепенно она его приберет к рукам. Нужно время. Потом поздно будет. Надо ей перебороть себя. Иди. Не травми душу. Вы, всё-таки, земляки. Иди.

И я пошел. Когда оглянулся, то увидел, как из-за мешка на меня смотрела Анюта. И взгляд её был осознанный. Но вот что-то сказал ей Федя, и она скрылась за мешками.

Мне стало тоскливо. Тоскливо от того, что вот на этой свалке ломается чья-то судьба. А сколько таких судеб в нашей стране, на планете. И часто бывает так, когда человек бессилён бороться с самим собой. Он подстраивается под обстоятельства, порой ему даже нравится быть таким, каким он есть. И где ему думать, если в него вселилась нечистая сила. У одного больше, у другого меньше. И большая побеждает меньшую. Таков закон отрицательной энергии. Видимо, мне дано чувствовать в человеке такую энергию. Порой я даже ощущаю, как она окружает меня, рвется в моё тело, в кровь, в мозг, в мою душу. Тогда, что я делаю? Может, это кому-то поможет избавиться от такой энергии. Ложусь на диван, а если есть возможность, то на траву, вперив взгляд в небо. Читаю молитву. Иду под теплый душ. При этом ни о чем не думаю. Иду в лес, обнимаю деревья, глажу траву. И стараюсь дышать легко и свободно. Если я иду по городу, то у меня левая рука постоянно в кармане брюк. Там у меня кукиш. Всё это помогает и успокаивает. Отгоняет от вас нечистую силу. Всем людям мне хочется помочь. Может этот мой опыт поможет вам. Именно так я изгоняю из себя и от себя нечистую силу. Это каждый может сделать подобное. И ещё. Любите всё, что вас окружает. Природу, людей, женщину. Желайте всем здоровья. Мою фразу: « Все будет хорошо! » многие в городе знают. И ещё. Относиться ко всему надо с юмором. Человек сделал тебе гадость, а ты не мсти. Ты говори ему, что всё будет хорошо. Есть в нашем милом городе люди, которые постоянно мне делают гадости. Я не сержусь на них. Надо им прощать их слабости. Порой мне их бывает жалко. Они не ведут борьбу с собой, а, возможно, и нет сил, бороться с нечистой силой. Она полностью овладела ими. Как им помочь? Я не знаю.

Меня всегда удивляло, почему многие люди не чувствуют в себе присутствие нечистой силы. Это чувство дано каждому человеку. Надо только прислушаться к себе, попробовать понять себя. Ведь хамство, зависть, коварство, уныние – есть плод нечистой силы. Вечная борьба добра со злом. И вот такие маленькие группы, как наша, нужны для уничтожения очагов нечистой силы в соседних мирах. И я горжусь, что я один из них. А как в нашем мире бороться? Как? Поступками? Возможно, что я и делаю?

Может, нас снова пошлют в соседний мир, чтобы мы нашли источник зла. Из каждого угла посылается это и в наш мир? Может, оно в самом человеке? Всегда сидело в человеке? Со времен Евы? Но ведь опять связано с Дьяволом. И то, что мы сожгли пристанище нечистой силы под городом Серафимович – капля в море? Сколько таких точек? Уничтожая в этих мирах нечистую силу, а она для нас здесь осязаемая, то мы помогаем и нашему миру. Ведь если здесь она уменьшится, значит, и к нам попадет меньше. Значит, мы и себе помогаем? Жалко, что в нашем мире никто об этом не знает. Да и не надо им знать.

Я уходил со свалки недовольный собой. Ничем не мог помочь молодым. Как? Нечистая сила, если бы сейчас появилась, она бы посмеялась надо мной.

Поеду искать своих друзей, тем более что в Москве я остановился на несколько дней. Потом поеду в свою любимую Восточную Сибирь, на милый север, в тайгу.

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

На Ярославском вокзале ждал электричку до станции Монино. Повидал всех бомжей. Новые. Спросил про Верку с Ярославского вокзала и многих других. Один одноглазый бомж с костылем откровенно ответил:

– На бутылку пива дашь – отвечу.

Мои деньги словно растворились в его блестящей от грязи руке. И он даже удивился, что я ему деньги дал.

– Чуден мир, в который мы пришли, благочестивый мой. Отвечу. И опять же, зачем они тебе нужны, глубокоуважаемый лю-

бопытный. Кому они нужны эти навозные жуки, о которых и слуху-то нет на этой грешной земле? Зачем, многоуважаемый? Зачем тревожить их грешные души? Кого где-то закопали, кого сожгли на свалке, смешивая прах с грязью на дороге. Здесь, на этом месте, мы все новые. Чуден мир! При мне уже много исчезло, многоуважаемый и многоутробный гражданин. Зачем? Иди своей кривобокой дорогой, но не прямой. Прямых дорог в нашем греховодном мире нет.

Вот ещё один оригинальный философ. Он скрылся в толпе. Вскоре в вагон вошли Сергей и Олег. Сергей исполнял для меня новые песни, видимо, собственного сочинения. Олег изображал слепого. Он всех крестил, не забывая и о себе.

Сергей продолжал играть, а Олег окрестил меня и оцупал моё лицо.

– О, далеко, видимо, оный дед путь держит. Чую нутром своим, великие приключения ждут тебя, о достойнейший носитель сибирской физиономии. Подключайся к нам, бродяга вселенной. Дела ждут, хватит о бомжах думать великовозрастной путешественник в соседний мир.

В это время какая-то толстая дама наклонилась, чтобы поднять кем-то брошенную монету, а Олег провел по заднице рукой и тоже её окрестил.

– Дочь моя, красавица ненаглядная, ваше личико подобно утреннему солнцу. Аминь!

Рядом сидящие люди стали смеяться. Этот момент получился весьма смешным.

– Что, смеетесь? – закричала дама. – Человек, не глядя, определил про меня. Меня мужики любят, вот вам и завидно! За мои глаза меня любят! Слепой, слепой, а определил и почувствовал мои глаза. Что ржете? Не правду что ли говорю?

Мы выскользнули на станции Воронок. И только услышали:

– Слепой-то зрячий! А он твою задницу щупал!

Дружный смех.

На станции мы увидели Ивана.

– Вот тебе раз! – воскликнул он. – Всех собрали!

– Троицы нет, – возразил Олег.

– Они появятся в другом мире, – ответил Сергей.

– У меня есть закуска, – сказал я.
– У меня бутылка, – ответил Олег.
– Толку? Нам не дадут выпить. Отправят, – сказал я.
Мы вышли к речке Клязьма. Сели на бугорок, выложили закуску, бутылку водки. И тут перед нами проявился Дюрд.
– Я что говорил? – сказал я.
– Правильно сказал, – ответил Дюрд. – Нельзя вот этот продукт трогать вам. Потеряете энергию. Пора отправляться.
...Я открыл глаза. Светало. Рядом сидел Олег.
– Вот и начались чудеса. Вот и Дирон.
– Пора в путь, – сказал он. Из спальных мешков выбрались мои друзья.
Мы попили чаю и разобрали коней. Долго ехали молча. Потом впереди замаячил просвет. Мы выехали к морю.
– Как называется это море? – спросил Сергей.
– Тинно, – ответил Дирон. – На вашем языке Бесконечное. Большое.
Солнце клонилось за горизонт.
– Возможно, это наш Тихий, но он и Великий, – ответил Олег.
Мы разделись и вошли в воду. Соленое. Теплое. Пляж песчаный. Хорошо!
Дирон и трое его товарищей стояли у коней, которые щипали траву.
Искупались и вылезли. В глазах проводников был ужас. Что это с ними?
Дирон медленно подошел к нам.
– Вы удивительные люди. Мы в море не купаемся. Вы ничего не боитесь. Нам с детства внушали, что в море нельзя купаться. В нем прячется нечистая сила, разные твари.
– Теперь вы убедились, что морская вода – это прекрасно, – сказал я. – Вас всем напугали. Далеко в лес не ходить, в море не купаться. А от молока вообще швах. В реке можно?
– И в реке тоже. Правда, приходится нарушать, особенно дети. Их не удержат.купаются в реке. Мы ловим рыбу. Недалеко есть дом, в котором живут те, кто следит за нами. Мы при-

носим им рыбу, мясо, хлеб, овощи. Половину урожая мы отдаем им. Так везде. Так устроен наш мир.

– Тунядцы дремучие! – возмутился Кирьян. – Веди нас к тому дому! Мы уже два дома уничтожили! И этот уничтожим!

– Они нас накажут, – ответил Дирон.

– Ты только дорогу покажи, а там мы разберемся, понимаешь, – сказал Кирьян.

– Утром, – ответил Дирон.

Мы раскинули палатки, развели костер, заварили затируху и чай. Дежурить со мной остался Володя. Я спросил:

– На этот раз тебя взяли с собрания, где зажигательную речь толкал господин Абрамович, любимец оленей и моржей.

– Ты серьезно или всё шутишь? – спросил Володя.

– Очень серьезно.

– Нет. Я днем прилег отдохнуть. И вот я здесь.

– Я люблю днем поспать, – ответил я. – Мог бы даже уснуть при речи Абрамовича.

– При нем бы ты не уснул. Он очень умно говорит, поэтому мне непонятно. Красиво говорит.

– А если он над вами смеется?

– Он не смеется. Он умно и серьезно говорит.

Кто-то свистнул. Потом закричал на непонятном языке. Похожий на якутский. Мне он немного знаком.

– Это зовет меня мой дядя, – встал Володя. – Он в Анадыре живет. Шибко большой начальник. У него большая голова. Что он здесь-то!

– Неужели не понял? Они могут звать нас любым голосом родных и знакомых. Чисто говорят. Молчи. Если не желаешь слушать, зажми уши и думай о чем-нибудь приятном. Только не думай о зле и унынии. Это злейшие чувства человека.

Я тоже, как и Володя, зажал уши. Странно сложен мир. Одно знаю, спать и даже дремать нельзя. Чуть не задремал. Володя катался по земле.

– Володя, ты что это? – бросился к нему.

– Не могу. Абрамович речь говорит, и непонятно о чем. Долго. У меня голова заболела. Потом наш секретарь райкома говорил. Он сейчас в думе, в Анадыре. Непонятно говорит. Не могу!

Я стал ходить вокруг Володи, читать молитву и крестить. Володя стал успокаиваться. Заснул. Пусть поспит. Когда стало мне невозможно, разбудил Кирьяна со Степой. Рассказал им о ночном происшествии. Кирьян неожиданно рассмеялся.

– Мне приснились Дрожжин и Балаболкин. И будто я сам речь толкал про светлое будущее.

Я пошел в палатку, упал и мгновенно уснул. Когда утром проснулся, мужики рассказали мне, что трое товарищей Дирона ушли.

– Боязнь за себя и родных, – сказал Иван. – Дирон – бобыль.

Собрались в путь. Когда солнце показывало полдень, Дирон остановил коня.

– Дом этот недалеко. Я буду с вами.

– Ваши люди никогда не лезли на рожон, – сказал Степа. – Что так?

– Надоело. Устали. Я ждал, таких людей, как вы. Верил, что где-то есть такие люди, как вы. Но не из тех, кто живет в пещерах. Там, где я жил, тоже захвачен нечистой силой.

– В нашем мире тоже есть нечистая сила, – сказал Кирьян.

– Что было бы, если при Сталине ковырялись в голове, – сказал я. – И мир стал бы таким же, как этот.

– Пора бы тебе забыть те времена, – ответил Кирьян.

– Она! Смотрите, кто к нам бежит! – крикнул Степа. – Какая камуха его гонит?

Оглядываясь, и подпрыгивая, в нашу сторону бежал Дрожжин. Я его сразу узнал, хотя прошло с того времени лет сорок. Как он сюда попал?

– Товарищи, дорогие товарищи, помогите! Они мне пятки стали щекотать! Я хотел им лекцию прочесть о развернутом социализме при переходе в коммунизм! А они за пятки взяли! Кукиш под нос совали! Никакого уважения к лучшему районному лектору социализма. Позор им!

– Замолчи! – закричал Кирьян. – Сейчас мы проверим кто ты на самом деле! Здесь всё можно ожидать. А ну, давай сюда пятки! Босиком прибежал? Степа держи лучшего лектора, да покрепче держи!

Степа ловко подхватил лектора и бросил на землю. Володя стал щекотать лектору подошвы. Дрожжин стал громко смеяться и вырываться.

– Всё, – сказал Кирьян. – Проверку прошел. Рассказывай, как ты угодил к нам? Да не вздумай врать.

– Разве я когда врал? – удивился Дрожжин.

– Он ли не врал! – засмеялся Кирьян. – Да ты всех больше врал, как и я. Надо же! Он не врал! Смех один!

В Дрожжине было что-то странное. Хотя он смеялся от щекотки, а глаза оставались безразличными. Об это я сказал Ивану. Он внимательно взглянул в глаза лектору.

– Что зенки свои на меня уставил? – неожиданно спросил Дрожжин. И губы его чуть дрогнули в улыбке. Я подошел к нему вплотную и уставился в его глаза. Они быстро забегали.

Я перекрестил его, и он тут же отпрянул. Внутри у него что-то хлопотнуло. Я стал быстро крестить его. Он сорвался и побежал. И тут мы увидели убегающую от нас старуху на кривых ногах.

– Ах ты, тварь вислозадая! – крикнул Кирьян. – Трясунья болотная!

– Зарежу обманщицу! Зарежу! – кричал Володя и подпрыгивал. В его руке был нож.

Наступила тишина. Все стали прислушиваться, приглядываться. Молчание нарушил Дирон.

– У нас всегда так. Неожиданно кто-то может появиться. Вот мы и боимся. В любой предмет могут превратиться. Всего мы боимся.

– Нас они не обманут, – сказал Кирьян. – Мы их видим и чувствуем.

– И пятки щекотали, – засмеялся Иван.

– Проглядели, – быстро ответил Кирьян.

– Так всё можно проглядеть, – ответил Иван.

Мы шли по едва заметной тропе. Вышли к небольшой речке. Через неё протянут мост. На той стороне несколько домиков без окон, и на тонких столбиках.

– Кошмар какой-то, – сказал Сергей. – Избушки на курьих ножках. Мы что? В сказку попали? Или как?

– Или как, – ответил Иван. – И всё здесь возможно. Этих домиков, как раз чёртова дюжина. Не просто так столько домов. И не спорьте со мной.

По берегу прогуливались люди в одеждах 19 века. Было похоже на театр. Даже ребятишки купались в реке.

– Что же это такое? – спросил Володя. – Кино, однако. В сказке мы. Так красиво. Где ведьмы и чудища?

– По-моему вся эта бутафория и есть одно из гнезд нечистой силы, – сказал Иван. – Подозрение вызывают эти ряженые. А дети? И купаются они неестественно.

– Какие-то они, неживые, – сказал Олег. – Как купаются дети? Видели? Будто их сюда силком загнали. Нет веселья, радости. От ряженых гаденышей всего можно ожидать.

– Нас мало, – сказал Сергей. – Здесь не только один домик. Здесь должно быть много чудищ.

– Тогда ради чего мы здесь? – спросил Кирьян.

Мост, вдруг зашевелился и стал исчезать. Вместо моста возник огромный змей с одной головой и зубастый.

– Здесь не с клонами и волосатиками сражаться! – сказал Кирьян. – Здесь настоящая сказка! Вот это мир!

– Это мираж. Обман зрения, – ответил Иван. – Пустышка. Надувной мыльный пузырь. Облако дыма. Сейчас проверю.

Он вынул из ножен саблю и подошел к голове чудища, которое скалилось, издавало хрипящие звуки и извивалось. Иван взмахнул саблей и провел ею, где должен быть нос. Чудище зашипело и превратилось в пар. Всё исчезло.

– Вот и всё, – сказал Иван. – А я что говорил? Это обман, но он создан для усыпления бдительности. И вдруг, какое-то чудище может оказаться настоящим. Нападет на вас. Поэтому прошу не расслабляться. Каждое любое чудище надо крошить так, будто оно настоящее.

– Нам надо перебраться через речку, – предложил Степа. – Надо поискать плот или лодку.

– Вдруг, эти дома, пшик, – сказал Сергей.

– Надо проверить, – сказал Степа. – Может, и речка – пшик.

Он подошел к воде. Наклонился и зачерпнул ладонью воды и тут же отскочил. Из воды высунулась отвратительная рожа.

- Дай я тебя расцелую! – засмеялась рожа и скрылась в воде.
- Вода, как вода, вот только эти твари, – сказал Степа.
- Значит, через мост пройти – проблема, – засмеялся Иван.

И тут Степа закричал. На его руках появились кровавые черви. Они ползли к локтям. Мы стали их сбрасывать, и растирать ногами. Наконец-то содрали всех червей. Пока мы отдирали червей, похожих на пиявки, со всех сторон мелькали чудища, и они громко смеялись.

Потом наступила тишина.

– Отступить теперь нельзя. Нас не поймут, как когда-то говорили партийные деятели. Подходы надо искать, – предложил Иван.

– Вниз по течению, – сказал Дирон. – Речка всегда была. Мы находимся напротив домов, а если подняться по речке или по течению, то можно пройти.

– Молодец, Дирон, – похвалил парня Кирьян. – Друзья, куда пойдём?

– Лучший вариант – подняться по течению. Речка быстрая, – сказал Иван. – Таких легких чудищ она не поднимет. Им легче сплавиться. Надо идти вверх по течению.

Мы вошли в лес, потом резко свернули к речке. Здесь она была широкой и мелкой.

– Есть мнение, – сказал Кирьян и нахмурился, плюнул. – Надо же! Так и прет из меня прошлое! Тьфу, на него! Тьфу! Надо перебраться на ту сторону и там заночевать.

Мы ступили в воду, и благополучно перебрались на ту сторону. Здесь было много рыбы. У Дирона был сачок, и парень наловил рыбы. Мы развели костер и сварили уху.

– Сейчас бы к этой ухе, понимаешь, того. Кха. Кгм. По стопарику бы пропустить.

– Сейчас я сделаю чай, – сказал Дирон. – Здесь я видел траву. Кирьян и Степа засмеялись.

– У нас вместо чая – водочка, – сказал Кирьян.

– Где? Где водочка? У кого? Мне-то хоть оставьте! Где? – встрепенулся Володя.

– Дирон прячет.

– Как прячет? В самый раз сейчас бы немного лязнуть.

- Не дает, – смеялся Степа.
- Что тут смешного? – насторожился Володя. – Надо взять у него бутылку. Однако, жадный Дирон.
- Тут подошел Дирон с пучком травы.
- Что такое водочка? Жадный? Что я не даю?
- Водку зажил! – смеялся Кирьян.
- Не понимаю вас. Много слов не очень понятных. Но у меня нет водочки!
- Как вы отмечаете праздники, дни рождения, прием гостей?
- спросил Кирьян.
- Чем отмечать? В журнал записывать? Не понимаю.
- Володя стал успокаиваться.
- Опять обманули?
- Как, всё-таки, у вас с юбилеями? – спросил Кирьян.
- Тут я ответил:
- На машинах подъехали к совхозу или поселку. На окраине его встречают вас девушки в кокошниках с хлебом и солью. Обехали поселок и в столовую. Там накрыт стол. А на нем среди отборной закуски стоят запотевшие бутылки с водочкой.
- Тьфу! – плюнул Кирьян. – Всё по одному! Без конца! Да! Да! И водочка и закусочка! Какое время было! Икорка. Свиные ножки! Уважение было! Дребаные демократы всё порушили! Если бы не эти демократы, мы бы уже построили коммунизм. Сейчас у нас разбойный капитализм!
- Тихо, Кирьян, – сказал Степа. – Разошелся. Что так? Понастроили разную дребедень. Мне свобода нужна. Вот и весь социализм ваш, коммунизм и капитализм! Свободы нет. Успокойся, мать твою за ногу! Тоже мне, коммуник! Что ты понастроил? Непонятно что. Успокойся. Лучше надо решать, что делать дальше? Хоть здесь, я получил свободу. Даже в Эстонии побывал, и меня не привлекли к суду. Вот узнают, смеху-то будет. Без паспорта, без визы у них жил. В нашей стране, мы жили, как в зоне. Здесь – свобода.
- Ну, и Степа. Разошелся на речь, – сказал Кирьян. – Дрожжи-на за пояс заткнешь. Лектора тебе присвоим. Всё. Хватит!
- Это хорошо, что у вас нет спиртных напитков, – сказал Иван.

– Водочка, это такой чай? – спросил Дирон.

– Дуреют от этого чая, – ответил Иван.

– У нас есть корни, – сказал Дирон. – Называется она макуша. Постоит сутки, и можно эту жидкость пить. Хорошо перед сном. Забываешь о трудностях в жизни.

– Надеюсь, что ты взял эту макушу с собой? – вкрадчиво спросил Степа. Дирон подошел к своей лошади и снял мешок. Достал небольшой кожаный мешочек и вынул маленький корешок.

– Какой он маленький, – разочарованно протянул Степа. – Давай нам больше.

– На всех хватит, – ответил Дирон. – Сейчас нельзя. Напиток расслабляет человека. Ему кажется, что он готов сразиться с чудовищем, но он слабеет и его тянет спать. Макуша заставляет высказывать даже самые потаенные мысли. Нечистой силе это и надо. Много людей гибнет из-за этой макуши.

– Тогда зачем пьете? – спросил я.

– Человек забывает о тягостях жизни. Становится веселым.

– Похоже, – сказал Степа. – У нас такая водочка.

– Мужики, если вы хотите нажраться, то, пожалуйста, – сказал Сергей. – Не забывайте о деле. Не надо нам сейчас водки и макуши. Кто хочет макушу, пожалуйста. Кто нет, завтра сутра пойдем на игрушечный городок.

– Я с тобой, Сергей, – сказал я.

От макуши все отказались, только Володя вдруг сказал:

– Не понял. Что это за корешки? Похожие они на панты. Они полезны.

– Ты, Володя, молодец! – засмеялся Степа. – С тобой не соскучишься. Веселый ты мужик.

– Зачем скучать? Дед мой говорил: «плохо человеку, когда он скучает».

– Мудрый твой дед, – сказал я.

– Дед бы сказал так, коней оставлять здесь, а самим тихо идти к домам. Мы привязали коней к деревьям, и медленно пошли вдоль берега по лесу. С нами пошел и Дирон.

Вышли к такому месту, что хорошо было видно дома.

Вдруг перед нами возник мужчина лет пятидесяти, в грязном старомодном костюме из моей далекой юности.

– Огольцы, не идите на дома. Бесплезняк. Хорошо, что вы пришли. Я знаю, кто вы. У них переполох. Вы их не разгромите. Их много. Мы у них рабами стали. Мне удалось бежать из рабства. Надолго ли?

– Что-то плохо верится, – прервал его Кирьян.

– Знаю. Есть люди, которые перешли на их сторону. Они не могут в наши мозги влезть.

– Кто ты такой, что нельзя в тебя влезть? – спросил Кирьян.

– Не знаю. Местные все поддались. В мыслях шарятся.

– Я тебя спрашиваю, кто ты сам? Откуда ты?

Пока шел допрос новичка, мы с Иваном обошли его, и ничего подозрительного не заметили. И он рассказал нам удивительную историю. Конечно, мы ему не поверили, потому что он из нашего мира.

– Вы можете мне не поверить, но я из нашего мира. Я не из энергии сделан. Меня похитили прямо с улицы. Какая-то старуха попросила меня поднести сумку. Тяжелая была сумка. Я тогда шел к своему другу. Мы с ним приемник налаживали, чтобы послушать радио «Свобода». Я Петр Воронин из Красноярска. Из детского дома я. Только что отслужил армию радиотелеграфистом первого класса. Бабка села на скамейку, и просила меня тоже сесть. Сел. Отключился. Очнулся в подземелье. Там жили такие же люди, как я. Все они из нашего мира. Если кто не нужен, не понравился им, домой отправляют. Идет человек по городу, а куда идет – не знает. Ничего не помнит. Всё стерто.

– Такие случаи у нас есть, – сказал Сергей. – Знал я одного бомжа. Ничего не помнит, где он был. В Москве оказался. Потом ему вернули память, а он оказался из Иркутска. Но то, что где он был – не помнит. Однажды появилось у него просветление. Немного вспомнил. Работал в каком-то забое. Там было много людей. Так больше он ничего не вспомнил.

– Как они людей переправляют в другой мир? – спросил Олег. – Физическое тело невозможно просунуть в другой мир. С нами всё ясно. Но это ведь живые тела. Как?

– Когда тебя сюда украли? – спросил я.

– Здесь мы не знаем время. Мне было тогда 22 года. Шел тогда 1975 год.

– Если так, то порядком ты здесь. А сейчас у нас двадцать первый век..

Мужик ахнул, и сел на землю. Обхватил голову грязными руками.

– Я ему поверил, – сказал я. – Петр, а когда ты сбежал?

Петр ещё немного посидел, и стал тяжело подниматься. По его грязному лицу бежали слезы.

– Никому я теперь там не нужен. Как сбежал? Через туннель. Мы роём под слоем земли туннели. И решили мы тайно рыть туннель к реке, для побега. Сбежал я, чтобы узнать расстояние до реки. Обследовать место. Потом вернуться и указать, как копать. Потом пустить воду. Пусть затопит всех ведьм, чудовищ, и нас вместе с ними. Домики эти для показухи. Все ведьмы живут в подземелье. Вот бы водой уничтожить гнездовье ведьм.

– Мы постараемся вам помочь, – сказал Кирьян.

– Как вы сюда попали? – спросил Петр.

– Как мы сюда попали объяснять долго и не понятно, – ответил Кирьян. – Могу обрадовать. В свой мир мы не знаем, как вы попадете. Вот этот мир нам параллельный.

– Я давно догадывался и знал про это, – тяжело вздохнул Петр. – Как бы мне хотелось затопить туннели, а домики сжечь. В подземелье целый город ведьм и чудовищ.

– Как попасть в город? – спросил я.

– Только через туннель. Я вам покажу туда дорогу.

– Много там туннелей? – спросил я.

– Не знаю сколько, но много.

– В ваш тайный туннель, как попасть? – спросил Олег.

– Он рядом. Его почти не видно.

Метров пятьдесят отделяло от реки.

Вход в туннель почти не заметен. Расщелина. Мы вошли в узкий проход, потом поползли, так был низкий потолок. Свод неожиданно взмыл вверх. Мы оказались в большом зале. Он освещался маленькими лампочками. Здесь никого не было.

– Где все? – спросил Иван.

– Это последний зал. Мы его недавно сделали.

– Где ваши люди? – спросил я.

– Вот маленький вход. Там часть наших товарищей. Остальные в других местах. Мы знаем, что такие туннели есть, но не знаем, где они. Мы здесь готовим новый туннель так, чтобы можно было видеть весь зал.

Вошли двое. Не понять. Женщины или мужчины. Настоящие старцы. Лица бледные, иссушенные, губы, как у злых старух глубоко провалены. Длинные балахоны. Одно из этих чудищ сказало:

– Что, соколики, трудимся? На похлебку заработали. Это что? Живым духом запахло. Чтобы это значило?

– Мы живые люди, – ответил Петр.

– Вы уже не люди. Вы есть животные. Когда вернетесь домой, то превратитесь в людей. Брысь на место.

В это время к носителям балахонов подошли два животных, непонятно на кого похожие.

– Нюхай, нюхай, – сказала одна из старух. Мы поняли, что это настоящие старые женщины. И стали старухи вместе с животными нюхать воздух. Чудища побежали в нашу сторону. Нам пришлось выбраться из укрытий. Кирьян и Степа в одно мгновение зарубили чудовищ. Мы окружили старух.

– Если будете визжать, то мы вас порубим, – обещал Олег.

Старухи съежились, и дико смотрели на нас. Мы старались не смотреть им в глаза. Мы заранее договорились. Эти пакостники на всё готовы.

– Теперь, мадамы, показывайте ваши хоромы! – тряхнул их Степа.

– Мялок, ты почтой нас так тряхаешь? Ажно печенка на стук извелась, – сказала одна, а другая хихикнула: – Зря вы так, мялок, сердешный ты мой, сукины вы дети.

И обе тут же исчезли, словно испарились.

– Что это за напасть такая?! – воскликнул Степа. – Теперь держитесь! Скоро они на нас налетят, как воронье.

– Слушай, мужик, иди и собирай своих, и дуйте на волю, – предложил Кирьян. – Мы и без вас справимся. С нами у вас может случиться канитель. Зачем вам лезть на рожон? Идите всей ордой на волю. Вы её получили от нас. Мы вам волю даем.

Петр помолчал немного и скрылся в другом туннели.

Мы вышли наружу. Дело в том, что туннель, который вел в соседний зал, закрылся дверью.

– Взорвать всё тут к чёртовой матери, – сказал Кирьян. – Лучшее всего надо бы тронуть перемышку. И все туннели зальет водой.

Нападение можно ожидать в любую минуту. И оно произошло. Неожиданно со всех сторон на нас налетели чудовища. Такие твари могут присниться только во сне. Здесь мой кнут не поможет. Это не люди. У меня в ножнах есть сабля. Мы встали друг к другу спинами. После каждого удара саблей, чудовища исчезали.

– Когда же вы закончитесь?! – воскликнул Кирьян. – Мыльные пузыри!

И тут что-то упало на нас, мягкое, скользкое и вонючее. Опутало нас и спеленало, как ребенка. Вокруг стоял громовой хохот и визг. Нас понесли. Меня качало, словно по волнам. Друзей своих не видел. Путешествие моё длилось долго. Потом поставили и распеленали. Друзья мои рядом. Мы оказались в каменном мешке. Окон нет. Одна железная дверь. Нар нет. В одном углу солома. На потолке две яркие лампочки.

– Такого с нами ещё не приключалось, – проворчал Кирьян. – Не считая того, когда нас сунули в стеклянный сосуд. Мы его разбили. Тут скала. Ради этого нас сюда направили?

Степа бросился на солому. Оттуда раздался знакомый голос.

– Дети мои, не дайте пропасть утомленному спутнику в неведомый и весьма поганно-мерзкий мир. Какие-то не человеческие поступки. Аминь.

Из соломы высунулась рыжая голова Саша Хилопатова.

– Саша, как ты сюда попал? – спросил я. – Где твоя паства?

– А вы кто? – спросил Саша. – Вы самая лучшая моя паства.

– Вот дает! – воскликнул Кирьян. – Даже здесь играет! Я играл, и наши партийные деятели всю жизнь играли. Но, здесь какая может игра?

– Я вполне на серьезе. Я здесь хотел организовать собственную паству, приход, а они, эти ведьмы наслали на меня чудовищ. И я вот этими руками многих передавил. Сетями меня поймали и сюда. Они сказали, чтобы я лекции читал крысам. Я вам сейчас прочту лекцию из писания.

– Не надо! – быстро ответил Иван. – Не надо здесь устраивать театр абсурда. Не до этого. Думать надо, как бежать.

– Агнец, Божий! Надо! Дети мои. . .

– Молчать! – перебил Кирьян. – Какие мы тебе дети?! Он ещё и издевается над нами?! Не стыдно? Совсем опупел?

– Сын мой. Тьфу! Стал привыкать. Извините. Дрожжин с Балаболкиным на своих лекциях о социализме опупели. Поиграть хочется. Надоела однообразная жизнь. Вот и подался в попы. Юрка Стрелов как-то мне надоумил, чтобы я бороду отрастил и подался в попы. Вы не ругайте меня. Это я тренируюсь. Библию усиленно читаю. Дети мои. Тьфу. Так и прет из меня.

– Вчера ты был ярым атеистом, а сегодня в попы подался. Это великий грех, – сказал я.

– Всё так, – ответил Саша. – Я решил сразу измениться, как и многие вмиг перекрасились. Буду много говорить о честности, благородстве. И мне сочтутся грехи. Разве много говорить о честности – грех?

– Хватит, Саша, хватит! Ты нас словами замордуешь, как Октябрина, – сказал Сергей и дико оглянулся. – Ой, сюда её не надо. Здесь замкнутое пространство. И тогда мы пропали. Не надо.

– Плевать! – крикнул Кирьян. – Надо думать, как нам выбираться?

Саша поискал угол. Яма, в которой мы находились, была круглой. Не найдя угла, он задрал бороду, стал креститься и молиться. И тут я вспомнил, как однажды у него на даче загорелась баня. Соседи прибежали тушить, а он стоял и молился.

– Саня, баня твоя горит, а там кролики!

– Я молюсь за их животворящие души. Так, значит, Богу угодно, дети мои! Аминь!

В ту ночь он у соседа украл шифер, двух куриц и одного цыпленка. Когда соседи это обнаружили и хорошо к нему приложились, то он поднял руки и закричал:

– Дети мои, я не крал, а взял лишнее у товарища. А так, как мы идем к великим вершинам коммунизма, то, значит, всё ваше, это моё. А моё – ваше. Всё общее. Ироды! Как вы не можете понять? И зачем вы мне соорудили синяк под глазом? Он мне не нужен! Я

буду молиться за ваши души. В этот момент вы подобны облезлым обезьянам! Аминь!

И наложил на всех крест. Вот таков Саша. Вот и судите его. Он мне нравится. С ним не заскучаешь. Как я посмотрю, мы все здесь собрались из породы чудиков. В будущем Сашу отправят в дом, для психических больных. Там он будет читать лекции по социализму с человеческим лицом. Ему будут помогать пять человек. В прошлом они были пропагандистами и лекторами по марксизму и ленинизму и по развернутому социализму. И только какие-то уколы успокаивали их.

Сейчас Саша был с нами. И он меня веселил.

– Саня, нас, как ты испытываешь на прочность? – спросил Сергей. – Кое-кого надо воспитывать, чтобы кур и цыпленка не крал.

– Я не крал, сын мой, а взял. Переселили нас сюда, а что мы взяли с собой? Ничего. Вот и вся наша жизнь. Так зачем собирать вокруг себя вещи?

– А куры и цыпленок здесь причем?

– Сдались вам эти куры! – психанул Саша. – Господи, как никто не может меня понять!? Скучно жить, как все! Все играют. Я же играю на серьезе. Партийные деятели играли на серьезе. В государственной думе и в правительстве все играют на серьезе. А почему мне нельзя?

– Это великий грех, – ответил я.

– Они все грешники, и им ничего. Мне скучно жить. Я ловлю себя на мысли, что я с вывихом. Да и вы все здесь с вывихом.

Потом он потряс руками, и неистово стал крестить нас, и про себя не забывал.

– О, сыны мои, благодарствуйте! Не бросайте в темень заблудшую душу на растерзание косматых тварей!

Неожиданно успокоился. Улыбнулся и просто сказал:

– В общем, надо отсюда как-то выбираться.

– Я смотрю, что в нашем стане прибавился ещё один сумасшедший философ, не считая, Юрки и Ивана, – сказал Кирьян.

Дверь распахнулась, и появилось лохматое чудище, похожее на древнего пещерного человека. Он поманил нас. Мы выскочили в коридор. Спереди и сзади нас шло несколько дикарей с дубина-

ми. В стене раскрылась дверь, и дикари втокнули нас в большой зал. Небольшой стол, за которым сидела красивая, пышная большеглазая дама. Одежда на ней, наверное, из времен Екатерины второй. Пятеро дикарей встали у двери. На стенах много картин, пол из блестящих разноцветных квадратов. Всё напоминало старинные времена. Я назвал её царицей.

– Проходите, гости дорогие, – раздался ласковый голосок «царицы». – Сейчас начнутся танцы до упада и музыка до слез. Проходите. Не стесняйтесь.

Словно из воздуха стали появляться пары. Заиграла старинная музыка. Пары начали танцевать. На всех была старинная одежда. Я ощутил холодок от развевающихся платьев и нежный запах духов.

– Дамы приглашают кавалеров! – сообщила «царица». К каждому из нас подходили дамы. Подошла и ко мне черноволосая дама.

– Разрешите, господин, с вами провальсировать, – сообщила она тихим и нежным голоском. И вдруг, она сказала: – Не кочевряжься. Простите, простите меня. Мы здесь только и учимся ум-разуму.

Я чувствовал, что здесь, что-то не так.

Она продолжала говорить:

– Вы знаете, здесь так прекрасно, свинячий огрызок. Извините. Из меня так и прет лица.

Тут я услышал и голос Степы.

– Сама ты вислозадая сучка!

Раздался и голос Саши.

– Сестра моя, извини, тоже извини, что я в сию минуту ошлеушу по вашей мордашке, что вы меня назвали рыжей свиньей. Моя крепкая длань с редкими и рыжими волосами вцепится в твоё горлышко. И я благословляю тебя от себя метра на два. Аминь.

Моя подруга обняла меня и начала кружить. И тут я уловил, только на мгновение, кислый запах конских гужей. Всё. С нами играли. Надо включиться в игру. Я отнял её руки от себя, сжал их и стал кружить.

– Что вы делаете?! Мерзкий человек! Мне больно! Извините! Отпустите!

Услышал голос Саши Хилопатова.

– Дочь моя, я благословляю тебя!

Я увидел, как он сгреб её и поднял над головой. Она кричала:

– Отпусти, змей рыжий! О, мои косточки!

– Аминь! – сказал Саша и бросил свою даму в «царицу». И она упала с кресла. Обе превратились в согнутых старух. Моя «подруга» превратилась в худую и сморщенную старуху со злыми и маленькими глазками, и глубоко впалым ртом.

Мои друзья разбросали «красоток», превратившихся в настоящих ведьм. Вбежало огромное чудище. Неожиданно пятеро дикарей уложили чудище своими дубинами.

– Вот тебе раз! – воскликнул Кирьян. – Молодцы! Уважаю, мать вашу! Уважаю вас, чертей косматых!

Дикари с ревом набросились на старух и стали их бить дубинами.

«Царица» превратилась в очень страшную черную и косматую старуху. Закричала визгливым голосом.

– Вскормила я вас, и вспоила я вас псов пещерных. Я же вас из пещер, из глубокой древности, вытащила! Жизнь вам сытую дала! Злыдни ненасытные! Меня предали? За что? Почему?

Пещерные мужики совершенно озверели. Они били, ломали кости старухам. Видимо, крепко они досадили мужикам. И было удивительно то, что после каждого удара, они исчезали. Мы тоже помогли справляться со старухами.

Осталась одна «царица». Она взобралась в старое кресло. На её страшном лице были застывшая сатанинская улыбка.

– Что, соколики, повеселились? Ну и что? Думали – победили? Дудки! Этих дикарей снова отправлю в пещеру, к доисторическим собратьям. Не захотели жить хорошо? Пещера вас ждет!

– Видимо, не пожелали они жить под вашим гнетом, – ответил я. – Подвернулся случай – восстали. Таково правило рабов. Ждать случая.

Саша подошел к креслу «царицы».

– Дочь моя, не угодно ли вам вместе со своими дамами отправляться, чумовая каналья, в свое логово? Аминь!

Он сгреб кресло вместе с «царицей» и кинул к выходу. Дикари подхватили её, и выкинули за дверь. Дикари громко били себя в грудь и громко кричали. Выражали восторг.

– Благословляю вас на предстоящие подвиги, – сказал Саша и перекрестил дикарей. Потом обратился к нам: – Придется и нам уносить ноги. Куда?

Дикари что-то заговорили и заковыляли к выходу. Мы за ними. Увидели широкую лестницу из гранита, которая уходила вверх. Мы едва успевали за дикарями. Дверь. Один из дикарей надавил на неё, и она раскрылась. Мы выбрались наружу, и оказались на небольшой площади. Вокруг её стояли деревянные дома.

– Что делать? Куда бежать? Где Дирон? – быстро задавал вопросы Володя. – Однако надо быстро бежать. Туда. Мы оттуда пришли.

– Вот и веди нас чукотский Сусанин, – сказал Кирьян. – Дикари знают куда бежать. Нам надо в другую сторону.

Дикари заковыляли в одну сторону, а мы в другую, откуда мы начали свой путь под землю. За это время меня мучил вопрос – куда девался Дирон? Где другие пленные, рабы. Выручить бы их. Как? Некоторые вернутся домой через пять, десять лет, и двадцать лет. Что хорошего мы сделали в этом мире? Ничего. Хотя, почти ничего. Надо найти источник зла.

Неожиданно Саша остановился, будто к чему-то приглядываясь. Подошел к дому, ухватил его за нижний венец и перевернул дом.

– Зачем ты встал на пути праведного человека, – сказал Саша. – Зачем путаешься под ногами честнейшего из честнейших людей? Пошел прочь!

Дом стоял на тонких столбиках и был сделан из фанеры.

– Вот тебе раз! – воскликнул Кирьян. – Ну и Саша! Да мы их в один присест, мать вашу!

Мы начали разрушать бутафорные дома.

–Зачем они? – спросил Иван. – И никто не появляется. Тут что-то в этом кроется.

Мы всё свалили в кучу, и подожгли. Пошли в лес.

– Смотрите! – крикнул Олег. – Смотрите! Вот это чудо!

Мы остановились. Оглянулись. Не было огня, кучи хлама. Вместо всего этого росли деревья, и была высокая и сочная трава.

– Я ведь чуял доски, фанеру, жар огня, – сказал Олег.

– Свят, свят, свят! – перекрестился Саша. – Чудо чертей!

– Какая-то камуха в этом деле! – крикнул Кирьян.

– Опять у разбитого корыта, – сказал Сергей.

– Под землей они обосновались, – сказал Кирьян. – Вопрос стоит в том, как их оттуда выкурить.

И мы пошли. Прибыли на место, где начинался вход в вырытую беглецами туннель.

– Дирон! – крикнул Кирьян. – Не бойся! Выходи!

Вскоре из кустов выбрали Дирон и с ним десять человек.

– Пока вы там воевали, мы рыли землю под речку.

– Нам что делать? – спросил Степа.

– Вам надо выкопать траншею в десять метров, – ответил Петр. Он только что вылез из кустов. Там начиналась туннель. – Всего десять метров. Вода пойдет по это траншее вглубь. Речка изменит свое течение и затопит подземный город ведьм и чудовищ. Город этот большой. Я знаю. Был там. Все ведьмы живут там.

Нам раздали лопаты, и мы с яростью набросились на то место, где будет траншея. Солнце давно зашло за лес, когда первая вода ринулась в подземелье. Поток всё становился сильнее. Он ревел, кружился и с силой расширял траншею. Речка меняла свое русло.

Мы удалились к холму.

Ночь провели у костра, и нам никто не мешал. Утром, когда мы прибыли на место траншеи, то увидели удивительную картину. Речка изменила свое русло. Она быстро скатывалась в огромный проем в земле.

– Амба старухам и чудовищам, – сказал Степа.

– Ну вот, мы сделали благородное дело. А то было как-то не по себе.

– Благословляю на дела праведные, – протяжно прогудел Саша. – Свершилось! Правда, чуточку мозоли набил, но душа богаче стала.

– Саша, ты впервые в жизни мозоли набил, – сказал я. – Сколько помню, ты всегда был из лодырей наивысшей категории.

– Но за то, я всегда читал морали. Люди, например, трудились в поте лица, а я в это время в поте лица им лекцию читал о пользе труда, который облагораживает человека. О честности говорил. Странно. Как это я посмел набить мозоли? Оказывается, вот они какими бывают? Впервые увидел.

– Сашок, ты молодец, – засмеялся Кирьян. – Хорошо, что тогда тебя в партию не приняли. Юрка ему рекомендацию давал.

– Всем он писал такие бумажки, таким отрицательным элементам, как я. Хорошо знаю Юрку. Зря меня не приняли. Я бы посильнее Балаболкина народ бы заболтал. И ещё бы больше партию невзлюбили, потому что в её рядах, появился бы такой вруша, как я.

– Мужики, хватит! Сколько можно?! – сказал Степа. – Надоели вы мне со своей партией. Тут такое дело мы провернули!

– Давайте лучше о трудовых мозолях поговорим, – засмеялся Олег.

– Действительно, надоело, – сказал я. – Петр, а теперь куда? В наш мир теперь тебе не попасть. Тебе надо как-то устраиваться здесь.

– Мы, бывшие рабы, пойдем в село. На берегу реки. Дирон нас зовет. Жить везде здесь можно. Только не в рабстве.

– Сын мой, Петр, окно в наш мир затоплено, – сказал Саша.

– И то, правда. Родные уже не ждут. Наш мир очень жестокий. Вы это знаете, – ответил Иван. – Здесь люди добрые. Я бы с удовольствием здесь остался. У реки. Коровы мычат, но уже не бодаются. Свинки хрюкают. Жена рядом. Ребятишки пойдут. Благодать. Из моих родных все жили в деревне.

– А у меня предки были бродягами, да и сам я был бродягой. И, что такое деревня, понятия не имею, – сообщил я.

– У меня тундра, – сказал Володя.

– Там, там они, – тихо сказал Саша. – Промелькнули. Я видел! Свят! Свят! Свят!

– Сабли к бою! – приказал наш командир Кирьян. Мы единогласно признали его своим командиром. – Мы со Степой берем по дубине.

– Да и мне она, родная, будет сподручнее, – ответил Саша.

Мы быстро приняли боевой порядок. Петр и его товарищи встали рядом с нами.

Из леса стали выходить люди. Их становилось всё больше и больше.

Видимо, натерпелись, а теперь пришел такой случай. Кирьян поднял руку. Все затихли.

– Ты смотри, – тихо сказал он нам. – Мой предок был, видимо, командиром. Так и тянет командовать, и идти на врага. – И вдруг начал громко говорить: – Слушайте, меня воины. Как только дам команду. В бой. Сейчас я с ними беседу поведу. Эй вы, старые трясогузки! Убирайтесь с этой земли. Или мирно занимайтесь огородами, разводите кур, но не идите больше войной на людей. Вам же хуже будет. Снимите свои подлые наговоры, не то мы вам устроим новое ледовое побоище. Даю вам так. Главная нечисть выходит со мной на переговоры. Кто желает с нами сразиться – милости прошу. Выходите.

Пока он говорил, напротив нашей толпы, которая быстро росла, выстроилось войско старух. Глаза горели чистым пламенем. Вокруг их чудища с длинными руками и кулачищами с голову.

– Может мне помочь сказать им пару горячих слов, – сказал Степа.

– Сам управлюсь.

Напротив Кирьяна появился мощный верзила с длинными руками и весь в шерсти. Раздался скрип костей. Злилось чудище.

– Мы тебе смазку найдем! – засмеялся Кирьян. – Смазка у меня в руках.

– Смеешься? – прохрипело чудище. – Убирайся лучше по добру. Обрадовались? Затопили все наши жилища. Далеко отсюда ещё есть город. Такие же люди, как вы сейчас пробиваются к нему. Мы вас и их ушлепаем, и попадете к нам навсегда. Ради чего тогда вы этим хлюпикам помогаете? Ради чего? Вы бы не лезли к ним. Мы бы вам хорошую жизнь устроили. Жили бы в роскоши. Ради чего всё это?

– Тебе и твоим подружкам не понять. Выболтался? Будя, свинаячье рыло! Урод болотный! Мразь червявая! Студень прокисший!

Чудище неожиданно протянуло руку и ухватило Кирьяна за горло.

– Отпусти, подлый трус! Где там твоя старуха? Гниль болотная! Понял. Ты не чудище болотное! Ты старуха вонючая!

– Откуда ты меня знаешь? – проскрипело чудовище голосом старухи. – Не дано тебе знать, недоносок. Я ишо при Иване Кали-те по дворам Москвы шастала. А ты хмырь с головой похожей на переспелую дыню, сдохнешь чичас. Враз я тебя окучу!

Степа ударил чудище по сухим ногам. Чудище отпустило Кирьяна, и завизжало.

– Ты мне указывать на мою голову? С моей головой я бы мог работать министром! – кричал Кирьян.

Чудище превратилось в старуху. Степа ударил её по спине дубиной, и она тут же превратилась в косматое и рогатое чудовище. Оно лапой сбilo с ног Кирьяна. Он быстро вскочил на ноги. Тут же пустил дубину в ход. Дубина опустилась на голову рогатого животного. От такого удара один рог отвалился. Чудище от боли страшно заревело. Чудище пнуло Кирьяна, и снова его сбilo с ног. Дубина отлетела.

– Ах, ты, пинаться! – закричал Кирьян. – Меня ещё так никто не пинал. Получай!

Он тоже пнул чудище под колено. Зверь взвыл. Потом начал ржать по лошадиному. Оба сошлись вплотную. Наступила тишина. Но её нарушил один из дикарей. Пещерные жители тоже пришли на помощь. Дикарь оттолкнул Кирьяна, и тут же ударил чудище в челюсть. Тот мешком свалился к ногам дикаря.

– Полный нокаут! – закричал Степа. – Эй, гнилозубые твари, пошли вон!

Но не тут-то было. Старухи неожиданно превратились в косматые чудища с рогами, и вместе с другими тварями побежали в нашу сторону. Мы пошли на них. За это время поток людей не прекращался. Конечно, весть об избиении чудовищ долетела до самых дальних селений. Народ устал жить в рабстве, и поднялся на борьбу. Вот так было бы везде.

Началось побоище. Треск палок, звон сабель и мечей, хруст костей, дикие крики, рев, свист и даже хохот. Мною, как никогда, овладела ярость. Я рубил саблей косматых выроdkов.

Сколько времени длилось сражение не ясно.

Вот услышал победный крик Кирьяна.

– Бегут суки! Бегут твари поганные! Мы их одолели! Не давайте убежать! Бейте их до единого!

Чудища, порубленные нами, впитывались в землю. И только убитые люди лежали вокруг нас. Живых было много.

– Надо по-человечески похоронить воинов, – сказал Кирьян.

– Уже подобрались такие люди, – ответил Петр.

– Мужики, а мы состав не нашли, – сказал Сергей.

– И то, правда, – ответил Кирьян. – В горячке мы про это забыли.

– Вдруг, главная ведьма жива? Куда она смылась? – спросил Степа.

– Как куда? – спросил Володя, и тут же ответил: – В наш мир убежала.

На поле битвы люди собирали убитых в одно место. Петр остался со всеми. Работы много.

На прощание сказал:

– Будем собирать народ, и решать судьбу дальше. Гонцы уже направлены во все селения и города. Больше не желаем быть прежними.

Дирон направился с нами. Мы ехали на конях, и нам часто попадались группы людей идущих на великий совет. Теперь это их дело. Пусть сами себе добывают свободу. Мы им помогли сделать толчок к свободе.

Мы выехали к морю.

– Кажется, отсюда начались наши удивительные приключения – сказал Иван. Мы сошли с коней, и бросились на песок.

– Дирон, – сказал я, – нам, как я понял, пора отправляться в свой мир. Не пугайся. Мы вернемся, чтобы уничтожить источник зла. Постарайся пробиться к таким людям, как ты. Они тоже живут в подземелье. И до них дойдет слух, что с ведьмами кончено. Дорогу мы тебе объяснили.

– Нет. Я останусь с этим народом. Жизнь теперь будет другая. Спасибо вам. Вам не надо искать источник зла. Его нашли. Нам передали гонцы. Такая же группа людей, как вы, из вашего мира,

уничтожили источник зла. Плохо то, что некоторые выжившие ведьмы перебрались в ваш мир. Бойтесь их.

– Не бойся, Дирон, мы и в нашем мире сражаемся с ними, – ответил Иван.

– Опередили нас! – сказал Кирьян. – Обидно. Хотя, делали мы все одно дело. Здесь мы, там они. Вот бы с ними встретиться, да хорошо бы отметить. Поговорили бы, хорошо посидели бы.

Всё вокруг стало растворяться.

Мы лежали на берегу речки Клязьма. Недалеко от Москвы. Рядом со мной мои друзья. Мы, молча, выпили, закусили.

– Как они там? – нарушил молчание Сергей. – Трудно им придется.

– Трудно, – ответил Иван. – Теперь не отступят.

– Как чертовски устроен мир, – сказал Иван. – Да и сам человек, что твоя вселенная.

Потом мы разошлись. Мои друзья уехали в Москву. Договорились с кем-то, чтобы их устроили вместе на одну из свалок.

Я поехал в свою любимую Сибирь. Шесть месяцев путешествовал. Устал. В тайге отдохну.

Пришел в лес, и стал целовать и обнимать сосны, лиственницы, березы.

Встал на колени, и попросил прощения за такое долгое отсутствие. Разве можно сравнить вот эти деревья, траву, цветы, распадки, горы, высокое и чистое небо с южными широтами. В обрратном меня никто не переубедит.

Насытившись, и наглотившись таежного аромата, я пришел домой, упал на диван и тут же уснул.

Часть третья. В стране улыбочков

Засланцы

Ночь. Ветер. В окно бился дождь. Ветка тополя скреблась о стекло. Днем её надо отломить. Кружок света от настольной лампы освещал раскрытую тетрадь. Долго ничего не записывал. Но я не могу не писать. Будто кто-то заставляет отображать факты. Не мог уснуть. И таблетки не помогали. Ветку надо отломить.

Днем дождь перестал. Но тяжелые и серые тучи плотно легли над городом. Такое ощущение, будто тучи везде такие, над всей нашей планетой. Городок наш я взял, как отправную точку на нашем шарике. Есть на нем страна очень богатая, а на самом деле очень бедная. Россия. И не везет этой стране из-за её правителей, государственных дум, губернаторов и мэров сделавших себе непомерные оклады. Слово Карамзина: «Воруют», в самый раз подходит ко всем этим большим и маленьким руководителям. Народ им платит отрицанием. Он понимает этих представителей власти и смеется над ними. Народ становится безразличным. Мне страшно. Мир меняется в худшую сторону. Видно по людям, природе. Я побывал во многих местах нашей страны. Страшно. Был на свалках Москвы, писал о них. Бомжей увеличивается. Толпы беспризорных детей встречают поезда и просят денежку, а часто и закурить. А по телевизору наши руководители говорят очень вкусно, красиво, и что у нас все хорошо. Как им не стыдно! И что странно. Они постоянно тихонечко улыбаются. Отчего это? Им хорошо? Но, эти улыбки настораживают.

Порой мне кажется, что в каждом из них сидит другой человек-фантом. Оболочка нашего человека, а внутри другой

человек, посланный из другого мира. Пример. Человек учится, работает, страдает, влюбляется, пакостит в меру, хамит, добро делает. Это обычный человек. Но стоит его избрать на большую государственную должность, как незаметно для него входит в его голову фантом из другого мира. Из какого? Неизвестно. Кто засылает в наши головы фантомы? И эти посланцы могут завоевать наш мир. И с этими посланцами должен бороться сам человек. Но он не хочет. Ему так удобнее. Противопоказания этой страшной болезни, человечество ещё не придумало.

Ну, хватит! Пора записывать то, что со мной происходит. Истории приключений удивительные и фантастические. А ветку надо отломить.

Улыбчики

Вот уже много лет прихожу к этой сосне. Она видит, как я старею телом, но не душой. Во мне было такое чувство, что-то должно произойти. И желание было попасть в другой мир. Устал смотреть на все безобразия. Необычные приключения бодрят меня. Каждый человек, проживший долгую жизнь, вспоминает дни своей молодости. И порой хочется побывать там. У меня такая возможность есть. Бывают необычные сны.словно я попадаю в реальный мир, где происходят удивительные истории. Как никогда, мне хочется погрузиться в иной мир. Я опять одинок. Моя вторая жена Клава умерла. Сахарный диабет уничтожил её. Избушка продана. Деньги ушли на поездки по стране. Теперь у меня однокомнатная квартира в старом, кирпичном доме. Видимо, одиночество для меня, вечный удел. Такова моя судьба. Испытывать её с другими женщинами нет смысла. Буду доживать свой век в одиночестве от пенсии до пенсии. Всё.

Пока я так рассуждал, то в метрах двух от моей любимой сосны образовался проем. Там я увидел дом с конусной крышей, что стоял на острове Диком, и оттуда я попадал в иные миры. У входной двери стояли мои друзья, московские бомжи: Сергей Чемулаев, Олег Битна-Шляхта, Иван Иванов. Они призывно махали руками. Из того мира, значит, они видят меня. И я шагнул в проем.

Стоял рядом с друзьями. Иван сказал:

– Чуден сей мир, в который мы проникаем из нашего уютного, грязного и склочного мира.

– Мы тебя видели. Ты стоял у большой сосны, – сообщил Сергей.

– Нет ещё трех наших друзей, – сказал я. – Они не ушли в столовую за вином?

– Эта дружная тройка в самый момент появляется, – сказал Олег. – На этот раз куда нас?

– Первый раз я здесь появился в две тысячи триста девяносто пятом году, – ответил я. – Об этом я писал в книге «На острове снов».

– Сейчас мы, Юрий, вдвоем божуем, – сказал Иван. – Веселее как-то. На одной из свалок истории мира мы живем. Недалеко от Москвы. Чудный мир. Я счастлив на этой свалке.

– Сошлись два философа, Иванов и Стрелов, – засмеялся Сергей. – Если прибудет троица, то это уже будет великолепная семерка. Куда нас?

– Мы сами найдем вход в другой мир, – ответил Олег. – Наш побег известен. Всё у них получается ловко. Куда мы и как не сбежали – им понятно. Так нужно. Для дела. Пойдемте к причалу. Может, там мы найдем ответ.

И мы пошли туда, откуда, обычно отправлялись путешествовать. Что произошло? Кроме дома, в который мы каждый раз попадали – ничего нет. Дикий лес, пустой пляж, заросшая пещера.

– Какое время здесь? – спросил Иван. – Отвечу. Здесь нет времени. Нет столовой. Ничего нет. И на чем мы сбежим в удивительные края? Вопрос. Значит, и не будет троицы. Если подходить философски, то нам необходимо проникнуть в подвальное помещение. И оттуда мы проникнем в иной мир.

– Накрутил Иванов, – улыбнулся Сергей. – Бывало, найдет старый башмак, и, целую теорию, открывает об этом башмаке.

– Найдя окурков, можно многое рассказать об его курильнице, – ответил Иванов.

Вернулись к дому, вошли в подвал. Встали под конус. Исчезли стены, и мы оказались на берегу реки. А вот и косогор, на

котором, как всегда горел костер, котел. Вокруг костра бывшие пираты из далеких времен. Гнатона здесь не было.

К берегу пристала лодка. Из неё вышел заросший мужчина. У меня родилась мысль. Что если на этой лодке нам поплыть вниз по течению?

– Друзья, – обратился к нам Олег. – Будет очень ловко, если эту посудину мы одолжим?

Мы забрались в лодку. Мужичок стал сопротивляться, но его оттолкнул Сергей. От костра поднялись пираты и стали размахивать руками и кричать. Но мы уже плыли вниз по течению. Река была широкой. Возможно, это Волга.

– Какое здесь время? – спросил Сергей.

– Здесь нет времени. Даже Волга здесь другая. Возможно, мы попали на другую планету, – сказал Иван.

– А эти гаврики у костра? – возразил я. – Они в другом мире, но на земле.

– Очень многое мы не знаем, – вздохнул Иван. – Сколько разных миров на нашей планете? Какой этот? Вопрос. Господи, вразуми нас на путь познания этих миров. Мы не зло несем, но мир.

Мы гребли попеременно. Из-за горы появилась черная туча. Подул ветер, и река покрылась белыми пенистыми волнами. Хлестанул дождь. Мы вынуждены пристать к берегу. Вытянули лодку, перевернули её и скрылись под ней. Через каждые две-три секунды гремел гром. Было такое ощущение, что по нашей лодке били кувалдой. Вода потоками неслась под лодку.

Неожиданно дождь перестал. Гром продолжал ворчать. Мы выбрались из-под лодки. Солнечные лучи окатили нас, и придали хорошее настроение.

– Мужики, хоть мы и мокрые, но счастливые. В этом мире можно жить, – весело сообщил Иван. – Еды бы достать. Плыдем дальше?

И тут из-за поворота с огромной скоростью почти, не касаясь воды, неслось что-то похожее на сигару. В ней был виден человек. Таких катеров в нашем мире нет. Мы сели в лодку и стали ждать. Что это? Лодка растворилась в воздухе.

– Клянусь лысиной Подгузникова – не понял, – сказал я.

– Вот это попали! – воскликнул Олег. – Ловко. Был ведь катер! Мираж?

– Даже не было слышно. Шум воды был слышен. У миража не бывает звука, – сказал Сергей.

– Друзья, – встал Иван. – Нам надо плыть. Если он оттуда, значит, нам надо туда. Чувствую, нас ожидают новые приключения. Кто против предложения проследовать дальше? Никто. Вперед, друзья!

Мы продолжили путь по реке. Вот и поворот.

По левому берегу реки показались красивые дома, но они вдруг испарились.

Мы сошли на берег. Здесь только что стояли дома. Кругом росли деревья, кустарники, высокая трава. Никаких следов жилья.

– Они над нами издеваются? – спросил Сергей. – Возможно, здесь иной мир. И он только для местных. Это их жизнь.

– Что если это видения из прошлого? – спросил Иван. – Настоящее вон за тем поворотом?

– В чем же секрет? – спросил Олег. – Вот такие заморочки мне нравятся. Понял одно, нас ждут великие приключения. И я рвусь к ним.

– Нас сюда отправили для этих миражей? – спросил я. – Тогда здесь веселее и интереснее, чем лежать на диване и глазеть в потолок. Итак, в путь.

И мы поплыли. За излучиной мы увидели опять красивые дома. Их было около тридцати. Дома похожи на дом, что стоит на острове. Крыши высокие, куполом. Здесь преобладал зеленый цвет. Кругом стройные сосны, много цветов, дорожки. На площади фонтан. Настоящий сад. На скамейках отдыхали люди. Где и в каком краю есть такая деревня? Например, в России таких деревень нет.

Люди на нас не обращали внимания. Не исчезали.

– Приветствуем вас, граждане чудного края, – поклонился Иван. – Пламенный привет от представителей мировой свалки, и от вечных бродяг в своем мире и в других мирах.

Люди молчали. Они такие люди, как и мы. Отличие есть. Может, мне показалось, но лица у них зеленого цвета. Порази-

ли глаза. Цвета стали. Никакого удивления. На скамеечке сидело пять человек. И все они улыбались. Странно. Такие глаза, и вдруг эти улыбки.

В это время мы увидели, что из леса вышли наши друзья: Кирьян Подгузников, Степа Клубков и Володя Тымневакат. Они подошли к нам.

– Эй вы, пятерка, чего высторожились? – крикнул Кирьян.

– Вот и вся великолепная семерка собралась! – засмеялся Олег. – Тише вы. Перепугаете людей. Заикаться начнут.

– Что-то плохо верится, – ответил я. – Вы, наверное, знаете Чехова. У него есть фраза, что глаза, это зеркало души. Тут что-то другое.

– Другое? – переспросил Кирьян. – Слушайте вы, лягушки болотные! Если здесь напихали разной дребедени, так и нас не уважать? Мы ведь ваши гости, мать вашу. Сидите здесь, как обмены и чурбаки таразаные! Стервозы позеленевшие! Отвечайте, лесные поганки покрытые, понимаешь, болотной плесенью!

– Отвечайте, окультуренные заморыши! – крикнул Степа. – Почему нас не уважаете? Отвечайте!

Люди упали со скамеек. Странно.

– Тише, друзья, – остановил их Иван. – Где набрались? Где успели?

– Ни в одном глазу! – крикнул Степа. – Мы ведь тоже культурные. Обидно ведь. Мы к ним с лаской, а они нуль внимания на нас. Кто они? И почему упали? Здесь совсем народ слабый.

– Мы сейчас проверим, – сказал Иван. – Только не надо портить контакт с другой цивилизацией.

Он подошел к ближней скамейке, на которой сидело пять человек. Застывшие глаза и улыбки вызывали подозрение.

– Граждане свободной помой...тьфу...Извините, граждане. Кто вы есть проживающие в таком чудном краю? Мы, уважаемые граждане сказочного края, вечные странники, путешественники в иные миры.

– Ну и, каналья, как накрутил! – проворчал Кирьян.

Люди встали. Один из них, видимо, старший, ответил на чистом русском языке.

– Какие вы шумные. Особенно трое. Двое кричат, третий зубами скрипит. Зачем так? Вы есть вечные странники. Мы не переносим шума.

Иван шаркнул ногой, поклонился и ответил:

– Путешественники мы, но не лихие люди. Вы не обращайте внимания на то, что наших товарищей так взволновало. Это добрые, мужественные люди, и я их за это уважаю. Наш мир, откуда мы попали к вам, жесток. И люди в нем жестокие.

Человек широко улыбался, но глаза были прежними. Все они улыбались. С молодости я не верил тем людям, кто постоянно улыбается, как и постоянно хмурится.

– Понимаем, – ответил человек.

Что-то мне не понравилось в этих людях. Возникла тревога. То миражи, то эти улыбки. Я всегда доверял своим чувствам.

– Из чума я к вам, – зло ответил Володя.

– Ты отличаешься от своих друзей. У нас таких людей нет.

– Особенный я? – насторожился Володя и сжал кулаки.

– Не надо так нервничать, – сказал человек. – У вас у всех сильная энергетика. Вы не умеете ею управлять.

– Откуда вы знаете? – подозрительно спросил я.

– Разве вы нас не почувствовали? Вы чувствами владеете. У вас всё идет через чувства, даже слишком. А мы – разумом. Вы что-то сделаете, а потом думаете, что вы такое сделали. Злитесь. Переживаете. Чувства.

– О, чудные, граждане! – воскликнул Иван. – Вы тоже философы. Мы могли бы поговорить на любую тему. У меня вопрос. В каком краю мы находимся?

– Далеко и близко. Пройдемте в центр. Там поговорим.

Люди встали и пошли. Мы за ними. У нас гостей пропускают вперед. Эти не наши.

Подшли к крайнему дому.

– Что-то всё это мне не нравится, – сказал я.

– Мне тоже, – ответил Олег.

Кто-то невидимый раскрыв дверь, и мы вошли внутрь. Люди тут же испарились. За ними захлопнулась дверь.

– Ах вы, миражные насекомые! – закричал Кирьян. Разбежался и пнул окно. Оно оказалось непробиваемое.

– Ёси-моси! – взвыл он, – что это за камуха такая! Нет на вас нашей знаменитой Октябрины Правдиной!

– Не надо! – хором заревели мы.

– Пусть она их вопросами замордует, – ответил Кирьян.

– Граждане свободной помойки, свалки! – обратился к нам Иван. – Не кажется ли вам, что это неведомый нам мир? Надо бы отладить контакт. Коль мы попали в оный подвал, то тут что-то не то. Для чего-то мы здесь. Значит, так надо. Но из него, необходимо...

– Дать дёру, – перебил Степа.

– Как всегда в таком случае, вы правы, многоуважаемый Степан Клубков. Правы.

– Чёрт возьми, но как дать дёру? – спросил Кирьян.

– Надо думать, – ответил Иван.

Вдоль стен были лавки. Мы и расселись на них, и стали думать. Что же это было? То, что мы попали в один из параллельных миров, сомнений нет. Вот вопрос. Говорят на чистом русском языке. Говорил мужик так, словно подбирал слова. Не робот ведь. Возможно, они устроены так. Значит, они считывают наши мысли. В глубинах нашего разума они узнали русскую азбуку. Познали нашу речь. В общем, покопались в наших мыслях. Всё так. Всё это мне не нравилось. Главное, как отсюда выбраться. Значит, они знают из какого мира мы. Всё знают. Это уже хуже.

Молчание нарушил Сергей.

– Страшно. Всё знают о нас. Всякое было в наших путешествиях. И просвечивали нас, и миражи бывали в виде чудовищ, и волосатики были. Но таких людей с улыбками, впервые. Как можно поступить с другой цивилизацией? Я не говорю о волосатиках. Они грубияны. Может, фантомы?

– Что-то я здесь не видел фантомок, – засмеялся Степа. – Может, прячут их от нас?

Кирьян стал стучать в дверь. И тут же, будто из стены, появился человек. Обыкновенный человек. И одежда, как у нас, но зеленая. Правда, галстуков нет.

– Какая просьба? – спросил человек.

– Выпусти нас, свиначий огрызок! – крикнул Кирьян. – Зашибу, сука!

Он подошел к человеку и попытался схватить его за горло, но рука прошла сквозь тела. Странно. Человек не исчезал. Он улыбался.

– Будем разговаривать с живым человеком, но не с фантомом, – сказал Иван.

– Пошел отсюда тень человека! – крикнул Степа.

– Я бы тебя зарезал, да нет ножа, – сказал Володя. Он прыгал вокруг фантома и пинался. Фантом улыбался.

– Проклятье! – возмутился я. – Всю свою жизнь я не доверял тем людям, которые постоянно улыбаются. Тут вот они – улыбочики!

– Юрка, а ты правильно их назвал – улыбочики, – сказал Сергей и вдруг закричал: – Эй, вы, улыбочики, пришлите настоящего!

– Может, я и есть настоящий, – ответил улыбочик. Так мы обща и решили называть этих людей или фантомов. Фантом скрылся.

– Ребята, – сказал я. – Надо успокоиться. Всё обдумать. В разных ситуациях мы были, и здесь должны выкрутиться. То, что мы попали сюда, заложен какой-то смысл. Давайте думать.

Комната была пуста. Стекла на окнах непробиваемые, и сквозь них ничего не видно. Дверь от ударов не шелохнулась. Потолок, стены и пол сделаны из сплошного материала. Все серого цвета с зеленоватым оттенком. Всё сделано из неизвестного нам материала.

– Всё сделано из какого-то прочного пластика, даже пол полумягкий, но упругий, – сообщил Сергей.

Мы стали обследовать комнату. Лавкой пробовали выбить окно и дверь. Не поддавались. Мы даже устали. Легли на лавки. Даже умудрились заснуть, но голод взял своё.

– Когда эти улыбочики подадут нам первое, второе и на третье, – вздохнул Иван. – Куриную бы ножку сейчас обглодать. Помню, на моей любимой свалке я никогда не был голоден. Хотя бы нам подбросили шмат сала с куском хлеба.

Как в сказке раскрылась дверь. Никого не было. Раздался голос:

– Граждане или товарищи, выходите. Вы голодны. Мы приглашаем вас на обед.

Мы вышли. Свежий воздух, зеленоватый свет подняли настроение. Впереди нас шел улыбочик. Подошел к следующему дому.

– Прошу, – пригласил он.

– Опять в подвал? – спросил Кирьян. – Сам шагай. Потом мы. Что там?

– По-вашему, столовая, ресторан, ресторация. Как хотите, так и называйте. А ещё у вас называли такие заведения – забегаловка, кабак, буфет.

– Проверим, – сказал Кирьян, и потрогал мужика за плечо. – Живой. Ну, вы и даёте! То живой, то мираж! Какая-то пидэрсия получается.

– У нас такого нет. Повторяю. Если бы вы жили разумом, то у вас всё было бы по-другому. Нельзя жить одними чувствами.

Он вошел в дом первым. Мы за ним. Похоже, что здесь ресторан. Мы сели за отдельный столик. Тут же подошли официанты. Они улыбались. Принесли нам суп с вермишелью, и гуляш с картофельным пюре. Всё, как у нас.

– За встречу бы по стопарику, – гулко кашлянул Кирьян. – А то, понимаешь, кха, кгм, того. Сухо как то.

– У нас нет спиртного. И не курим мы.

– Откуда вы знаете, что у нас курят? – подозрительно спросил Сергей.

– Мы всё о вас знаем. Насыщайтесь на здоровье.

Мы набросились на еду.

После обеда мы вышли из ресторана. Улыбочик пригласил нас следовать за ним. К нему присоединилось ещё два улыбочика.

– Куда это нас? – спросил Кирьян.

– У нас есть зал, где мы будем беседовать. У нас общаются в беседе. А вы намерены пить водку. Потом начинаете говорить об уважении.

Мы вошли в большой зал. Кирьян гулко кашлянул, и сильно нахмурился.

– Понимаешь, кто у вас председатель горсовета или поссовета. Вы какая администрация?

– У нас всё другое. Проходите. И, как бы сказал Подгузников, что не надо бы кочевряжиться.

– Ого! Откуда знаешь? – резко спросил Кирьян.

– Мы всё знаем.

Большая комната похожа на красный уголок из советского времени. Стол. Красная скатерть, графин с водой, стакан, и рядом карандаш. Всё, как у нас. Сидения в несколько рядов. Вот только портретов нет. Один есть. Мужчина лет сорока. Под усами маленький и злой рот. Что-то было в этом портрете зловещее. Что? Насторожила улыбка. Подозрительный взгляд. Портрет во весь рост. Китель застегнут наглухо. Галстука не было. Форма полувоенная. Вылитый Сталин. Конечно, это был не он. Тревога нарастала.

– Что-то не по себе, – сказал я. – Надо бежать.

– Похоже, – тихо ответил Сергей. Кирьян со Степой ходили вокруг стола и были недовольны.

– Так и хочется речь толкнуть, – говорил Кирьян. – И тут напомнили. Сволочи! Здесь я никого не буду призывать. Напризывались. Всё развалили. Такую страну разрушили. Все мы хороши.

Улыбчик сел в торец стола, и вдруг нежно посмотрел на портрет. Ты смотри – нежность появилась. Конечно, это их вождь. Там, где такие вожди, ничего хорошего не жди.

– Садитесь, граждане-товарищи.

Мы сели.

– Где остальные улыбки? – спросил Кирьян. – Метко вас Юрка Стрелов назвал. Какого хрена вы все улыбаетесь? На портрете, что за дебил?

Улыбчик вскочил и стукнул по столу. Улыбка не сходила с лица. И только губы от злобы превратились в тонкую линию.

– Молчать, твари ублюжьи! – закричал улыбчик. – Так вы ругаетесь? Вы мошка, тля против этого великого человека!

– Чёрт возьми! – крикнул Кирьян. – Где мы находимся?

– Ещё узнаете. Если вы позволяете говорить напрямую, то почему я должен что-то скрывать? Вы, как ваши женщины. Го-

ворят мужчине всё, что взбредет в голову. Вы ведь мужчины. Почему такое позволяете?

В это время рядом с ним появился фантом-улыбчик, и что-то сообщил. И тут же исчез. Улыбчик встал и пошел к выходу. Он сказал:

– Пойдемте. Сейчас вы увидите, как мы обращаемся с теми, кто не уважает наших законов, и законов нашего вождя. Кто против нас, тот не с нами. Великие слова. Знакомые вам?

– Знакомые, – ответил я. – У нас было такое. Зачем у вас? Не стыдно?

– Стыд? Понятие относительное.

У стены стоящей отдельно от дома, стояло пять мужчин. Есть отличие. Нет улыбок. Не до них. Они связаны.

– Вот граждане-товарищи, это шпионы сопредельного государства. Мы с ними в конфликте. Война с внешними и внутренними врагами. А раз он нам враг – его уничтожают.

У троих улыбочиков появились блестящие трубки. Их нацелили на пленных. И они тут же упали мертвыми.

– Сволочи! – крикнул я. Бросился к упавшим людям. Может, кто из них живой. Мои друзья пытались напасть на улыбочиков. Они испарились. Я осмотрел людей. Они были мертвы.

– Что же это такое? – ревел Кирьян. – Где мы находимся? Варвары! Трусы!

– Мы не трусы, – ответил улыбочик. Он появился будто из воздуха. – Мы очищаем мир от скверны. У вас тоже такое было при Сталине. Железная дисциплина – закон порядка. Вы – не шпионы. Мы знаем. Мы бы вас уничтожили, но вы из другого мира, который будет и наш мир. Всё идет к этому. Мы вас отпускаем. Пошли прочь от нас. Вас никто не тронет. Предупреждаем. Если свяжитесь с такими вот людьми – уничтожим. Мы вам не волосатики. Мы другие. И мир волосатиков мы захватим. Мы – мощная цивилизация. Идите.

И он исчез.

– Надо бы по-человечески их похоронить, – сказал я.

– Без вас обойдутся, – ответил новый улыбочик. – Придут такие же люди и похоронят. Идите прочь.

– Вы и тех убьете, – сказал Сергей.

– Этих нет. Они нам служат. По-вашему, это наши рабы.

Появились такие люди, как и мы, но только суетливые и сутулые. Подхватили мертвых и быстро скрылись за углом дома.

– Всё ясно, – сказал Кирьян. – Это рабы. Подхалимы.

– В нашей стране тоже были такие подхалимы, – ответил я. – Миллионы. Вот и погибла наша страна.

– Началось, – проворчал Кирьян. – Ты всегда был против советской власти.

– Хватит спорить, – сказал Сергей. – Бежим. Здесь хуже, чем было в нашей стране. Здесь в головах ковыряются. Ничего не скроешь.

Мы вышли к реке. Дома и улыбочки не растворялись. Фантомы нуль внимания на нас. Наша лодка была на месте.

Дома фантомов скрылись за поворотом.

– Что это такое? – подал голос Иван. Всё это время он был молчалив и сосредоточен. Действительно. С таким миром мы встретились впервые. Тут задумываешься.

– Помните, мы были в подобном мире и нас посадили в суд, но там были не варвары, – сказал Олег.

– Вот эти фантомы окультуренные варвары, – ответил Степа.

Иногда над нами пролетали блестящие диски величиной с самолет.

– Непонятный мир, – задумчиво сказал Иван. – Значит, в этом мире есть и другая цивилизация. Такие люди, как мы. Надо их найти. Фантомы. Странно. Почему они нас отпустили? Загадка. Они свободно владеют нашей речью. Проникают в мысли. Они знают, кто мы и откуда. Тогда где контакт с другой цивилизацией? С этими фантомами невозможно разговаривать. Мы для них низшая раса. Загадка. У меня есть одна мысль. Пока воздержусь.

– Если они так с нами, то нам бы поймать одного, – сказал Олег, а Кирьян прервал: – и допросить с пристрастием. Я бы его, каналю, без всяких штучек и заморочек в бараний рог бы согнул.

– Зачем-то мы здесь, – сказал я. – Надо бы с кем-то поговорить. Что-то можно прояснить. Даже можно провести беседу с

рабом. Возможно, это фантомы. А настоящие люди живут в городах. Надо поймать раба.

– Вдруг они следят за нами? – прошептал Олег.

– Друзья, мне пришла дикая мысль, – сказал Иван. – Возможно, фантомы, это роботы. Видели у них глаза. Там никаких чувств и мыслей. И наука достигла глубин разума. Вдруг, они пришельцы с другой планеты. И хотят завоевать параллельные миры нашей планеты. Возможно, они настоящие завоеватели других цивилизаций. Возможно, их планета идет к гибели, и они решили перебраться к нам. Поэтому нам всем надо объединяться против общего врага. Почему это никто не понимает?

– Ну и накрутил! – воскликнул Кирьян. – Такого я ещё не встречал! Надо же! Пришельцы!

– Мне тоже такая мысли приходила, – поддержал я Ивана. – Ребята, а мне тоже пришла мысль. Как воевать с ними я не знаю. А если это просто фантомы? Воевать с фантомами?

– Потому что вы философы, вот вам и лезет в голову разная чушь собачья! – возмутился Кирьян.

– Почему это Иван и Юрка не правы? – поддержал нас Олег. – Откуда мы знаем, кто такие фантомы? Похоже, что какие-то они не такие. Да, ребятки, это есть воздушные твари. Возможно, с другой планеты.

– С ума спятили! – сказал Степа. – С какой планеты? Это такая даль! На Марсе жизни нет. Много лет лететь до какой-то планеты. Бросьте это дело! И людей не смешите.

– Степа, ты это зря. Возможно, у них наука достигла того, что они свободно преодолевают любые расстояния, – возразил Иван. – И эти, как хотите их называйте, проникли в каналы, где нет времени и пространства. И на своих кораблях, которые мы видели, прилетели сюда. Загадка. Как быстро они изучили нас. Можно представить, на сколько, они обошли нас. С ними я согласен, мы живем чувствами. Они живут разумом. Наш мозг, как и вселенная, бесконечен, и мы не используем его.

– В одно из путешествий мы попадали в космос, и были в тех каналах, что пронизывает вселенную, – сказал я. – За какие-то земные секунды мы оказались дальше солнечной энергии. И

в этих каналах свободно летают разумные существа. Я писал об этом в книге «На острове снов».

– Вот дают! – воскликнул Степа. – Как по писаному!

– Искать надо других людей, – сказал Володя.

– Братцы, чукча проснулся! – засмеялся Степа.

– Я тоже человек. Я тоже могу говорить умно. Я как-то говорил с трибуны. Сам я не понял, что говорил. Почему им не стыдно, кто говорит красиво и непонятно?

– И о чем ты балакал? – спросил Степа.

– Как все. Призывал к светлому будущему. И я говорил что-то непонятное. И, мне было стыдно. Почему им не стыдно?

– За этот стыд они деньги получали. Это их жизнь, – сказал я. – У них это было в крови. Послушай, как они по телевизору выступают. Вкусно, красиво и всё впустую. Тогда болтали и обещали, и сейчас болтают и обещают.

– Началось, – заворчал Кирьян. – Было так принято, как можно больше говорить. Каюсь. И я много красиво говорил и обещал. Ты, Стрелов, долго продержался в партии. Тобой интересовались и компетентные органы. Каюсь. Много болтали.

– Вот и проболтали страну, – ответил я.

– Всё, друзья, хватит, – сказал Олег. – Вам не надоело говорить о партии? Надо не о партии думать, а что делать дальше. Мы теперь одна команда. Нам надо быть дружнее.

– Я что говорю! – крикнул Кирьян. – Что было, то было. Всё поросло бурьяном. Хватит, понимаешь.

– Хватит, – поддержал и я. – Это Володя начал.

– При чем тут я!? – удивился он. – Они все болтают, а я виноват?

– Хватит! – крикнул Кирьян. – Будя. Забыли.

Дальше мы плыли молча. К вечеру мы пристали к берегу. Набрали сушняка и развели костер.

– Даже чайком не побалуемся, – сказал Степа.

Спали вокруг костра. Дежурили по одному.

Утром поплыли дальше.

– Странно. Фантомов не видно, – сказал Иван. – Конечно, они следят за нами.

– Природа наша, – сказал Олег.

– Но не Сибирь, – ответил я.

– Если это Волга, то плохо верится, – сказал Олег. – Я по Волге на теплоходе несколько раз прошел. Смотрите!

Из леса к реке бежал человек. Можно было понять, что он от кого-то убегал.

Мы причалили к берегу. Человек резко встал. Оглянулся и побежал к нам. Человек был в лохмотьях, босой. Лицо в крови.

Остановился перед нами, и стал что-то лопотать на непонятном языке, и показывать в сторону леса.

– Мы тебя всё равно не поймем, – сказал Кирьян. – Защитить тебя от этих ублюдков можем. То, что ты не фантом, сразу видно.

Пока говорил Кирьян, глаза человека всё больше расширялись. И он крикнул на чистом русском языке:

– Мужики! Что это?! Мужики! Вы – русские?! Откуда? Из какого концлагеря бежали? Как все вам удалось?

Он даже стал заикаться.

– Я столько лет надеялся на такую встречу. Вот вы!

– Из концлагеря? – переспросил я. – И они здесь есть? Мужик, это тридцать седьмой год? Или какой?

– Что вы?! Неужели не знаете? Для нас здесь нет времени. Тогда кто вы? Из какого лагеря бежали? Странно. Кто вы?

– Это мы должны тебя спросить об этом, – сказал Иван. – Нас семь, а ты один. Кто ты и откуда бежал?

– Игорь Воронов. Из концлагеря. Он в километрах трех отсюда. Там настоящий ад.

– Что вы там делаете? – спросил Иван. – И почему здесь вы говорите на русском?

– Я русский! Там бараки. В них живут люди. Рудокопы мы. Добываем какую-то руду. На тачках вывозим на-гора.

В это время в метрах пяти от нас проявились два фантома. Игорь спрятался за нашими спинами. Прошептал:

– Не отдавайте меня. Прошу вас. Это страшные монстры. Не верьте улыбкам. Они убивают человека и улыбаются.

– Мы им не верим, – ответил Кирьян. – Не отдадим тебя. Не бойся этих улыбчивых каналов!

Один из фантомов сказал:

– Отдайте нашего раба. Он наша собственность. Он покинул место работы.

– Плевали мы на вашу работу! – крикнул я. – Пошли прочь мерзкие твари! Он наш. Он русский.

– Как вы не поймете, он другой, а вы другие, – ответил Фантом. – Вы сотворены их энергии, а рабы настоящие. Он не перейдет в ваш мир. Он будет здесь. Не вступайте в конфликт с нами. Зачем это вам? У вас какая-то другая задача. Отдайте. Он всё равно будет у нас, когда вы семеро проникните в ваш мир.

– Пошел прочь, монстр! – заревел Степа.

– Зарежу! – крикнул Володя, и хотел броситься на фантома, но его сдержал Олег.

– Уходим дальше, друзья, – сказал он. – И ты с нами Игорьь. Мы тебя этим монстрам не отдадим.

– наших из нашего мира здесь много?

– Потом, Игорьь, всё потом, – сказал Кирьян.

Фантомы исчезли. Мы быстро сели в лодку и отчалили.

– Вот теперь рассказывай, – сказал Кирьян. – Спешить нам, понимаешь, некуда. Как попал в этот мир с твоим физическим телом?

– Я из Новосибирска, значит. Жил как все. Поехал по зову сердца в Братск в пятьдесят седьмом году. Работал плотником. Женился. Двоих детей завели. Мальчик и девочка. Ваня и Маша, значит.

– Как ты сюда попал? – спросил я.

– Не ясно как-то. Значит, отправили нашу бригаду в тайгу. Надо было заготовить дров на пожоги, и для печек в теплушках. Как-то в лунную ночь на шестьдесят первый год я вышел из палатки. И вдруг яркий свет. Испугался я, значит. Вижу в ярком свете человека. Он улыбается мне. Я не хотел идти к нему. Какая-то сила потащила меня к свету. Дальше ничего не помню. Очнулся я в бараке. Лежу на нарах. Там были люди. И один из них сказал: – «В нашем полку прибыло. Ещё один раб». Так я оказался в этом мире. Как они забирают людей из нашего мира – не знаю. Какой год у нас?

– Начало двадцать первого века, – ответил Сергей.

– Ого! Двоих прислали их девяносто восьмого года. Один из них ехал в электричке. Что-то звянькнуло в голове и отключился. Здесь сейчас. Они отключают сознание. Мы знаем, что Советского Союза нет. Ну и как?

– Ничего хорошего, – ответил я. – буржуи пришли к власти. Бывшие коммунисты стали буржуями.

– Стрелов, хватит, – простонал Кирьян.

– Я давно читал, что иногда куда-то исчезают люди, – сказал Олег.

– Друзья, в свою команду Игоря берем? – спросил Иван, и тут же ответил: – Конечно, берем.

Мы все подняли руки.

– Друзья, такая вот штука. Люди иногда исчезают, – говорил Иван. – Очень редко люди возвращаются в наш мир. И они ничего не помнили. Берут их для рабства, и ещё для чего-то. Задача. Почему другой раз возвращают. Сейчас я над этим размышляю.

– Некоторых отправляют на какую-то планету, – сказал Игорь. – Из нашего отряда двое были там. На этой планете вкалывают сезонники. Какую-то энергию берут из недр планеты. Нас на работе бьют кнутами. Они злые, эти кнutoбой. Один из них в ярости сказал, что они всю планету завоюют, где есть разумный человек.

– Вот бы такого поймать. Он тоже фантом? – спросил я.

– Нет. Эти не исчезают. Такие, как мы, но злые.

– Не улыбаются?

– Кнutoбой не улыбаются. Фантомы улыбаются. Но не верьте им. Фантомы жестокие к людям. Нам, кажется, они с другой планеты.

К вечеру мы пристали к берегу, чтобы развести костер.

– Даже котелка нет. Чаю хочу, – сказал Степа.

– Куда теперь? – сам у себя спросил Кирьян. – Попали мы ёси-моси.

Мы легли вокруг костра.

Проснулись, когда стало светло.

На лице Игоря печаль.

– Не расстраивайся. Мы теперь вместе, – сказал я.

– Вы попадете в наш мир. Я здесь останусь. Буду пробиваться к людям. Должны где-то быть люди. Кстати, мои дети уже взрослые. У неё уже своя семья. Они что-то сделали с нами, и мы не стареем.

– Разве это плохо?

– Плохо. Ничего хорошего. Всё время в рабстве. Они говорят, что старики им не нужны. Вот они что-то делают с рабами.

Помолчали.

Мои друзья проснулись.

– Надо плыть дальше, – сказал Кирьян. – Может, нормальное селение найдем. Должны быть местные.

Плыли дальше. Обнаружили небольшую речку. Поймали маленькое бревно. Его обработал человек.

– Вот и добрались до стоянки нормальных людей, – сказал Сергей. Мы повернули лодку вверх по течению.

Увидели недалеко от берега несколько старых домиков и землянок. Люди попрятались. Это не фантомы.

– Вот я и добрался до людей, – сказал Игорь. – Все вот эти из нашего мира. Из разных стран. Это не беглецы. Они находятся под присмотром. Добывают рыбу для фантомов. Все-таки, на свежем воздухе. Могут отправить и руду добывать. Или отправят на чужую планету.

– Ты и здесь будешь в рабстве! – крикнул Кирьян.

– Куда денешься? Я хоть с рудника сбежал. Здесь природа.

Мы пристали к берегу. Из землянки вышли двое в лохмотьях.

– Не бойтесь! Это наши люди! – крикнул Игорь.

– Откуда вы? – спросил заросший парень. – Вроде не тени.

– Тени? – переспросил я.

– По-вашему фантомы. Мы их тенями кличем, – сказал Игорь. – Мужики, принимайте гостей. Чем-нибудь их надо накормить. Они бежали от теней.

Из домиков и землянок стали выходить люди. Двое переговаривались на английском языке.

– У вас тут всякие? – спросил Степа.

– Из многих стран.

Пригласили в один из домиков. Настоящая лачуга. Пол земляной, стены из досок. Конечно, между досками пространство забито землей. Так у нас в Сибири завалинки забивают. Стол, лавки, нары.

Нас накормили рыбой и мясом. Как мы поняли, здесь много рыбы и разного зверья.

– Кто у вас старший? – солидно спросил Кирьян.

На пороге возник небольшого росточка мужичок.

– Здесь буду я, – ответил он на русском языке. – Будем знакомы. Павел Калугин. Прибыл сюда из города Горького в шестидесятом году. Работал учителем. Выгнали за то, что раскритиковал райкомовских работников. Липовые доклады в область отправляли. Я тогда был и членом райкома партии. И всё видел. Потом был тунеядцем, бродягой. Со свалки меня и взяли сюда. Вы кто?

– Игорь Воронов. Бежал из лагеря. Вот эти товарищи из дальних краев.

– Мы есть путешественники, – ответил Кирьян.

– Разве здесь есть русские? – спросил Калугин. – Вы не тени. Это ясно. Но и не такие люди, как мы. Вы какие-то не такие. Всё равно наши. Откуда вы? Что-то непонятно.

– Повторяю,- заупрямился Кирьян. – Путешественники. Как мы попали сюда? В этот неуютный мир мы попали из непонятного мира.

– Ясно. Можно было бы и догадаться. Как говорится – земля слухом пользуется. Был у нас один человек. Его на другую планету отправили. Он рассказывал, что на следующей реке, приток большой реки, там тоже живут люди. Они говорили, что к ним высаживались непонятные люди. Они говорили на французском языке. Они пробились в этот мир из нашего мира через какие-то колодцы. Раньше я отвергал подобное, потому, что я был коммунистом. А они ничему не верили. Теперь верю в параллельные миры и в жизнь на других планетах. Понятно. Вы тоже попали сюда через колодцы.

– Вот бы вас всех забрать и к нам, – сказал Степа.

– Не выйдет. Те французы пробовали такое сделать и ничего не вышло. Тени за нами следят. Взяли их на планету руду добывать.

– Французов?! – удивился Сергей.

– Что вы! Французов не тронули. Прогнали их, а наших отравили руду добывать. Говорят, что и среди теней есть сочувствующие тени. Так, что и среди теней идет борьба. Кто из них победит – не ясно.

Мы вышли на улицу. Тут же появились улыбки. Шестеро.

– Опять вы? Убирайтесь! – сказал один из них, видимо, старейший. Он сильно улыбался. – Не можете успокоиться? Зачем вас сюда засылают? Вы, русские, самые любопытные и неугомонные. Значит, вы называете нас улыбки? Эти рабы нас называют тени. Мы другие.

– Слушай ты, улыбчивая рожа! – закричал Кирьян, – да я тебя по траве размажу!

Улыбки исчезли.

– Уходите, – попросил старейшина. – Нам не хочется руду добывать.

И мы продолжили путь. Долго плыли. И вот мы достигли новой речки, впадающей в большую реку.

– Проверим? – спросил Кирьян.

Мы стали подниматься по речке в поисках деревни. Утром мы увидели домики, но в это время на берегу из воздуха возник фантом.

– Как вы нам надоели! – крикнул Степа. Фантом поднял руки и сказал:

– Не волнуйтесь. Я тот, который вам нужен. Я ничего плохого не сделаю. По-вашему, я – фантом. Есть такая цивилизация гелиозов. Повторяю. Я другой. Нас мало, но мы есть. Мой народ называется моты. Я есть мот. Мы ведем борьбу с завоевателями. Потом, всё потом. Имя у меня Турас. У нас тоже есть имена. Есть укромное место, где вы могли бы поесть и отдохнуть.

Мы единогласно согласились. Когда солнце село, мы сделали привал. Турас исчез.

Мы развели костер. У нас были запасы хлеба, копченой рыбы и мяса. Потом мы легли спать.

Турас сказал, но мы его не видели.

– Возле этого камня есть вход в другие миры. Иногда мы пользуемся этим проходом. В вашем мире тоже есть такие входы. И вы это знаете. Мне, кажется, что вам пора покинуть этот мир и побывать дома. Ваша энергия на исходе. От вас идут сигналы бедствия. Отдыхайте.

И я провалился в сон.

Окаянные будни

Сидел на пенечке у сосны. Отсюда попал в другой мир.

Подышал свежим воздухом пробудившейся от зимней спячки тайги. Уловил запахи смородины, сосновой смолы, и ещё чего-то приятного и вкусного. Всегда ощущаю все таежные запахи. Люблю тайгу, люблю просторы Сибири с её дремучими лесами, люблю каждую травинку, цветок, люблю деревья и люблю небо над тайгой. Оно у нас какое-то особенное, притягательное, загадочное.

Шел по тропе к городу и гладил стволы деревьев. И они будто наполнили меня живительной энергией, бодрили и внушали оптимизм, которого так мало в нашем окаянном времени.

Над городом висело что-то непонятное. Возможно, это смог. Серое, мрачное, застывшее, бесформенное, и похожее на табачный дым в какой-нибудь курилке для строителей-монтажников. Надо бы не потерять того настроения, что получил в тайге.

На автобусной остановке стояли два мужика друг против друга и громко обсуждали новости, которые увидели и услышали по телевизору. Зачем дублировать так громко? Они не анализировали, а дублировали. Кричали, сжимали кулаки. В глазах ненависть. Зачем так? От них я уловил мощную энергию. Вот у кого могут взять энергию соседи по нашей планете. Энергия так от них и плещет. Зачем так нервничать? Разве мне легче? Я же не вылупаю глаза. Я этих товарищей знаю. Они намного лучше меня живут. У них квартиры в несколько комнат, по три машины, по два гаража, отменные дачи. Я здесь с первых палаток. У меня однокомнатная квартира в старом доме. В подъезд, страшно заходить. Он похожий на старую пещеру. Однажды, мне на

голову упал кусок штукатурки. На макушке моей придурочной головы долго красовалась шишка. Машины и дачи у меня нет. Нет и накоплений. Живу от пенсии до пенсии. Никому не завидую и не жалею. Не вылупаю глаза и не скриплю зубами. Так мне судьба назначена. Жить в бедности и ничего не иметь. К тому же, мне ни в чем не везет. Есть у меня одна отдушина. Хожу в тайгу, и путешествую в другие миры. Потом всё записываю. Конечно, я таких успешных товарищей понимаю. Ничего нет хорошего в нашей стране. Им бы хотелось ещё стать богаче, но тут приключился мировой кризис.

– Я не достроил дачу на Байкале! – кричал один. – Стройматериалы подорожали. А по телевизору нас успокаивают.

Я не стал слушать озабоченных мужичков. Пожелал им ещё больше обогатиться. Дай им, Бог, здоровья и удачи.

Почти каждый день я прогуливаюсь по небольшой аллее. Меня в городе многие знают по причине «бестолкового» хождения по аллее. Один мужичок сказал:

– Что ты мотаешься туда и сюда? Делать нечего? Езжай на дачу. Там много работы. Только людей раздражаешь. Не стыдно?

Весной ухожу в тайгу и бегаю трусцой по таежной тропе. Некоторых и здесь настораживаю. Что это я просто так хожу в тайге?

– Ты не охотник, не рыбак, так что ты в тайгу ходишь? Желаете не походить на других? Нехорошо. Нельзя так. Будь как все.

Но я не могу быть как все. Не знаю почему. Но не могу. Не получается быть как все.

У меня давно возникло такое ощущение, будто мир перевернулся в худшую сторону. Даже бабки не отстают от других. У них в глазах мечта о деньгах, и как бы обмишурить какого-нибудь старичка. Со многими бабками разговаривал по-доброму, но у них одно на уме – деньги. Их мои романтические разговоры о душе человеческой не интересуют. Им деньги давай.

Молодые, особенно девушки, почти все курят и пьют пиво на улице. В глазах пустота. Может, мне так кажется? Ничего не

могу с собой сделать. Несчастный мой народ. Кто же его таким сделал? Страшно.

Корты

Бежал трусцой по тропке. Вот и моя любимая сосна. Она знает, что мне уже восемьдесят лет. И мне так хочется ещё её видеть. Мне кажется, что она надо мной очищает кислород от разной гадости. И от этого мне приятно.

Рядом с сосной появился проем. Неведомая сила меня потянула в другой мир, загадочный, неизученный, но мною желанный. Я так устаю в моем родном мире. Только в тайге, рядом с сосной, с любимой природой я нахожу свою отдушину. Господи, как мне тяжело в моем неуютном мире.

...Стоял рядом с домом, который находился на острове Диком. Рядом мои друзья: Иван Иванов, Олег Битна-Шляхта, Сергей Чемулаев.

– Нет ещё легендарной троицы, – сказал Иван. – Тем более что здесь, видимо, устроили сухой закон. Нет вина..

Мы вошли в подвал и встали под купол.

...Проснулся. Лежал у камня. Отсюда можно попасть в наш мир. Мои друзья тоже проснулись. С нами остался Игорь Воронов. Он привел себя в порядок. Стройный мужчина. Он не захотел оставаться в деревне, а решил путешествовать с нами.

Мы в любое время попадем в наш мир, а он здесь останется навсегда. Надо ему найти место, где ему будет хорошо. Много таких людей в этом мире. Здесь они рабы.

– Я слышал, что где-то далеко отсюда живут такие же люди, как и мы. Они принимают бежавших рабов. Говорят, что попали к ним, мы теряем бессмертие. Не нужно мне оно. Есть в этом непонятный секрет. Многие хотели покончить с собой от тяжелого труда, но ничего не вышло. Уничтожить нас могут только тени. Улыбчики. Я лучше с вами. Быть хочу вольным до конца. А там, что будет.

– Надо искать нормальных людей, – сказал Кирьян. И мы поплыли.

– Этот самый, как его, ёси-моси. Голова. Тьфу! Гель. Турас, мать его. Ну и имена.

– Значит, у них идет борьба, – ответил Иван. – Куда не сунься, везде борьба. Никакого мира нет. В борьбе интереснее жить. Вот нас для интересного дела и отправляют.

– Турас не одинок, – сказал Игорь Воронов. – Были у нас и другие фантомы. Их быстро находят злые тени. Турас говорил, если они победят теней, то нас отправят домой, или сделают нас вольными. Многие из наших людей хотели бы здесь остаться. Дома их уже никто не ждет. Значит, могли бы мы строить здесь дома. Обзавелись бы, значит, семьями.

– Женщины здесь такие же? – спросил Степа.

– Есть. Все они бесплодны от нас. А от них беременные есть. Турас так говорил. Как только забеременела, так сразу отправляют в наш мир.

– Зачем? Но отец ведь улыбочик! – удивился Сергей.

– Главное то, что брошено семя. Им нужны дети среди людей. Дети от них рождаются злыми, агрессивными.

– Она ведь не знает от кого! – не сдавался Сергей.

– Она не помнит, что переспала с тенью. Мол, от мужа ребенок.

– В последнее время появилось много злых и агрессивных детей, – сказал я. – Девчата сплошняком курят, пьют пиво и вино. И подростки не отстают от них.

– Я бы этих теней взорвал, – сказал Степа.

– Их много. Они везде, – ответил Игорь.

– Страшно, – тихо сказал Иван. – Значит, они проникают в наш мир? Страшно. Они заражают наш мир злобой.

– Канальи! – крикнул Кирьян. – Так они могут захватить наш мир!

Впереди показалась песчаная отмель. Причалили к берегу. Развели костер. Игорь забросил несколько лесок. Наловили рыбы. Получился хороший ужин.

Наутро отправились в путь. Кстати, Иван обнаружил что-то необычное, хотя я об этом давно знал. Он обнял дерево, и тепло придало ему силы. Может, здесь лес другой? Было удивительно то, что Игорь ничего не почувствовал. Он даже загрузил.

– Что голову повесил? – спросил Степа. – Не унывай. Мы с тобой. Мы ведь другие. Не унывай. Брось.

– Как это? – спросил Игорь.

– Ты думаешь, что мы знаем? Из какой-то энергии мы сделаны.

– Вы ведь не роботы! – воскликнул Игорь и вскочил. Он чуть лодку не перевернул.

– Испугался? Какие же мы роботы? Из крови и плоти мы, – сказал Олег. Игорь сел на сиденье, но продолжал с большим удивлением смотреть на нас.

– Нам не дано знать, как это происходит, – ответил Иван. – Наши тела остаются дома. Здесь нас мгновенно из чего-то делают. Мы есть точные копии, но со своим разумом. Мы из какой-то живой энергии, а вот ты настоящий. Так, что, гордись. Мы в любое время можем исчезнуть.

– Я ведь чувствую, что вы другие, – не сдавался Игорь.

– У нас чувства такие же, как дома, – сказал я.

– Загадка, – ответил Иван. – С определенного места раз и готово. До скорого свидания, я пошел. Нам и так хорошо в этих телах.

Решили проверить ещё одну речку. Впереди показалась высокая гора, скалы. На берегу нас встретило трое мужчин. Это не улыбки.

– Местные, – сообщил Игорь. – Они всё понимают. Так они устроены.

– Видимо, мы одни так устроены, – проворчал Кирьян. – Что высторожились? Мы не тени и не улыбки. Мы – люди, мать вашу! Где ваши дома? Что молчите?

– Вас спрашивают! – крикнул Степа. Иван выступил вперед, шаркнул ногой, поклонился.

– Граждане-товарищи, мы заблудились. Нам бы чего-нибудь откусать, так сказать ням-ням. Мы решили познакомиться с вами, отладить контакт. Мы встречались с теньями. Скажу вам откровенно, Это мерзкие типы. Я вижу, что вы добрые, культурные люди. С вашего соизволения...

– Вы любите долго говорить, – прервал один из мужиков.- У вас много лишних слов. Есть слова непонятные для нашего понимания.

– Мы с миром к вам пришли, – сказал Иван.

– Знаем. И мы к вам с миром.

– Где ваши дома? – спросил Олег.

– Мы хозяева этой земли. Тени захватили наши города. В основном, живем в горах.

– Откуда вы знаете наш язык? – спросил Сергей.

– Животные у вас есть? Кони, олени? – спросил Володя.

– Всё есть, а вот оленей нет. Пойдемте, и пусть ваш беглец идет с нами.

– Откуда ты знаешь? – с подозрением спросил Кирьян.

– Мы всё знаем о вас. У нас есть ваши земляки. Потом узнаете. Идемте.

Закончились деревья, кустарники, и перед нами открылась чудная картина. Лысая гора, даже можно сказать, что это скала. И вся она в дырах, похожая на пчелиные соты.

– Здесь мы живем, – сказал человек. – Зовите меня Тор.

– В скале?! – воскликнул Кирьян. – Где села, города? Где скот, пашни и другое хозяйство?

– Влево от нас, за горой есть пастбища и поля под зерно.

– Вы не удивились нам? – спросил Иван.

– Есть беглецы из рабства. Вы другие. Как-то были люди из вашего мира. Целая команда. Двое из Франции, один из Англии, двое из Украины и Белоруссии. Вы из России. Вы есть искатели приключений и борцы за справедливость. Мы таких людей уважаем.

– Откуда вам известно, что мы из России, а те из других стран? – спросил Иван.

– Для вас всё странно. Мы устроены по-другому.

– Вас такими людьми сделали тени? – спросил Олег.

– Нет. До теней мы были странными для вас. Может получиться так в вашем мире, что вы тоже начнете прятаться в расщелинах. Тени и ваш мир захватят.

– Война?

– Война будет психологическая, – ответил Тор, и посмотрел на меня. – Ты, Юрий, историю путешествий фиксируешь. И назвал своих людей, кто приходит к власти – засланцами. Метко. В разум этих людей вселяются тени.

– Ёси-моси! – воскликнул Кирьян. – Откуда ты знаешь, что Юрка обозвал их засланцами? Как? Слушай, Тор, а когда я был секретарем, то в меня тоже входили посторонние?

– Входили, но они были не из нашего мира. Мы их не знаем. Какая-то темная сила, возможно, от самого Сатаны. Сейчас и тени стали шариться во многих головах ваших людей.

– Многие из нас лозунгами говорили, – сказал Кирьян.

– Всё в вас было от темной силы. Вот эти тени страшнее темной силы. Они готовятся завоевать ваш мир.

Мы вошли в пещеру. Остановились. У входа фонтан. Вокруг скамейки. Ходили люди, бегали ребяташки. С гладкого потолка свисали плафоны, и свет от них хорошо освещал пространство. От площади вдаль уходил коридор, а по сторонам двери, в которые входили и выходили люди.

– Как всё это? – спросил Иван. Но тут крикнул Кирьян:

– Клянусь болтовней о сияющих вершинах, как всё это, мать вашу?

– Потом об этом, – сказал Тор. – У вас обращаются друг к другу на вы. Почему? Старый работник обращается к молодому руководителю на вы? Зачем?

– Ради уважения, – ответил Кирьян.

– Если молодой руководитель, но уже не чист на руку?

– У нас так принято.

– Вот и весь ваш ответ. Принято. Кто принял? Проходите.

Тор пригласил нас войти в раскрытую дверь. Похоже на клуб. Никого не было.

Кирьян гулко кашлянул, и даже очень нахмурился.

– Так. Похоже на красный уголок. Кха. Кгм. Того. Где лозунги?

– Лозунги? – переспросил Тор. – Понял. Призывы к светлому будущему. Обещания. Знаем. Нет здесь и президиума. Нет стола с красной скатертью. Нет и графина с водой. Ничего вашего здесь нет. Не по форме?

- Откуда нам знать? – махнул рукой Кирьян.
- Здесь мы собираемся на совет старейшин. Решаем проблемы. Главная тема – защита от теней.
- У них есть и нормальные тени. Например, Турас, – сказал я.
- Мы его знаем. Бывает у нас. Другие такие же тени есть. Моты. Их тоже много. Пока перевес за гутенами-завоевателями.
- Что это за животное? – спросил Степа.
- Слово гутены обозначает – злой, обманщик, болтун.
- Если такой фантом, как Турас? – спросил я.
- Он из народа мотов. Фантом он. А вот наш народ корты. Если подниматься по реке, можно достичь наших городов. Там живут наши корты. Корты. Значит, местные жители.
- Значит, если наши руководители, которые много говорят красиво, складно, и много обещают, то они гутенцы? – спросил я.
- Ловко! – воскликнул Олег. – В нашем мире, во многих странах, руководят гутенцы.
- Страшнее есть дела, что эти тени творят в вашем мире. Они срамливают одну нацию на другую. Потом узнаете ещё кое-что.
- Страшнее некуда, – проворчал Кирьян. – Обидно. Ведь они всеялись в меня, когда я болтал лозунгами.
- Это так, – ответил Тор. – Ваша Россия повторяет судьбу Византии. Её погубили олигархи. Они высасывают богатство из вашей страны. Некоторые из них уже бегут из России. Вы забыли историю Византии. Вас губит ещё и национальный вопрос. Вот два минуса в вашей стране. В ваших олигархов входят тени и представители темных сил от Сатаны.
- Тут стали входить люди.
- Здесь есть и бывшие рабы, – сказал Тор. – Они равны с нами.
- Гелиозы? – спросил я.
- Это другая цивилизация. Тени.
- Вы можете, как они? Был и тут же исчез? – спросил Кирьян.

– Нет. У нас другое назначение. Мы можем считывать мысли. Рассаживайтесь. Прошу.

Мы уселись в кресла.

– Пещера, а какие кресла! У нас скамейки, – сказал Сергей.

Люди не обращали на нас внимания.

– Слушай, коржик, или как там тебя, мы уже прошли такие заседания. И у вас тоже самое, – сказал Кирьян.

– Корты мы, – ответил кто-то из зала.

– Плевать! Что вы носы воротите от нас? Почему нас не уважаете? Мы ведь гости ваши. Кха. Кгм. Если бы вы у нас появились, то мы бы встретили вас, как полагается. Что-нибудь бы стгоношили. А вы, как чурбаки.

– У нас такое не бывает. Сейчас придет представитель от нас, и покажет вам, как мы живем.

К нам подошел человек лет тридцати одетый в спортивную форму.

– Зовите меня Дубак.

Степа начал громко смеяться. Олег хихикнул.

– Что это с вами? – спросил Тор.

Я стал объяснять причину веселья.

– Ну и что? – спросил Тор. – Имя Кирьян делится у нас на два слова. Кир – задница. Но мы не смеемся.

– У нас одного чукчу звали Урбан, а мы его звали чурбан. Ну и что? – ответил Володя.

– Я Кирьян! – возмутился Подгузников.

– Хорошо. Слово ян обозначает болото, – ответил Тор.

Степа ещё громче стал смеяться.

– Хватит! – закричал Кирьян. – А как зовут Степу? Хватит со мной.

– Тепа. Понос.

Теперь Кирьян стал смеяться. Степа нахмурился.

– К делу давай, – сказал он.

– У вас есть города, села, озера, моря? – спросил я. Надо как-то менять обстановку.

– Всё есть, – ответил Дубак. – Все эти города от нас далеко. В отдельные места пробиваются тени. Входят в главных правителей. Страшно.

– Страшно, – ответил я. – Знакомо. В нашем мире я видел апокалипсис. Я описал его.

– Юрка у нас летописец, – ответил Кирьян. – Всё фиксирует. И ваш мир опишет.

– Правильно. Такое и вас ожидает в будущем. Многое, что живое погибнет.

– Кто всё будет восстанавливать, мне не показали. Машины видел. Они занимались чисткой планеты.

– Возможно, помогут вам моты. Они добрые. Этот народ они называют моты. Турас, это мот. Они победят гутенцев, а потом начнут помогать вам после апокалипсиса, который устроят вам гутенцы и темная сила от Сатаны. Считай, они идут к завоеванию миров на планете рука об руку. Как они потом будут делить власть? Возможно, в этой битве они ослабнут, и мы победим их. Я так думаю.

– Ну и накрутили вы тут с Юркой! – возмутился Кирьян.

– Для этого нас сюда? – резко спросил Степа.

– Вы все не любите слушать других, – ответил Дубак. Тор ушел от нас и влился в других людей, которых зовут корты. Они тоже улыбались.

– Что они улыбаются? – спросил я.

– Мы все такие. Но мы не желаем вам зла. Мы вас понимаем. Сложно вам живется в вашем мире. Очень сложно. Вас многие не понимают.

– Гутенцы тоже улыбаются, – сказал я.

– Они создали роботов. У нас роботов нет. Роботы у них для завоевания других миров. Чтобы защититься от них, мы научились считывать мысли. Роботы постоянно улыбаются.

– Вы тоже можете создавать миражи и перемещаться? – спросил Иван.

– Бывает. Возможно, вы видели вместо гутенцев роботов.

– Как их различить? – спросил Олег.

– Ударить в ухо, чтобы рука прошла, вот и всё различие, – засмеялся Степа.

– Вам бы только бить в ухо, – сказал Дубак, и неожиданно перестал улыбаться. – Лицо у меня изменилось? Корт я. Человек.

Робот улыбается даже в злобе. Всё ясно. Вы не видели настоящих гутенцев. Перепугались бы.

– Точно. Это были роботы, – сказал Кирьян. – Они расстреливали людей и улыбались.

Пока мы у входа из зала вели беседы, в зале шло совещание. Голосов не слышно. Значит, они переговаривались мыслями. Выдавали руки. Они, как и мы, махали руками, качали головами. На лицах были разные выражения. Это настоящие люди.

– Да, настоящая цивилизация, – сказал Иван. – У нас другой раз кричишь и не докричишься. Чуден мир. Чуден.

– Я тоже мыслю. Как там мои олени? Как вы мысли ловите? – спросил Володя.

– Нам бы так насобачиться, – вздохнул Степа.

– Учиться надо было тебе Степа. Тогда бы ты понял, что для этого надо долго и много тренироваться, – ответил Кирьян.

– Грамотный шибко? – обиделся Степа.

– Надо было учиться. Соображать надо, – ответил Кирьян.

– Учился. Целых пять классов окончил. Бросил школу. Бродяжничал. Воровал. В тюрьме сидел. Бомжом стал. В психушке лежал. Понимаешь, Кирьян, от арифметики у меня в глазах рябь. Даже от математики тошнило. А если начинал решать задачу, даже на понос изводился. Не пошла мне школа. Как вспомню математику, так что-то в голове начинает свербить, а в глазах муть.

– Надо было самоучкой стать, как Юрка Стрелов. Сам всего достиг. Тоже у него никакого образования.

– Поучи меня, поучи. Я даже мастером умудрился работать. Но при слове математика, меня в дрожь бросало, – ответил Степа.

– Хватит об этом, – прервал нас Дубак. – Пойдемте в соседний зал. Там, возможно, вы кое-что поймете.

Открылась дверь, и мы следом за Дубак вошли в комнату. Там оказалась ещё одна дверь в стене. Там начинался коридор. С потолка падал свет, и было как днем.

– Где это всё находится? – спросил Кирьян. – В самой горе?

– В горе, – коротко ответил Дубак. Далее он шел и молчал. И вот туннель закончилась, и мы, кажется, вышли на другую сто-

рону горы. Перед нами раскинулся лес, недалеко протекала река. Мы увидели одноэтажные дома с конусными крышами. Красивая, ухоженная местность. На опушке леса паслись коровы, лошади. Пахнуло деревней. Но на наши деревни не походила. Воздух удивительно чист, речка не загажена. Ребятишки купались в ней. Маленький пароход отчалил от берега и поплыл вверх по течению.

– Сказка, настоящая сказка! – воскликнул Олег.

– Там, где вы были только что, мы работаем, всячески защищаемся от теней, а здесь мы отдыхаем. Доживают свой век старики, – сказал Дубак.

– Настоящий коммунизм здесь, – сказал Кирьян, и в голосе его была печаль.

– Мы не знаем, что это, – ответил Дубак, и с его лица сошла улыбка.

– Привычка, – ответил Кирьян. – Какой строй у вас? – При этих словах он даже захмурил и выпятил мощную грудь.

– Строй? – спросил Дубак, и опять улыбнулся. – У нас всего этого нет. Мы просто живем ради жизни. Разве этого мало? Главная наша задача – защита от теней. У нас тоже были города, но тени их разрушили. Погибло много наших людей. Мы поселились в разных местах. Мы здесь устроились. Когда-то здесь были древние пещеры, карсты. Они уходят далеко в глубину под гору. Оттуда идет тепло, и положительная энергия. Она нам помогает. Могут вам сказать, что тени добиваются и до вашего мира.

– Как перекрыть им путь? – спросил Сергей.

– Поздно. Ваш мир идет к глобальной катастрофе. Например, в вашем мире всё больше появляется богатых, а ещё больше бедных. Ненасытные олигархи, миллиардеры расползаются по вашему миру, особенно в вашей несчастной стране. Эти олигархи уничтожают вашу страну. А вот их уничтожат тени.

– В нашей стране только? – спросил Володя.

– По всему миру.

– Что теперь делать? – спросил Кирьян.

– Ждать конца.

– Кошмар! – воскликнул Кирьян. – Надо спастись! Но как? Дубак нахмурился, немного помолчал и ответил:

– Ваши правители, высшие чиновники, олигархи не понимают. Удивительно то, что самые бедные слои вашего общества, и такие люди, как вы, понимают и чувствуют, что всё идет к гибели. Чем богаче человек, так устроен ваш человек, не ощущает перемены в природе, в обществе, и главное, ничего не ощущают в самом себе. Чем богаче человек, тем он больше теряет бдительность против темной силы.

– Мы здесь собрались бомжи, – сказал Сергей. – Ты, Дубак, прав. Когда я работал заведующим партийным отделом в райкоме партии, я не знал такого. И только опустившись на дно общества, то ощутил что-то тревожное. Что-то стало меня настораживать. Оказывается, вот в чем дело. Постепенно нас завоевывает темная сила и вот эти тени, улыбочки-роботы, прилетевшие с другой планеты.

– Слушайте, мужики, – обратился я к друзьям. – Мы знали, чем надо было помочь в соседнем мире, и многое узнали. Здесь я не знаю, что делать, и зачем мы здесь. Игоря Воронова спасли. И только? Этого мало.

– Наших бы сюда правителей, олигархов сюда отправить, чтобы знали, чего надо нам всем бояться, – сказал Олег.

Я видел местных людей. Они улыбались нам. Но это были добрые и как не странно, сочувствующие улыбки. И не было того тревожного состояния, какое было среди улыбочиков. Я видел, как ребяташки играли в футбол.

– Вы живете в этих домах и в пещерах? – спросил я.

– Когда приходит зима, мы уходим в гору. У нас таких суровых зим, как у вас не бывает. Но всё равно холодно. Есть такие люди, кто живет в домах круглый год. Особенно те люди живут, которые когда-то были в вашем мире. Ваш Игорь Воронов будет жить в одном из домов.

– Улыбочки долго живут. И рабы у них долго живут. Как это? – спросил Иван.

– Кто вам сказал, что тени вечные? Для них тоже есть срок жизни. Которых теней вы видели, это роботы. Кстати, роботов от живых теней не отличить. Но мы отличаем. Глаза. У роботов глаза безразличные при боли. Они отливают сталью. У живых теней глаза меняются. Они всё равно не настоящие. Они подде-

льваются под людей. Только однажды, в ярости мы увидели не человека. Страшно. Возможно, так он решил нас напугать. Они могут быть всякими. Вид зверя могут принять. А вот роботы, всегда, как люди. Вот только они всегда улыбаются. А вот мы – корты. Такие же люди, как и вы. Гелиозы захватили наш мир.

– Откуда они? – спросил Иван.

– Они прилетели с другой планеты. Они давно изучали нашу планету. Вы поговорите с Турасом. Мы иногда с ним встречаемся. Вот он не робот. Он просто фантом.

– Мы его видели один раз, – сказал Иван. – Как бы опять увидеть?

– Пойдемте, – сказал Дубак. И мы пошли за ним. Снова вошли в пещеру. Длинный коридор винтообразно пролегал внутри горы и почти незаметно поднимался всё выше и выше. По бокам этого коридора, шли ответвления и двери. Навстречу нам шел Тор.

Он остановился напротив Дубака. Они молчали, но размахивали руками. Мы не стали им мешать «разговаривать».

Потом Дубак вошел в ближайшее ответвление. Тор остался с нами.

– Идите за мной, – сказал он.

И мы пошли за ним. Кажется, мы достигли вершины горы.

– Вот мы и пришли куда надо, – сказал Тор.

Раскрылась дверь, и мы вошли в небольшой зал. Кругом столы, на них всякие приборы.

– Отсюда мы наблюдаем за проделками гелиозов, – сказал Тор.

– Вам надо бы объединиться с этими теньями, – сказал Иван.

– С теми, которые нормальные, как Турас. У меня вопрос.

– Я знаю, о чем вы хотите спросить. Почему не объединились?

– И я бы задал вам такой же вопрос, – сказал я.

– Сложный вопрос, а ответ ещё сложнее. Нормальные гелиозы появились недавно. Их мало. Среди них нет роботов. А эти гутены, которые здесь находятся от цивилизации гелиозов – роботы. Настоящие, живые, как мы – люди, находятся далеко от

нашей планеты. Иногда посещают нас. Они тоже к вам проникают. Вы их не отличите от своих людей. А вот и Турас.

К нам подходил один из настоящих пришельцев из другого мира – гель. По-нашему – человек. Землянин. Он резко отличался от тех улыбочков, которых мы видели. Глаза были пронзительные, умные. И он не улыбался. Вид его был озабоченный. Они о чем-то переговорили с Тором. Мы не вмешивались в их «разговор». Странно. Турас был фантомом, но ничем не отличить от человека.

Потом Турас поклонился нам и сказал:

– Извините. У нас был срочный разговор. Вам надо покинуть этот параллельный вам мир, на вашей благословенной и прекрасной земле. Мы вам поможем попасть в ваш мир. Скоро появится кто-то из ваших отправителей. И они знают, что вам – пора.

– Нам бы хотелось этим роботам ребра переломать, – ответил Кирьян. – Мы везде, куда приходим, то помогаем местным людям, выпутаться из дерьма.

– Укажите только куда нам идти, и мы вам поможем, – сказал Степа.

– Как-то неуютно получается, граждане, – сказал я. – Впервые из этого мира, мы исчезаем без драчки. Мы ведь настоящие воины. Что не говорите, граждане трех цивилизаций, а все мы находимся в огромной зоне, из которой нам никому не выбраться. Все мы зависимы от обстоятельств. Что они, эти гутены, не могут жить мирно с другими цивилизациями?

– Не могут. У вас, на Земле, тоже ведь были завоеватели. Не буду перечислять. Вы их все знаете. И у нас образовались свои завоеватели. Но страшнее. Завоеватели планетарного масштаба. Они наслали сюда своих роботов. Их космические корабли, которые проходят через космические каналы, для вас невидимые. Гутенам понравилась ваша планета. Они хотят завоевать всю планету вместе со всеми измерениями. У них даже идут переговоры с вашей темной силой. Живые гутены в вашем мире невидимые. Они постепенно завоевывают ваше пространство. Да вы и сами всё это уже знаете. Что многие люди, особенно молодые, дети меняются в худшую сторону. Мы знаем, что у вас идет

борьба светлых сил с темной силой. Вам надо быть дома. Своей положительной энергией, вы незаметно помогаете светлой силе бороться с темной силой. Вы сейчас, как никогда, нужны в вашем мире. Вы много сделали доброго в других мирах. А теперь постарайтесь делать у себя. Ваши добрые пожелания людям и есть борьба. Слово играет огромную роль в жизни человека. Сейчас ваше оружие – ваше слово. Незаметно и мы будем помогать. Мы тоже вам невидимы.

В стене появился Дюрд.

– Пора, друзья, пора, – сказал он, и подошел к Турасу и Тору. О чем-то стали «беседовать».

Перед глазами туман. И я оказался рядом со своей любимой сосной. Надо идти домой. Навалилась усталость. Дома подогрел чай. Хорош таежный чай с медом.

Ветка от тополя продолжала скрести по стеклу. Надо её отломить. Вот запишу всё и отломлю. А может, не надо ломать? Она мне напоминает тайгу, и, как не странно, мои путешествия в другие миры.

Завтра пойду в школу. Приглашали. Учителя просили, что-нибудь рассказать о своей трудовой деятельности. Надо повеселить учеников.

Надо уснуть. Устал я от всего. Сильно устал. Завтра надо быть бодрым и веселым.

Часть четвертая. Корты, Моты и Улыбчики

Опасность. Улыбчики

Весна. День обещал быть теплым. Я пошел в парковую зону. Вдохнул свежий воздух. Даже голова закружилась.

Кое-где белыми пятнами лежал снег. Но уже проклевывались березовые почки. На колоде с солнечной стороны появились первые муравьи. Легкий ветерок приносил запахи весенней тайги не с чем ни сравнимые с другими запахами. Господи, как я люблю тайгу. Здесь я отдыхаю физически и духовно. В мои восемьдесят лет полезно бывать в тайге. Немного побегал по дорожке, и решил пройтись по тайге. Недалеко дробно долбил дятел, приглашая подругу на свидание. Вспорхнули с тропинки маленькие, таежные воробы.

Потом остановился у своей любимой сосны. Чувствовал, как в меня входит что-то нежное и теплое. А всё плохое, что нацеплял от людей, обладающих отрицательной энергией, вытекло. Даже чувствовал и видел, как из меня вытекало что-то непонятное, похожее на серые шерстяные нитки. Скажи кому – засмеют. И так мои товарищи, и друзья называют меня выдумщиком и фантазером. Я не виноват, что иногда что-то необычное чувствую и даже вижу. Так уж я создан. На днях случай со мной произошел. Встретились мне две очень знакомые дамы. Они рассказывали мне последние новости местного значения. И вдруг эти две дамы в недавнем прошлом отменные безбожницы, сообщили мне, что Бог есть. Меня такое признание удивило. Возможно, лед тронулся. И это хорошо. Многие атеисты броси-

ли говорить о гранитном фундаменте и сияющих вершинах и толпой ринулись в церковь.

От этих двух дам мне стало плохо. Не помню, как я пришел домой. Помню, что им неожиданно стало весело. Возможно, что моя энергия перешла к ним. Очнулся в своей комнате на полу. Слабость в ногах и во всем теле. Три дня приходил в себя. Я давно верю в положительную и отрицательную энергию в человеке. Всё живое на земле несет в себе энергию. Она есть в воде, в деревьях, в траве. Сама наша планета есть живой организм. А раз мы все на ней находимся, то, конечно, мы все обладаем энергией. Только во всех нас она бывает разной. Вот я и получил сокрушительный удар от этих двух дам. Мне, кажется, что любой человек должен чувствовать в себе эти две противоположные энергии. И надо бороться против одной. Значит, этому человеку лучше живется в согласии с отрицательной энергией. Я уверен, что в таких людей свободно поселяется темная сила. А теперь пусть ждут и улыбочков. А мне хорошо помогает тайга, и мои путешествия в другие миры. Я несу людям добрую энергию словом. Возможно, кому-нибудь и принесу пользу.

Пошел домой. Такое было настроение, что даже захотелось петь. Надолго ли? А вдруг встретятся такие дамы, как те две женщины. Если честно, в последние годы я стал их бояться.

Начинается дачный сезон. Увеличилось число машин. На остановках толпятся люди с сумками, рюкзаками. Лица серьезные, озабоченные. В толпе дачников промелькнуло знакомое лицо. Да, это был Саша Хилопатов. Я уже писал о нем. Без таких людей наша жизнь была бы скучной. Сейчас Саша одинок. Жена живет в доме для психически больных. Все дети уехали. Никто не захотел жить с таким папой. Саша тоже был в психушке. Сам виноват. На остановках, среди въедливых и любопытных бабулей, знакомых товарищей, он подробно рассказывает, как он попадает в другие миры. Я ему сколько раз говорил, чтобы он молчал, людям нельзя доверять. Это опасно. Во все века, особенно в нашей, в недавнем прошлом, безбожной стране, где ещё не просохла советская эпидемия, надо бояться откровенничать. А то, что я пишу, и уже издал две книги, это совсем другое дело.

Это фантастические романы. Если бы я начал рассказывать о том, где я был, меня бы определили рядом с Сашей.

Саша Хилопатов вышел из толпы, и направился ко мне. Я спрятался за стенку дома. Услышал, как одна из бабулей хихикнула:

– Этот придурок Хилопатов не унимается.

И все осуждающе, как это всегда бывает, посмотрели в след бедному Саше. Две бабули странно улыбались. Чтобы это значило? Меня эти странные улыбки насторожили...

Саша потерял меня. Мне не хотелось встречаться с этим человеком на людях, особенно в толпе. В последние годы я стал избегать толпы. Меня тянуло к одиночеству. Я просто стал созерцателем.

Саша не унимался. Как ему помочь, чтобы он не болтал в толпе? Неужели не понимает? Я понимаю, что в действительности, он несет в народ правду. Но зачем этому народу нужна такая, правда? Не понимает. Мои друзья, московские бомжи, молчат. Остальные герои ничего не помнят. А вдруг, что-то и вспомнят? Было бы любопытно посмотреть на такого человека. Наши отпавители говорят, что все путешествия в этих людях откладываются в сознании. Отдельные эпизоды могут увидеть во сне. Смотря, какие видения. От иного они могут проснуться в холодном поту.

Мне не хотелось встречаться с Хилопатовым. В переулке он настиг меня.

– Юрка! Стрелов! Ты от меня убегаешь?! Зачем? Мы в том мире такого натворили!

Вот образец, если кому-то дадут всё вспомнить. Главное – не поверят. Выдумал. А если он начинает на каждом углу болтать – отправят в психушку.

Я приблизился к нему и тихо сказал:

– Ты уже был в психушке. Опять туда захотел? Не позорься.

Он даже подпрыгнул. От шепота он даже стал задыхаться.

– Людей надо предупреждать! Надо им быть добрее друг к другу. Побывал я там, и стал другим. Скамейку и ремень сжег. Надо же, так наказывать детей. Вот они и разбежались от меня.

Жену до сумасшествия довел. Какой-то я был придурок. Мне стыдно за себя.

– И сейчас ты недалеко ушел. Зачем ты людей смущаешь? Люди тебя не понимают. Мы все, кто попадает в другой мир, избранные придурки. Но, нельзя это постоянно подчеркивать среди людей, что мы там были. Люди ещё не созрели для понимания, да вряд ли они созреют. Опасно. Ты только побывал там, и уже раздул кадило на весь мир. А я с молодости туда летаю. Молчу.

– Книги твои тоже ведь об этом, – не сдавался Саша.

– Это художественный прием. Все свои путешествия я ввел в книги. И назвал их фантастическими. Ко мне не придерешься. И люди не знают, что это правда. Ты ещё раз захотел в психушку? Я ведь не выступаю на каждом углу. Раньше я много выступал, и ты знаешь. Жизнь моя была вечной борьбой. Приключения. Сейчас я просто созерцатель. И вот книги пишу. Вернее откровения бывшего бунтаря, и созерцателя. Своим словом, несу людям добро. Вот на всё, что я сейчас годен.

– Пусть люди сами себе делают добро. Я людям несу добро уже тем, что теперь я их не обманываю и не обкрадываю их. Живу от пенсии до пенсии. Ну, не могу я терпеть! Недавно я попытался попасть в попы. Даже бороду опять вырастил. И голос у меня густой, сочный. Ты знаешь. В том мире слышал мой изумительный голос. Не приняли меня. С таким голосом в самый раз я в попы годен. Послушай меня, как я говорю.

Он расправил клочковатую и рыжую бороду и запел, а я от него побежал. Он прекратил петь и воскликнул:

– Куда ты, сын мой? Окститесь, люди добрые, окститесь! Я несу вам правду! Правда, лучше любой лжи!

Да, от него надо бежать, и как можно дальше. В соседнем мире с ним можно быть рядом. В нашем мире быть рядом с таким человеком опасно.

Через два дня к соседнему старому деревянному дому, где жил в полу развалившемся цоколе Саша Хилопатов подошла машина «Скорая помощь». Сашу вывели под руки. Он смеялся:

– Подойдет время, и люди узнают, что я был прав! Но, будет поздно. Люди забудут мои наставления. Для вас я больной.

Больной людьми, не понимающие меня. А я горжусь, что познал соседний мир. Значит, сами люди больные не пониманием.

И он тоненько и нежно пропел:

– Аминь!

Саша пошел на общество напрямую. Зря. Мне проще. Я пишу свои приключения в соседние миры, и называю их фантастические. Мистика. Мне жалко Сашу. Общество отвергло его. Общество всегда таких людей отвергало. А разве это общество понимает меня? Разве оно понимало меня всю мою жизнь? Не понимало. Таким людям, как я в нашем мире тяжело. Вся моя борьба ничего хорошего мне не дала. Вся моя жизнь прошла в борьбе с ветром. А ветер победить невозможно. Осталась теперь единственная отдушина – мои записи. В другом мире я бываю тем, чем мне хочется быть. Я духовно отдыхаю там. Это мой отдых. Хорошо ещё то, что такой я не один. Нас великое множество. Но, нам нельзя раскрываться, как это делает Саша Хилопатов. Таких людей поселяют в нужные места, чтобы они не мешали обществу быть в неведении.

Сидел у окна в своей однокомнатной квартире. Давно меня никто не тревожит. Мне одиноко. Но, я никогда не унывал. Никому не жаловался на свое одиночество. У меня есть товарищи-пенсионеры, которых мучает одиночество. Один мой хороший товарищ мне ответил:

– Гасну я.

Зачем людям говорить о своем состоянии? Нельзя унывать. Ведь это великий грех.

Появилось такое ощущение, будто кто-то смотрел на меня. Осмотрел комнату. Никого. Я уже писал об этом, что всегда чувствую взгляды человека на себе. Скажи кому – засмеют. У нас любят смеяться над необычностью человека. Честно признаюсь в том, что я никогда не смеюсь над необычными явлениями в человеке. А вот любопытство проявляю. Может ещё от того, что во мне самом полно всякой необычности. Но, умело всё скрываю от людей.

И вот я насмелился и громко спросил:

– Кто здесь?

В этой квартире ещё никто не появлялся. И вдруг... Неужели?

Передо мной проявился Турас. Я писал о нем. Это житель с неведомой нам планеты. Турас из народа мотов, но фантом. Среди улыбочиков тоже есть фантомы и роботы. Есть злые, которых называют гутены. Мы всех их назвали тенями. Они завоеватели. Среди этих гелиозов есть такие люди, которые борются со злыми тенями. Где же настоящие люди? Какие они? И люди ли они? Один мир на нашей планете они уже почти завоевали. У них есть главная цель – завоевать всю нашу планету со всеми мирами.

– Испугался созерцатель? – спросил Турас.

– Почувствовал, что кто-то есть. Почему ты меня так назвал?

– Ты себя так назвал. Всё, что нужно ты сделал в своей жизни. Теперь ты только наблюдаешь и записываешь.

– Зачем ты появился в нашем мире? Какая цель?

– В общем-то, ты мне не нужен. Просто захотелось тебе кое-что показать. Покажу и твоим московским друзьям.

– Надо же так проникать в наш мир! – повисил я голос.

– Цель гутенов проникнуть в ваш мир. Нас несколько, таких, как я проникли в ваш мир. Мы отслеживаем путь гутенов. Мы разные.

– Ваша планета далеко от нашей планеты?

– Вашим ракетам вы будете лететь до нас целых три поколения. Мы до вас долетим по каналам за несколько дней. Вам этого не понять. На планете сейчас есть фантомы. Так вы их называете.

– Настоящие ваши люди, какие-нибудь животные? – тихо спросил я. Вдруг он обидится. Но он улыбнулся.

– Немного мы не такие, как вы. Наши предки бывали на вашей планете несколько раз. Мы видели живых динозавров. Видели дикарей. Некоторые пещерные рисунки напоминают о нас. В те времена планета не подошла нам. Потом у нас начались войны. Гутены пришли к власти. И стали они постепенно завоевывать соседние планеты в нашем созвездии. Решили и к вам перебраться.

- И нашу планету хотят завоевать? – спросил я.
- Да. Всё идет к этому. Гутены по всей вашей планете путешествуют. Некоторых людей воруют и отправляют в параллельный мир. Ты уже там был, и видел рабов. А также отправляют в наше созвездие в рудники. Моя планета истощается. Мы из неё всё выбрали. Наша планета идет к гибели. Гутены ищут планеты для жизни. Ищем и мы. Но, мы не мешаем тем народам, у которых мы расселяемся.
- Как вы селитесь? Вы ведь фантомы.
- Наши ученые безболезненно забирают кровь у вас, когда вы спите. Мы вашу кровь скрещиваем с нашей кровью. Мы хотим стать такими же людьми, как вы. Наш народ вымирает.
- Вы можете, как фантомы жить столько, сколько вам нужно.
- Нашему народу не надо это. Мы хотим быть, как вы.
- Ты сейчас фантом. Можешь побывать везде, а я нет. Разве это не преимущество перед нами.
- Зачем нам это?
- И он признался. И это его признание было откровенным. Мне вдруг стало жалко его и весь его народ.
- У нас нет такой любви, как у вас. Нет деторождения. Я видел ваши свадьбы и позавидовал вам. Мы просто фантомы. У нас нет таких чувств, друг к другу, к детям, близким. У нас нет горя и слез, когда кто-то из ваших близких навсегда покидает вас. Нас, фантомов, производят в специальных лабораториях.
- Но вы не клоны.
- Да, мы не клоны. В нас есть ещё что-то с вами родное.
- Почему кто-то из вас постоянно улыбается, а вы нет? – спросил я.
- Это другой народ. Они прибыли на нашу планету из глубин космоса. На вашей планете не сами гутены, а их фантомы. А мы фантомы, стали их рабами и роботами.
- Но вы ведь не всегда были фантомами! – повысил я голос.
- Они завоевали нашу планету. Были войны. Они разгромили наши армии. И стали делать над нами эксперименты. Сделали нас фантомами. Мы стали их рабами. Людей, как вы, на нашей планете осталось очень мало. Они прячутся в пещерах.

И мы долго не знали, как вернуть нам свой облик. Наши ученые живут в подземельях. Кое-чего достигли. Даже мы стали пробиваться к вам. Правда, как фантомы. Но это только начало. Ведь наши предки были на вашей планете. Теперь нам нужна ваша кровь.

– Если надо для дела, бери у меня. Мои друзья, московские бомжи тоже дадут кровь. В соседнем мире, где из мертвых пытаются сделать живых людей, пользуются нашей кровью, нашими клетками.

– Мы знаем, – ответил Турас и улыбнулся. – Недавно мы были у них. Там идет борьба с волосатиками и с темной силой.

– А разве у вас нет темной силы?

– Наши гутены тесно связаны с темной силой.

– Но ведь вы гелиозы. Гели, – ответил я.

Турас нахмурился и быстро ответил:

– Ошибаешься. Мы не гели. Мы есть моты. Я настоящий мот. Я ознакомился с вашим народом в Татарстане. Они должны гордиться, что они есть булгары. Историки хотят восстановить истину. Хотят вернуть настоящую национальность. Булгары – это был великий народ. Так же, как булгар захватили татаро-монголы, захватили гелиозы и нас. В вашем городке я видел двух гелей. Мне дано этих гелей, видеть. Они вошли в тела ваших людей. Сейчас они входят во многих ваших правителей. И когда на вашу планету, в ваш мир высадятся гелиозы, их будут встречать ваши люди, в которых вошли гели. За вашим миром они внимательно следят. Их базы находятся даже на Марсе. Гели не желают, чтобы вы вырывались в глубину космоса.

– Я могу их узнать? – спросил я.

– Некоторых ты видишь по телевизору. Ты их и на улице узнаешь, как ты чувствуешь тех людей, в которых находится много зла и темной силы.

– Как-то я во сне видел апокалипсис. Я описал его в своей книге «На острове снов».

Он помолчал, потом ответил:

– Интересно. Да, и в вашем мире будет битва добра со злом. Потом начнется чистка планеты. Кто её будет чистить не ясно. Конечно, людей останется мало. Но, будет прекрасное будущее.

– Со светлыми вершинами и с гранитным фундаментом, – быстро ответил я.

Неожиданно он засмеялся. Это не фантомы-улыбчики. Совершенно от нас не отличить.

– Смотрел я ваши документальные фильмы из вашего прошлого, выступления политиков, читал газеты. Страшно.

– Не будем об этом, – прервал я. – Вот такие как ты прибыли бы к нам.

– Прибудем. А я буду иногда появляться в вашем мире. Я бывал среди твоих московских друзей.

– Мы бессильны против улыбочков, – сказал я.

– Это так. Когда вы попадете в тот мир, где вы были, мне неизвестно. А хотелось бы, чтобы вы побывали там. Вот только сейчас в вашем городе ещё появились двое гелей.

– Как?! – воскликнул я. – Ещё прибыли? Их уже четверо?!

– Роботы-фантомы готовят планету для захвата. Нам бы хотелось многому вас научить. Возможно, такое время ещё придет. Вы очень сильно от нас отстали. Исчезаю. Будем вас ждать. Всего тебе доброго.

И он словно растворился.

Я сидел у окна. За ним лил дождь. Ветка тополя скреблась о стекло. Окно плакало. И мне захотелось заплакать. Надо терпеть. От меня ничего не зависит. Я теперь простой созерцатель. Рядовой пенсионер. Мне хочется крикнуть на весь мир:

– Опасность! Среди нас появились пришельцы! Опасность! Улыбочики!

Мне нельзя кричать. Как Сашу Хилопатова отправят в интересный дом. Что делать? Не знаю.

Корты

Решил пробежаться. После дождя асфальт на беговой дорожке ярко блестел. Деревья стояли вплотную к дорожке. С них капала вода. Вот и моя любимая сосна. Меня охватило волнение. Что-то должно произойти. Я всегда чувствовал неожиданные перемены, которые должны произойти вокруг меня. Но, я давно

не видел своих отправителей в другой мир. В моей квартире побывал единственный мот Турас.

Вдруг у сосны появился Дюрд.

– Соскучился по приключениям? Сочувствую. Порой тебе надоедают серые будни вашего беспокойного мира. Как же он жесток ваш мир.

– Вы всё видите, что творится у нас. Можно что-то изменить.

– Мы всё знаем, – быстро ответил Дюрд. – Не вмешиваемся. Это дело высших сил. Что решат, то и будет. Я обыкновенный посланник. Как говорится, рядовой технический работник. Прошу пройти в параллельный мир. Так надо.

Дюрд испарился. Рядом с сосной образовался туман. Вот он исчез, и я увидел друзей, московских бомжей. Они призывно махали руками. Это были: Олег Битна-Шляхта, Сергей Чемулаев, Иван Иванов. Не было ещё Подгузникова Кирьяна, Володи Тымневаката и Степы Клубкова. И вот я оказался рядом с моими друзьями. Вход в мой мир исчез. Конечно, мы оказались на острове Диком рядом с домом с конусной крышей. Странно, но с нами не было Дюрда.

– Друзья мои, что будем делать? – спросил Иван. – Дюрд нам помахал ручкой и исчез. В последний раз мы были в мире улыбочиков. Там были гелиозы и прочие.

– Но, там есть и народ, который называет себя мотами, – сказал я. – Это нельзя нам забывать. Я думаю, что с вами беседовал мот Турас.

– О, да! – воскликнул Олег. – Значит, он со всеми нами вел беседу.

– Полезная получилась беседа, – ответил Иван. – Мы с ним отменно философствовали. Мне, кажется, что именно они нашему миру помогут...

– Если мы не изменимся, – перебил Сергей.

– Нам показывали апокалипсис. Достоинно нашему полыхающему миру, – сказал, – ответил Олег.

– Тогда нам надо попасть в то место, где мы были в последний раз, – сказал Иван. – И потом. Как-то скучно без нашей троицы.

– А ещё бы нам придали Сашу Хилопатова. Ещё бы веселее было.

– Я его тоже хорошо знал, – ответил Сергей. – А ещё бы нам подсунули человека, задающего вопросы...

– Не надо! – ответили мы хором. А я добавил: – Этот человек появляется в нужный момент, и в нужном месте. Я долго думал насчет этого человека. Без нас, таких вот придурков и артистов из народа, без Саши Хилопатова и человека с вопросами и ждущего ответы, мир был бы серым и скучным. Этот человек просто необходим. Этот человек просто так не появляется. Он несет нужную нагрузку. И давайте принимать его таким, каким он есть. Мы ведь тоже говорим о себе – мир принимай меня таким, какой я есть.

– Сложный вопрос, – ответил Иван. – Стоит задуматься. А ведь это, правда. Просто так этот человек не приходит к нам. Ведь вопросы он ставит правильные.

– Давайте лучше подумаем и решим, что нам сейчас делать. А вот когда тот человек появляется, мы бежим от него, как от огня. Что делать?

– Войдем под купол, и там всё решится, – ответил Иван.

В это время мы увидели, как со стороны столовой бежали наши товарищи: Кирьян Подгузников, Степа Клубков и Володя Тымневакат.

– Вот и полный набор, – засмеялся Сергей.

– Мы зашли в столовую, но там нет вина, – с грустинкой в голосе сообщил Кирьян.

– Мы их не трогали, – ответил Степа.

– Ты повара тронул, – громко засмеялся Кирьян. – За горло его схватил, и затребовал вина. Гниломедов запретил готовить вино. Мы немного поели свежего мяса, и пошли сюда. Куда нас отправят бедолаг?

– Пройдемте под купол. Там видно будет, – ответил Иван. Мы спустились в подвал, и встали под купол. Я уже описывал, как мы попадали в другие миры. Не стоит повторяться. Просто мы оказались на берегу реки. Большая лодка словно ждала нас.

И тут мы увидели, Сашу Хилопатова. Он бежал к нам. На нем была длинная ряса. Рыжая и всклокоченная борода развевалась по ветру.

– Дети мои, подождите меня! Я с вами! Здесь меня не поняли!

Мы подождали его. Он бросился в лодку.

– Слушай, Саша, – обратился к нему Кирьян. – Перед нами нечего кочевряжиться. Снимай рясу. Не то я сам сниму. Какие мы тебе дети? Я тебя на несколько лет старше, змей ты этакий. Ты нас всех моложе, оболтус рыжий! Если пожелал быть с нами, то стань, как мы.

– Но я хочу доброе слово нести в народ, сын мой... Тьфу! Извините. Так и прет из меня. И здесь меня не поняли. Один мужичок оттрепал меня за бороду, да ещё пинком под зад дал. Рясу я сниму и спрячу от ваших глаз. А вдруг ещё пригодится.

И рясу он сунул под лавку.

Мы поплыли вверх по течению. Проплыли мимо горы, в которой жили люди, бежавшие от улыбчиков. Делать нам здесь было нечего. Мы уже были здесь. Слышали, что где-то живут те люди, которые ведут борьбу с улыбчиками. Нас ждут новые приключения. Может, там чем-нибудь поможем. За поворотом мы увидели людей. Среди них был житель пещеры Тор. Мы пристали к берегу. Люди принесли нам разной еды.

– И этот с бородой у вас? – спросил Тор. – Возможно, он для вас подходит. Нам он не нужен. У нас надо трудиться. А он только много говорил и мешал людям трудиться. Даже о каких-то сияющих вершинах говорил. Люди не поняли его. Не трудился, а ел за троих. Вдовушку одну обманул. Обещал жениться на ней, а сам сбежал, и украл две простыни.

– Я не украл, – ответил Саша. – Я из них сшил рясу. А вдовушка? Что вдовушка? Я всех больше молился о её здоровье. Разве этого мало? Я такие речи ей говорил, заслушаешься.

– От твоих речей ей плохо стало, – сказал Тор. – С головой у неё что-то плохо. Заговариваться стала. Ходит везде и ищет какой-то гранитный фундамент, чтобы опереться на него, и с этого фундамента она должна увидеть сияющие вершины.

Кирьян стал тяжело дышать. Назревал скандал. Наконец его прорвало:

– Ах, ты, сукин сын! Туда же! Нам Балаболкина с Дрожжиным не хватало. Слава Богу, их в сумасшедший дом определили. Пятимильными шагами там разгуливают по коридорам. Я тебе, сука рыжая, покажу тебе фундамент! И здесь портянки стащил!

– Не портянки, – ответил Тор. – Новые простыни украл.

– Какая разница! – кричал Подгузников. – На позор нас выставить захотел?!

– С ней ещё две женщины ходят и странные слова говорят. Будировать. Утрясать. Про какое-то расширенное бюро говорят... И тоже фундамент ищут.

– Замолчи! – прохрипел Кирьян. Его трясло. Он сжимал кулаки. – Замолчи, Тор, от греха подальше. Я ведь на преступление могу пойти.

– Да вы успокойтесь. Что так за них переживать? – сказал Тор. – Надо же так разволноваться? Ну и пусть ищут этот фундамент и сияющие вершины. Только про бюро я не могу понять. Что это за предмет такой? И почему это бюро расширенное? И ещё. Что у вас есть такой зверь под названием социализм с человеческим лицом? У нас таких зверей нет.

– Хватит! – закричал Кирьян. – Мама, дорогая! Да, что же это такое? Когда же меня отпустят эти слова?! Пойми, Тор, эти слова преступные! За эти слова люди попадают в сумасшедшие дома. Бабы ведь ваши именно за эти слова спятили с ума! А теперь я этого рыжего упыря выкину на берег. Пусть он просвещает мозги улыбочкам! Пойми, Тор, эти слова очень страшные. Есть у нас ещё такие люди, которые ещё верят в эти бредни. Даже в нашем маленьком городишке Туманске иногда собираются такие вот люди. Они продолжают мечтать о гранитном фундаменте и сияющих вершинах. Они тоже спятили с ума. Они все достойны того, чтобы лечить их. Но, вряд ли их можно вылечить. Даже в наше беспокойное время они говорят долго и непонятно. Тут прав наш Володя Тымневакат. Зверь такой у нас давно исчез, но тоска по этому зверю в этих несчастных людях осталась.

– Я всего два раза прочитал им лекцию про гранитный фундамент, – начал было оправдываться Саша. – И про сияющие вершины я не забыл.

Подгузников схватил Сашу за горло.

– Я тебе сейчас, сукин сын, покажу гранитный фундамент и сияющие вершины!

Мы сообща едва оттащили Кирьяна от Хилопатова. Долго уговаривали оставить Сашу в нашей команде. Тор так ничего и не понял. Последние его слова я услышал.

– Что так переживать за этот фундамент и вершины? Надо же так нервничать. Надо про всё это узнать. Это что же такой у них за зверь такой с человеческим лицом, что люди тоскуют по нему. Надо узнать.

И он удалился.

Саша даже грохнулся на колени и стал истово молиться, и обещал, что больше никого не будет просвещать. Мы его простили. Но, только я ему не поверил. Не такой уж наш Саша Хилопатов.

Мы сели за весла. Тут уж Саша старался изо всех своих сил. Даже вспотел. Я с ним работал, но пот увидел у Саши впервые.

Вечером мы пристали к берегу. Развели костер. В котле сварили кашу. И тут я увидел, как Саша вынул из кармана ложку. Она была серебряная.

– Стянул ложку, как и портянки? – зло спросил Кирьян. Степа начал громко смеяться.

– Наш Хилопатов неисправим!

– Я не крал. Я одолжил, – ответил Саша. – Им тоже понравилось, когда я говорил долго и непонятно о чем...

– Хватит! – крикнул Кирьян. Саша притих. Потом он мне одному признался:

– Я же не виноват, что они слушали меня внимательно. Я вошел в роль наших лекторов по Марксизму и Ленинизму. Я даже сам себя слушал с удовольствием. А то, что они спятили, и что-то там ищут, ну и пусть ищут. Может, что-нибудь и найдут.

Трое суток мы поднимались по реке. В основном была равнина. Густой лес был почти у самого берега. Людей мы не встретили. И только на четвертое утро мы увидели горы заросшие

лесом. А вот на пятые сутки мы увидели двух людей. Они рыба-чили. Увидели нас, и скрылись в чащу.

– Эй вы, люди таежные, выходите к нам! Мы вас не будем трогать! – закричал Степа. Неожиданно из кустов выбежал человек. Он бежал к нам. Вот это новость. Мало ли кто прибыл на этой лодке? Может, мы разбойники.

Человек неожиданно подал голос.

– Люди! Настоящие люди! Русские!

Мужичок был ростом с подростка.

Он позвал своего товарища на непонятном языке. Мужичок подбежал к нам, и полез к нам обниматься.

– Я знал, что кто-то должен прибыть сюда! А куда денешься? Мир-то огромный. Должны появиться. Вы не фантомы. Сразу видно. И не тени. А куда денешься. Ждал вас. И вот вы прибыли. Я Венька Усов. Меня захватили тени. Я охотился в тайге. Это бы в конце прошлого века. А куда денешься? Они меня скрутили и отправили в рабство на рудники. Несколько лет я там вкалывал. Втроем мы бежали. Двоих поймали. А я сюда попал. Здесь живут нормальные люди...

– Корты их зовут? – перебил я его.

Он удивился, даже замолчал. Потом тихо спросил:

– Откуда знаешь? Вы ведь только прибыли. Хотя, что я болтаю. Они всё могут. А куда денешься? Всё они знают. Нам рассказывают, что у вас делается.

– Мы знаем, что есть здесь моты, – ответил Иван. – Есть такие товарищи, что к нам пробиваются.

– Вот здесь вы первые появились. Нам говорили, что от вас попадают сюда в этот мир, но в других местах. Моты, это фантомы. Но они работают в лабораториях. Хотят стать, как корты.

– Вот что, Венька, ты, наверное, жрать хочешь? Мы тебя кашей накормим, – сказал Кирьян. – Мы ещё успеем побазарить.

– Что вы?! Мы с собой всё взяли. Да и рыба тут отменная ловится. Всё у нас есть. Можем ухой накормить.

– Вот это, понимаешь, по-нашему, – сказал Кирьян. – Давай-те, мужики располагаться здесь. Ушицы отведаем. Зови своего не русского. Чего это он у кусточка стоит.

– Булок настоящий корт, и по-русски может говорить. Я его научил. Эти люди быстро научились говорить по-нашему. По нашим мыслям могут узнать всё. Так они устроены. А вот я долго не мог понять их язык.

Мы вытащили лодку на берег. Пошли к костру. Недалеко стояла палатка. Всё, как у нас. Булок подошел к нам. Все мы им представились.

– Теней не видели? – на чистом русском спросил Булок.

– В прошлый раз, когда мы побывали в этом мире, мы их видели, – ответил Олег.

– Как вы попали в наш мир? – спросил Булок. – Немного я догадываюсь. Турас и ещё несколько ученых-мотов проникают к вам. Для нас это загадка.

– Мы сами-то, понимаешь, толком не знаем, как нас туда-сюда таскают, – ответил Кирьян. – Да и шибко не задумываемся. Есть у нас тут два знатока. Вечно философствуют. Пусть они за нас думают насчет этой камухи.

В двух котлах мы сварили уху. Сели вокруг костра.

– Вот бы сейчас к этой ухе, да что-нибудь, понимаешь, этакое пропустить, – вздохнул Кирьян.

Саша не выдержал. Тихо спросил у Вениамина:

– У вас здесь, сын...это самое, тово, церковь есть? Я ведь могу...

Кирьян услышал.

– Саша, ты всё ещё не успокоишься?

– Так, тово, этово. Я бы мог там службу провести.

Но тут неожиданно вмешался Вениамин.

– И то, правда. Есть у нас небольшая церквушка. Живет в ней один верующий. На молитву ходят к нему.

Саша даже оживился. Разгладил бороду. Нахмурил кустистые рыжие брови. Солидно откашлялся.

– Этово. Как его. Тово. Я ведь тоже могу там поработать. У меня ряса есть. Голос у меня сочный, да и борода отменная. В самый раз подойду.

– Я поговорю с верующим. Приходи завтра к церкви, – ответил Булок.

– Что-то мы не узрели ваше поселение? – спросил Иван.

– Сразу за лесом, у подножья горы и начинается наш город, – ответил Булок. – Можем даже сегодня вас туда сопроводить.

– Ведите нас в ваши, надеюсь, отменные кущи, – сказал Иван.

Вениамин повел нас в лес. Саша достал свою рясу, надел её, и первым последовал за проводником.

– Я могу и псалмы петь.

– Саша может и лекции читать про гранитный фундамент, – сообщил Степа и засмеялся. Вениамин быстро ответил:

– Вот это нам не надо. Здесь лекции не читают. Рассказывали, что в соседнем городе жили два человека. Из нашего мира. Они говорили, что в отдельном городе можно построить коммунизм. Они ходили по городу с красными флагами, носили лозунги. Читали лекции о коммунизме. Серьезные товарищи. Их куда-то увезли, и все успокоились. Смешно было смотреть на них. Пытались их лечить. Не помогло. Так что, не надо здесь читать лекции. Куда-нибудь отправят. Сразу предупреждаю.

– Я буду псалмы читать и петь, – ответил Саша. – А ещё где он работает?

– Это его работа.

– В самый раз для Саши, – ответил я.

Мы вышли на опушку леса. А вот и город. Он был небольшой. Дома деревянные, крыши конусные. Мы видели людей, но они не обращали на нас внимания.

– В нашем мире начался бы переполох, – сказал Сергей.

– У нас один товарищ начал рассказывать, как он побывал в соседнем мире, и его высмеяли и отправили в психушку, – добавил я.

– Не надо об этом, – ответил Саша. – А, в общем-то, там хорошо. Не надо работать. Кормят отменно, вот только эти уколы. Болючие жуть. В нашем мире меня не поняли. Юрке хорошо. Написал книги об этом и ничего. Фантастика. А ведь в них вся правда. Где церковь?

– Пойдем. Смотрю, что тебе не терпится. Покажу.

И они скрылись за одним из домов.

Мы шли по улице. Надо признаться, что вокруг была чистота. Кругом трава, цветы, деревья. Трогуары деревянные.

– Похоже на наши старинные города, села, – сказал Иван. – Чистота отличает вас от нас.

– Всё это временно. Построено из того, что есть вокруг. Всем сообщили, что вы прибыли из соседнего мира.

– Странно. Тишь и благодать, ядрена вошь, – сказал Кирьян. – У нас бы такое началось, умереть не встать. Каналья! А какой воздух чистый!

– Столовая здесь хоть есть? – спросил Степа.

– Есть. Но спиртного здесь не бывает. Корты водку не пьют.

– А как же они живут?! – удивился Степа.

– Мы бы посидели, поговорили, понимаешь. Уважение бы друг другу сделали. За встречу бы это немного надо бы пропустить, – запечалился Кирьян.

– Слушайте, друзья, хватит об этом, – ответил Иван. – Какое-то безобразие. Мы не для этого прибыли сюда. Надо отладить контакт. Вот главное, что нам сейчас надо.

– Но, ведь ради встречи двух миров, – не сдавался Кирьян. Потом махнул рукой. – Ладно. Проехали. И все-таки, скучно они живут.

– Мы не скучаем, – ответил Булок. – У нас работы много. Ученые от мотов бьются над тем, чтобы не быть фантомами. Надо вас познакомить со старостой этого города.

– У нас называются мэры, – ответил Сергей.

– Здесь управляют старосты. А вон и дом, где собираются нужные для города люди. Рядом столовая. Мы ещё увидимся. Может там и Турас есть.

Булок тоже ушел от нас.

Мы подошли к дому. Нет здесь флагов, вывесок и разной чепухи, какие любят вывешивать у нас. Обыкновенный дом. Мы раскрыли дверь и вошли в дом.

– Даже замков нет, – сказал Олег.

В доме никого не было.

– Вот так они гостей встречают из соседнего мира. Мы бы, понимаешь, встретили бы их по-человечески! – возмущился Кирьян.

– Я пойду в столовую, – сказал Володя. И он вышел. Посреди не зала стоял длинный стол, лавки. И больше ничего не было.

Раскрылась дверь, и вошел среднего роста парень.

– С прибытием всех вас, – сказал парень. – Меня зовут Гор. Садитесь. Сейчас придут ещё наших троё.

– А где ваши конторы? Да и всего троё товарищей придут? – спросил Кирьян и захмурел. Гулко прокашлялся. – Этово. Как его. Маловато вас. Где остальные? Должен быть мэр района и города. Рассаживайтесь, мужики.

Мы присели на лавки.

– Так, – такнул Кирьян, и прихлопнул ладонями по столу. – С чего начнем? В общем-то, понимаешь, бедненько вы живете. Даже скатерти на столе нет.

– Графина, стакана и карандаша нет, – добавил я.

– Тебе бы, Стрелов, все хаханьки. А тут дело сурьезное. Два мира считай, сошлись. Бедно встречаете нас, бедно. Мы бы вам такой прием отгрохали! Кха. Кгм. Тово, понимаешь. Бедно.

– Никакого нам уважения. Мы бы вас уважали, а вы нас зауважали бы, – сказал Степа.

– Товарищи уважатели, – обратился к нам Иван. – Не стыдно? Дайте хоть слово сказать Гору.

– А мы чо? – удивился Степа. – Мы пришли, никого не трога-ли. Ведем себя культурно, вежливо.

– Наших бы лекторов с Хилопатовым сюда, – сказал Сергей. – Они бы контакт быстро отладили.

– Не надо лекторов! – повысил голос Кирьян. – С ума бы всех свели. Хватит с них. Как вспомню Балаболкина и Дрожжина, так дрожь берет. Многих людей они с ума свели. И я от таких лекций чуть с ума не спятил. Хватит с меня Высшей Партийной школы. Оттуда выпускали на свет таких вот прохиндеев, как Балаболкин и Дрожжин. В свое время и я эту школу закончил. А ведь нас выпустили оттуда сотни тысяч. Мы, как тараканы расплозились по стране. Мозги пудрили бедному нашему народу. Полоскали мозги про гранитный фундамент и про сияющие вершины. И, чтобы двигаться к ним пятимильными шагами. Надо же такую ахиюню придумать, понимаешь. Даже сейчас, как вспомню, так оторопь берет. Как же я складно врал. Помню, мы как-то на остров попали к дикарям. Мы решили коммунизм там построить. До сих пор стыдно мне.

– Юрка Стрелов об этом книгу написал «На острове снов», – сообщил Сергей.

Подгузников даже привстал. Глаза его округлились до предела. Сдавленным голосом спросил:

– Как написал?! Почему я ничего не знаю?

– А вы в нашем мире ничего не помните. И потом, я не знаю, как вы поведете себя, когда прочитаете мою книгу?

– Как поведу? – спросил он, и сел. Притих.

– И то, правда. А вдруг, если бы прочитал, и всё бы вспомнил?

Тут, видимо решил вмешаться Гор.

– Мне хоть можно слово замолвить?

– О, пожалуйста! – разрешил Подгузников. – Мы здесь немало посоветались. Мы всегда так вот, по-товарищески, простецки. В основном здесь люди культурные, интеллигентные. Валяй, Гор. Не стесняйся. Будь смелее.

Гор тоже сел. Вошли ещё трое. Заняли места напротив нас. Они молчали, и смотрели друг на друга. Так они разговаривали между собой. Гор обратился к нам.

– Друзья. Кирьян Аполлинариевич, ты, как я понимаю, главный у них. Двое у вас уже отличились. Ваш Володя пошел в столовую. Стал искать вино. Схватил повара за горло. На руках его вынесли из столовой. А ещё он кричал, что никого не трогал. Это у вас любимое слово. А сами трогаете. Хилопатова тоже выставили из церкви. Он нашего священника хотел выбросить из прихода. Неугомонные вы. Весь ваш такой мир. Вам бы только воевать, или требовать к себе уважения. Вот вы, вся ваша восьмерка, истинные воины. Вам надо бы воевать с теньями, если вы попадаете в другой мир.

– Нас кто-то из посланцев назвал – солдаты вселенной, – сказал Степа.

– Вот это вам подходит, – сказал Гор. – Мы вам покажем кое-что. Мы думаем, что вам надо это знать.

– Турас говорил, что от нас нужна кровь, – сказал я. – Я думаю, что мои товарищи согласны на это.

– Какой разговор, – ответил Кирьян. – Пусть берут сколько надо.

– Сейчас дождемся ваших товарищей и все вместе отправимся на место.

Раскрылась дверь, и вошли наши друзья. Володя молчал. Он прошел к столу и сел на лавку. А вот Саша возмущался. Борода всклокоченная, рысы на нем не было. Его всего трясло.

– Как они посмели выкинуть меня из церкви?! Что это за священник у них. Роста маленького, без бороды. Голосок тоненький, писклявый. У меня голос громкий. Они сказали мне, что я наглый и шумный. Я не хотел трогать попа. Он сам виноват. Сказал мне, чтобы я выметался из прихода. Меня выгонять?! Меня, настоящего попа?! Ну, я его и тронул. Здесь на меня и набросились прихожане. Кое-кого я тронул. Ну и что? Сами виноваты.

– Успокойся, Саша! – повысил голос Кирьян. – Будешь возникать, то я тебя хорошо трону. Я тебя, понимаешь, предупреждал. Еси-моси, какой же ты бестолковый! Пойдешь с нами кровь сдавать, а то ведь могу и тронуть.

Саша неожиданно успокоился. Быстро спросил:

– А сколько будут платить? Мне у нас за кровь давали шоколад и три дня к отпуску.

– Здесь мы кровь дадим в дар помощи, – ответил Олег.

– Хорошо, хорошо. Пойду. Мне рясу жалко. Её в клочки порвали. А ещё мою бороду чуть не вырвали. Никакой культуры. Я ведь человек нежный, интеллигентный, да ещё пинком под зад дали. Как так можно? А вы, товарищи, нам говорили, что вы народ хороший, спокойный, нам собрались помогать. За что мою бороду рвали, да ещё пинком ударили под это самое? Как так можно?

– Отвечу, – сказал Гор. – У нас есть священник. А ты стал изгонять его. Он стал сопротивляться, а ты его решил выкинуть. Прихожане восстали против тебя. Спокойно смотрели бы, как ты безобразничал? Не позволим. И Володе надо бы молчать.

– Они будут молчать, – ответил Степа. – А то мы их обоих тронем.

– Давайте к делу, – сказал Кирьян. – Хватит антимонию разводить, понимаешь.

– Вот это правильно, – ответил Гор. – Теперь все встанем и пойдём.

Мы встали и пошли за Гором и его товарищами. Мы шли по улице, и люди не обращали на нас внимание. У нас если встречаются знакомые, то все здороваются. И тут я понял, что они «разговаривают» мысленно. И у них непринято жать друг другу руки. Странно, но я тоже это не люблю. Просто традиция. А я не хочу этой традиции. Мне много что не хочется. Но, я живу в моем мире. И меня постоянно и всегда окружают эти традиции. Против них я всю свою жизнь бунтовал. Но, я не победил традиции. И все-таки, я счастлив, что у меня была такая судьба, и что я боролся с всякими традициями. Люди, которые исполняли все традиции, к моему возрасту, на грудях награды. У меня их нет. И я счастлив, что у меня нет наград. Считаю, что если бы получил хоть одну награду, то я бы продал бы свою душу. И всю свою судьбу я бы предал.

Пока я так рассуждал, мы подошли к небольшому дому. Прав я или не прав насчет всяких традиций это моё мнение. Возможно, и не прав. Пусть судит меня читатель. Я понимаю, что многие скажут, что я не прав. Это их право. Некоторые мои знакомые даже зубками заскрипят. Но, на полусогнутых ногах я, ни перед кем не ходил.

Мы вошли в дом. Он стоял рядом с горой. В доме даже не было стола и лавок. В дом с нами вошел один Гор. В углу дома была дверь. Она раскрылась, и вошел Дубак. Это тоже корт. Гор и Дубак о чем-то «поговорили» и Гор нам сказал:

– Я оставляю вас. У меня дела. Вам всё покажет и расскажет Дубак.

Угловая дверь открылась и мы вошли. Здесь начинался коридор. Он был хорошо освещен. По бокам дверей не было.

Долго мы шли. Была такая тишина, только были слышны наши шаги, да ворчание Саши Хилопатова.

И вот появились шумы в виде скрежета, стука, гудков. Мы уперлись в дверь. Она раскрылась, и мы вышли в самый настоящий лес. Вокруг нас стояли сосны, ели, березы. Под ногами росла сочная, зеленая трава. Были здесь и разные цветы. Мы встали на узкую дорожку, которая вывела нас к небольшому селению

на берегу бурной речки. Над нами было чистое небо, и ярко светило солнце. Молчание нарушил Кирьян.

– Дубак, ты куда это, понимаешь, нас завел? Каналья, везде всё одинаково. Будто в наш мир попали. Дома не отличить, только крыши воронкой. Дома одинаковые с нашими домами. Хорошо ещё то, что нигде нет высотных домов. А у нас, как настроят разную камуху, понимаешь, диву даешься. Кому только в голову такое лезет? Считай, небо подпирают. Скоро до туч доберутся.

– Не успеют, – ответил Дубак. – Развалятся ваши дома. Тени не любят высотных домов. Кстати, они не курят, не пьют водку и пиво. И у нас всей этой дряни нет. Вавилонских домов у вас не будет.

– А как без водки-то? – спросил Степа. – Полная скукота. Мужики! – неожиданно воскликнул он: – А ведь одного греха у нас нет! Мы никто не курим. Вот это да!

Мы от неожиданности все остановились. Действительно. Никто из нас не курил. Я и не задумывался над этим. Хорошо. Я с детства не курил. Даже Степа не курит. Я хорошо знал якутов. Они почти все курили. Да и чукчи далеко от них не ушли. Мы все посмотрели на Володю.

– Что вы на меня смотрите? Я тоже не курю. Не люблю табак. А вот водку...

Он потер ладонь о ладонь, и даже слотнул слюну. Ответил:

– Немного бы вянца лязнуть.

– То, что вы не курите, это удивительно, – сказал Дубак. – Надо же, такая команда подобралась. Вот ещё бы про спиртное забыли.

– Это как-то не по-нашему, – заскромничал Кирьян. – Гости, понимаешь, юбилеи, дни рождения. Обидятся. Нехорошо.

– Мы ничего этого не отмечаем, – ответил Дубак.

– Как?! – почти хором ответили мои друзья, конечно, кроме меня. Я не любил все эти мероприятия. А Новый год я любил отмечать в одиночестве.

Вот как ответил Дубак:

– Все эти ваши коллективные сборы для очередной пьянки. Если мы собираемся, то только поговорить о делах. Давайте

больше не будем говорить о пьянке. Здесь ждут вас новые приключения, которых вы так ждете.

Мы шли по берегу бурной речки. Деревня в одну улицу. Кругом чистота и порядок.

– Где мы находимся? – спросил Иван. – Через этот тоннель мы прошли гору?

– Правильно, – ответил Дубак. – В этой деревне мы живем. В крайнем доме поселились моты. Они полностью порвали с тенями. Сейчас помогают нам. Мы вас познакомим.

– Турас с ними? – быстро спросил я.

– Иногда он и здесь появляется. Его задача тяжелая.

– Ясно, – ответил Олег. – Тайная разведка. Понимаем. Мы сами, как военные разведчики. С нами можно вести беседу.

– Только не с Хилопатовым, – засмеялся Кирьян.

– На остановках всем бабкам поведает об этом, – добавил я.

– Да вы что?! – возмутился Саша. – Я друзей не предаю. Я рассказываю людям, как бываю в других мирах, и помогаю, чем могу. – Он выпятил мощную грудь. – Я теперь не только поп, но и разведчик. А приход здесь есть?

Дубак улыбнулся, помолчал немного и ответил:

– Здесь этого нет.

– Саша, мало тебе бороду рвали, понимаешь, – рассердился Кирьян. – Я тебе её сбрую. Дубак, куда нам идти, и кому ребра посчитать. Саша разозлил меня. Где там разная улыбчивая шалупонь? Веди нас. Где находится вся эта улыбчивая дребедень? Мы их быстро заставим нахмуриться. Разные там разговоры мне порядком надоели. Это вы можете обо всем базарить со Стреловым и Ивановым. Это они у нас мастаки на разную там философию. Мне подавай дело.

И то, правда, – поддержал Кирьяна Степа. – От этой болтовни и разной там философии, у меня, как и от математики на понос потянет. Будя. На дело нас веди.

Вот крайний дом, где живут эти люди. Фантомы. Моты их зовут. Здесь и бывает Турас.

Дубак раскрыл дверь, и мы ввалились в пустую комнату.

Моты

Четыре стены, два окна. Как и у кортов, длинный стол и лавки. Ничего лишнего. Мы расселились по лавкам. Дубак тоже сел. Мы молчали.

Дубак первым нарушил молчание:

– Они в любой момент могут появиться из воздуха.

– Знакомо, – ответил я. – Он будто из стенки выдавился в моей квартире.

– Перед нами тоже проявился, когда мы отдыхали на реке Клязьме, – ответил Сергей.

– А чего это он не появился передо мной? – с обидой в голосе сказал Кирьян. Степа и Володя тоже его не видели. Саша мялся, нервно гладил свою бороду.

– Саша, а ну, признавайся, видел ты его? – строго спросил Кирьян.

– Да, тово, этово, было дело. В психушке я лежал. Кормежка там отменная. Я там даже проповедь пытался читать. А мне из-за этого укол болючий впрололи, чтобы не смущал людей. Нигде не дают мне развернуться.

– Был или не был он у тебя? – чуть не закричал Кирьян.

– Кто не был? Я и говорю, развернуться не дали...

Кирьян схватил Сашу за горло.

– Голову, подлец, мне не морочь! Отвечай! Был у тебя Турас? Отвечай!

Мы едва оттащили Кирьяна от Саши.

Саша отдышался при помощи Дубака. Он провел по его шее рукой, и Саша успокоился, и стал дышать ровно.

– Зачем сразу душить? Все мне вредят. Я как-то в тайне начал читать проповедь санитарке... Сытая такая...

– Саша, если ты не ответишь, я тоже трону тебя. Отвечай, – сказал я.

– Это самое. Тово. Этово. Был он в психушке. Я стал ему говорить, что меня не за что туда взяли. Я даже целую лекцию сочинил?

– Лекцию?! – прохрипел Кирьян. – Держите меня, братцы! Держите! Я этого сукиного сына могу и задушить. Мама доро-

гая, когда же всё это закончится?! Я не буду говорить про расширенное бюро, чтобы пригласить на него этого мерзавца! Ты что? Смеешься над нами?! Какая к чёрту лекция! Насобачился болтать у Балаболкина и Дрожжина? Достойным учеником решил стать, сволочь рыжая! Что он тебе сказал?

– Кто сказал? – спросил Саша. – Врач сказал, чтобы я проповеди не читал санитарке. И опять мне всадили укол. Нет, никто не понимает мою душу многострадальную.

Кирьян начал рычать и рваться из крепких рук Степы.

– Слушай, бестолочь ты стоеросовая, был у тебя этот как его? Отвечай! – закричал Степа.

– Был, не был, какая разница! – тоже закричал Саша. – Этот как его... врач мне сказал, чтобы я не читал лекцию. Он читал мою лекцию, и сказал, что понять там всё трудно. Молодой врач, не понял про советское время. Он тогда мальчишкой был. Что он поймет из моей лекции? Ничего он не понял! А лекция такая умная. Я врачу попытался растолковать про гранитный фундамент и сияющие вершины. Ну, не понял он! Опять я виноват?!

Кирьян вырвался из рук Степы и решил задушить Сашу. Но Хилопатов побежал к двери. В это время перед Кирьяном появились два фантома. Они и перехватили Кирьяна. Подгузников будто застыл в руках этих фантомов. За ними следом появился Турас.

– Успокойся, Кирьян Аполлинариевич, успокойся. Появлялся я перед Хилопатовым в психушке. Я долго ему объяснял, что рассказывать о своих путешествиях в другие миры на каждой остановке, да ещё бабкам нельзя. О совести я ему говорил. Лекции, чтобы бросил читать. Люди не поймут его. Он должен это знать. В советское время лекции были в моде. У нас сложилось мнение, что такие лекции и статьи писали психически нездоровые люди, которых надо было лечить, или плутишки, очковтиратели. Надо было как-то жить и зарабатывать в то безумное, советское время. Вот и постеснялся Саша рассказать вам о нашем разговоре. Он постарается больше не рассказывать людям на остановках о своих странствиях в другие миры. Саша, зайди.

Хилопатов медленно вошел в дом. Озирался. Кирьян сел на лавку. Сказал:

– Ладно. Чего уж, понимаешь. Ну, рассказал бы сразу, что тебе мораль впарили. А то крутить тут начал. А лекции брось читать. От них, действительно, можно с ума сойти. Брось. От греха брось.

– Успокоились? – улынулся Турас. – Успокоились. В общем так. Как вы говорите. Короче. Вы сейчас зайдете в лабораторию. Раз вы согласны дать кровь, мы её возьмем у вас. Встали все и пошли.

Дубак тут же исчез. Ловко они это делают.

В стене образовался проем, и мы вошли в лабораторию. Много стеклянных банок, трубки, колбы разные. Такую я и представлял лабораторию. Мы все разделись и легли на лавки, которые были закреплены вдоль одной стены. Возможно, здесь уже наши современники давали кровь, подумал я.

– Вы все правильно подумали, – сказал Турас. – Ваши земляки уже бывали здесь. Много. Сознательные товарищи. Потом мы кое-что вам покажем. Это вам понравится.

На миг я отключился.

– Вставайте, – услышал я голос Турса. – Кровь взяли.

– Ловко, – сказал Олег. – Я даже ничего не почувствовал.

– Даже как-то, понимаешь, легко стало, – сказал Кирьян.

– Легко-то, легко, а вот шоколадку бы не мешало, – ответил

Саша.

– Хилопатов, ты опять? – спросил Кирьян.

– Всё, всё, молчу.

– А теперь прошу пройти в ту дверь. Там всё узнаете, – пригласил Турас.

И тут я увидел дверь. Она раскрылась сама, и мы оказались в большой комнате. Она похожа на красный уголок из далекой советской эпохи. Даже Кирьян неожиданно приободрился и нахмурился.

– Это самое, понимаешь, тово, а где эти самые... Мама дорогая, да что же это я? Опять чуть не понесло. В крови у нас так и сидит.

– Вот Саша и пытается писать лекции из того времени, – сказал я.

– Да, да, пытался! – закричал Саша. – Да ещё как пытался. А зачем меня душить? Вы сами виноваты. Вдалбливали в наши пустые головы всякие разные непонятные слова в виде фундамента и вершин, и пятимильных шагов. А этот самый, как его... социализм с человеческим лицом? А с каким лицом он должен был быть?

– Хватит! – застонал Кирьян. – Хватит. Вот вернемся домой... Тьфу! Пропади он пропадом этот, как его, с человеческим лицом! Хватит! Пора и честь знать! Будя. Давай, Турас, веди нас куда надо, понимаешь, а то недолго и до греха дойти. Я ведь не выдержу, на преступление пойду.

– В общем, вы доигрались, – улыбнулся Турас. Но, это была добрая улыбка. – Ваши бывшие политики не унимаются. Читал я статьи в партийных газетах. Страшно. Они с самого начала искали конфликты. И сейчас они были бы довольные, если бы началась гражданская война. Они дразнят народ. Призывают открыто к борьбе. Это ясно, что в вашей стране ничего хорошего нет. К власти во всех странах приходят пособники сатанизма. А теперь ещё добавились тени, или, по-вашему, улыбки. Нормальный, хороший человек не пробьется к власти. Денег не хватит. А придя к власти, ваши руководители обогащаются. Гражданской войной невозможно добиться справедливости. Может ещё хуже быть. Ваша страна испытала это. Не надо повторять эту судьбу. А вот войну развязать, все правители на планете, в любое время готовы. Потому что во всех этих правителях сидит посланец самого Сатаны. Тени сдружились с ними. Мы вам приоткроем занавес сатанинского театра будущих военных действий. С самой древности все войны на вашей планете начинались от Сатаны. И только от него. Даже инквизиция началась от него. Во всех этих священниках инквизиции сидел сам Сатана. А казнили, жгли на кострах, кто пытался пойти против Сатаны, хороших и умных людей. Так что, пробиться умному и доброму человеку во власть невозможно. Хватит об этом. Не поведу я вас. В углу стоит большое зеркало.

Зеркало было в мой рост. Как же я сразу его не заметил?

– На сколько, я знаю, в другой мир вы иногда попадали через зеркало. Порой они обладают таинственностью. Там другой

мир. Иногда мы бы не советовали смотреться в такие зеркала. Можно туда попасть и не вернуться в свой мир.

Я подошел к зеркалу. Пощупал его. Оно отдавало холодом. Я видел в нем себя. Пощупал его. Гладкое и холодное. Обыкновенное зеркало.

– Вы никогда не задумывались насчет зазеркалья? – спросил Турас. – Вы смотрите в него и видите себя. А ведь в зеркале всё наоборот. Вы стоите, и видите в зеркале правую сторону. Приглядитесь. Там не правая сторона, а левая. В зеркале вы стоите развернутым. Там на вас смотрит другой человек. Он есть ваш двойник. В зеркале человек стоит похожий на вас, но он развернутый.

И вдруг, в зеркале моё отражение подмигнуло правым глазом. Я тоже взял и подмигнул правым глазом. И вдруг я понял, что в зеркале я подмигнул левым глазом, если, конечно, меня развернуть ко мне лицом. Я не улыбался. А вот в зеркале человек улыбнулся. Дома я давно такое заметил. Отражение в зеркале выглядит немного не так, как я стою перед ним. У меня правая сторона, в зеркале она левая.

– Ёси-моси, каналья! – воскликнул за моей спиной Кирьян. – Он дразнится, понимаешь! Вот это чудо! Почему у нас такого нет?

– А вы уверены? – тихо спросил Турас. – Всё, возможно. Зеркала обладают и магической силой. Мы вам раскроем ещё кое-какие тайны. И они есть в вашем мире. Только вы не задумываетесь насчет отдельных тайн.

И тут я решил блеснуть перед Турасом в вопросе зеркал.

– Я давно это чувствовал. Замечал, что моя правая рука, в зеркале она левая.

Вмешался в разговор Иван.

– Я это тоже давно заметил. Вот только в нашем мире моё отражение рожницы мне не корчит.

– Кошмар! – воскликнул Кирьян. – Эти два гаврика, ну на всё дают ответ. Почему я не знал?

– Эти ваши два гаврика, весь видимый мир пропускают через себя, – спокойно ответил Турас. – Мне, кажется, они ещё что-то

знают неведомое вам. Пока не будем торопиться. Но, они знают. И тот мир неведом вам. И он опасен, как и вот это зеркало.

– А на кой ляд оно вам нужно? – спросил Кирьян. – Разбейте его вдребезги, и чтобы даже следа от него не осталось.

– Ну и что? Мир тот не исчезнет. Он есть. Зеркало просто показывает вам то, что тот мир существует. Оно отражает только то, что есть в вашем мире. Отражает. А в том мире всего этого нет. Там всё другое. Там другой мир.

– А если в это зеркало нырнуть? – спросил Олег.

– Пока оно вас не пускает. А помните интересный момент с зеркалом. Вы все проникли, а за вами решила прыгнуть ваша землячка Октябрина Правдина. Ну и что случилось? Зеркало оттолкнуло её. А ведь могли бы и не вернуться.

– А в том мире я бы увидел вот этого хмыря, что строит мне рожицы? – спросил Кирьян.

– Конечно. Копии вам там есть. Есть такой мир. Ещё неизвестно, в какой мир вы бы попали, если бы зеркало пропустило вас. Мы ещё попробуем ещё раз проникнуть в это зеркало. А сейчас прошу пройти вон в ту дверь.

В углу «Красного уголка» появилась дверь. Мы и последовали в проем за Турасом. Длинный коридор с множеством дверей. Иногда появлялись люди в зеленых халатах, и тут же растворялись.

– Спрятались от теней? – спросил Сергей. – Здесь вы живете?

– Это для вас сложно. Нам надо выжить. Здесь мы живем и трудимся в лабораториях. В этом мире мы живем в хороших отношениях с кортами. Мы могли бы и с вами жить хорошо. Во многом вам мы могли бы помочь. С вами идти на контакт очень сложно. Люди бросаются в панику. С военными нельзя знакомиться. Они начнут требовать помочь сделать неизвестное оружие для ваших военных.

– Вы бы взяли и вошли в наших руководителей стран, – сказал Олег. – Получилось бы весьма ловко.

– Пока не можем. Везде есть сатанисты и тени. Мы трудимся.

Коридор закончился. Мы вошли в маленькую комнатку. Здесь лавок не было, а вот стулья были. Мы заняли их полностью. Словно они были приготовлены специально для нас. Турас тоже сел в кресло. Оно появилось из воздуха. Чудеса продолжались. Но, то, что произошло дальше, даже меня удивило, хотя и здесь я давно догадывался.

– Правильно, Юрий, ты уже немного знаешь о том, что я сейчас вам поведаю и покажу. Иван тоже про это знает.

– Проклятье! – воскликнул Кирьян. – Куда не сунься, эти два Гаврика всё знают. А в нашем мире Юрку ни во что ставили. Считали несерьезным товарищем. А он, оказывается жил в своем мире. Продолжай поучать нас, Турас. Что они там ещё знают?

– Вы когда-нибудь задумывались над теорией прошлого в секунду. Что там за секундой, что вы уже пережили.

– Как это, понимаешь? – спросил Кирьян.

– Что-то я не соображу. Как это про секунду? – спросил Степа. – Секунда прошла, ну и прошла. С неё ничего не возьмешь.

– А мне шибко понравилось, – весело отозвался Володя. – Молчу я вот и радуюсь. Понять я вас не могу. Умно шибко говорите все, а не пойму о чем говорите. Шибко хорошо говорите, однако. Абрамович бывало, как начнет говорить...

– Подожди со своим Абрамовичем. Не до него сейчас, – сказал Кирьян. – Про секунду ты тут, Турас, наворотил, а смысла не пойму. Юрка, ты хоть что-нибудь понял? А то, гляжу, надуваешься, а, может, тоже не понял.

– Не только секунда, – ответил я. – Представьте, друзья, мы ходим, едим, спорим весь день. Живем. День живем, час, минуту секунду. На нашей планете прошли эти времена. Только представьте. Ну, например, вы прошли по улице. Прошло несколько секунд, минута. Прошлое вы одолели. Вошли в настоящее. Хотя и его нет. Будущее неизвестно, даже через минуту. Прошлое вы одолели. И вдруг в этом прошлом кто-то появился. Вы его не видите, и ничего не знаете о нем. В этом прошлом пережитом не только вами, Кирьян Аполлинариевич, и все наши товарищи, друзья и враги наши, появились неведомые нами живые и разумные существа. Они живут своей жизнью. Это тоже своеобразное зазеркалье. Мир, что окружает нас, весьма сложен.

– Стой, каналья, стой! – прервал меня Кирьян. – Ну и накрутил. Прохлеще будет тех лекций Балаболкина, Дрожжина и нашего Хилопатова. Голова кругом пошла. Это что же ты тут смолот? Значит, я прошел, а за мной следом кто-то ещё идет?

– Что-то и я не понял, – сообщил Степа. – А чего это он меня не трогает? Я ведь его не вижу. Мог бы тоже тронуть.

– У меня даже голова приятно закружилась, – ответил Володя.

– Вот там, за нами, и приходы, наверное, есть. Вот бы мне туда попасть, – заулыбался Саша, и стал резко оглядываться и креститься.

– Возможно, я говорю, возможно, в этом близком прошлом, что идет за нами, и живут своей жизнью, ушедшие от нас души, – ответил я.

– А может там поселились улыбочки, – добавил Иван. – Они ведь везде могут появиться. Надо бы на эту тему ещё пофилософствовать.

– Вот это да! – воскликнул Кирьян. – До чего додумались эти двое!

– Всё возможно, – поддержал нас Олег.

– А я разве против таких вопросов? – ответил Сергей.

– Не врублюсь, – сказал Степа. – От таких речей, как и при слове математика, мне становится плохо.

– Мне хорошо, однако. Шибко хорошо, – улыбался во всё лицо Володя.

– Ты мне ещё Абрамовича сюда вплети! – крикнул Кирьян. – Турас, а ты что молчишь? Уйми этих умников!

– Я поддерживаю этих двух умников. Насчет зеркала они сказали правильно. Вы ведь проходили через зеркало. А теперь про то, что за вами следом. И здесь они правы. Там есть живые, разумные существа. Как их увидеть? Весьма сложно. Ваши отправители посылали вас в прошлое и будущее. Всё это есть. У вас сейчас другая задача. Помочь нам. Вы даете нам кровь. И это лучшая ваша помощь в другом для вас мире. Конечно, мы могли бы у вас взять кровь и в вашем мире. Но, у вас ещё есть задачи. Как вы говорите, что вы есть солдаты вселенной. Вы любители приключений. Вот и ждите их. Без приключений вы скучаете.

Даже в вашем мире вы постоянно, а некоторые иногда, попадаете в любопытные истории. Я уже говорил, что нашу планету захватили тени. И многих сделали фантомами.

– Ваше тело превратилось в фантом? – спросил Степа.

– Немного не так. Наши тела уничтожены. Из них сделали нас. Копии наших тел.

– Воздушные тела что ли? – спросил Кирьян.

– Вроде этого. Сделали копии. Оставили нам наши мысли.

– А тронуть тебя можно? – спросил Степа.

– Можно. Но, мы обладаем человеческой силой. Фантомы многое что могут. Но, мы не роботы. Мы свободно проходим сквозь любую стену. Мы попадаем в параллельный мир. Вы это знаете про нас. Мы появились в вашем мире перед вами. Мы можем быть невидимыми. Можем своими мыслями войти в любого вашего человека. Вы можете тронуть нас, но ваши руки свободно пройдут через наше тело. В другой миг мы приобретаем твердые тела. Вот сейчас я с вами. Такой же, как вы. Человек. Но, могу свободно раствориться. Ваши пули пройдут сквозь моё тело и ничего. В Москве такое со мной случилось. Трое бандитов избивали лежащего человека. Я заступился. Разбросал их. Они стали стрелять в меня. Пули прошли через меня. Они видели это. Я видел у них глаза. В них не было любопытства. В них стоял ужас.

– Так радуйтесь, чёрт возьми! – воскликнул Кирьян.

– Слушай, Турас, так можно в любую кассу войти. Живи и радуйся, – засмеялся Степа.

– Мы снова хотим стать людьми, как и вы. Как вы не поймете? У нас нет никаких человеческих чувств. У нас нет детей. У нас нет чувств к женщине, а у женщины к мужчине. Мы не ведаем, что это такое. А ведь у нас всё это было. На нашей планете всё было. И дети были.

– Но ведь улыбочки свободно входят в наших женщин, и заделывают злобных детей. Как это понимать? – спросил Сергей.

– Тени, это другая цивилизация. Они нас такими сделали. Они развращают ваш мир. Недавно по телевизору показывали, как молодые девушки надели маски и танцевали перед иконой в

церкви. В них уже сидят тени. Именно женщины первыми стали раздеваться и ходить голыми.

– Я давно об этом говорил, что придет такое время, когда первыми разденутся женщины, – сказал я. – Давно это предвидел. Ева первой сорвала яблоко. Надо думать, дорогие мои друзья. Толи ещё будет. Именно девушки больше парней курят, пьют и развратничают. На зоне они ходят парами. От всего этого меня берет ужас.

– Мы совсем не могли возвращать свои тела в норму. Сейчас хоть наши ученые изобрели такой эликсир, чтобы вернуть нормальные тела. Мы вообще были совершенно бестелесные. Человеческая кровь поможет вернуть нас в наш вид.

– А где у вас здесь женщины? – спросил Степа, и почему-то облизнулся.

– Как где? Как всегда, на месте. Они готовят обеды для нас, стирают, шьют. У женщин работ много. Жалко, что у нас нет детей.

– Но, ведь они были на вашей планете, – сказал я.

– А мы кто? Мы были детьми. Последние дети. Выросли. А после нас нет детей.

– Можно посмотреть хоть на одну? – спросил Степа.

Раскрылась дверь, и вошли три женщины. Они принесли три подноса, на которых стояли стаканы с каким-то напитком.

Молодые женщины были очень красивые, стройные. А вот в глазах пустота, безразличие. Степа протянул руку, и погладил одну из них по спине.

– Сладенькая моя, прелесть моя, красавица писаная, – сказал Степа. Голос у него в этот момент оказался нежным и приятным. Девушка оглянулась, и удивленно посмотрела на Степу. Я заметил, что в её глазах что-то изменилось.

Девушки ушли.

– Чёрт побери, – пробурчал Степа. – Загадка. Встретиться бы мне с ней ещё раз. Странно.

Турас посмотрел на Степу и сказал:

– Её удивило твое прикосновение. Женщины у нас занимаются тем, чем положено заниматься женщине. А то, о чем ты подумал Степа, они, как и мы – женщины безразличны к мужчине.

В ответ Степа недоверчиво хмыкнул.

Мы стали пить напиток. Он напомнил мне лимонад с привкусом черемухи.

– Этот напиток придает нам силу. Ученые изобрели.

– Он у вас водку и вино заменяет? – спросил Степа. Он не отводил своего взгляда от закрытой двери, за которой скрылись молодые женщины.

– Вот теперь вы многое, что знаете о наших двух народах, – сказал Турас. – Мне, кажется, что вам не очень-то можно бояться этих теней. Главное, надо понять у них уязвимое место. Пока мы не можем это сделать. Но ученые бьются над этой проблемой. Нам надо стать такими, как вы.

– А в чем секрет? – спросил я.

Турас встал, словно к чему-то стал прислушиваться. И вдруг ответил:

– Всё потом. Несколько теней проникли в нашу соседнюю деревню. Захватили несколько местных жителей, кортов. Тени иногда появляются в местных деревнях, и берут в рабство жителей. Из другой деревни несколько человек восстали. Они их расстреляли.

– Мы видели, как они расстреливают, – сказал Иван.

– Ну, что, мужики, я думаю, что хватит нам разводить здесь антимионию, понимаешь, – поднялся Кирьян. – Надо показать этим улыбочкам, на что мы годные. Мы им устроим настоящую кузькину мать, в дышло их, мерзавцев. Ещё разная там шалупонь поносная будет нам страху нагонять. Пошли, мужики.

Мы все встали. Степа ответил:

– Они нам страху нагонят? Я не боюсь, этих туманных идиотов! Пошли, мужики. Руки стали чесаться. Надоело слушать разную дребедень. От ваших речей, меня чуть на понос не потянуло. Хватит умничать. Пора дело делать. Где эти туманные улыбочки?

Мы вышли на улицу.

– Где эта деревня? – спросил я.

– Тут рядом. За тем лесочком, – ответил Турас. – Пойдемте. Я с вами.

– Тебе бы, Турас, не надо бы светиться, – сказал Кирьян.

– В другой раз я бы не пошел. Но, когда-то надо проявить себя. Устал я от них прятаться. Совсем обнаглели. Раз вы здесь, попробуем кое-что сделать.

Мы вошли в лес. По тропке вышли на опушку. Первый домик стоял рядом с лесом.

– Вот они, голубчики ряженые, – потер руки Кирьян.

– Мы их в бараний рог свернем, – ответил Степа.

– Ничего вы их не свернете, – сказал Турас. – Они намного хитрее вас.

– Нас хитрее?! – удивился Кирьян. – Да я всю жизнь изворачивался и хитрил с этими лекциями, лозунгами, призывами к светлым вершинам, перед обкомом очки втирал. В нашем мире я кого надо обдуривал. Да я любого обкомовского секретаря...

– Стой! – перебил Турас. – В этом мире всё другое. В вашем мире люди осязаемые, здесь, как говорит Степа, туманные улыбки.

– А разрешите мне вмешаться в вашу перепалку, – вошел в разговор Саша Хилопатов. – У меня есть хитрый ход, от которого даже хитрец высшей пробы товарищ Подгузников ахнет.

– Но, но, легче на поворотах. Про пробу не надо. Это на тебе негде ставить пробы. Тоже всем мозги полоскал.

– Хватит вам обоим спорить, – прервал их Сергей. – Все мы хороши. Все толпой шли к сияющим вершинам. Дошли, спасу нет. Хватит. Пусть Саша проявит хитрость. Этот гусь кому надо мозги заморочит. Давай, Саша.

Мы остановились за домом. Дело в том, что четверо улыбочков стояли на небольшой площади. У забора стояло пять мужиков. Как мы поняли, их будут расстреливать.

Саша оторвался от нас, и пошел к улыбочкам. Он шел и громко читал молитву, усердно крестился. Я четко увидел, как Саша из-за пазухи достал рясу и натянул на себя. Ну и Саша! Оказывается, на всякий случай, он прятал ещё одну рясу на своем теле. Саша обладал мощным голосом. И нам было хорошо слышно.

– Дети мои! – говорил он. – Как же вы уйдете в иной мир без покаяния? А вы, господа, эти самые улыб...представители великого народа гелиозов, как можете не услышать нужную для вас проповедь на великий подвиг на уничтожение ваших врагов

от этого самого, как его, попа. Аминь! – закончил он маленькую, но жгучую речь тоненьким и писклявым голоском. Когда он так заканчивал говорить, я давно понял, что он играл.

– Артист, – сказал я. – Он им сейчас голову заморочит.

В общем, улыбки свои блестящие трубочки засунули за пояса. Саша поочередно обнимал их, и что-то говорил им.

Я видел, как Турас нервничал.

– Не волнуйся, Турас, – стал успокаивать его Кирьян. – Саша этим тварям, понимаешь, хорошо мозги впарит. Сюда бы наших лекторов Балаболкина и Дрожжина. Таких лекторов у нас целые миллионы были. И никуда они не делись. Они расплозились по маленьким партийным организациям. Партийные газеты читаешь и диву даешься. Нет, не исчезли они. У нас одна Железянкина чего стоит. Даже в настоящее время если куда её пригласят что-нибудь сказать, то она, понимаешь, выступит. И как говорит Володя Тымневакат, говорит долго и непонятно о чем. Не исчезли они. Порой мне главного секретаря нашей страны Зюганова, понимаешь, жалко. Не унимается мужик. Вроде говорит всё по существу, как и все, много обещает. И эти обещания похожи на обещания из советских времен. Сейчас, понимаешь, другое время. Не надо обещать. Надо делать. Дела определяют всё.

– Ну и накрутил ты, – сказал Степа. – Смотри, Володя, даже шире улыбаться стал. – А чо это они?

– Еси-моси, каналья, а ведь впарил Саша! – воскликнул Кирьян. – Впарил, мерзавец! Ну и Саша! Ай, молодчина! Молодец, Саша! Ну и змей этот Хилопатов! Вот бы нам ещё сюда Балаболкина с Дрожжиным. Да и Железянкину бы сюда не мешало!

Действительно, удивисься. Улыбки шатались. Один даже упал. И все они держались за головы. А Саша продолжал о чем-то говорить и размахивать руками, успевал при этом креститься, и не забывал крестить улыбочков.

– Что-то я, братцы, не пойму? – спросил Иван. – Всякого я навидался, но такого чуда, какого натворил Саша, я ещё не видел.

– Один я понял, в чем дело, – радостно ответил Кирьян. – Бывало, и у меня голова кругом шла, когда мои лекторы речь толкали. Я один раз, понимаешь, послушал Дрожжина. Целых

две лекции его прослушал, и у меня в голове что-то звянькнуло. Я чуть тогда ума не лишился. Два дня понимаешь, отходил.

– Вот, оказывается в чем секрет, – засмеялся Иван. И мы все стали смеяться. Один Володя стоял и просто улыбался. Потом поймет.

Улыбчики лежали на дороге. Мы подошли к Саше. Пот градом лил по его лицу. О, чудо! Кирьян подошел к Саше и обнял его.

– Ну, Сашка, ну, молодец, чёртов потрох! Каналья, как ты их уболтал!

Мужики, которых улыбки собирались расстрелять, разбежались по дворам.

– А, ну, рассказывай, как ты их убаюкал? – спросил Кирьян. – Не стесняйся. Не скромничай. Валяй.

Саша напыжился, полой от рясы протер лицо и ответил:

– Про совесть не надо. У меня её нет, как и у вас, Кирьян Аполлинариевич. Не стыдно было людям парить мозги про разную там чепуху.

– Хватит об этом, – резко сказал Кирьян. – Ты лучше расскажи, как ты им мозги затравил. Надо же так! Балаболкина и Дрожжина за пояс заткнул. Давай, не стесняйся. Тьфу! Тьфу, с этим стеснением! Давай.

– Я и не думал, что так получится. Потом я заметил, что от моей речи их стало качать. Ну, думаю, сейчас я вас уболтаю. Стали за голову хвататься. Иногда говорили, что у них головы начали трещать. А один, видимо, главный у них, сказал, что они могут погибнуть. Ну, я совсем разошелся. Сначала я им стал объяснять, что такое гранитный фундамент, сияющие вершины, пятимильные шаги. В общем, я выдал им передовицы из советских газет, из речей наших политиков. Смешную речь Стрелова толкнул. Бывало, когда он хорошо выпьет, то мы все его просили, чтобы он выдал бюрократическую речь наших идеологов. Мы всегда смеялись над его издевательствами над политиками. Но ведь идеологи на серьезе речи толкали, а Юрка-то издевался, высмеивал такие выступления и лекции.

– Пошло-поехало, – обозлился Кирьян. – Ты по существу давай говори.

– А я разве не по существу? – обиделся Саша. – Я это и говорил. Юмор Стрелова туда подпустил. Ну, их и совсем заклинило. Стали падать. Так что ваши лекции, Кирьян Аполлинариевич и юмористические лекции Стрелова, угрохали улыбочиков. Теперь у нас есть противоядие. Теперь надо к ним подпускать очаровательных лекторов.

– Это мы найдем, – ответил Кирьян. – Так что береги свою ряску, как зеницу ока. А вот как сюда направить наших лекторов, ума не приложу.

– Придется вам, Кирьян Аполлинариевич и Хилопатов речи толкать. Вы толкали речи на серьезе, – сказал Олег. – Стрелова не надо. Они раскусят его юмор. У них чутье, что у собаки.

– Да, это так, – подтвердил Турас. – Они поймут вашего друга. Надо говорить речи серьезно. Тут юмор не уместен.

– Сергей, Чемулаев, а ты, понимаешь, что это в сторонке? Ты тоже отменно толкал речи. Пять тонн бумаги извел на отчеты.

– Я давно этим делом не занимался. Всё забыл.

– Вспомни, ядрена вошь! – повысил голос Кирьян. – Не надо в сторонке стоять! Вспомним, понимаешь, благословенные времена. Вот они, где пригодились. Нам бы сюда двух лекторов. Мы бы им здесь показали, что, значит, настоящие лекторы по гранитному фундаменту. Слушай, Турас, а у нас там, в нашем мире можно их уболтать?

– Можно. Видимо, это у них самое слабое место. Если уж вы два дня приходили в себя от лекции вашего Дрожжина, то для них смертельно.

– Смотрите, смотрите! – закричал Володя. – Куда они исчезают?

И тут мы увидели, как улыбочики стали уменьшаться. Голова быстро превратилась в жидкость, похожую на кисель. Потом, вместо киселя образовалась вода. А может, это и не вода. Было что-то жидкое. И эта жидкость впитывалась в землю. И вот она совсем исчезла. Всё ушло в землю.

Володя собрал одежду в кучу. Она была тонкой и легкой.

– Надо бы сжечь, – предложил Сергей. Тут из ближайшего дома выбежало три мужика. Они чем-то облили одежду и подожгли.

– Молодцы, мужики, – похвалил Кирьян. – Чтобы от улыбочиков и следа не осталось.

– Наша деревня благодарит мужественного попа. Мы называем нашу новую деревню Хилопатовкой.

Лицо у Саши просветлело, грудь, будто расширилась. И он выдал речь.

– Вот, где я, наконец, получил благодарность от народа. Народ всегда знает и помнит своих настоящих героев. А чем я не герой? Я этих упырей лекциями замордую. Мне бы рясу лучше. Я ведь вот эту рясу сшил из портянок.

– Где ты их стянул? – засмеялся Степа.

– Я портянки не стянул, а одолжил для дела. И от вас я их прятал. А потом взял и сшил.

– Насчет твоей рясы мы подумаем, – ответил Кирьян. – А вот, как будем решать с лекциями, это задача.

– Для меня новость, – сообщил Турас. – Надо же, вашей болтовней можно любого врага уничтожить. Это, как же можно так говорить, что вашего человека можно ума лишить. Действительно, смех и горе. Ты извини, Юрий, я прочитал твои две книги – «Зона» и «На острове снов». Там именно об этом и говорится. Можно лишить ума любого человека такими лекциями. А ваши лекторы, это же чудо! Вот бы нам сюда их. Как ты там пишешь, что у Дрожжина в папке было несколько лекций.

Кирьян замахал руками.

– Не надо их к нам в команду. У нас одного Хилопатова хватит. Этим лекторов надо засылать отдельно. И потом, мы не знаем, где эти бедолаги сейчас находятся. Возможно, они давно в другом мире.

– Не обязательно этих товарищей брать сюда. Должны же быть последователи, – ответил Турас. – Я листал партийные газеты. Есть такие товарищи. По болтовне не уступят вашим двум лекторам. И потом, болтовня эта для великого дела.

– Будем думать, – нахмурился Кирьян. – Для дела и я бы мог лекцию им толкнуть.

– Вот видите! Три лектора от вас готовы на подвиг. Как можно больше говорите о сияющих вершинах. Ведь они не поймут, что это такое. Говорите так, чтобы закрутить им мозги. Вы это

хорошо делали в советские времена. Лозунги, обещания, клятвы, раскаяния. Главное, надо умело, запутано врать. Можно упоминать и современных партийных идеологов. Ни мне учить вас вранью, – поучал наших трех бедолаг по вранью Турас. Он был доволен. Теперь нам нечего бояться улыбочиков. Их моим кнутом и другим оружием не возьмешь. Для них есть страшнее оружие – слово. Речи из времен раннего и позднего советского застоя. Для нас в другом мире было что-то новое.

Люди собирались вокруг нас и благодарили за помощь. Особенно они обнимали Хилопатова.

И тут Турас сообщил новость. Пятеро улыбочиков появились в соседней деревне, где селились моты. Им тоже где-то надо было жить. Теперь мы знали, что моты тоже бессильны против улыбочиков.

Турас был встревожен.

– Так, – такнул Кирьян, и ещё более нахмурился и напыжился. – Не забыть бы мне про то, как я пудрил мозги трудящимся. Как не говорите, а мы были мастера по вранью. Вся наша страна завралась. Вот и рухнула она бедная под тяжестью вранья. Про лозунги бы не забыть вставить в мою речь. Каналья, как же врубиться бы в эту говорильню. Ничего, понимаешь, я их, негодяев, призывами к коммунизму замордую. Я им такого нагорожу, что даже сам диву дамся, что, как умело и классно наврал и наобещал.

– Мне бы так научиться запутано врать, – тяжело вздохнул Степа.

– Мне бы послушать, как вы будете красиво врать, – подал голос очарованный Володя.

На этом и решили. Три лектора готовы бесплатно врать. В советские времена за враньё, когда читали лекции, платили деньги.

Мы отправились в путь. Турас нам указывал направление. Мы вышли из деревне. Она отличалась от деревни кортов. Здесь всё было сказочно. Кругом цветы, фруктовые деревья. Дома, что игрушки, выкрашенные в разные цвета. Мы попали в настоящую сказку. Но, здесь жили не улыбочики. На вид были настоящие люди. Мы теперь знали, что это фантомы.

– Как они их будут, например, казнить, если они могут исчезнуть? – спросил Олег.

– От теней они не исчезнут. Они их видят, – ответил Турас.
– Наши моты здесь поселились совсем недавно. Они в дружбе с коротами. Друг другу помогают.

Мы остановились. Стали решать, кому идти навстречу с улыбочками.

– Ядрена вошь, мне захотелось в их туманные мозги втереть теорию Марксизма-Ленинизма. Да не забыть бы про фундамент и сияющие вершины. Так, понимаешь, пойду, – решительно заявил Подгузников. Совершенно захмурил. Даже Турас засмеялся.

– Кирьян Аполлинарьевич хмуриться не надо. Вы не на расширенном бюро, и не на трибуне. Вы не на районной партийной конференции. Улыбайтесь, и как можно шире улыбайтесь. Представьте время, когда вас встречали на краю поселка девушки в чепчиках с хлебом и солью. Потом вас вели в столовую, где был отменно накрыт стол на поселковые деньги. Вы сидите за столом. Перед вами поджаренный поросенок. Хорошо поддав холодненькой водочки, вы держите речь. Мол, чем вы живете не в коммунизме? Представили? Вот и идите с этой улыбочкой.

– Господи! До чего мы дожили! Так пудрить мозги бедному народу! Ну, ничего, сейчас я им коммунизм с гранитным фундаментом и сияющими вершинами устрою, мать их за ногу! Двигаю пятимильными шагами к улыбочкам.

Он оскалился, приободрился.

– Улыбайтесь, Кирьян Аполлинариевич, – сказал Турас. – Не надо скалиться. Улыбайтесь. Вспомните поджаренного поросеночка, доярок и поварих, товарищей по застолью.

– Мне тошно их вспоминать, понимаешь?

– Пересильте тошноту, – подсказал я. – Вы ведь пересиливали правду, и классно вдали. Не тошнило ведь вас.

– То тогда, а то сейчас. Как вспомню, так дрожь берет.

– Такая бы дрожь брала тех, кто ещё верит в сияющие вершины, – ответил я. – В нашем городке они ещё не перевернулись. Совсем шизанулись. Как что-то прочитают моё, так тянет их руки мыть.

Кирьян словно замер. Видимо, вспомнил столовую, застолье, поросеночка, товарищей, поварих и доярок. Неожиданно заулыбался.

– Вот самое то, – сказал Турас. – Теперь можно идти. Врите без всякой совести, как когда-то ввали.

Кирьян пошел к деревне. На маленькой площади стояли друг против друга моты и улыбки. Голосов не слышно. Это и понятно. Они вели «беседу» при помощи мыслей. Один мот неожиданно исчез.

– Его взяли в рабство. Так они могут всех мотов из деревни взять, – запечалился Турас.

– Наш Кирьян сейчас им покажет класс по вранью, – засмеялся Степа.

– Эх, мне бы там быть. Я бы послушал, как говорит Кирьян, – ответил Володя.

– Я тебе могу сейчас речь закатить, – предложил Саша.

– Не надо, – сказал я. – Береги свою речь для улыбочков. Мы и так знаем, как ты складно врешь. Не надо.

Кирьян подошел к улыбочкам. Он кланялся чуть не до земли, размахивал руками и что-то говорил. Поднимал руки к небу, видимо, изображая сияющие вершины, бил себя в грудь.

И, все-таки я услышал зажигательную речь Подгузникова:

– Озаренные очередным пленумом, и мудрой речью генерального секретаря коммунистической партии товарища Черненко, и вдохновленные мы пятимильными шагами идем к коммунизму. Понимаем создавшуюся обстановку на вверенном нам участке, знаем, что это узкое место, и, разработав и изучив постановление партии, мы вынуждены тщательно пробудировать, обсудить, изыскать все ресурсы для устранения узкого места. И все мы полны решимости, и опираясь на гранитный фундамент марксистско-ленинской теории, мы все как один бежим к сияющим вершинам, и вам дорогие наши гости мы с удовольствием поможем. Но, бывает, что нет кворума...

Услышать это, видимо, нам так сделал Турас. Что-то я ещё услышал о фуражных коровах по надою молока на один нос. Дальше было непонятно о чем говорил бывший секретарь, и главный районный мастер по втиранию вранья в мозги бедного

народа. Не знаю почему, но нам было весело. Мы просто смеялись. Наверно, и самому Подгузникову было смешно, как он классно изображал себя лектором из времен раннего и позднего застоя. Конечно, смешно. Мы потом вместе повеселимся.

Как и должно быть, улыбочки стали падать и исчезать. Турас, видимо, мысленно передал мотам, чтобы они не слушали бредовую лекцию товарища Подгузникова. Мало ли, что может произойти с мотами. Опасно. Бывали случаи, когда отдельные наши люди, слабыми мозгами, падали в обморок от таких лекций. А были случаи, когда слушатели вместе с лекторами попадали в дом для психически больных. Опасно. Я всегда избегал лекций наших политических лекторов, и даже тогда, когда начинали говорить товарищи из райкома и обкома партии.

Мы подошли к Подгузникову. Его лицо сияло от счастья, что уморил улыбочков своей речью. Турас сказал:

– Я урывками слушал вас. Вы говорили долго и непонятно. Так я и ничего не понял, о чем вы говорили.

– Я им выдал, понимаешь, одну из своих речей на отчетно-выборной конференции, когда я отчитывался перед коммунистами района. Надо же, а ведь вспомнил, мерзавец. Так складно получилось. Даже стало обидно, что они стали падать. Хотелось бы завершить речь. Хотя её хватило бы на два часа. Вот сколько бывало, понимаешь, змей болтал. Говорю, а сам диву даюсь, как складно врал. И ведь не стыдно было! Господи, прости мою душу грешную за то, что морочил людям головы. А, в общем-то, я доволен. Вот чем их, подлецов можно взять. Ваши ученые какие-то там, понимаешь, премудрости творят против улыбочков. А тут ничего не надо. Выдал речь из позднего застоя, и они лапки кверху. Вот вам и гранитный фундамент, и сияющие вершины с пятимильными шагами. А ведь я им и про это молел. Правда, один из них успел спросить, что это за люди такие, что могут так широко шагать? Ну, я им и выдал. Даже сам запутался. У самого меня, мастера спорта по забалтыванию, в голове что-то звянькнуло. Просто я отвык читать лекции. Как же политические лекторы не путались? Хотя, что я смолел? Я же сам так болтал.

В это время моты подходили к нам, и благодарили нас.

Турас сказал:

– Я им передал, чтобы они не задавали вам вопросов насчет непонятных слов.

– Опасно, – ответил Сергей. – Теперь вы знаете, как мы бываем для таких, как вы, опасны. Мы нашли оружие против улыбочков.

– У меня вопрос, гражданин Турас, а если мы вернемся домой, и обнаружим улыбочика, то наша зажигательная речь действует? – спросил Иван.

Турас неожиданно задумался. Это что-то новое в нем. Потом ответил:

– Не знаю. Это ведь для нас новый эксперимент. Но, вам каждому придется попробовать.

Тут и я решил спросить у Турса насчет одного непонятного для меня случая.

– Как-то на одной встрече в центральной библиотеке выступила бывший секретарь партийной организации по производству колготок и нижнего белья Железянкина. По старой привычке она говорила долго и непонятно. Двум дамам стало плохо и они вышли. Одна потом упала в обморок. Мне тоже стало плохо, и я ушел. И тоже два дня отходил. Ладно, во мне не был улыбочик. Может, в них сидел посланник улыбочиков?

Турас улыбнулся и ответил:

– А разве тебе не бывает плохо от таких речей? Ведь тебе тоже стало плохо. Самому Подгузникову было плохо, когда он прослушал две лекции Дрожжина. Два дня отходил. Здесь другое дело. Не каждый может нормально выслушать такую речь. И потом. Вы теперь сами должны наблюдать за людьми, которые постоянно улыбаются, а делают пакости.

– Конечно, это сложно, но мы постараемся, – ответил Олег. – Всё это ловко получается.

– Вот теперь я развернусь! – заявил Саша.

– Саша, ты не понял, – ответил я. – Не надо так нахрапом лезть в толпу, и всё им объяснять. Надо очень внимательно приглядываться к людям. Вести простые беседы. И тогда только можно обнаружить улыбочика. Загвоздка в том, как я, например, буду толкать речь в толпе? Опасно. Упекут, как Сашу упекли. До-

мой вернемся, и надо хорошо обдумать наши действия. Я, например, так думаю.

– Всё правильно, – ответил Иван. – И не спорьте со мной. Обдумать.

– Вам надо возвращаться домой. Ваша энергия на исходе. Кажется, за вами сейчас придут.

Мы пошли на край деревни, и вошли в лесок. Тут-то и появился Дюрд.

– Погуляли? – спросил он. Турса среди нас не было. – Пора и честь знать. Закрывать глаза.

Я закрыл глаза.

Мы стояли под куполом крыши дома на острове Диком.

Дюрда среди нас не было.

– Сейчас бы, понимаешь, вянца дернуть, – сказал Кирьян.

– Вот это нам бы не мешало, – поддержал Степа.

– Мы бы там никого не трогали, – сказал Володя.

И я тут же оказался у сосны. Шел тихий и легкий дождь. Я побежал домой. Но, дождь промочил меня. Принял теплый душ. Хорошо! Теперь можно и отдохнуть. Я лег на диван и мгновенно уснул.

Часть пятая.

Невероятные приключения рядом

Дома

После ненастных дней, когда небо было затянуто сплошными, серыми тучами, выглянуло радостное, словно умытое дождями солнце, на душе стало светло и радостно. Я даже замурлыкал какую-то мелодию. Умытые тополя перед окном ярко зазеленели. Среди листьев запели птицы. Ветка тополя больше не скреблась о стекло моей квартиры. Не надо её трогать. Хоть немножко она подарит мне не только крошечку счастья, но и кислорода. И люди шли какие-то не такие, как в ненастье. Лица почти у всех радостные, улыбчивые. Может, мне так показалось? А как тогда обнаружить среди них улыбчика? А вот этого мужичка ничем не прошибить. Шел он хмурый, как ненастные тучи. Я его понимаю, но конечно частично. Зачем ему хмуриться? Живет он в четырех комнатной квартире. У него две дачи. Частный дом. Во дворе пасется три коровы, восемь свиней, есть козы, куры, кролики. В двух гаражах три машины. И он ещё хмурится? Ну и что? Зять увез со двора поросенка на свою дачу. Это, все-таки, муж дочери. От неё у него три внука. Радуйся такому счастью. Однажды он мне пожаловался:

– Внуки внуками, но ведь они нарывают что-нибудь у меня стянуть! Вчера зять курицу умыкнул. Свежего мяса захотел. Заводи сам куриц. А я тут причем? Зачем курицу воровать? Она же мне яйца несла! Безобразие! В прошлом годе поросенка унес к себе. Меня как раз дома не было. Я бы зятю устроил поросенка! Жена разрешила. Без меня. Ну, я и устроил ей скандал. Я ведь не виноват, что ей плохо от моего крика стало. Хлипкая баба...

Жаль, конечно, что умерла в больнице. А хоронить, знаешь, какие расходы? Чичас я один живу. Баб мне не надо. Одни с ними расходы. Одевать её надо, кормить надо. А если она жрать будет много? Не напасешься на неё корма.

Надо бы узнать, что на этот раз украл зять? А если честно, то мне почему-то смешно. Конечно, грех смеяться над горем этого мужичка. Курицу ведь украли. Но мне почему-то смешно. В таких случаях у меня бывает двойное настроение. Бывает смешно, и в тоже время мне бывает жалко этих людей. И вот сейчас мне стало жалко его. Так переживать! Какая погода! Радостно светит солнце, поют птицы. Надо мне с ним поговорить. Надо успокоить его. Надо. А поймет он меня? Не знаю. Но, поговорить надо. В этом отношении я счастливый человек. У меня ничего нет. Машин у меня никогда не было, гаражей тоже нет. Вот эта однокомнатная квартира не моя. Она записана на мою внучку. Дачи нет. Я жил в старом кирпичном доме. Однажды в мою квартиру пробрались воры. Украсть у меня ничего не было. Деньги и документы были с собой. На столе воры оставили у кого-то украденный индийский чай и записку такого содержания: «Товарищ Стрелов, так жить нельзя». На столе лежала моя рукопись. Вот и узнали мою фамилию. Потом стена завалилась, и раздавила скромную мебель. Было замыкание, и всё сгорело. Какая была на мне одежда, в ней и остался. А ведь я тогда работал в редакции. Никто не узнал о моем несчастье, потому что я никогда не жаловался и не ныл. Жили мы с Клавой на даче её сына. Правда, она тогда жила у сына, а я в сарае, продуваемый всеми ветрами. И когда её сын построил домик, то она перешла ко мне в этот домик. Пожалела меня. Вот единственный человек, который всё знал обо мне, и сочувствовал. Теперь её нет в этой жизни. И мне жалко её, что она так рано покинула этот наш сложный мир. Но, я ведь не хмурюсь, как ненастная туча. Это мне надо бы хмуриться. Конечно, весьма странная и сложная вся моя жизнь, весь мой непонятный для многих людей слабых на голову, характер. Такой уж есть. Теперь совсем меня не переделать. Нет, нет, я не хмурюсь. Меня никто и никогда не видел хмурым и ноющим. Я как тот улыбочик, тихо улыбаюсь всем знакомым. Я уже писал на эту тему, что всячески поддерживаю падших духом, желаю

всем здоровья и добра. Но, пусть меня простят те, которые из-за украденной курицы, и что у соседа по даче лучше помидоры, смеюсь, и в тоже время жалею этих людей. Я не виноват, что мне одновременно бывает смешно и жалко. Пусть они меня простят за мой смех и жалость к ним.

Пошел на улицу. Люди шли мне на встречу веселые, улыбочивые. Погода повлияла на людей. И мне от этого стало хорошо. Так всегда было бы.

И тут я увидел мужичка, у которого зять украл курицу.

– Добрый день, Коля, – сказал я. – Всё будет хорошо.

Эту мою любимую фразу многие в городе знают.

Коля ещё больше захмурил. Его чуть не трясло.

– Когда будет хорошо? Ты говоришь это, а лучше не бывает!

– Ты утром проснулся, а на улице великолепная погода! Радуйся, Коля!

– Тебе бы тока радоваться! Чо мне эта погода? Она мне курицу не вернет. Вчера вечером пять яиц унес. Внук десятку из кармана вытянул.

– Но, это ведь твой внук. Ты ему что-нибудь подарил?

– А чо это я должен ему дарить? У него мать и отец есть. Вот и пусть дарят!

– Сколько лет твоему внуку?

Коля задумался, и на его малообещающем лбу проклюнулось полторы извилистых морщинки.

– Это как ево, забыл, кажись. По-моему восемь годков.

– Так что же ты хочешь! Купи ему мороженого. И красть не будет. Приласкай. Он ведь внук твой! Я, например, внучке, и даже правнукам помогаю.

– Ну и помогай, если можешь. От пенсии до пенсии живешь. Чем это ты сможешь?

– Чем могу, помогаю. У тебя денег много, вот и помоги дочери. У неё трое детей. Бедненько живут. А тебе мороженого жалко.

С ума сошел!? – удивился Коля, и огромные глаза его под цвет утреннего тумана, стали сужаться и темнеть. – Ты чему меня учишь? Мороженое он захотел? А ты знаешь, сколько оно

стоит? А потом...меня никто не ласкал! Ласка балует детей. Ремнем их надо ласкать.

– Саша Хилопатов тоже детей ремнем ласкал. И ты это знаешь. Разъехались от него, и не желают видеть такого отца.

– И не надо. А зять мой курицу украл.

– Но у тебя полный двор скота, как в колхозе. Ты у нас постаринному, настоящий купец. Внука пожалей.

– Купец, а сейчас миллиардеры, стали богатыми из-за экономики. Не разбрасывались куда попало. Всё в кучечку, всё к делу. Копейка к копейке. Рубль к рублю, вот и богатство. А курица тоже денег стоит. А тут ещё пять яиц унес, сволочь. Я бы их продал, вот тебе и денежки.

– Куда тебе одному столько денег? – спросил я. Он чуть не окосел от моего вопроса. Весь надулся, покраснел от напряжения. Сжал кулаки.

– А, ну, пошел отседа? Деньги собрался мои считать? Деньги никогда не лишни. Иди, иди, голодранец! Вот такие голодранцы как ты и мешаешь честному труженику развернуться! Иди, иди. Вон идет твой Хилопатов! Такой же придурок, как и ты. Два сапога пара!

И я пошел от мужичка. Во мне было смешанное чувство, как обычно бывает в таких случаях. Смешно и жалко. А чего больше – не знаю.

Саша увидел меня и ринулся ко мне. Но, мне бы не хотелось с ним встречаться. Он сейчас начнет кричать на всю улицу. Но я его опередил.

Поднял руки и он, видимо, понял, что нельзя бы кричать среди людей. Он остановился, а потом медленно подошел ко мне. Под левым глазом синяк. Успел заработать.

– Этот мужичок не подойдет под улыбочиков, – прошептал Саша. – Шибко он хмурый. Даже не улыбнется. Странно. Сегодня много людей улыбаются.

– Ничего странного. Погода. После ненастья такая удивительная погода. Как не улыбаться?

– С этими улыбками можно влететь. Остановил я одного знакомого. Уж больно он здорово улыбался. Ну, я и решил, что в нем сидит улыбочик. Я ему сказал, чтобы он молчал и слушал

мою речь. Я, мол, сейчас из тебя буду изгонять нечистую силу, прилетевшую из далекого космоса. И я ему начал читать лекцию про коммунизм. А он почему-то стал надуваться, и перестал улыбаться. Ну, думаю, всё! Пошло дело. А он сгреб меня за горло, и сказал, что он сам из меня вышибет нечистую силу. Да ещё больно ударил. А потом пнул под зад. Несознательный товарищ.

– Саша, Саша, – вздохнул я. – Погода какая! Опять в тот дом захотел, и получить там больные уколы? Лучше живи ты мирно, и не суйся никуда.

– Но, ведь улыбочиков надо разоблачать, – задумано сказал он.

– Уже одного разоблачил.

– Ошибся. Вот когда погода изменится, и люди захмурят, тут я этих улыбочиков и поймаю. А ещё люди хмурятся, когда у соседа лучше выросли помидоры. Осенью хорошо ловить улыбочиков.

Не убедил я Сашу, чтобы он был осторожен.

Ушел от него. Но знал, что он не успокоится.

Шел я по улице, заходил в магазины. Некоторые люди изменились. Но не все. Это их дело, это их жизнь. Пусть улыбаются, хмурятся. Я даже не знаю, как поймать улыбочика. Решил направиться в парк. Отдохнуть среди соснового бора, полюбоваться на свою сосну. И тут я его встретил. Он стоял напротив одного из моих знакомых Гришей. Что-то во мне колыхнуло, защемило у сердца. Он! Словно кто-то подсказал, что это улыбочик. Этот человек широко улыбался, и что-то доказывал. Я подошел ближе. Да, это был улыбочик. Он не говорил, а только размахивал руками. Значит, он говорил с моим знакомым Гришей через мысль. А ведь этого Гришу он заразит на преступление. Иной сделает преступление, а на суде и на зоне он говорит, что не ведал, что творил. В этом человеке сидел сатанист. Я уже писал об этом. А теперь в некоторых людей стали пробиваться и улыбочики.

Надо действовать, и помочь Грише. Хотя он и слабый умом, но это человек. Я подошел к ним. А я хорошо знал, что Гриша был отменным коммунистом. Даже награды имел. И сейчас он глубоко предан этой партии.

– Знаете, мужики, а ведь, как правильно выступает лидер коммунистов России товарищ Зюганов, – начал я свою нескладную, но в этот момент нужную речь. – Гриша, ты это знаешь.

Гриша пришел в себя от окосения. Глаза пришли в норму, и даже там промелькнула какая-то мыслишка. Значит, улыбочик отпустил его. Надо говорить, надо заморочить мозги прищельцу. Гришу не заморочишь. Он закалился в политическом винегрете. Он сам кому хочешь, мозги запудрит. Я, как и Гриша, по-деловому нахмурился, солидно откашлялся и начал молотъ. Жаль, что у меня не было галстука. На Грише он всегда был. Как-то я увидел его на даче. Он ходил среди грядок в галстуке. Я молот какую-то чепуху из времен позднего застоя, и даже самому себе удивлялся, как я лихо управлялся с политическими цитатами из уст наших политиков и секретарей. От моей речи Гриша совершенно захмурил и напыжился. Он даже кивал головой и причмокивал. Вот, мол, как надо говорить. Улыбочик начал худеть, лицо его посерело. Он держался за голову. Мне даже послышалось, как в ней что-то потрескивало. Гриша перевел взгляд от меня на улыбочика, и открыл от удивления рот. Глаза его расширились. Не хватил бы его удар. Хоть бы дал возможность закончить политическую молотьбу. Не испортил бы всё.

– А что сейчас? – говорил я. – Мы забыли, как стремились к сияющим вершинам коммунизма. Мы забыли про социализм с человеческим лицом...

В общем, я заканчивал свою зажигательную речь. Улыбочик застонал и свалился. Как и положено он превращался в жидкость, чтобы совсем исчезнуть в нашей матушке земле. Она найдет место чужеземцу. А вот бедный Гриша совершенно окосел. Он не мог даже слова сказать. Я его стал дергать, и приводить в чувство. И вот он пришел в себя. Прохрипел:

– Что это, Юрка? Что это? Кто он? Как такое возможно? Не может такое быть! Как это?

Вот и одежда улыбочика испарилась. Значит, в нашем мире, следов не остается от этих чужеземцев. Земля наша в мое время всё уничтожает.

Гриша видел это. Он опять замолчал, и стал пятиться. Потом побежал от меня. Что он будет делать? Всем рассказывать, как

это делает Хилопатов? Опасно для него. А ещё может тронуться умом. И тут не неожиданно появился Турас. Он сказал:

– Сейчас он всё забудет. Ты правильно подумал. Надо беречь его голову. Лучше пусть он подумает, как купить машину новоза на грядки с огурцами. Это его призвание.

– Что было бы, если я не подоспел со своей лекцией? – спросил я.

– Таких, как Гриша, слабых умом, гель мог сделать из него убийцу, насильника. Гриша для него был бы, как кусок глины. Всякого мог бы слепить. Во всех убийцах, террористах, бандитах, киллерах сидят сатанисты, а теперь и гелиозы. Они везде расплозились по вашему миру.

– Я одного спас, но их много, – ответил я. – А таких спасателей, как я, мало.

– Тоже много, – сказал Турас. – Не только есть ваша великопелная восьмерка, но есть и другие команды. Они есть во всех странах. Так что, помаленьку, вы помогаете вашему миру и нам. А разве все церкви во многих странах, мечети и другие моленные дома не помогают? Все ваши веры в вашем мире ведут духовную борьбу с нечистой силой. Пока она берет верх. Но борьбу необходимо вести. Ваша восьмерка создана для борьбы с любой нечистой силой. Это ваш удел. Для борьбы с несправедливостью в вашем сложном мире. Ладно. Я исчезаю. Здесь ещё есть гели, по-вашему, улыбки. Скажу только, что вас ждут новые приключения. Зазеркалье. И то, что находится после вас в прошедшей минуте.

И он тут же исчез. А, что мне делать? Я подошел к сосне. Иногда отсюда меня отправляют в соседний мир. Сейчас никто не появлялся. Я побродил по тайге. После дождей в тайге было сыро. Кругом радостно пели птицы, недалеко куковала кукушка. С деревьев падали крупные капли воды, и я изрядно промок. Надо возвращаться домой. Конечно, дома хорошо, но меня тянуло побывать в одном из соседних миров. Туда я попадаю с молодости. Там я становлюсь тем, чем мне хочется. Я там нужен.

Подошел к сосне. Приткнулся лбом к её холодному, шершавому стволу. Мне было легко и радостно. Даже потянуло на сон.

И, как сквозь туман я увидел своих московских друзей. Они махали руками. Звали меня. И вот я среди них. Куда теперь нас?

Мир сложен

Меня встретили: Иван Иванов, Олег Битна-Шляхта и Сергей Чемулаев. Среди нас не было троих друзей: Кирьяна Подгузникова, Степы Клубкова, Володи Тымневаката. Иногда появляется среди нас и Саша Хилопатов. Может и приживется среди нас. С ним как-то веселее. Он что-нибудь, да и отчудит. Если мы как-то ещё играем, даже на серьезе играем, то Саша не играет. Он ко всему относится серьезно, по-настоящему. Но, всегда попадает в смешные истории. Конечно, они лично для него не смешные. Но, получается порой комично. Он всегда избегал тяжелой и ответственной работы, пытался кого-нибудь обмануть, что-нибудь украсть. Но, как всегда попадался, а потом страшно удивлялся. Я уже писал несколько зарисовок о нем в этой книге. Его несбыточная мечта стать священнослужителем похожа на какую-то болезнь. А если честно разобраться, то мы все здесь больны неизлечимой и непонятной для окружающих нас людей, болезнью. Да мы и сами не знаем, какая сидит в нас болезнь. Сидит она себе в нас, да и пусть на здоровье сидит. Она нам не мешает, а возможно и помогает. От такой болезни мы и отличаемся от многих людей своими чудачествами. Хорошо мне. Я пишу вот эти книги. Пишу реальность в соседних мирах, хотя и называю книги фантастикой. С меня вода, как с гуся. Даже мои знакомые говорят, опять этот придурок Юрка Стрелов нафантазировал. А каково моим друзьям? Даже Саша Хилопатов два раза побывал в психушке.

Пока купол нас не пускал. Мы постояли под ним, и вышли на улицу. Недалеко стояло несколько домиков. Во дворах ходили люди. Недалеко от нашего дома была столовая. Наши друзья не выходили оттуда. Надо зайти. В столовой никого не было.

– Странно, почему-то наших друзей нет, – сказал я. В это время со стороны моря мы услышали крики. А вот и Саша Хилопатов. Подобрал рясу, он убежал от людей. Что-то опять натворил

наш друг. Без побоев он не может обойтись. Мы пошли навстречу. Саша подбежал к нам.

– Они собрались убивать меня, даже бить начали. А я духовное лицо, а они меня по лицу! – кричал он. – Я хотел здесь разоблачить улыбочка, а они напали на меня.

Несколько мужиков подбежали к нам.

– Кто вы такие?! Отдайте нам его! – кричал один мужичок. – Какой он духовное лицо, если начал лекцию читать нашему товарищу. Священники никогда такие лекции людям не читали. Они молитвы и Библию читают! А этот прыщ рыжий ещё рясу натянул, и давай шпарить нашему товарищу про сияющие вершины.

– А где этот товарищ? – спросил я. К нам подошел среднего роста мужичок. Лицо круглое, румяное. Он улыбался. Я сразу понял, что это не улыбочик. Видимо, какой-то парень из глухой деревни. Да и глаза веселые. У улыбочиков глаза стального цвета.

– Что он тебе говорил? – спросил парня Олег.

– Я не понял его. Я думал, что он молитву мне будет читать, а он стал говорить вроде русские слова, а непонятные. Я помню на деревню к нам с городу приезжал человек в галстук, и говорил такие же слова. Говорил долго и непонятно.

– А мы наслышаны таких речей! – сказал другой мужик. – Хватит! Не дошли до сияющих вершин. С детства нам вот такие головы морочили. И сюда пробрались. В том доме тоже как-то побывали такие болтуны. Про сияющие вершины говорили. Забрали их куда-то.

– Наш друг не то имел в виду, – сказал я. – Сейчас мы вам объясним.

И мы стали рассказывать про улыбочиков. Развеселили мужиков. А потом Саша, конечно, успокоился, но спросил:

– А что он постоянно улыбался? Вот я и подумал, что это улыбочик.

– Он всё время улыбается. Деревня глухая, – сообщил один из мужиков.

– Если ты такой веселый, за что сюда попал? – спросил Сергей.

– Друг у меня был. Тот лектор стал приставать к невесте друга. У них свадьба должна быть. Вот Иван нечаянно и стукнул его. Умер лектор. Мне стало жалко Ваньку. Я сказал, чо это я убил лектора. На восемь лет осудили. Был на лесоповале. Там и погиб я. Вот теперь я здесь. Я не сержусь, чо меня осудили. Я другу помог. Я и на вашего Сашу не сержусь. Только у меня в голове от его слов чога брянькнуло. Я ничо не понял.

– Так что ты всё улыбался-то?! – возмутился Саша. – А теперь я виноват. Он улыбался, как улыбочик, а я опять виноват? Глаза округлил, и ещё сильнее начал улыбаться! Я виноват?

– Глаза округлил? Так в голове стало бречнать. Я так и не мог сообразить. Почему поп лекцию начал читать, как тот лектор? Он ведь поп. Я потом ещё слушал двух лекторов. Они тоже самое говорили. Долго и непонятно. И всё к чему-то призывали. Потом говорили, чобы мы любили партию. А как мы её должны были любить, еслив в нашей деревне не было этой партии. Как? Я вот всё время думаю, где этих людей учат так долго и непонятно говорить?

– Вон ещё один такой бывший лектор идет, – сказал Олег. К нам подходили: Кирьян Подгузников, Степа Клубков и Володя Тымневакат.

– Мы в столовую заходили, – сообщил Кирьян. – Ничего там нет. Вот так здесь гостей встречают.

Тут улыбочивый парень подошел к Кирьяну, и пожал его руку. Спросил:

– Вы настоящий лектор? А то этот поп наверно, не так говорит.

– Какой я тебе лектор?! – возмутился Кирьян. – Бросьте мне здесь антимионию разную разводить. Что он опять вам тут намолол?

– Он мне лекцию читал, как правильно идти к сияющим вершинам.

Кирьян совершенно возмутился.

– Ты чего, парень? Смеешься надо мной? Какие вершины? Не дошли мы до них, хотя и пытались дойти. Пупок развязался. Нет больше лекторов, исчезли негодники, испарились. Пойдемте, мужики, к дому. Может, куда нас отправят.

И мы пошли за Кирьяном. Он оглянулся и задал вопрос Хилопатову:

– Продолжаешь чудить?

– Я не чудил. Он сильно улыбался, вот я и решил его проверить. Лекцию ему начал читать о социализме с человеческим лицом, ну и всякое другое. Они не поняли меня, и стали избивать.

Мы вошли в дом. Встали под купол. Пока нас никто не отпиривлял.

– Они зачем нас сюда турнули? – спросил Степа.

– Возможно, решили поиздеваться над нами, – добавил Кирьян.

В этот момент что-то сдавило меня, и я машинально закрыл глаза. Почувствовал легкий ветерок. Открыл глаза. Мои друзья стояли рядом. Нас окружали деревья. Под ногами заросшая тропка.

Володя стал оглядываться, щупать траву.

– Однако здесь давно не ходил человек. Тропка идет к реке. Идем к реке.

– Наш следопыт нас выведет куда надо, – ответил Кирьян. Володя шел впереди нашей группы. Вскоре мы вышли к небольшой реке. Берег песчаный. Людей не видно.

– И куда нас поведет следопыт? – спросил Сергей.

– Надо идти вниз по течению.

Тропка то приближалась к реке, то уводила нас в лес. Но мы упорно шли за нашим Володей. И вот речка впала в большую реку. Вот это да! Здесь, например, я был много раз. Косогор. На его вершине стоял шатер, горел костер, вокруг его сидели пираты. Один из них в котле мешал длинной деревянной ложкой. Вкусно пахло мясом и луком. Отъявленного пирата Гнатона здесь не было. Пираты не обращали на нас внимания.

– Опаньки! – воскликнул Кирьян. – Мы уже здесь бывали! Могли бы нас сразу сюда турнуть, а они нас, понимаешь, вели вдоль речки? Помытарить нас захотели. Мы привыкли к мытарствам. Шалите, не испугали. Идем в пещеру, или как?

– Если или как, то попадем туда, где были недавно, – ответил Сергей. – А вот побывать, где мы давно не были, стоит рискнуть. И потом, что говорил Турас? Какое-то зазеркалье и ещё что-то

там, что бывает после нас. Минута разница. А зеркала мы проходили. Может ещё испытать?

– Двигаем в пещеру, – ответил Степа. Из посланцев нас никто не встречал. Ну и ладно. Без них обойдемся. Мы вошли в пещеру.

Грешники таскали тачки со своими грехами. Мы миновали пещеру грешников. Вошли в длинный коридор. Как всегда было много дверей. В одну из комнат Сергей решил заглянуть. Только приоткрыл дверь и тут же захлопнул.

– Там, там. Не надо туда. Там наша Октябрина Правдина что-то объясняет молодым женщинам.

Мы решили не испытывать судьбу. Ускорили шаги. Решили войти ещё в одну комнату. Вошли. Просторная комната. Такое было ощущение, будто здесь никто не жил, а вот на столе стоял электрический чайник. А вот и несколько кружечек для кофе. В стеклянной банке был растворимый кофе. Пахло свежим горячим напитком. Кто-то же его пил! В одной вазе печенье, конфеты, плитка шоколада. В другой большой вазе разные фрукты. Странно. Но здесь никого нет. Нет одежды и обуви. Нет шкафа и других нужных вещей для проживания человека. Не знаю почему, но мне почему-то стало тревожно. Кроме стола, был один диван, несколько стульев. Да ещё в углу стояло зеркало в мой рост. На нем видна пыль. Это ещё раз подтверждает, что здесь никто не живет. Мы расселись по стульям.

– Да, это что-то, – тихо сообщил Иван. – Такого вроде никогда не было. За всем вот этим что-то есть. Надо держать ухо востро. Что-то меня беспокоит.

– Мы ведь никого не тронем, – сказал Степа. – Пусть появляться.

– А давайте, мужики, кофе поьем, понимаешь, – предложил Кирьян, а сам оглядывал комнату. В его взгляде я увидел тревогу. По чайной ложке мы насыпали в свои кружечки порошок. Заварили. Крепкий запах заполнил комнату. Я пока не стал пить кофе. Меня заинтересовало зеркало. Ничего нет в комнате, а зеркало есть, да ещё такое большое. Я встал, и подошел к нему. Следом за мной поднялся Иван.

– Попейте кофе, – сказал Кирьян. – Эти два любопытных человека всегда и везде, сколько я, понимаешь, помню, во все дырки лезут. Удивительный кофе. А, что это, понимаешь, того. Следопыт...

Мы с Иваном подошли к зеркалу. Я встал напротив него. Надо пощупать. Обыкновенное зеркало. Оно нас никуда не пу- скало. В зеркале был я. Но мое отражение вдруг подмигнуло мне. Что это? Я ведь не подмигивал. Тут отозвался Иван:

– Вот оно и есть зазеркалье. А я там, на миг оскалился. Эй, ты, зазеркалец, а ну, покажись!

На мгновение меня насторожила тишина за нашими спина- ми. Оглянулся. Наши друзья спали. Уперлись головами в стол и спали.

– В кофе что-то подсыпали, – ответил Иван. – Мы ведь с то- бой кофе не трогали. А ну, выходи!

И о, чудо! Из зеркала вышел я, а следом появился Иван.

– Приветствуем, братья из зазеркалья, – сказал я.

– Какой ты, брат, чёртов потрох! – ответил я. – Что вы сдела- ли с нашими друзьями? Падлюги, зазеркальные!

– Может вам лекцию прочитать из времен раннего и поздне- го застоя? – предложил Иван. – Я это мигом прочитаю.

– Не надо, – быстро ответил второй Иван. – Мы хорошо зна- ем ваши глупые лекции. От них можно с ума спятить. Мы всё о вашем мире знаем. Один Саша Хилопатов чего стоит. Но он уступит таким вашим лекторам, как Дрожжин и Балаболкин. Да и Железянкина мастер по забалтыванию. Она до сих пор мозги пудрит людям легким на голову в городе Туманске. Теперь хоть поняли, что мы всё знаем?

– Это мы поняли, – ответил я. Меня удивили глаза. Они не мигали, и были зеленого цвета. – Зачем усыплять нас? Могли бы культурно поговорить. Как Степа говорит, никого бы из вас не тронули. Зачем это всё? Объясните. И почему вы оказались на- шими двойниками в зеркале? Это что-то новое для нас.

– А вы помните, как прыгали в зеркала, и попадали в дру- гой мир. Попадали в мир волосатиков. Забыли? А почему здесь вдруг удивились?

– И вы это знаете? – спросил Иван.

– Знаем. Вы проникали через другие зеркала. Вот это зеркало совсем другое. Вам надо познать другой мир. Это для вас главная задача.

– А здесь, какая для нас задача? Усыпить? И что дальше? – спросил я.

– Перенести вас в наш мир.

– А там, чтобы сделали с нами?

– Как говорится, вы двое всю обедню нам испортили, – ответил второй я.

– Ты отвечай! – крикнул я. – Что дальше? В рабство взять? Улыбчики у вас есть, будь они не ладны? Отвечай!

– Улыбчики? В наш мир мы их не пускаем. Отвечу. Из нашего мира вы бы не вернулись в ваш мир. И такое бывает. Мы бы человеку не советовали долго смотреться в зеркало. Можно угодить к нам. Мы ещё ничего. А вот наши соседи по зазеркалью, настоящие звери. Но, мы с ними ладим. Они ваших любителей долго смотреться в зеркало и любоваться собой, затащат в зеркало. А там уж мы бессильны помочь вашему человеку. Он становится рабом тех зверей.

Странно, будто кто-то шепнул мне, что им не надо верить. Они первоклассные вруны, обманщики и крупные пакостники.

– Какие они? – спросил Иван. Он подмигнул мне. Значит, и ему шепнули.

– Не надо бы вам смотреть на них. Перепугаетесь. Вы прыгали в не такие вот зеркала. Но тоже зазеркалье. Здесь всё другое. И мы отличаемся от вас. У нас сердце с правой стороны. У нас всё наоборот.

– А если мы сейчас прыгнем в зеркало, увидимся с вами? – спросил Иван.

– Нет. Здесь наше отражение. В этом мире мы вроде фантомов.

– А зачем вы сюда ходите? Это ваша комната? – спросил я.

– Здесь мы встречаемся...

– С сатанистами, мать вашу за ногу! – со стороны стола закричал Кирьян. – Чем это ты напоил нас? Вот, пожалуйста, два Юрки и два Ивана. Они что умнее меня? А где мой огрызок?

Наши друзья стали вставать со стульев. Назревал скандал. Первым пошел к фантомам Степа.

– Я сейчас вас по-настоящему трону. Где я другой?

Он подошел ко второму Ивану, и решил взять его за шиворот, но рука свободно прошла сквозь тело.

– Издеваться решил, чёртова кукла! – заревел Степа. Решил пнуть. Нога прошла мимо, и Степа упал. Странно. Оба фантома побледнели.

– Ах ты туманный потрох, да я тебя совсем в туман превращу!

Он вскочил и стал бегать вокруг фантомом и пинать и бить их. Ему стал помогать и Володя. Кирьян только надувался. Он, то бледнел, то краснел. Потом его прорвало. Он закричал:

– Ты, что мне в голову впариваешь наши лекции из времен социализма! Издеваешься, падла туманная! Заикаться начал? Проняло, мерзавца!

Второй Иван дрожащим голосом ответил:

– Сейчас же успокойтесь. Всё. Хватит буянить.

И мужики мгновенно утихли. Конечно, гипноз повлиял.

– Слушайте, потусторонние люди, хватит озорничать. Что было, то было. Зачем напоминать? – спросил я. – Вас это забавляет?

– Некоторые забыли, как они перед зеркалами тренировались перед выступлением на пленумах! – ответил второй Юрий. – Рожи свои корчили.

– Вы такие же фантомы, как и улыбки. Вот только не улыбаетесь, – ответил Сергей. – Людьюми не желаете стать?

– Там, за зеркалом, мы такие же люди, как и вы. И только, когда сюда попадаем, становимся фантомами. Сегодня мы встречались с учеными Дригисом и Маолом. Вы их хорошо знаете. Они здесь рядом. Вот этот коридор заканчивается, а за дверью мировая библиотека. Вы в ней были.

Кто-то опять шепнул, что никаких ученых они не знают, а всё взяли из наших голов.

– Значит, вы сами здесь кофе пили? – спросил Олег.

– Конечно. Мы здесь часто бываем. Мы знаем, что вы давали им свою кровь, как и в мире мотов и кортов.

– Надо же! Все в этих мирах всё знают, одни мы ничего не знаем. А приход у вас есть? Я бы мог вам подсказать, что надо делать, – сказал Саша.

– У нас тоже есть церкви. Но там у нас есть свои священники. Надо было, Саша, учиться во время в одной из церковных школ.

– Что вы все мне об этом напоминаете?! – возмутился Саша.
– У меня и борода чего стоит, и голос у меня густой и сочный.

– Этого мало, – ответил второй Иван. – А потом, у тебя часто бывает, что руки с клеем. Ты бы у нас забыл про воровство. За цветочками бы ухаживал, да сучки в лесу собирал.

– Не пойму вас, о чем говорите. Я за цветками не любитель ухаживать. Я не ворую, я для дела беру.

За всё это время Кирьян, Степа и Володя стояли, словно статуи и молчали, только надувались и кряхтели.

– Саша, хватит тебе всё по твоему одному делу говорить. У нас есть и другие вопросы, – сказал Иван. – А нам можно посмотреть одним глазком на ваш мир?

– Как вы когда-то выражались, утрясем это дело, пробудим, устраним узкое место, и пятимильными шагами устремимся к зеркалу, – строго ответил второй Юрий. – Только у нас там имена другие, и совсем мы там другие. Там бы вас кое-чему научили.

Они пошли к зеркалу – мы следом. Сдвинулись с места и наши три друга.

– Я бы вас сморчки кисельные, понимаешь, в дугу бы загнул, – проворчал Кирьян. – Хватит мне лекции читать, я сам могу такую лекцию заварганить, что ваши кисельные головы вмиг раскисли бы, ядрена вошь!

– Я и сам мастак известись на какую-нибудь речугу. У всех у вас научился трепаться, – ответил Степа. Володя улыбался. – Я слушал, как кто-то говорил в ухо Кирьяну. Долго и непонятно говорил. Так красиво говорил! Заслушаешься.

– Ты бы хоть помолчал! – крикнул Кирьян. В это время наши двойники почему-то затряслись и скрылись в зеркале. Мы подошли к нему и остановились. Никто не решался притронуться

к зеркалу. Странно, но мы в нем больше не отражались. Это что-то новое.

Саша подобрал рясу, истово перекрестился и притронулся головой к зеркалу. Она скрылась в нем. Немного так постоял, и высунулся.

– Там никого нет. Природа странная. Нет комнаты. Поле, и поют жаворонки. Цветы кругом. Небо есть, солнце светит. За мной, друзья!

Все мы последовали за Сашей. Зеркало нас пустило. И действительно, как доложил Хилопатов, природа была удивительна. Воздух насыщен запахами трав и цветов. А их здесь, каких только не было. Но, что-то стало меня тревожить. Иван посмотрел на меня, и растерянно пожал плечами. Видимо, и он что-то почувствовал.

– Нам бы не забыть место, куда вернуться, – сказал Иван. Как в тумане зеркало стояло рядом с нами.

– Вот так вот и не попадают люди обратно в наш мир, – ответил Олег.

– А где же эти туманные фантомы? – спросил Кирьян.

На сколько, хватало моего зрения, в степи никого не было. И только в дали, виднелся лес.

– Что же, мужики, нам делать? – спросил Кирьян. – От зеркала отходить нет смысла. Заблудимся. И останемся здесь навсегда. Не могли же эти оглоеды жить в самом зеркале. Что-то я не в своей тарелке.

– Тогда зачем мы сюда нырнули? – спросил Иван. – Для познания истины. Так давайте эту истину познаем. Хотя, что-то здесь не так.

– Ты по-русски скажи, а то опять полез в непонятно чо, – сказал Степа. – Кирьян, чо делать-то будем?

– А я знаю? Ни черта не знаю! Давайте вместе кумекать. Хочется и колется. Хочется узнать, что здесь есть такое, и вернуться надо бы. На раскоряку мы встали. Ума, понимаешь, не приложу что делать. Какая-то загвоздка получается.

– У меня есть предложение, – сказал Олег. – Конечно, всё ловко получилось. Дело не в этом. Нам надо узнать, что это за мир такой. Как узнать? Давайте бросим жребий.

– Зачем? Что опять придумал. Два есть у нас придумщика и фантазера, и ты туда же? – спросил Кирьян.

– Жребий на то, чтобы кому-то здесь вдвоем остаться у зеркала. Одному скучно. Вдвоем в самый раз. А остальные пойдут хоть какое-то жилье найти. Нам ведь надо пищу где-то добыть.

– Дело мелькуешь, – сказал Степа. – Давай жребий бросай.

Олег взял и сорвал восемь маленьких цветков. Шесть белых и два красных. Он снял свою шляпу, и положил туда цветы. Перемешал их.

– Кто достанет красный цветок, тот и остается здесь.

Два красных цветка достались Олегу и Степе.

– Как не повезло, – обиделся Степа.

– Ладно. Мы здесь среди цветов будем слушать песни жаворонка и кузнечиков. Идите.

Они сели. Степа раскинул руки.

Мы пошли в сторону леса. Никто из людей и не попадался.

Пришли к границе леса. Удивительная чистота в лесу. Будто кто специально все сучки убирал.

Вскоре мы вышли на опушку леса. Недалеко протекала река. Вдоль берега стояли деревянные дома. Деревня была маленькая, чистенькая. В нашей России я таких деревень не видел. Странное чувство не отпускало меня. Во мне росла непонятная для меня тревога. Что-то здесь было не то.

Володя вызвался сделать разведку. С ним решил пойти и Саша.

– Вдруг там есть приход, – сказал Саша.

– Тебя отправляют в разведку, – строго ответил Кирьян. – Это для нас неведомый мир. Идите.

Володя и Саша опустили на землю и поползли.

– Ну, мать их за ногу, что дети. Настоящую разведку устроили, – улыбнулся Кирьян. Но я заметил, что и он чем-то встревожен. Он, всё-таки, считает себя командиром над нами, значит ответственный за всех нас. Да и мы давно его признали своим командиром. Он это знал.

Вскоре мы увидели наших двух «разведчиков». Впереди бежал Володя, за ним тяжело бежал Саша. В его руках болталась ряска. Они бежали и махали руками.

– Что там за камуха пугнула следопытов? – почти прошептал Кирьян.

Что они кричали, мы не понимали. Они так махали, чтобы мы уходили. За ними никто не гнался.

– Нам и врагов-то нечем встретить, понимаешь, – продолжал шептать Кирьян. Действительно, у нас не было никакого оружия, а у меня кнута.

Мы дождались наших парней. Вот они рядом. Саша, видимо, с испугу крестился на ходу левой рукой. Он кричал:

– Бегите! Там! Там! Они! Как они сюда попали? Все они такие там! Нас могут здесь оставить!

– Шибко плохо здесь, – говорил Володя. – Так стало страшно, будто меня супонью связали! Мне никогда не было так страшно!

– И меня оторопь взяла! Даже из головы молитву вышибло! Господи, что же я делаю?левой рукой крест на себя накладывал, – говорил Саша.

– Хватит об этом! – задушено крикнул Кирьян. – Толком говорите, что там случилось? Что там увидели? Толком говорите, мать вашу за ногу. Надо было мне самому туда идти.

Саша прерывисто дышал, а Володя не стоял на месте. Он весь дергался.

– Мы увидели там. Увидели это самое...

– Да говорите, чёрт вас заберит! Сатану увидели? Так мы его видели. Что там такое увидели, что обоих трясет. Говорите, скотины безрогие!

– Там, это, того... Мертвецы были.

– Удивил, – сказал Сергей. – Мы их навидались на острове Диком.

– Здесь совсем другое. Я увидел своих знакомых. Говорили, что они утонули на рыбалке. Их искали, но не нашли. А они здесь. Кричали нам, чтобы мы уходили. Я расслышал, как один кричал, что нас могут оставить здесь навсегда. И, что они в рабстве у двойников... И тут же появилось два двойника. Они были злые. Начали избивать мужичков, и они спрятались за забором. Вот мы и побежали. Надо уходить. Вот вам и зазеркалье!

– Всё, парни, бежим к Степе, – приказал Кирьян. И мы побежали. Бежали и оглядывались. Нас пока никто не догонял. Вот почему во мне росла такая тревога. Я бежал, и успевал думать. А куда мы убежим от этих тварей? Это их мир. Они в любое время могут проявиться перед нами. Пока никто не появлялся.

Степа и Олег призывно махали нам руками. И вот мы рядом с ними.

– Прыгайте в зеркало пока не поздно! Потом расскажем! – кричал Степа. Один за другим мы прыгнули в зеркало. И вот мы снова в комнате. В ней ничего не было. Голая комната, и только в углу стояло зеркало в пыли и тенетах. Кирьян грохнул кулаком по зеркалу. Наш командир даже взвыл от боли.

– Каналья! Оно будто железное или чугунное! Кошмар какой-то!

Там, куда приложился кулак Кирьяна, пыль не исчезла.

– Вот это новость, – сказал Иван. Да, для нас это была настоящая новость. Много раз бывал в параллельном мире, всего навиделся, но здесь было что-то новое и необычное.

– Парни, понимаешь, давай ходу отсюда, – предложил Кирьян. И мы вышли из комнаты.

– Странно, а зачем эта комната? – спросил Сергей. – Неужели Дригис и Маол, встречаются с этими уродами?

– Врали они нам всё, – ответил я. – Кто-то нам шепнул в ухо. Врали.

В это время Олег зачем-то приоткрыл дверь в эту комнату, и позвал нас.

Комната не была пуста. Был стол, вокруг стояли лавки, были полки с книгами. Нормальная комната. В углу стояло зеркало. Но оно было другим. В такие зеркала мы прыгали, бывало.

– А мы сейчас испытаем, – сказал Иван. Он подошел к зеркалу. В нем тоже было отражение, но рожи никто не корчил. Иван заглянул в зеркало. Потом он вынул голову и сообщил:

– Странно. Вы помните, наверное, как мы заглядывали в подобное зеркало? Унылая природа. Косогор. На нем росло чахлое дерево. Дорога. А по этой дороге шел мужик. Вдали деревня из плоских каменных домов. Оттуда можно попасть в город,

где можно посетить ресторацию. Там живут волосатики, есть огромная библиотека, где есть ученые Дригис и Маол.

– Ну, это мы повторять не будем, – сообщил Кирьян. – Лучше сделаем так. Давай Олег рассказывай, что вас тоже испугало? Давай валяй.

Мы расселись на лавки.

– Когда мы остались одни, тут-то всё и началось. Появилось несколько двойников. Наши со Степой и ещё какие-то фантомы. Они хотели унести зеркало. Тут я и врубился. Думаю, ловко вы устроились. Если они уберут зеркало, то неизвестно куда его унесут. А как тогда нам попасть в комнату? Тут уж Степа постарался. Молодец. Он не стал их, как он говорит, трогать, а сперва, как начал их отборно материть, да по-разному выражаться, ну они и стали исчезать. Я только тогда и сообразил, что их надо трогать нецензурными словами. А Степа вот сообразил.

Степа даже преобразился, от похвалы стал кряхтеть и тоже ответил:

– Да я, вроде, и не соображал в тот момент. Просто обидно стало. За какие шиши я должен здесь оставаться? Да меня и Кирьян тогда заживо съест.

– Да уж, я бы того. Рассердился. Давай дальше валяй, – с важностью в голосе велел Кирьян.

– Ну, я и начал их кастерить на чем свет стоит. Гляжу, а они падают. Ну, я и того, обрадовался. Какие слова помню, какие с вами уже забыл, и их вспомнил. От удивления даже и какие-то такие болтал, что и совсем которые забыл. А тут, как вода из ведра. Ну, они все исчезли.

– Еси-моси! – воскликнул Кирьян. – Чуден мир! Там мы этих, как их, надо же заклинило. Совсем, понимаешь, захлестнуло, фантомов, будь они не ладны, лекциями замордовали до окочуривания! Хоть ложкой мерзавцев хлебай, а здесь подлецов матом! Молодец, Степа. Вернемся вот домой... Тьфу, мама дорогая. Вот, парни, иногда так и выпирает из меня прошлое, когда я болтал с трибуны. Ведь всю жизнь болтал и врал, а вот сейчас, как на духу, стыдно. И пошто мы были такими? Не пойму. А ведь даже институт по вранью был. Высшая партийная школа в Москве выпускала нас болтунов и вралей. Господи, а я ведь её закончил.

Учился в ней красиво говорить, обещать и врать. Вот, Володя, тебе бы там побыть надо было хотя бы месячишко. Может, и ты бы научился классно говорить долго и непонятно.

– Ещё там произошел странный момент, – продолжал Олег. – Вдруг откуда не возьмись, образовался человечек. Роста маленького, тощенький, в общем настоящий заморыш. Глаза, большие, умные. И говорил на нашем языке свободно, вот только голос у него писклявый. Он слышал все слова Степины. И ничего. Сказал, что он и не такого наслышан в нашем мире. Это такой народ. Они прибыли с другой планеты с созвездия Орион. Планета та погибает. Вот они ищут пристанища. Часть попали вот в этот мир. Эти фантомы захватили их. Они занимаются тем, что живут в сговоре с Сатаной, и с другими темными силами. Воруют души умерших, и заселяют этот мир. В этой деревне живут все умершие. Если чем-то провинился, то отправляют к Сатане. Фантомы любят порядок во всем. Вот поэтому всё кругом чисто. Любят цветы. Работают на них вот эти люди. За любую упавшую ветку, и если её не убрал, к Сатане. Здесь эти люди надолго не задерживаются. Бывает, что их неизвестно кто выхватывает в пространство. Возможно, их берут светлые силы. В последние годы эти фантомы совершенно озверели. Ведь это ясно, что сейчас на нашей планете, в нашем мире, царствует Сатана, и другие темные силы. Порой они проникают и в наш мир. Их очень мало. Есть такие человечки, которые поселились в нашем мире. Но, живут они скрытно. Иногда появляются открыто. Действительно, порой идешь в Москве, а навстречу идет маленького росточка человек. В общем, он по плечи мне. Обыкновенный человек. Разве можно догадаться, что он из зазеркалья. Конечно, они могли бы многому нас научить, но наш народ в этом деле недоверчивый. А военные стали бы просить помощи в ещё большем вооружении. Зеркало могло бы и не пропустить нас, но этот человечек что-то сделал с ним. Он и просил, чтобы мы вас срочно звали. Он пытался вас предупредить через ваш слух. Могли бы ещё появиться фантомы. В общем, так, зеркала зеркалу рознь. Есть и такие стекла вот. Правильно люди делают, что закрывают зеркала, когда умирает человек. А вдруг попалось в дом вот такое зеркало? До времени оно не действует. И вдруг оно оживает

тогда, когда не стало человека. Душа мечется. И в этот момент она и попадает в этот мир. Здесь-то и есть настоящая ловушка для неё. Фантомы сотворили фантом, копию умершего человека.

– Но, мы видели себя, – возразил Сергей. Олег ответил:

– Очень просто. Они просто копируют того, кто перед ним красуется перед зеркалом. А фактически они совершенно другие. А то, что у них всё наоборот, то это правда. У нас левая рука, у них правая. Сердце у них с правой стороны. Любое зеркало нам и говорит об этом. Всё наоборот. Внимательно приглядитесь к зеркалу, и вы поймете, что в нем вы наоборот. Да, ещё какое зеркало. Может вас заманить в другой мир. В мир этих двойников-тварей.

– Зеркало, однако, тонкое, как они там живут? – спросил Володя.

– Сложен мир, – ответил Иван. – Параллельные миры тоже ведь живут. А мы вообразили себя, что только мы живем на этой планете. Зеркало. Что зеркало? А ведь есть через тончайшую пленку другой мир. Другие миры в многочисленных созвездиях. Есть жизнь в плазме, которая находится в космосе, и соприкасается с солнцем. Значит, это можно? Почему через зеркало нельзя? Это та же пленка между мирами. Зеркало как бы приманка. В зеркале никто не живет. Это ясно. Коснулся его и улетел в другой мир, но не в зеркало. Сложен мир.

– Я подошел к сосне. Шасьт, и я у дома на острове Диком, – сказал я. – Но я не вошел в сосну. Так и зеркало. Посмотрел в него. Шасьт и я в другом мире. А тот человек шептал нам. Я услышал его. Врала они, но, как убедительно врала! Это не только двойники-твари, но и первоклассные вруны. Это и есть мир врунов.

– Ну, накрутили, – выдохнул Кирьян. – А, в общем-то, я что-то тоже слышал, но не понял. Хотя вы сложно говорили, а всё так. Мудро. Действительно, вообразили себя, чётр знает кем. Пупы земли. А мир-то сложен. Теперь мы такое увидели, что даже во сне не увидишь. Если бы кто поверил нашей болтовне...

– Угодили бы в психушку рядышком с Сашей Хилопатовым, – засмеялся Степа.

– Это правда, – ответил Кирьян. – Опасно. А ведь хочется. Надо бы Юркины книги почитать. Я ведь, змей, не читал. Извини, Юрка. Повесели меня в нашей жизни. Хотя, что я говорю, отключат меня. А жаль.

– Куда нам теперь? – спросил Сергей.

– Как хорошо я вас слушал, – сказал Володя. – Ничего я не понял, а слушал хорошо. Вы тоже долго говорили, и непонятно. Мне бы научиться так долго, умно и непонятно говорить.

– Я тебя научу, – предложил Саша. Пока мы вели беседу, Саша усердно молился. – Жалко, что в нашем мире ты далеко живешь, я бы тебе лекции дал почитать. И ты бы начал тренироваться.

– Только не надо болтать перед зеркалом, – засмеялся Степа. – Выручать тебя будет некому. И останешься ты в зазеркалье сучки подбирать и цветочки выращивать.

– Шутки в сторону, – захмурил Кирьян. Сейчас он был похожий на того Подгузникова, когда он сидел в президиуме партийной конференции. – Надо обсудить и это дело утрясти... Тьфу, мама дорогая. Это, что такое? Когда закончится издевательство над честным тружеником? Кошмар!

Он неожиданно улыбнулся.

– Надо же, как я начал? Ладно. Что будем делать? Куда идти?

– По коридору пойдём, – предложил я. – Видите в торце дверь? Возможно, попадем в библиотеку Дригиса и Маола.

Мы подошли к двери. Стояли и не открывали её.

– Я открою, – сказал Володя. И он её открыл. Перед нами была тоннель.

– Думал, что к ученым попадем, – разочарованно сказал Иван.

Мы пошли по коридору. Маленькие лампочки плохо освещали тропу. Долго шли. Впереди показался просвет. Что нас ждало впереди? Неизвестность. В другом мире мы привыкли к неизвестности. К ней мы всегда стремились. В моем мире я никому не нужен. Осталось одно – созерцать окружающую жизнь, да писать свои книги. Поэтому, я всегда ждал того момента, когда я окажусь в другом мире. Здесь я всегда чувствовал себя свободным, и не было для меня никакой зоны, которая постоянно окружала меня. Здесь я был тем, каким мне хотелось быть,

свободным и счастливым. И окружали меня такие же люди, как я сам. Во мне не было того беспокойства, какое было в той комнате. Почему-то чувствовал, что за тоннелем начнутся для нас новые и необычные приключения. И я первым шагнул в неизвестность.

Возвращение в знакомый мир

Перед нами возвышалась гора, поросшая густым лесом. Почти рядом с ним была деревня, состоящая из двадцати пяти домов вдоль небольшой реки. Дома были деревянные с конусными крышами. От ближайшего двора к нам шли два мужика.

– Интересно, кто они? – сам у себя спросил Иван. – По-моему, это не улыбки, но и не моты. Признаюсь. Беспокойства не чувствую.

– Мне, кажется, это корты. Видите, в речке купаются ребяташки, – ответил я. – Мужики нас встречают. Они знают, кто мы. Идем к ним навстречу.

Саша все это время свою рясу держал в руках, чтобы легче было убежать. Но, тут он её стал одевать.

– Саша, успокойся, – сказал Кирьян. – Надо всё разведать. Кто они и что они намерены делать. Успокойся. И не лезь вперед бабки в пекло.

Мужики подошли к нам. Один из них склонил голову и сказал на чистом русском языке:

– Не бойтесь нас. Мы есть корты. Местные жители. У нас здесь есть ваш знакомый Дубак. Он сейчас придет.

И действительно, по улице к нам шел Дубак.

Мы обменялись приветствиями. Дубак сказал:

– Мы знаем, где вы были. В том мире вы наделали шуму. У вас теперь для фантомов есть сильное оружие, против которого они бессильны. Теней, по-вашему, улыбки, вы свалили ваши лекциями, других незнакомыми нам словами. Вы настоящие воины. В этом мире ваше оружие – слово.

– У вас есть это самое? – подал голос Саша.

– Саша! – повысил голос Кирьян. Саша прикрыл ладонью рот. Дубак улыбнулся и ответил:

– Есть. Но у нас есть свой молельник. У нас они так называются.

– Жаль, но у меня борода, да и голос, – сквозь прикрытый рот ответил Саша. Степа поднес к Сашину носу свой крепкий кулак.

– Я тебе покажу бороду! В один миг сбрею!

– Хватит озорничать, – сказал Кирьян. – Какие у вас дела, где мы вам можем помочь?

– Дел много. В этой деревне живут одни корты. Порой сюда пробиваются тени, и воруют людей, особенно молодых женщин.

– Отныне им, понимаешь, не быть здесь, – обещал Кирьян. – Теперь мы знаем, чем их бить.

– От ваших лекций и непонятных слов, которые вы называете нецензурные слова, моты тоже падают. Да и мы можем не выдерживать ваших лекций и непонятных слов.

– Так не злите нас, а уважайте, – ответил Степа. Кирьян преврал Степу.

– Да замолчи ты со своим уважением! Где можно нам остановиться?

– Столовая у вас есть? – спросил Володя и облизнулся.

– Столовая есть. Вы поселитесь в крайнем доме. Он просторный. Всем места хватит. Столовая рядом. Только там нет вина. У нашего народа нет спиртных напитков, – улыбнулся Дубак.

– Знаем, – печально ответил Кирьян. – Вы никакие праздники не отмечаете. Приходят гости, и вы их тоже, как следует, порусски, не встречаете. Бедно и скучно живете.

– Скучно, – вздохнул Степа.

– Почему скучно? У нас есть рыбалка, охота. Рыбы в реке много, разной дичи в лесу много. Мы выращиваем разные овощи. У нас есть смотры.

– Что это ещё за зверь такой? – спросил Кирьян.

– По вашему кино.

– А посмотреть можно? – спросил я.

– Обязательно. В вашей комнате есть смотр.

Мы пошли за Дубаком.

– У вас Турас бывает? – спросил Иван.

– Бывает. Узнает, что вы прибыли, появится.

Подожли к крайнему дому. И тут Степа спросил:

– Я видел ребяташек.

– Конечно, – быстро ответил Дубак. – А как же. Мы такие же люди, как и вы. У нас также женятся. Вот только у нас нет свадеб, как у вас. У нас всё скромно. У вас бывают богатые свадьбы, а толку? Молодые быстро расходятся. Зачем тогда устраивать такие богатые свадьбы? Показуха. Богатые похороны устраиваете? Зачем? Смотрины устраивать? Зачем? Показуха. Вы любите показухи. Ваши бывшие лекторы читали лекции. Это тоже показуха. Кто складнее выступит с лекцией, изящно наврет, тому честь и слава. Показуха. У вас всё построено для показа.

– Свободные женщины есть? – спросил Степа. – Я бы мог и жениться здесь. А что? Остался бы. Меня там никто не ждет. Мне здесь понравилось. Улыбчикам я бы насобачился лекции читать, материл бы их. Вас бы научил отменно ругаться. Мы бы здесь навели порядок.

– Этого не будет. Вас в любое время могут взять. А потом, вы ведь тоже не настоящие. Ваши живые тела в вашем мире отдыхают. Какой смысл вам пытаться здесь оставаться. А на время жениться мы не позволим. У нас это не принято. У нас нет этих девушек. Они у вас называются гулящими. У вас молодые женщины от природы развратные. Наравне с мужчинами пьют водку, пиво, курят. У нас всего этого совершенно нет. У вас мужчины всё больше попадают под власть женщинам. Это ваша трагедия. Пройдемте в дом.

Мы вошли в дом. Большая комната. Несколько кроватей. Один стол, лавки. Не знаю, как сейчас в наших общежитиях, но в моей бурной молодости, такие общежития были. На одной стене белел гладкий квадрат. Видимо, это и был экран, как его Дубак назвал смотром.

Мы расселись по лавкам. Дубак сказал:

– Это наш дом для гостей. Здесь всё для вас приготовили.

– Как вы узнали, что мы придем? – спросил Сергей.

– Вы только вошли в тоннель, нам сообщили, что вы пришли к нам.

– Мы никого не видели, – сказал Олег.

– Наши друзья моты сообщили. Они видели вас, а вы их нет. Они даже сообщают нам, когда в нашу сторону продвигаются гутены. Вы их называете улыбочками. В нашей деревне у мотов есть два дома. В них они и живут. Моты также имеют хозяйство. Иногда даже вступают в конфликт с гутенами. Как могут эти моты помогают нам. Это высокоразвитая цивилизация. Почти всех уничтожили гутены. На той планете их очень мало осталось. Некоторые прилетели на нашу планету. Они и в вашем мире есть, но в основном у нас. Мы их с добром приняли. А вот вас боятся. Ваша цивилизация отсталая, чем цивилизации с других планет из других созвездий. В вашем мире всегда царствовала темная сила. А сейчас совершенно озверела.

– Мы это, понимаешь, знаем, – вздохнул Кирьян. – А тут ещё нашими лекциями одурманили наш народ. Я никогда не думал, что наши лекции пригодятся в этом мире. А ты смотри, каналья, как здорово получается. Выдал лекцию о сияющих вершинах и улыбочки лапки вверх. Мы им покажем мать их за ногу.

– Вы знаете, – очень тихо сказал Дубак. – Вы нашим людям не читайте лекции о граните и вершинах. Я до сих пор не могу понять, как человек может передвигаться по земле пятимильными шагами. Я даже некоторые ваши слова выучил. Ну, например: «я никак не соображу, что это такое». Интересное слово – не соображу. Наши люди вас не поймут. А могут и заболеть. Особенно не кричите нецензурными словами. Мы это не знаем. У нас люди не ругаются.

В это время в комнате проявился Турас. Он добавил:

– Когда я был в вашем городе, то оказался рядом с двумя мужчинами. Они громко разговаривали, хотя стояли друг против друга. Я тогда, как правильно говорил Кирьян, что он после двух лекций Дрожжина два дня отходил, тоже целую неделю отходил. Пластом лежал. Наши медики лечили меня. Думал, всё, с ума сойду. Они вели культурную беседу о том, как кормить кроликов, коз, и какие помидоры лучше. И что удивительно из десяти слов, только два слова, ну, например, про помидоры, а восемь состояли из мата. Один мужичок очень громко говорил. Так вот из десяти слов, два слова по делу, а восемь слов про какую-то бедную блядь. Юрка мне потом объяснил, что это грубое слово у

таких мужичков для связки слов в предложении. И что этот мужичок знает всего слов пятьдесят, но не более. Юрка рассказал, как он однажды хотел этим мужичкам что-то сказать из новостей, услышанных по телевизору, но они его прогнали. Назвали его придурком, и чтобы он не лез к ним с глупыми вопросами. И, что, мол, все умные люди смеются над ним. Так что, будьте осторожны с местными жителями. Сегодня отдыхайте. Завтра должны здесь появиться гутены. Помогите нам прогнать их.

– Мы это дело обсудим, – ответил Кирьян и неожиданно засмеялся. – Утрясем, пробудирuem и пятимильными шагами дви-нем не к сияющим вершинам, а бить наповал улыбочиков.

– Один Саша Хилопатов может с десятком улыбочиков управиться, – ответил Степа. – Я так и не насобачился балакать по-научному. Я их матом покрою.

– Мне тоже хочется красиво и долго говорить, – ответил Володя.

На этом и решили. Дубак и Турас ушли от нас. А мы пошли в столовую. Там нас хорошо встретили. Всё было, как у нас. Гуляш с картошкой и подливом. Борщ с мясом. Компот.

– Ты, смотри, умеют готовить, как у нас, – сказал Иван. – Забыли спросить про деньги.

– Я думаю, что они нам, понимаешь, одолжат денег, – сказал Кирьян. Неожиданно к нам подошел один из поваров. Он ска-зал:

– Извините. Мы вас угощаем. Вам предстоит большая рабо-та. И мы вам за это благодарны. Как не угостить вас?

– Я давно понял, что мы есть не только испытатели, но мы и профессиональные наемники в других мирах, – сказал Иван. – Так что, давайте, мужики не стесняться, а нормально обедать. Разве мы не заслужим обед и ужин? Заслужили.

– Я согласен, – ответил Подгузников. – Мы есть наемники. Мы эту туманную шалупонь, понимаешь, на этот раз словами замордуем в туман и в воду. Давай обедать. У меня на всё это аппетит разыгрался.

Повар ушел. А мы набросились на прекрасно пригото-вленную еду.

Потом мы пришли в наш дом и решили посмотреть документальный фильм-смотр. Нам показывали планету, где жили моты, которую захватили улыбчики. Прекрасная была планета. Цветущие города. Но не было высотных зданий. Удивительная природа. Показывали ученых. Куда нам до них. Свободно передавали мысли, лица и полностью человека на расстоянии. Телефонов у них не было. Были у них летающие аппараты в виде тарелок. Вокруг планеты могли пролететь за два часа. Эта планета была больше нашей в два раза. Были и дороги. По ней бегали, как мы поняли легкие и низкие машины. Энергию они брали из космоса, и от звезды, которая была похожая на солнце. Планета была бедна насчет ископаемых. Бедных на этой планете не было. Богатство не поощрялось, как это процветает у нас. Люди на этой планете не пили водку, вино и пиво, не курили. Просто у них не было этой заразы, внедренной в человечество Сатаной. У них не было границ, государств, войн. Они не изобретали разные оружия для массового истребления. Если были, какие веры, то они не воевали между собой. Были у них и школы. Все дети учились. Ученые все болезни уничтожили. Космические корабли давно летали в дальний космос. Побывали и на нашей планете. Потом, когда улыбчики захватили планету, полеты прекратились.

– Вот, где коммунизм есть настоящий, понимаешь, – вздохнул Кирьян. – А у нас мечта осталась мечтой. Сплошные войны. Какой президент придет к власти в любой стране, сразу мечтает о войне. Действительно, поверишь, что всеми нами владеет Сатана и его прихлебаи. А сейчас ещё улыбчики появились.

Мы продолжали смотреть фильм. Потом эту планету захватили улыбчики. Выгребли всё из планеты. Ученых почти всех куда-то увезли. Людей толпами убивали. Некоторые ученые с некоторыми жителями планеты улетели на нашу планету. Корабли куда-то спрятали. Это у них держится в секрете. Из мотов стали делать фантомов. Ими легче управлять. Энергетические объекты стали слабеть. Планета постепенно стала погибать. Улыбчики стали искать подходящую для них планету. Гутены обнаружили для житья нашу планету, а также две планеты в созвездии Лебедя, и ещё где-то. На какую-то планету они отправ-

ляют рабов. Там есть какая-то руда, из которой делают мощную энергию. Значит, и наших людей туда отправляют.

– Как мы сильно отстали ото всех, – вздохнул Иван. – Ничем не переделать людей. Пока многие брюхо набивают, водкой заливаются, из десяти слов два слова знают, а восемь слов состоят из мата, а другие становятся миллиардерами, обворовав страну, ничего хорошего не будет. Сатана и улыбки захватят планету, и людей превратят в рабов. Обидно и страшно. И объяснять людям, что ещё кто-то есть вокруг нас, как и Сашу Хилопатова отправят в психушку. Опасно.

– Всё на этом, – сказал Кирьян. – Давайте отдыхать. Нам предстоит большая работа. Языком молоть, это тоже работа. Бывало после районного пленума, понимаешь, будто выжитый лимон. Ведь из всех докладов если всё собрать, то десять процентов только по делу, остальное враньё.

– Мне бы все доклады послушать, – улыбался Володя. – Может и я бы научился так долго, непонятно и красиво врать.

– Ещё успеешь нас послушать, – ответил Кирьян. – Только будет, понимаешь, опасно за твою голову.

– Я лекции слушать не буду. Мне моя голова дороже. А вот материться меня не надо учить. Я им такое закаю, что они не только спят, но в пух и в прах уйдут, падлы туманные! – обещал Степа.

Мы лежали на своих кроватях и болтали. Я не заметил, как уснул. Все мы проснулись под вечер. Олег сказал:

– Саша куда-то ушел. Наверное, решил приход посетить. Как бы опять не влип в какую-нибудь историю.

– Ничего. Услышим шум с той стороны, куда ушел Саша, – засмеялся Степа. Вскоре мы услышали крик Саши.

– А я чо говорил, – смеялся Степа. – Обворовал приход.

В комнату с криком влетел Саша.

– Я пошел приход искать, гляжу, а они трех мужиков ведут!

– Кто кого ведет из прихода? – спросил я.

– Не из прихода! Улыбки ведут мужиков!

– Все-таки не успел чего-нибудь умыкнуть? – спросил Кирьян. – Где туманные прохиндеи?

– За кого вы меня принимаете? Я хотел культурно попросить место в приходе. У меня все-таки борода...

– Хватит о бороде, сволочь вороватая! Иди и показывай этих тварей! – кричал Кирьян.

Мы пошли следом за Сашей. Вдоль улицы шли улыбки. Они подталкивали трех мужиков. Улыбчиков было шестеро.

Кирьян поднял руки, и поприветствовал улыбки. Потом спросил:

– Граждане великого народа, за что вы поймали этих трех благородных людей? Что они такого плохого они вам сделали?

Улыбки остановились. Один из них ответил:

– Посторонитесь. Не то и вас поставим в ряд с этими оставшими против великого народа. Вы ошибаетесь. Это не благородные люди, а преступники. Они посмели выступить против нас.

Тут уж Степа не выдержал. Он выступил вперед и, выпучив глаза, кричал:

– Чёртово семя! Разную тут мне камуху на уши вяжете?! Я вам не буду говорить про гранитный фундамент и сияющие вершины, до которых и вы твари болотные не доберетесь! Я вам мать вашу такое чичас устрою, что вы не только вздрогните, но и в прах уйдете! Я огрызки, ваше помойное дышло, и бляди стое-росовые...

И Степа разразился такой бранью, что даже я не слышал таких бранных слов. Улыбки совершенно окосели и стали падать. И, что удивительно, они скривились, усохли, и действительно превратились в пыль, но в воду они не превратились. И моты тоже попадали. Правда, они в пыль не превратились. Они лежали без движения. И ещё. До Степиного крика я видел людей, которые выглядывали из-за домов. Сейчас их никого не было. Ребятишки разбежались по домам. Установилась такая тишина, что было слышно, как в одном месте сыграла рыба.

– Да, это что-то, – нарушил тишину Сергей. – Я многое слышал, но подобное слышу впервые.

– Я могу и похлеще, – похвастался Степа.

– Надо мужиков приводить в чувство, – сказал Кирьян. Мы стали их шевелить. Они были без движения. И тут появился Ту-

рас с Дубаком. Молча, они что-то стали делать над мужиками. Руками махали и что-то шептали. Мужики очнулись. Встали. Бедные мужики. Они тряслись, лица бледные, в глазах ужас. Пришли ещё люди, и увели их в один из домов.

Турас сказал:

– Я не появлялся. Мог бы тоже в кое-что превратиться. То, что Степа говорил, мы не слышали. Отключили слух.

– Даже наши жители от ваших непонятных слов и крика падают в обморок, – сказал Дубак. – Да, удивительный вы народ.

– Например, мы, моты, ещё не встречали подобных разумных существ, – сказал Турас. – Как-то мы пробились в ваше прошлое. Немного побывали на одной партийной конференции в Москве. Только успели послушать секретаря, когда он отчитывался перед коммунистами. Мы исчезли. Испугались. Ничего не поняли о чем он начал говорить. Просматривали ваши газеты, особенно передовые статьи. Также ничего не поняли. Читали партийные журналы. Не стали познавать содержимое. Можно не только два дня отходить, но и вообще лишиться разума. Удивительный ваш народ. Ничем его не прошибить. Как же вы жили и выжили?

– А вот так и жили, – скромно ответил Кирьян, и склонил головку. – Также, понимаешь, доклады, змей, писал. Другой раз так накручу, что сам диву давался, как ловко навтыкал заумных слов. И сам не понимал, змей ползучий, откуда они лезли в мою бедовую голову. А ведь мы протравлены были этими словами, лозунгами, призывами. Лично меня окружали профессиональные лекторы в виде Дрожжина и Балаболкина. Конечно, я порой пытался говорить простыми словами. Порой меня даже раздражали эти лекторы. Но они не унимались. Они травили наш бедный народ. И я уже ничем не мог помочь этому народу. Я почти сам стал таким, как эти лекторы. Вот я и писал эти доклады заумными словами. Откуда они брались – не знаю. Конечно, из газет и политических журналов. Ясно говорю?

– Это понятно, – ответил Турас. – Все бы так просто говорили, так нет же, надо так накрутить, что сами потом удивлялись, как и вы.

– Эти бывшие лекторы не изменились по болтовне. Например, Железякина. Удивительная дама, – продолжал говорить

Кирьян. – Как-то я присутствовал в одной из библиотек. Пригласили её выступить. По привычке говорила долго и непонятно. Если бы мне дали вспомнить, где я бывал, то я не знаю, что бы я сделал с такими болтунами.

– Вот поэтому, таким, как вы, не дают возможность вспоминать, – улыбнулся Турас.

– Я думаю, что эти улыбочки ещё придут, – сказал Иван.

– Мы их культурно встретим и нежно тронем, – засмеялся Степа.

– Где они в основном появляются? – спросил Сергей.

– В основном, со стороны долины, – ответил Дубак.

– Почему оттуда? – спросил я.

– Вон за тем холмом они поставили своё селение из тридцати домов.

– В прошлый раз, когда мы здесь появились, мы видели такое селение, – ответил Олег. – Красивое место там было.

– Оно может также исчезнуть. Но, вот это селение, где они поселились, поставлены серьезно. Они чувствуют себя здесь хозяевами. Когда эти фантомы завоюют наш мир, появятся настоящие гутены.

– Ничего, мы и настоящих улыбочиков встретим культурно, и тоже тронем, – ответил Степа.

– Разговоры, разговорами, друзья-товарищи, а нам надо, понимаешь, отправляться в поход, – сказал Кирьян. И мы пошли за ним.

– Жалко, я так и не сходил в приход, – запечалился Саша.

– Как вы красиво говорите, мне бы так говорить, – сказал Володя.

– Когда встретим улыбочиков, Володя, ты кричи все те слова, которые запомнил. Кричи их, и будто ты стоишь, понимаешь, на трибуне, и тебя слушает сам Абрамович, – посоветовал Кирьян. – Все слова собери в кучу. Пусть они будут в хаотическом состоянии. А ты молоти языком, что взбредет в голову. Поверь мне, Володя, они испарятся от твоей умной речи. Понимаешь, лишь бы мы тебя понимали. А улыбочикам это не обязательно.

К вечеру мы пришли на место, которое указал Дубак.

–Теперь я уйду. Сами понимаете. От ваших слов можно и ума лишиться. И потом, мне надо идти в лабораторию. Кое-чем надо помочь мотам.

И он скрылся в чаще. Мы устроились на опушке леса. В долине красовалось селение. Я уже описывал такое селение, когда мы впервые увидели его.

Мы легли в густую траву. Дежурили по одному. Когда чуть рассвело, Кирьян разбудил нас.

– Надо это дело обмозговать. Как будем атаковать? Ядрена вошь, даже не знаю с чего начинать!

– Может, я пойду? – неожиданно предложил Володя. – Я ночью вспоминал слова. Много вспомнил.

– Хорошо, – согласился Кирьян. – Но мне пришла такая, понимаешь, мысль. Нас восемь гавриков. Это хорошо. Мы растянемся цепью. И когда подойдем к селению, то начнем действовать.

На том и решили. Я оказался рядом с Володей. Он был с левой стороны от меня, а с правой, расправил рясу Саша. Мы двинули на селение. Вот и первые дома. Улыбчики, видимо, не ожидали такой наглости от нас.

Володя сначала начал визжать. Потом закричал:

– Зарежу, всех зарежу, ядрена вошь! Ублюдки желторотые! Вы не будете опираться на гранитный фундамент! Пробудим вас в узкое место, и не пустим к сияющим вершинам!

После каждого слова он отборно матерился. Кричал, топал ногами, размахивал руками. Саша всех неистово крестил, и кричал предложения из какой-то лекции по строительству коммунистического общества.

Кричал я слова из своих передовиц, которые печатали в районной газете «К сияющим вершинам». Кричал и тексты из рефератов для политзанятий. Странно, тексты, словно сами собой лились из меня, как вода из крана.

Я видел, как падали улыбки, и превращались в пыль. Без всякого боя бескровная битва закончилась нашей победой. Мы стали собираться на маленькой площади. Володя бегал среди нас и рассказывал, как он «сражался».

– Могу я говорить долго и непонятно. Могу! Я теперь ещё потренируюсь, и на трибуне дома выступлю.

– Можешь, Володя, можешь долго и непонятно болтать. Теперь мы, понимаешь, все тут такую лекцию сморозим, что этот мир вздрогнет от нас. Мы этим подонкам, мать их за ногу, устроим ледовое побоище! – С радостью сообщил Кирьян. Конечно, все мы были довольны такой объемной победой. – Теперь, мужики, держись, – неожиданно нахмурился наш командир партизанского отряда. Так я назвал наш отряд. – Это только начало. Мне, кажется, основная битва ещё впереди.

Тут и Володя задал неожиданный вопрос, который нас озадачил.

– Почему здесь нет оленей и коней?

Мы все посмотрели на Володю. Действительно, а почему нет лошадей? С оленями понятно. Здесь не тундра.

– Надо спросить Дубака, – предложил Сергей. – А вон он идет.

Дубак подошел к нам. Володя спросил про оленей и лошадей. Дубак ответил:

– Оленей я в нашем мире совсем не видел. Лошади? Конечно, они у нас есть. Собак и лошадей мы прячем в лесу. У нас там есть поля. Стоят там домики. В них живут пастухи. Там же пасутся коровы. Гутены не любят этих животных, особенно собак. Гутены чуть всех собак не перебили. Собаки их облаивают. Гутены не могут переносить громкие звуки. Даже поймали одного петуха, который начал кукарекать у них под окном. Они поймали бедного петуха и расстреляли. Мы и кур перевезли в лес. А вот мясо, молоко и яйца они любят жрать. Молодых женщин и девушек мы от них прячем. Вот так мы и живем. В заботах и страхе.

– Мы вам, понимаешь, поможем страх преодолеть, – обещал Кирьян.

– Только что моты сообщили, что по тоннелю движется большой отряд в сотню гутенов. Тяжело вам придется. Справитесь ли? Моты ещё сообщили, что таких же два отряда из вашего мира в разных местах дали бой гутенам.

– Отлично! – воскликнул Иван. – Ещё есть два партизанских отряда. Мы не одиноки. Даже настроение поднялось!

При этих словах Дубак сморщился и покачнулся. Сказал:

– Дорогие партизаны, вы с нами-то хоть будьте потише.

– Всё, всё, – замахал руками Кирьян. – С вами будем молчать, как рыбы.

Дубак улыбнулся и ответил:

– На сколько, я вас изучил, вы не любите молчать. Вы даже иногда разговаривайте стоя рядом, кричите. Когда вы будете собираться, я буду от вас в стороне.

– Вы все какие-то хлипкие, – сказал Степа. – Улыбчики превращаются в пыль, а когда мы были в зазеркалье, то эти зазеркальцы превращались в воду. И ваши люди упали в обморок. Бывало и волосатиков мы за милую душу колошматили. Как я посмотрю, только мы из нашего мира, какие-то дубленые. Ничем не прошибить.

Перед нами возник Турас. Он словно из воздуха выдавился.

– Ваш человек очень подходит к гутенам, – сказал Турас. – В любой науке они далеко обошли вас. А вот тела ваши и сознание ваше крепкие и дубленые. Они и хотят внедриться в ваши тела и сознание. Мечта гутенов, покорить ваш мир, ваших людей. Представьте таких людей. Высокий разум, тела дубленые, никакие шумы их не возьмут. И люди такие будут, как ваш любимый гранитный фундамент. Когда-то вы мечтали о сияющих вершинах, и не дошли до них, хотя и двигались к ним пятимильными шагами. Так же и гутены мечтают покорить ваших людей. Это будет великая и жестокая раса. И тогда они не остановятся на одной планете Земля. Они свободно летают на своих кораблях в далекий космос. И будут захватывать другие планеты, и подчинять себе. Это будут страшные разумные существа. Ещё за собой оставят то, что они будут, выглядеть, как фантомы. Куда там ваши космические корабли. Для них они, как детские игрушки. Они нашли космические каналы, и с космической скоростью будут летать от планеты к планете на своих летающих аппаратах. Как когда-то ваши земляне Наполеон и Гитлер мечтали о мировом господстве, так и гутены мечтают о планетарном господстве в нашем созвездии. А там и дальше.

– И никто их не может остановить, – вздохнул Иван. – Если есть космический разум, который всё это создал, то куда он смотрит?

– Нам это неведомо. На вашей земле много было захватчиков, даже вашу страну мечтали захватить. Но, ни у кого ничего не вышло. Возможно, и здесь, тоже, самое произойдет.

– А мне одна мысль пришла, – тихо ответил Иван. – При Наполеоне и Гитлере, поднимался народ. Партизаны сыграли в этих войнах огромную роль. Потихоньку клевали врага, нервировали его. Вам, всем, надо тоже что-то придумывать против ненавистного врага. Нельзя сложа руки сидеть по своим норкам. Лично мы, крошки для улыбочков. А вот все вместе, это была бы сила.

– Ну, Иван, молодец! – воскликнул Кирьян, и тут же закрыл рот широкой ладонью. – Вырвалось. О чем вы все думаете?

– Вы зря так на нас, – ответил Турас. – Наши лаборатории усиленно трудятся. Наши ведущие ученые тайно улетели с нашей гибнущей планеты. Они находятся глубоко под землей. Ваша кровь хорошо помогает нам. Уже есть люди, похожие на вас. – Турас улыбнулся и продолжил говорить: – Они не боятся сильного шума, и такие же дубленые, как и вы. Мы, как-нибудь вас познакомим с ними. Они могут, как и гутены, исчезать из виду. Они изучают ваши лекции, чтобы знать их наизусть. Они смеются и говорят, что были за люди в вашей стране, что слушали такие бредовые лекции. Провели испытания. После одной лекции наши люди падали в обморок. В лабораторию доставили несколько гутенов, и эмиков. Одни превратились в пыль, а другие в воду.

– Что-то новое? – спросил я. – Не зазеркальцы ли это?

– Этот чудный мир заселяют эмики, – ответил Турас. – Они в согласии с гутенами. Но, гутены были бы не гутенами, если бы не покорили эмиков. Это произойдет. Также будет битва за власть. Так что, может такое произойти, что в зазеркальном мире могут вам показаться не эмики, а гутены.

– Один чёрт, – спокойно ответил Кирьян. – Теперь я знаю одно. Мы тоже участвуем в сражении с улыбочками.

Иван добавил:

– В огромном здании убери один кирпич, потом другой кирпич. А? Исчезнет одна песчинка, потом другая песчинка. Так постепенно и любое здание рухнет. А кирпичики эти и песчинки – мы с вами, мои друзья, и те, кто сейчас из наших современников, сражается с улыбочками. Вместе с вами наши новые товарищи и друзья Турас и Дубак будем вышибать эти кирпичики и высыпать песок.

– Как всегда Иван накрутил, – очень серьезно ответил Кирьян. – Но по делу. В настоящее время все мы вот здесь партизаны. Так что, воевать, так воевать, дорогие наши товарищи, представители мотов и кортов Турас и Дубак. А теперь нам надо идти к той тоннели.

Партизаны

Мы пришли к тоннели. Сели отдыхать. Дубак пошел к деревне.

– Надо оповестить народ, чтобы все были готовы к худшему. Пусть уходят к горе. Там есть вход в пещеру. В ней есть вода, и большие запасы пищи. Выживем.

– Не волнуйся Дубак, – ответил Кирьян. – Мы вас, понимаешь, не дадим в обиду. А сейчас Володя нам добрый чай приготовит.

Турас остался с нами. Он сказал:

– Дубак правильно поступил. Мы-то можем скрыться от гутенов, а корты не смогут. Им надо будет прятаться в пещерах. Я забыл вам сказать про ещё один недостаток гутенов. Они боятся пещер. Это мы точно знаем, так как они бессильны и при темноте. Ночью они отдыхают, и никогда не нападают.

– Вот это ты правильно вспомнил, – сказал я. – В этом будет наше преимущество. Но позволь возразить насчет темноты. Они идут по тоннели. Как это понимать?

– Там есть электричество. Оно не только дает свет, но и подпитывает их. Ведь они берут энергию не только от энергии космоса и солнца, но и от энергии земли. А ваша планета богата такой энергией. Только вы её не используете. Вы берете ископаемые планеты: газ, нефть, уголь. Но ведь всё это идет к абсолют-

ному нулю. Наша планета была бедна ископаемыми, и энергией планеты. А у вас такое богатство! Ваша планета так устроена, что она не только богата энергией, но ещё она берет энергию из космоса и солнца. Уникальная планета. Вот поэтому такие захватчики, как гутены, вы называете их космическими пришельцами, и стараются поселиться у вас.

– Пока вы будете говорить, я чайку приготовлю, – сказал Володя.

– Заварки-то нет, – ответил Степа. – Правда, мы на зоне чагу заваривали.

– Чагу не заваривают, а настаивают при горячей воде, – ответил я. – Один товарищ был у меня, так он с похмелья пил эту настойку кружками. Похмелье проходило.

– Я вам, однако, хороший чай сделаю, – ответил Володя. – Я заметил, все эти травы здесь есть.

Я вспомнил, как Володя ходил к крайнему дому, и о чем-то разговаривал с мужиком. Тот принес ему что-то похожее на котомку. И вот сейчас Володя достал из неё котелок литров на пять, и мешочек с чем-то.

Потом Володя стал ходить среди деревьев и рвать какую-то траву. Я даже уловил запах смородины.

Мы развели костер. Когда вода закипела, Володя снял котелок начал «колдовать» с травами. Вскоре разнесся вкусный и душистый запах. Володя достал из котомки для всех нас кружки. И наконец, мы приступили к чаепитию. Я сам хороший специалист по завариванию любого чая с травами и без трав, но такой чай я никогда не пил.

– Вдоль речек у нас на Чукотке есть такие же травы, – во всё лицо улыбался Володя. – Да и тот мужик дал мне засушенные травы. Они тоже собирают травы на зиму. Всё, как у нас.

Вскоре появился из тоннеля незнакомый нам мот. Он будто из воздуха выдался.

– Гутены идут по тоннелю. Двести пятьдесят гутенов. Они захватят жителей в рабство, а кого и расстреляют. Они отомстят за убитых гутенов.

– Как они узнали об этом? – спросил Сергей.

– Когда они разваливались, то успели передать тревогу, – сообщил Турас. – Это будет сложнее победить их.

– Ничего, мы их встретим во все оружия наших голосов и изумительных фраз из лекций, – ответил Саша. Он всё это время бубнил молитвы.

Мне пришла ещё одна мысль.

– Хорошо, они боятся темноты, но могли бы напасть в другом месте. Например, из-за леса. Да и тоннель, ведь это узкое место. Развернуться негде.

– Но, ведь они не знают, что вы их ждете именно здесь, – сказал Турас. – Да и наши разведчики невидимы для них. Кстати, эти разведчики, те самые люди, которых ученые сделали таких, как вы. Они такие же осязаемые люди. Я уже говорил, что они могут и исчезать из вашего зрения. Их также не смогут определить и гутены. Теперь они могут занять жен, иметь от них детей. А всё это благодаря вашим людям, у которых мы брали кровь.

– Значит, и мы, понимаешь, помогли такому благородному делу? – спросил Кирьян.

– Конечно. Наши ученые круглые сутки трудятся над этим эликсиром восстановления нужных клеток. Эти пять товарищей могут и к вам проникать.

– Например, как ты Турас проник в мою комнату?

– Да. Теперь они могут это сделать. Не только эта пятерка приобрела тела, но уже много у нас есть таких людей. Только что наши разведчики сообщили, что они прошли половину пути.

Кирьян поднялся.

– Так, товарищи, все встаем, и идем в тоннель. Будем двигаться им навстречу. Для улыбочиков будет это крупной неожиданностью.

Мы все встали. И тут из тоннеля вышли пятеро человек. Обыкновенные люди. Мы поприветствовали друг друга.

– Теперь, дорогие товарищи, дело за вами, – сказал Турас. – От вашего голоса, и ваших лекций, да ещё в тоннели, мы тоже упадем.

– Мы сами с ними управимся, – сказал Степа. – Мы здесь все собрались голосистые. Я лекций не собираюсь болтать, у меня

своя лекция. Я таких им слов наворочу, что стены тоннеля вряд ли выдержат.

Мы вошли в тоннель. Лампочки ярко горели, даже глазам стало больно.

– Ядрена вошь! – воскликнул Кирьян. – Они что, опупели, каналы из тумана!

– Смотрите, – прошептал Володя. – Три улыбочика впереди. Это разведка.

– Мы нежно будем с ними разговаривать, – сказал Кирьян. – Надо усыпить бдительность этих тварей.

Они остановились.

– Дайте мне речь толкнуть, – сказал Иван. Он выступил вперед, шаркнул ногой, поклонился.

– Граждане великого народа гелиозов. Мы к вам с добрыми пожеланиями. Передайте своим командирам, что мы к вам с сердечным поклоном...

Один из улыбочиков резко оборвал Ивана:

– А кто это в нашей деревне уничтожил наших доблестных воинов?

– Только не мы. Это какие-то оборванцы. Они убежали от нас.

Всё это время Иван говорил спокойно и тихо.

– Куда они убежали? Мы должны их наказать.

– Они бросились к реке и на лодке уплыли, – врал Иван. – Мы решили вам помочь.

– Мы плохо вам верим. Вы из другого мира.

В это время подошли все улыбочики. Вперед вышел командир.

– По вашим рожам видно, что вы настоящие разбойники с большой дороги. Как вы можете нам доказать, что вы преданные нам, грязные свиньи.

Я видел, как наливались краской лица Кирьяна и Степы. У Володи расширились глаза. То их не было видно, а тут в них я увидел столько злости, что я за него испугался. Так могут лопнуть глаза. Все трое тяжело сопели.

Первым не выдержал Степа. Он громко закричал, даже у меня в ушах зазвенело. Голос его, ударяясь о стены, понесся вдаль, по-

вторяя некоторые его слова. Человек, если не знает подобного и дробного звучания, переполошится. А здесь улыбочки. Для них такой звук, видимо, оказался впервые.

– Слушай ты, ублюдок из крысиного гнезда! Меня ещё никто не называл свиньей! Крыса! Тварь болотная!

В руках у всех улыбочиков были трубки. Из них, я помню, они расстреляли людей. И эти палочки выпали у них из рук.

Володя стал топтать ногами и визжать. Что-то кричал на своем языке. Саша кричал о гранитном фундаменте и сияющих вершинах. Все мы шумели. Я даже слышал, как Кирьян кричал:

– Огрызки планетарного значения! Зеленые инфузориитуфельки!

Свет в лампочках замигал и потух. Мы оказались в полной темноте. Наступила жуткая тишина. Только было слышно тяжелое дыхание моих товарищей. Первым отозвался Кирьян:

– Здорово мы их, мерзавцев! Конечно, мы их уложили. Я наступил на одежду. Всё с ними. Вот что друзья, я думаю, что надо, понимаешь, попробовать воспользоваться этими трубками. Шарим, и подбираем их. Потом, как-нибудь докумекаем насчет этой дребедени.

Я нашарил две трубки. Мы стали на ощупь двигаться по тоннелю, но не в сторону деревни, а туда, откуда мы зашли. Предложил Иван.

– Возможно, там ещё у входа есть улыбочки. Надо разведать.

Впереди замаячил просвет. Вскоре мы подошли к месту, где тоннель должна упираться в дверь. Нам так казалось, что должна быть дверь. Но её не было.

– Что за пидэрсия такая? – прошептал Кирьян. – Надо разведать, что там такое? В этом мире чёрт знает, что можно ожидать. В нашем мире все раз и навсегда всё точно сделано. А здесь везде нас, понимаешь, ожидают разные заморочки.

Володя пополз к отверстию, и скрылся в траве. Мы сели на камни и стали ждать. Долго пришлось ждать нашего следопыта. Вот он приполз. Начал чесаться и чихать.

– Ну, говори, чёртов потрох, – прошептал Кирьян. – Хватит чихать и рвать наши нервы. Говори, пасынок Абрамовича!

Володя отдышался, но продолжал чесаться.

– Я выполз туда. Я не пасынок Абрамовича. Мне всегда нравилось, как они все говорят долго и непонятно. Теперь и я так могу.

– Замолчи сейчас же! – прохрипел Кирьян.

– То говори, то замолчи, – удивился Володя.

– Ты замолчи сейчас, сукин сын, а говори! – чуть не закричал Кирьян.

До этого Володя стоял на коленях, а тут вскочил.

– Я вас не пойму никак! То замолчи, то говори. Не пойму! Что мне делать? Я хотел, как лучше. Я хотел рассказать, а вы говорите, чтобы я замолчал.

– Я сейчас его удавлю, – прошептал Кирьян. Тут я решил вмешаться. Я подошел к Володе, положил на его плечо руку и спокойно сказал:

– Успокойся, Володя, успокойся. Просто вы не поняли друг друга. Ты выполз наружу, и что там увидел? Спокойно говори.

– Я хочу спокойно рассказать. Я и хотел об этом говорить. Там сидело десять улыбочиков. Я вспомнил Абрамовича...

Я услышал, как застонал Кирьян, а Степа зарычал.

– Задушу мерзавца. Он издевается над нами.

– Ты, Володя, об Абрамовиче потом расскажешь. Что там было?

– Просто я тоже решил блеснуть речью. Как нам Абрамович обещал, так и стал им обещать про табуны оленей, про хорошие дома, в которых они будут жить счастливо. Вместе с нами будут ловить моржей. Ведь Абрамович тоже красиво говорил и обещал. Смотрю, а они повалились. Но почему-то не рассыпались, а уснули. Так вот как-то Абрамович...

– Замолчишь ты с этим Абрамовичем! – наконец не выдержал Кирьян.

– Просто ты их усыпил своей сладкой речью, – сказал Саша.

– Ты есть достойный ученик Абрамовича. Зря наши товарищи ополчились на тебя.

– Просто я полз через эту траву, и стал чесаться и чихать. А теперь всё прошло.

– Так что ты нам голову стал морочить? – зло спросил Кирьян.

Володя улыбался.

– Мне захотелось вас порадовать, что я тоже могу говорить, как вы и Абрамович. Это так понятно, а вы стали мне говорить, чтобы я молчал и тут же говорил. До сих пор не могу понять ваших слов. Но я их запомню. И слова Абрамовича запомню. Когда встретимся с улыбочками, то вашими и Абрамовича словами я их с ума сведу. Я многому у вас у всех научился говорить. Интересные есть слова у Кирьяна Аполлинариевича и у Степы. Я их в речь возьму. Постоянно тренируюсь.

– Всё. Я сейчас с ума сойду, – почти хрипел от перенапряжения Кирьян. Его лицо даже побледнело. – У меня что-то в голове звянькнуло, как когда-то от лекций Дрожжина. Володя, я умоляю тебя, больше не надо тебе говорить. Когда встретишь улыбочков, то закрути им мозги насчет Абрамовича. А нам не надо. Хорош. Всё. Хватит об этом. Выходим. Там видно будет.

Мы вылезли из густой травы, и все стали чихать и чесаться. Но это быстро прошло. Вот ещё одна загадка. Возможно, здесь был насыпан какой-то ядовитый порошок. Но для кого? Нас он только пощекотал. Не взял он и десятерых улыбочков. А они вот. Спокойно спали на травке. Их усыпил наш следопыт.

Мы собрали все трубки. Сели рядом с улыбочками. Вскоре они стали подниматься. Сгруппировались, но не исчезали.

– Слушайте, господа хорошие, мы к вам с миром пришли, – начал говорить Иван. – Ваши воины смелые ребята. Они готовятся к штурму на деревню. Мы указали им все места, как лучше захватить деревню. Мы теперь с вами. Будем у вас учиться уму и разуму.

Они продолжали улыбаться. Потом, видимо, командир отряда сказал:

– Почему нет от них сигнала? Как они могли вам довериться? Вы жителя соседнего мира. Не понятно. Почему вы нас не боитесь? Все ваши люди нас боятся. В вас нет испуга перед нами. Не понятно.

– Слушайте, любезный, а что это вы насыпали перед входом в пещеру? – спросил я.

– Не понятно. Люди, и местные жители должны были отравиться. А вы прошли. Не понятно. Что обозначают такие слова:

любезный, учиться уму и разуму? Не понятно. В нашем языке таких слов нет. Не понятно. А когда мы что-то не понимаем, то нас настораживает. Вы все нас настораживаете..

– Значит, ты, лисий хвост, ядрена вошь, травить людей собрались? – почти зарычал Кирьян и набычился, готовый броситься на командира. – Я тебе, туманный огрызок от протухшей колбасы, которую иногда в наших магазинах пытаются продавцы втюрить мне! Да я тебя дохлый мозгляк бить не буду, речью своей затрясу!

– Не понятно, – ответил командир и стал заваливаться. Остальные улыбочки шатались, как пьяные. – Не понятно. Что это такое мозгляк? Не понятно? Почему так?

Мы молчали, и слушали удивительную речь нашего командира партизанского отряда. Он уже кричал и размахивал руками. Нам было весело наблюдать за оригинальным концертом. Подобного концерта вы не встретите в нашем мире. А надо бы устроить такие концерты по всей нашей планете.

– Ишь, упыри трухлявые, безмозглые труховки, нас решили покорить?! Да мы вас здесь окочулим без всякой там духовной морали! Какие-то околетье тараканы собрались нас покорить?! Да если мы, земляне, всем миром навалимся на вас вшивых гнид, мы можем вас раздавить, и отправить в песок, а других в воду! Пусть испаряются!

Улыбочки превратились в пыль.

– Фу, устал говорить, – неожиданно заулыбался Кирьян. – Как же я дома мог болтать до двух часов? Как же я мог так болтать? Тоже не понятно, как этот улыбочик говорил. А и то, правда, если бы все на нашей земле такое бы устроили улыбочикам...

– Самое страшное то, Кирьян Аполлинариевич, что не устроит, – ответил Иван. – Прежде всего, они не знают, что с ними рядом, в их головках поселился и улыбочик. Да и сатанисты от самого Сатаны рядышком поселились. Благодать им дают. Помогают обманывать народ, и набивают ненасытные карманы миллионами и миллиардами. Вот в чем беда нашего человечества. Откуда этому человеку знать, что в нем живут рядышком две темные силы? Иного человека они толкают на преступление. Вы думаете, что просто так некоторые дети бросаются с крыш и раз-

бываются? А об этом ведь никто не задумывался. Следователи ищут причину в оставленных записках о неразделенной любви, обида на учителей, подруг и друзей. Всё это чепуха! В этих детях поселился один из этих тварей от двух темных сил. Дети погибают, а эти твари улетают довольные и счастливые. Вот вам и весь ответ. Этим тварям безразлично, кто перед ним. Душа любого человека не знает возраста. А всем им нужны души умерших, погибших. То, что творят они в нашем мире, это продолжается из века в век. А сейчас они решили вообще покорить или уничтожить наше человечество. Вот вам и апокалипсис. И то, что мы делаем здесь с ними, хотя это капля в море, но хоть немного мы помогаем всем живым людям, будь то корты, моты и наше человечество. А вот, как у нас с ними бороться – не знаю. Сложно и опасно.

– Я испытал на своей шкуре, – тяжело вздохнул Саша. – Достучаться до нашего народа весьма сложно.

Недалеко протекала небольшая река. Мы решили хорошо отдохнуть, тем более мы не знали, что делать дальше.

– Нам бы ещё научиться стрелять из этих трубок, – сказал Сергей.

– Турас должен знать. Они уже много лет с улыбочками в конфликте, и должны знать главные оружия своих врагов, – сказал Иван. – В ней я смотрю несколько кнопок. Мужики, будьте осторожны. Нам этот мир неведом, и такое оружие нам тоже неведомо. Наше оружие – слово. Но, хотелось бы изучить и оружия другого мира.

– Ложись, – почти прошептал Олег. И тут я увидел неведомый мне настоящий космический корабль. На той стороне речки, на поле, опустилась круглая тарелка в диаметре в метров пятьдесят. Мы залегли в кусты, которые росли у входа в тоннель. Из тарелки пока никто не выходил.

Олег прошептал:

– Этот корабль возник внезапно из воздуха. Небо было чистое. А он появился в одну секунду. Что будем делать?

– Лежать и не двигаться, – ответил Кирьян. – Будем наблюдать.

Мы лежали в густом кустарнике и молчали. Надо было ждать, что произойдет дальше? И тут я увидел прямо перед собой человека. Он словно возник из воздуха.

– Каналья! – чуть не закричал Кирьян – Напугал меня чёртово вымя!

Человек съежился и быстро ответил:

– Прошу тише. От ваших слов мне станет плохо.

– А мне от этого, какой резон, свинячье ухо, – затишил голос Кирьян. – Кто ты таков?

– Я не свинячье ухо, – совсем тихо ответил человек, – Я от мотов. Турас вас хорошо знает. Вы настоящие воины. Меня зовут Кат.

Степа прыснул в кулак.

– Гад. Сейчас я тебе объясню, чо это такое.

– Не надо. Я знаю. Меня зовут Кат. Вы меня послушайте. Я знаю, что вы не любите слушать других людей и постоянно перебиваете. У вас есть такая женщина Октябрина Правдина. Она любит задавать вопросы, и чтобы не уходили от ответов. Но, главное, она делает так, чтобы только её слушали. В вашей стране всё больше появляется таких женщин. Вы не отличаетесь от них. Такие же нетерпеливые и скандальные.

– Но, но, тише давай на поворотах, – проворчал Кирьян. – Говори, что тебе надо? Моралистов у нас своих хватает. А лекции читать все насобачились. У нас даже Володя может закатить речь.

Володя улыбнулся во всё широкое лицо, даже за ушами хрястнуло.

– Вот когда у нас бывает Абрамович...

– Хватит об Абрамовиче! – быстро прервал Кирьян Володю.
– Говори, Кат, зачем к нам прибыл?

Володя неожиданно нахмурился.

– Так я же, однако, хотел, как лучше. Когда Абрамович...

– Молчать, сука облезлая! Мама дорогая, когда же всё это закончится! Когда этого сына моржа отправят в тундру? – застонал Кирьян, и мощным кулаком ударил по земле.

– Всё, исчезаю, – стал отползать от нас Кат. – Вы хуже той Октябрины Правдиной.

– Всё, всё, – замахал руками Кирьян. – Всё с Абрамовичем. Господи! – чуть не закричал Кирьян. – И этот мне на язык попал. Этот-то, с какого боку прилип ко мне? Давай, Кат, валяй. Будем слушать.

Я заметил, что Кат чуть заметно улыбнулся.

– Ладно. Что с вас взять. Вас уже не воспитать. У вас это в крови, особенно у современных женщин. Этот космический корабль гутенов. Они сейчас ведут исследование. Они не могут понять, куда и почему они исчезли? Для них это загадка.

– Много их там? Это тоже роботы?

– Пятьсот гутенов. Они роботы. Настоящие гутены пока не появились. Настоящие гутены управляют роботами-фантомами. Они подобие настоящих гутенов. Они только что были в вашем мире. Как видите, вашим миром на вашей планете многие интересуются. Она богата небывалой энергией, которую берут у вас все.

– Как все? – спросил Иван. – Кто ещё?

– Кроме гутенов у вас бываем мы – моты. Но, мы вам ничего плохого не сделаем. Мы могли бы с вами жить в мире, как и с кортами. У вас бывают эмики, которых вы видели в зазеркалье. Бывают у вас разумные существа с созвездия Андромеды, Гончих псов, Ориона. Летят к вам ещё корабли и с других планет. Мы ещё поговорим на эту тему. Сейчас не до этого. Скоро они выйдут.

– Мы можем захватить корабль, – сказал Степа. Кат ответил:

– Не сможете. Он подчиняется только гутенам. Такая у него программа. А теперь прошу помолчать.

Но Кирьян не выдержал. Он прошептал:

– Мы взяли трубки. Там кнопки. Можешь нас научить?

– Это оружие убивать. Мы не убийцы. Но, мы знаем, как пользоваться этим оружием. А раз вы воины, то мы вас научим.

И он тут же исчез.

Из корабля стали выходить гутены. Их было много.

– Да-а, – протянул Кирьян. – Дело швах. Их много. Управимся ли?

– А вы, знаете, я им молитву попробую почитать, – ответил Саша.

– Вот этого им, понимаешь, только и не хватало, – сказал Ки-
рьян.

– А разве я несколько улыбочков не уложил? – спросил
Саша.

– Здесь их целый полк, – сказал я. – Не надо, Саша рисковать.
Здесь этот полк можно взять только из пушек.

Неожиданно Саша встал, и пошел к гутенам. Я видел, как они
выстроились в пять отрядов. Конечно, в каждом отряде по сто
гутенов.

– Куда этот рыжий придурок пошел? – прохрипел Кирьян.
Саша, расправив рясу, медленно шел к отрядам, и читал молит-
ву.

Потом нам было не слышно, что говорил Саша, но гутены не
двигались. Из строя вышел, видимо, командир, и положил руку
на Шашино плечо, и он упал. И тут Саша закричал:

– Друзья, извините. Молитва их возьмет, но они, как я понял,
отключили слух. Видимо, кто-то им доложил, что надо отклю-
чать слух. Ещё раз извините.

Сашу подняли и повели к реке, к небольшому обрыву. И тут
мы поняли, что его будут расстреливать.

– Суки туманные! – сказал Степа. – Надо выручать рыжего.

– А кто отказывается? – ответил Кирьян. – Надо помочь му-
жику.

– Все мы разом закричим, возможно, что-нибудь и получит-
ся, – предложил я.

Все мы так и решили, но тут перед нами появилось трое мо-
тов, во главе с Катом.

– Подождите. Мы пойдем первыми. А потом уж вы поста-
раетесь. Мы вам дадим сигнал к вашему крику. Наш сигнал вы
услышите.

– Не хватало прятаться за вашими спинами, – сказал я.

– Правильно сказал Юрка. Всем, так всем идти в бой, – сказал
Сергей.

– Надо спасти Сашу, – ответил и Олег.

– Я бы их начал резать, но у меня нет ножа, – сказал Володя.
Кат встал. Поднялись и его товарищи. Кат сказал: – Немного по-
дождите. Какие вы нетерпеливые.

Мы послушались. Кат и его два товарища пошли к улыбкикам. Конечно, они что-то говорили, но несколько гутенов вышли из строя, и взяли под руки, и повели к Саше. Будут расстреливать.

И тут мы услышали слова Ката. Конечно, они передали нам слова в наши буйные головы.

– Всё нормально. Мы им сказали, что вас здесь нет. И они теперь включили свой слух. Их много, и вы не справитесь с ними. На вашем языке они называются карательные отряды. Они занимаются только уничтожением своих врагов. Уходите через тоннель в нашу сторону. Будете скрываться в пещерах гор, пока вас не возьмут в ваш мир.

– Ну, уж нет, – сказал Кирьян. – Надо выручать нашего товарища, и новых друзей. Негоже оставлять в беде наших товарищей.

– Поможем рыжему. Поможем Кату, – ответил Степа.

Кирьян поднялся. Встали и мы. Кирьян рванул на себе рубашку. Я тоже рванул рубашку, немного подумал, и рванул тельняшку. Наши товарищи сделали тоже самое. Конечно, улыбкики видели это. Для них это что-то новое, необычное для их понимания. Кирьян закричал. А голос у него такой, что вряд ли уступит паровозному гудку. Кстати, паровозные гудки были мощнее современных гудков электропоездов.

– Ах вы, козлиные вымя, мать вашу за ногу! Я сейчас вам покажу про пятимильные шаги по граниту к сияющим вершинам товарища Дрожжина! Упыри забубенные! Канальи болотные! наших товарищей решили окучить?! Клянусь лекциями Балаболкина, Дрожжинв и неутомимой болтуши Железянкой! Клянусь вопросами Октябрины Правдиной!..

Зря он это сделал, зря. В одно время с Кирьяном Степа развился отменным матом, и отдельными знаковыми словами из лагерного лексикона:

– Волки позорные! Сучьё блевотное, будете у нас дежурить у парашаи! Вместо шконок вам пол заплеванный! Да я вас вертухаев на пику насажу! На костре поджарю! А попок дребаных вас жрать заставлю! Да, я за рыжего Сашку всем вам пасти порву!

Все кричали, кто как мог. Володя кричал, что он всех зарежет.

Кстати, когда Кирьян поклялся нашей неугомонной дамы, я все-таки, уловил желанный голосок Октябрины Правдиной. Кирьян даже поперхнулся и закашлялся.

– Я здесь, Кирьян Аполлинариевич, я здесь. Я этих желторотых плимутроков вопросами измотаю. Цвета они зеленоватые, а от моих вопросов серыми станут! Давно я никому нервы не мотала. Соскучилась.

Мы бежали и кричали. Речку мы проскочили вброд. Октябрина перегнала нас и на ходу кричала улыбчикам вопросы.

В этом шуме я услышал всего один вопрос:

– Плимутроки цыплячьи из куриного помета, сколько вы положите на нос в фонд мира? Арабы Кувейта и негры Америки голодают на гранитных фундаментах!..

Молодец Октябрина! Включилась в нашу весьма опасную игру. Молодец!

Заметил, как начали падать улыбчики. Что-то кричал и Саша, одновременно усиленно крестился, и не забывал крестить и улыбчиков. Трое мотов лежали на земле без движения. Эти придут в себя. А вот гутены падали десятками и превращались в пыль.

Я до того кричал, что даже охрип. И вот наступила вождеденная тишина. Я услышал, как возле моего уха пищал комар.

Улыбчиков не было. Одежда иссохла и исчезла в траве. Всё.

Саша Хилопатов тормозил мотов. Наконец, они встали. Шатались.

– Здорово мы улыбчиков посушили, – прохрипел Кирьян.

Что-то прохрипел и Степа. У всех голос охрип. Мы хорошо поработали. Октябрина ходила между нами, и что-то пыталась нам сказать, но голос у неё совсем исчез. Глаза под чудными очками округлились и в них застыли вопросы к нам.

– Дудки, – прохрипел Кирьян. – Отвопросила. Ты молодец, Октябрина, здорово ты их, понимаешь, окучила. Так их каналий. Вот и конец полковому отряду карателей. Откаратели, мерзавцы. Ты, извини, Октябрина, но мы тебя в свой партизанский отряд не возьмем. У нас чисто мужская команда.

Правдина подскочила к Кирьяну, плюнула в свою ладонь, и сунула под толстый нос нашего командира кукиш.

– Не возьму! – с силой прохрипел Кирьян. – И команда против тебя. Ты ведь нас, понимаешь, вопросами замучишь. Ты, все-таки, женщина, как ты постоянно говоришь, и твое место на кухне. Этот мир прекрасен, что женщины, понимаешь, знают свое место. И не суются в дела мужские.

– Я бы остался в таком мире, – тоже прохрипел Степа. – Нашел бы пухленькую бабеночку, да и женился бы. Я был бы доволен, что она на кухне.

Октябрина тоже показала Степе кукиш и пальцем повертела у виска.

– Пойми, Октябрина, не надо бы лезть в мужские игры, – с трудом сказал я. – Пеки блины, засаливай огурцы, пасынкуй во время помидоры и морковь. Тебе огромное спасибо за активную помощь в разгроме целого полка улыбочиков. Мы тебя за это уважаем.

Все согласно закивали головами, но я продолжил:

– Тебе домой пора. Помогла и хватит.

Она подскочила ко мне, и тоже сунула кукиш под мой толстый нос. Что-то стала говорить, но я не слышал что. Она прижала свою косматую голову к моей голове, а свой глаз приткнула к моему глазу. Я слышал только шепот.

И тут она исчезла.

– Молодец, Юрка. Надо признаться, понимаешь, что она во время появилась. Хорошо она их отделала. Но, оставлять её, понимаешь, в отряде опасно. Не хватало нам ещё женщин в отряде. Что они везде лезут? Тут я действительно не пойму.

К нам подошел Кат со своими товарищами. Ноги их не держали. Они сели на траву.

Саша подошел к нам и стал всех обнимать и благодарить за помощь.

– Я уж думал всё. Конец. Я ведь им читал лекцию. Я как-то брал тетрадь у Балаболкина. И вот вспомнил её. И начал её читать. И я сам-то толком там ничего не понял. Такие там мудреные, политические слова, надерганные из политических журналов. Такие закрученные выражения, даже жуть берет. Ну,

думаю, конец улыбочкам. Я не знал, что они слух отключили. Вот и попался. Спасибо Кату и его товарищам. Что-то сделали с улыбочками.

Кат ответил:

– У вас есть выражение. Мы, как говорится, усыпили их бдительность. Мы, мол, пришли к ним с миром. И можем указать место, где прячутся за тоннелю пришельцы из другого мира. Они и раскрыли свой слух. Тут вы их во время застали. Спасибо вам. Они бы нас всё равно расстреляли. Они никому не верят. Выслушали нас, и повели расстреливать. Вот они такие гутены.

– Всё это так, ловко сделали, – сказал Олег. – А могли бы остаться на корабле эти твари?

– Мы не знаем. Проверить бы надо. Сейчас мы восстановим свою энергию, и пойдем проверять.

Они легли и закрыли глаза. Мы не мешали им набираться сил.

Потом они встали и пошли. Мы двинулись за ними. И вот мы рядом с космическим кораблем пришельцев из чужого мира, с далекой планеты. Корабль был коричневого цвета. Огромная глыба, высотой с двухэтажный дом. Мы обошли корабль, но дверей не заметили. А вот смотровые круглые окна, или как у них они называются, мы не знаем, были. В диаметре они сантиметров тридцать. И эти окна находились по всей окружности. Внутри что-то тихо шумело.

– Кто-то есть внутри, – тихо сообщил Кат.

Кирьян стукнул кулаком по кораблю.

– Эй вы, крысы ползучие! А ну, открывайте.

Мы удаляемся, – сказал Кат, и моты тут же исчезли. Они догадались, что мы сейчас будем делать.

Мы стали стучать по кораблю и кричать. Корпус был немало шершавый, холодный. Мне кажется, что его и зубилом не возьмешь.

Корабль сдвинулся с места. Что-то внутри корабля засвистело.

– Куда, тварь болотная собрался? – кричал Кирьян. Корабль неожиданно подпрыгнул, начал вертеться и поднялся метров на пятьдесят. Мы продолжали кричать и махать руками. И вдруг

корабль неожиданно начал дрожать и стал падать. Мы побежали к реке, но продолжали смотреть на падающий корабль. И он упал на то место, откуда взлетел. На корпусе были вмятины, но он не развалился, и не взорвался. Но мы легли на землю. А вдруг взорвется? Мы молчали.

И тут появились – Турас, Кат и ещё несколько мотов.

– Вы настоящие партизаны, – улыбнулся Турас. – Уничтожили более пятисот гутенов. Но, то, что вы сделали с кораблем, это непостижимо. Сейчас мы можем проверить наличие в нем гутенов. Теперь мы должны всё проверить. Вы отдыхайте. Сейчас вам доставят еду.

Моты подошли к кораблю, и стали ходить вокруг него.

Словно из воздуха появились моты. Они принесли стол. На него поставили чашки с борщом, котлеты с картофельным гарниром и соусом, компот, разные фрукты. Доставили к столу и стулья.

Кирьян первым сел к столу, и махнул нам рукой. Мы расселись вокруг стола.

– Да, понимаешь, этого, того, сейчас бы этого, как его, пропустить бы холодненькой водочки. Такое мы сделали...

– Никакого уважения, – ответил Степа.

– Вот когда к нам приезжал Абрамович, – начал было говорить Володя, но его прервал Кирьян: – Ты когда-нибудь заглохнешь насчет этого товарища?

Саша снял рясу, и опоясал её вокруг живота. Потер руки, но потом, видимо, спохватился, и стал читать молитву и креститься.

– Саша в своей тарелке, – сказал Олег. – Тебе, Саша, надо было в свое время поступать в театральный институт. – Давай-ка приезжай к нам в Москву.

– Зачем это? – насторожился Саша.

– Ты бы и в нашем мире попал в нашу компанию. Сергей на гитаре играет и поет. Я тоже кое-что исполняю. Иван разные истории рассказывает. В общем, живем мы, в основном на свалке.

– А сколько там платят? – спросил Саша и бросил молиться.

– Когда как бывает, – ответил Сергей. Мы вели разговоры, и с аппетитом ели то, что нам принесли.

– И то, правда, Саша, приезжай к нам. Всё нам веселее будет, – сказал Иван.

– А там я бы проповеди читал народу, про другие миры не забывал бы. У меня ведь тоже борода. Да и голос у меня сочный.

– В вашем городке если опять начнешь болтать про другие миры, то опять попадешь в психушку, – сказал Иван. – А в Москве ты затеряешься среди народа.

– Уговорили. Поеду к вам. Я давно собирался куда-нибудь уехать.

– Я по тундре соскучился, – говорил Володя. – Оленей надо гнать на новое место.

К нам подошли моты. Турас сказал:

– Там были гутены. Они могли бы улететь, но ваши речи достигли их ушей. Все погибли. Корабль уничтожен. Ремонту он не подлежит. Они хорошо знают, что мы не виноваты. Они знают, что всё это сделали люди из вашего мира. А кто? Им это неизвестно.

– Откуда вы это знаете? – спросил я.

– Когда они были ещё живые, которые хотели нас расстрелять, то между собой говорили, что всё это творят люди из вашего мира. Они не могут понять, как вы попадаете в наш мир. Это им неизвестно, – ответил Кат. – Но, для нас ещё есть одна загадка. Кто-то нас предупредил, что сюда прилетит корабль. Они готовились пропустить огонь через тоннель, чтобы сжечь вас. Наши моты об этом не знали. Кто нам дал сигнал, мы не знаем.

– Теперь улыбочки знают всё о нас, – сказал Иван. – Это уже хуже. А как там наши соотечественники?

– На этот момент кроме вас было три отряда. Они тоже многое, что сделали. Уничтожили два корабля, множество гутенов. Неизвестные нам силы отправили их в ваш мир. Скоро и вы отправитесь домой, – сказал Кат. – Смотрите. К нам гость.

Из леса вышел человек небольшого роста. Он улыбался. Кат сказал:

– Это и есть гутен.

Этот человечек, не касаясь земли, приблизился к нам.

– Я не гутен. Я представитель гелиозов. Все нас называют гутены, что значит, захватчики. Как я остался живым? Сложно для всех вас.

– А ты поясни, тварь болотная, – быстро ответил Кирьян. – Нечего тут крутить нам гайки. Отвечай, каналья, потусторонний упырь.

Турас и Кат тут же исчезли. А вот человечек пошатнулся, но выстоял. Тихо ответил:

– Прошу выслушать. Умоляю вас, пожалуйста, выслушайте. Я уже знаю, что ваш народ грубый и нетерпеливый. Но, выслушайте. Пожалуйста.

– Давай валяй, – разрешил Кирьян. – Но если ты нам начнешь мозги пудрить, собственной речью зашибу. Валяй.

Человечек немного пошатался, скривился, вроде даже усох, а потом ничего, выправился. Начал говорить:

– Нас мало в нашем народе гелиозов. Мы знаем вашу историю. Во времена репрессий, тоже были люди, которые бежали за границу. Наш мир тоже жестокий. Мы обогнали вас примерно на пятьсот лет. Вы видели, как мы можем строить города из ничего. Мы захватили некоторые планеты. Наши корабли бывают в некоторых созвездиях. Мы создали роботов. Их посылаем, чтобы они завоевали намеченную планету. Наши корабли бывают на Марсе, Юпитере, Луне. У нас там стоят наши базы. Сейчас мы окончательно начинаем осваиваться на вашей планете. Бываем в параллельных мирах. Есть на вашей планете высокоразвитый мир. Там тоже есть такие же корабли, как и наши. Они пронзают пространство и тоже попадают к вам.

– Мы видели эти тарелки, – ответил я. – Как-то были в параллельном мире, и видели эти тарелки.

– Наши оживленные роботы-фантомы этот мир тоже завоеуют. Но я не завоеватель. Я против вторжения. Надо всё решать мирным путем. Таких гелей, как я очень мало на нашей планете. Я был в вашем мире. Вы очень отсталые люди. Многие из вашего мира готовы хоть сейчас служить нашему народу, завоевателям. Ваши люди не понимают, что их уничтожат. Оставят услужливых, покорных и тупых. Такие, как у вас правители и

ученые им не нужны. Ваш мир должен это понять. Но говорить про опасность в вашем мире нельзя.

– Да. Мы понимаем, – ответил Иван. – Конечно, большая опасность со стороны космических пришельцев, с которыми многие хотят встретиться. Главное, что они принесут в наш мир? Я бы крикнул на весь наш мир: «Опасность! Улыбчики!»

– Я знаю. Вы так нас назвали. Я вам зла не желаю, – ответил он, и неожиданно перестал улыбаться.

– Что за камуха? – спросил Кирьян. – Ты не улыбочик?

– Я не робот-фантом, я настоящий гель. Но не гутен.

И тут я обнаружил, что за нашими спинами стояли Турас и Кат. Они молчали.

– Слушай, этот самый, как тебя, понимаешь, звать? Имя твое как? – спросил Кирьян. Не будем же тебя называть гелью.

– На вашем языке, для нас очень сложном и порой, совершенно непонятном, меня называйте просто Котя. У нас это имя на нашем языке произносится по-другому. Я вам сказал довольно просто.

– А как ты наш язык выучил? – спросил Сергей.

– Мы можем говорить на многих языках всего мира. Это только вы ограничены в познании других языков. У вас не работает особый отдел мозга. Он во многом у вас не работает. Мы можем свободно летать в воздухе. Мы можем проникать во все ваши параллельные миры. Мы можем попасть в космические колодцы. И в них свободно летать на такие расстояния в космосе, что вам этого и не понять.

Я хотел сказать, что мы летали в одном из таких колодцев, но почему-то воздержался. И мои друзья тоже промолчали. Видимо, так нужно было.

– Зачем тогда корабли? – спросил Сергей.

– По этим колодцам летают разведчики. Они прилетают на какую-нибудь планету. Всё там изучают, и передают данные в главный штаб гутенов. Там решают, что делать дальше. Сразу завоевать этот мир, или втираться в людей, и готовить их для покорения. Ваш мир подошел для покорения. Нас мало. И мы бы не хотели вам сделать плохо. Мы бы многому вас научили. Мы сейчас связываемся с вашим параллельным миром, где есть

свободные ученые, как Маол и Дригис. Вы называете тот мир волосатиков. Эти ученые быстро поняли нас. Мы будем вместе с ними готовить что-то для борьбы с гутенами, чтобы помочь вашему беспокойному и агрессивному миру. Вы все там были. Это великие ученые.

– Они оживляют мертвых, – начал было говорить Сергей. Котя его тут же перебил:

– Пока этот вопрос в стороне. Надо решать, что делать с гутенами? Вот вопрос вопросов. Надо пытаться спасти вашу планету и ваш разумный мир, который весьма отстал от других цивилизаций. У многих людей ваш разум будто застыл.

– Мы ведь догадались, как уничтожить улыбочиков, гутенов, – сказал Олег. – Ловко мы их отправили в пыль, а эмиков из зеркаля в воду. Они такие же, как и улыбочики. Не отличить.

– Да, это вы хорошо придумали. Вот, что ещё, вот эти роботы-фантомы боятся не только шума и ваших непонятных слов, но и темноты. Ночью они бессильны.

– А как настоящие гутены? Чего они боятся? – спросил я.

– Мы все боимся непонятных слов. К шуму мы привыкшие. И темноты не боимся. Я пока не буду говорить, что ещё для нас губительно. Пока не надо. Может, вы потом сами догадаетесь. От непонятных слов вы порой сами можете упасть в обморок. Вашими лекциями вы многое, что можете натворить. С вами надо прощаться. Мы ещё встретимся даже в вашем мире. Нам надо побеседовать с Турасом и Катом.

И он тут же исчез. Исчезли и моты. Всё. Мы остались одни.

– А теперь мы куда? – спросил Степа. А вот Саша всё это время ходил вокруг корабля, и что искал.

А ведь нашел. В руках у него какие-то блестящие железки.

– Ты, Саша, не можешь без того, чтобы что-нибудь не стащить, – засмеялся Иван.

– Я не крал. Я взял. Вдруг дома что-нибудь да пригодится.

– Приедешь к нам в Москву, и на свалке найдешь всё, что тебе нужно. Там этих железяк кучи.

– Но ведь это из другого мира! – воскликнул он. Вокруг меня всё стало таять, покрываться туманом. Мои друзья исчезли. И я

тут же оказался под куполом дома на острове Диком. Мои друзья были со мной.

– Великолепная восьмерка из партизан на месте, – улыбнулся Иван. – Вот это приключение!

– Перед отъездом в Москву к вам, я буду всем рассказывать об этом мире. И что надо, действительно кричать – опасность! Улыбчики!

Я тут же оказался у своей сосны в моем мире. На этот раз долго мы путешествовали. Жалко, что часы не взял. Но я хорошо помню, когда я вышел из дома. Я бросился домой. Посмотрел на часы. Время, проведенное в другом мире, заняло тридцать минут. Я встал под теплый душ, выпил чаю с медом, и лег на диван. Уснул быстро.

Часть шестая. В трудных поисках

Лишние люди

Осень. Пожелтела березовая роща. С осин падал дрожащий лист. Озабоченный бурундук торопливо бегал между деревьями, отыскивая грибы. Высоко над тайгой пролетела беспокойная стая диких гусей. В тот день я был на краю дачного поселка у знакомого товарища. Когда-то он работал в райкоме партии инструктором, и даже побывал заведующим политическим отделом. Солидный и серьезный товарищ. Даже среди кустистых и спелых помидор он ходил в галстуке. Я бы мог пройти мимо, но он позвал меня. Я шел из тайги, и мне надо было пройти мимо дачного поселка. Тут я и заметил, в его дворе бродили два домашних гуся. Вытянув шею, они с тоской смотрели в небо. Мне даже показалось, что они разговаривают между собой.

– Ну, что, друг, попробуем? Может что-нибудь и получится?

– Надо попробовать, подруга. Я ведь тоже гусь лапчатый, как и они. Оттолкнемся хорошо, да и взлетим. Подумать надо, утрясти это дело. Конечно, надо бы посоветоваться с другими гусями. А то ведь нет кворума.

– Ну не я же подпрыгну. И не уходи от ответа. Я все-таки дама. Ну да ладно, давай прыгай.

Подпрыгнул гусь лапчатый, да и повалился на бок.

– Фи, – прошипела подруга-гусыня, – пойду к другому гуся.

И я видел, как она, гордо вытянув шею, пошла к стайке других гусей. А лапчатый гусь, медленно поднялся, ещё раз с тоской посмотрел в след гусяной стае, и стыдливо опустив голову, медленно заковылял к своим лапчатым товарищам.

А я во двор зайти побоялся. На цепях сидело четыре пса. Петр Петрович Длиннохвостиков вышел со двора и сел на лавочку.

– Садись, Стрелов, – пригласил меня Петр Петрович. – Где это тебя носит? Что это без дела по тайге шарисься? Люди на зиму грибов уже наломали. Я вот восемнадцать ведер чернички привез из тайги. Ещё бы парочку ведер. Несколько банок грибочков насолил.

– Гуси на юг летят, – сказал я.

– А что тебе эти гуси? У меня у самого двадцать гусей. Ты, говорят, всё балуешься? Что-то там чиркаешь? Не надоело ещё баловаться? Что без дела в тайгу ходить? Не пойму тебя ни как? Странный ты какой-то... Будь как все. Всё у тебя шиворот-навыворот. Пора бы уж уняться. Я ведь тоже кое-что чиркал в газету. Должность была такая. Куда денешься? Даже лекции читал. За каждую лекцию мне денежку платили.

– А вот я знал наших пропагандистов Дрожжина и Балаболкина. Вот это были мастера по болтовне.

Петр Петрович даже нахмурился.

– Вечно ты такой. Чего это по болтовне? А если честно, то я лучше их читал лекции. Даже в обкоме меня хвалили. А ты говоришь по болтовне. Я мог без отдыха говорить по два часа. Жаль, что сейчас некому их читать.

– Они у вас сохранились? – неожиданно спросил я. Не знаю, зачем спросил.

– А как же. Это ведь память о добрых временах.

– Вы, конечно, их не смогли бы по памяти прочитать.

– Я?! – резко спросил Петр Петрович. – У меня, считай, сорок лекций! Да я их почти все знаю наизусть! – и он вдруг испуганно оглянулся. Прислушался. А потом тихо ответил: – Я их иногда читаю, чтобы жена не видела. Я их на чердаке храню, там и читаю.

Иногда он зачем-то оглядывался, и когда что-то во дворе стучало или бренчали ведра, он вздрагивал. Господи, всегда думал я, как мне их всех было жалко. Все они, члены партийных и советских органов жили в напряжении, всегда чего-то боялись. Во время надо было хихикнуть, и даже на радостях засмеяться, когда их благодетель какую-нибудь сморозит плоскую шутку.

Такие напряжения меня, слава Богу, миновали. Просто я, как никто другой, наблюдал за ними, и мне было одновременно смешно и жалко было этих несчастных людей. Это надо же, всю свою жизнь жить в напряжении и страхе. В те времена все они не понимали меня, а в душе завидовали моему свободному отношению к моей корявой жизни. И вот один из них продолжал бояться, но уже свою громоподобную жену. Привычка, знаете ли. Галстук его трясся. Чтобы успокоить его, я тихо сказал:

– Мне понравилась ваша лекция, когда вы говорили о сияющих вершинах, и о социализме с человеческим лицом.

Петр Петрович вдруг приободрился. На его впалых щечках даже появился румянец. В этот момент я пожалел его. Когда он трудился в райкоме, он был толстенький, суетливый, как и все работники райкомов и райисполкомов на полусогнутых ножках. А здесь он похудел. С непривычки, конечно. Такое хозяйство отгрохал. Коровы, свиньи, гуси, кролики, куры, козы. Две дачи рядом. Одна дача дочери с мужем. Но они здесь почти не бывают. Всё хозяйство легло на похудевшие плечи Петра Петровича, и на его жену. Раньше она в поте лица трудилась на мясокомбинате по разделке мяса. И от трудов праведных эта работа пошла ей на пользу.

И тут я подумал вот о чем. Этого бы Петра Петровича да в тот мир, где поселились улыбки. Пусть бы он им одну из лекций прочитал. Остались ведь у нас ещё Петры Петровичи. Вот бы их собрать в кучу во главе с Железянкиной да подпустить бы их в тот мир. Вот бы они там наделали бы шуму! Это ни гоже прятать по чердакам такие ценные лекции! Как же объяснить Петру Петровичу о его предназначении в нужном деле? Опасно. Но, попробовать надо. Может и обрадуется. Все-таки, свобода. Там он станет тем, кем он был всегда. Глядишь, и бояться перестанет. Ножки бы выпрямил. И был бы в нашей команде штатный лектор, который бы заменил Дрожжина и Балаболкина. А вот нам самим его слушать не надо бы. Я не желаю после таких лекций два дня отходить.

Я уже было открыл рот, чтобы начать нужный разговор, как из теплицы, шириной в дверь, вылезла жена Петра Петровича. Я даже испугался. На широком и потном лице маленькие глазки,

что буравчики впились в меня. Глазки неожиданно собрались в пучок, и мне показалось, что от них вылетели искры.

– Этот хрен чо делает здесь? Чо ты шарисься? Чо людям не даешь работать? Чо ты всё дурью маешься? Понаписал какую-то там ересь и доволен, мать тебя за ногу! Умных людей смущаешь! А ты, галстучная твоя душа, чо слушаешь этова дурака! А ну, Петька, марш в теплицу помидоры собирать! Я ишо поговорю с тобой! А ты, придурок, марш отседова! Некава здесь делать, некава!

Голос у неё с хрипотцой, да такой громкий, что у меня в правом ухе звянькнуло, и я на это ухо оглох. И тут я неожиданно подумал, вот бы нам эту Пелагею Пантелеймоновну в тот мир. Много бы она улыбочков уложила. И если бы я начал ей объяснять, что её голос принес бы пользу в соседнем мире, она бы и меня одним ударом уложила.

Пришлось мне удалиться. Я уже вышел из поселка, как услышал за собой крики. Оглянулся. По улице бежал Саша Хилопатов. За ними бежали два мужика с палками.

– Юрка, спаси меня! Убивают! Поговори с ними! Спаси!

Он пробежал мимо меня. Мужики мне были знакомые. Я попросил их остановиться, и объяснить в чем дело. Они остановились. Все равно бы его не догнали. Саша скрылся в лесу.

– Мужики, что опять натворил Саша? – спросил я. Мужики отдышались и рассказали, как было дело. Оказывается, Саша не успокоился. Жители дачного поселка иногда собирались у ключа, чтобы наполнить посудины чистой водой. Здесь обсуждали последние новости, сплетничали, спорили у кого лучше помидоры, лучше несутся куры, ну и другие весьма полезные советы. Саша Хилопатов вызнал про это сборище умных людей, и во время прибыл. Народу, особенно женщин, собралось много. Обсуждали жгучий вопрос дачной современности, как правильно засаливать и мариновать овощи. Вот эту ключевую воду брали для засолки. Громко обсуждали. А тут возьми и возникни Саша Хилопатов. Он решил направить мысли женщин и бабулей, да и отдельных мужиков, в свое русло. Мужички стояли в сторонке, и обсуждали свои чисто мужские дела. Какие мормышки лучше пойдут для рыбалки. Саша послушал не нужные ему разговоры,

да и не выдержал. Он громко кашлянул, и подошел к женщинам.

– Причем тут ваши засолки? Вы лучше послушайте меня. Мир идет к катастрофе. Его надо спасать. А вы тут болтаете о каких-то глупых засолках и мормышках! Не стыдно?

Он стал что-то непонятное говорить о каких-то пришельцах. При этом он обратил внимание на одну из женщин. Подошел к ней, и стал ей что-то объяснять громко и непонятно. При этом он даже погладил её по спине и ущипнул. Муж этой женщины, как раз остановился на очень важном вопросе, как можно из ложки сделать мормышку. Он видел, как Саша ущипнул его жену за место ниже пояса. Мужичок забыл про мормышку. Он не позволит рыжему прохиндею трогать его жену. Ну а женщина в этот момент, когда Саша её ущипнул, крепко приложилась к упитанной щеке Хилопатова. И Саша упал в грязь. Одна из женщин закричала:

– Это ведь Сашка Хилопатов! Ты смотри, если бороду отрастил, так тебя никто и не узнает? Он до сих пор деньги мне не отдал! Давно ещё занял, и не отдает! Правильно ты его, Катька, звезданула! Сука рыжая, он ещё какую-то здесь дребедень болтал, умным людям головы морочил! Мужики, а чо вы смотрите?! Бей его суку!

Мужики подобрали палки. Саша, прежде чем бежать, успел крикнуть:

– А что она всё время улыбалась. Может, в неё вселилась темная сила или те же улыбочики! Сама виновата! Нечего улыбаться!

Вот примерно так и рассказали мне мужики.

– Юрка, Стрелов, и ты с ним ещё дружишь? Хотя чо я говорю? Вы с ним два сапога пара. Правда, ты нам лишнего не болтаешь, – сообщил мне один из мужичков.

Другой мужичок ответил:

– А я Стрелову верю. Он другой. Я его книги прочитал. Там есть правда. Вот бы мне туда слетать. А ведь есть такие люди.

Первый мужичок удивленно взглянул на него.

– Ты чо?! И ты за одно, с ним? Он ведь всё там наврал!

– А ты читал? – спросил второй мужичок.

– Зачем мне читать разную ересь?! – воскликнул первый мужичок.

– Если не читал, зачем так говорить?

– Моя жена просмотрела, и ей не понравилось. Почему в их команде нет ни одной женщины? Одни мужики там.

– Ах, вот в чем дело, – улыбнулся второй мужичок, и закинул палку в кусты. – Это надо подумать, почему Саша выбрал твою жену для щипка. Я не знаю про улыбочиков. Но, видимо, они появятся у Стрелова в новой книге. С удовольствием почитаю. И тогда зачем я бежал с палкой за Сашей? Вот она, где проявилась стадность. И я клюнул на стадность. Стыдно. Извини меня, Стрелов. Я понял, что ты там бываешь, а фиксируешь в своих книгах. А Саша об этом народу говорит. Опасно для него. Опять попадет в психушку.

Пока это говорил второй мужичок, первый открыл рот и окосел. Как я понял, он ничего не понял. Он молчал и перебирал в своих дрожащих руках березовую палку. Глаза его метались. Он, видимо, лихорадочно обдумывал, что ответить. Но нужные мысли не приходили в его довольно большую и косматую голову.

А второй мужичок развивал мысль.

– Я порой тоже задумываюсь насчет того, что ты размышлял в твоей второй книге насчет космоса. А умершие души? Возможно, оно и так есть. Кто ответит? А ты ответил по-своему. И я поверил тебе. Некоторым товарищам тоже стало понятно из твоих книг. Но их мало. Они молчат. Признать всё, что ты написал? Опасно. Никто не хочет повторить судьбу Хилопатова. Тебе проще. Ты побывал там, и написал об этом. Спасибо тебе.

Наконец-то, прорвало первого мужичка.

– Хватит болтать чо не надо! Голова от вас заболела! А ну вас! И ты, Гришка, туда же? Не ожидал я от тебя такого! А ты оказывается тоже с душком. Я замечал за тобой. Ты как-то не так, как все, смотришь в небо, о чем-то всё думаешь. Больше молчишь. Чо в небо-то глазеть? Небо, оно и есть небо. Ничего там нет примечательного. Об чем думаешь? Тоже загадка. Я вот тоже думаю. Где вот навозу на грядку с огурцами достать. Дорогой он сейчас. Брось думать. Саша Хилопатов вон до чего додумался, мою жену

за задницу ущипнул. По какому такому праву он щипал? Она всё время улыбается. Даже ночью спит, и улыбается. Ну и чо? Пусть улыбается. В прошлые годы она постоянно хмурилась, ругалась. А я в прошлом годе подпил хорошо, да и приложился к ней. Она в больницу попала. Из больницы вышла, и стала улыбаться. Ну и чо? Лишь бы не ругалась. Если опять начнет хмуриться, да ругаться, опять тюкну по башке. И опять начнет улыбаться.

– Ладно, Стрелов, я пойду, – сказал второй мужичок, и неожиданно улыбнулся. – Этого товарища уже не переделать. На него подпустить бы с лекцией товарища Дрожжина. Парочку бы лекций прочитал, и наш Ваня стал бы тоже улыбаться. Всего доброго тебе, Стрелов.

Первый мужичок подобрал брошенную вторым мужиком палку. В хозяйстве пригодится. На прощание сказал:

– Умники нашлись, а я не умный да? У меня всё есть, а ты, как был гол, как сокол, да и остался без ничего. И чего ты добился? Ничего. Вот и весь твой ум. И Гришка всё умничает, всё смотрит куда-то ни как все. И тоже ничего нет. Понастроил какую-то развалюху и доволен. Жена ушла от этого умника. Квартиру у него отняла, гараж и машину. Умная баба. За умного и замуж вышла. Всё у них теперь есть. Так кто из нас всех умнее? Вот и думай, Стрелов. Мы – умные. На таких деловых людях, как мы, мир и держится. Валяй отсюда! Нечего без дела шляндить по тайге, да народ смущать.

И пошел я через тайгу в сторону города. Теперь надо мне обходить дачный поселок. Нет, нет, я не обиделся. Он прав. Если честно, конечно, он прав. Такие люди, как я, и мои московские друзья, лишние в обществе люди. Шел я по лесной тропке, и рассуждал так вот. И какое я, лично, имею право обсуждать этих людей? Нет у меня такого права. Да я и не осуждаю. Просто я взял и написал маленькие зарисовки из жизни простых людей, и своей собственной. В основном, в этом двадцать первом веке, в нашей стране такие люди и нужны. В своей жизни они счастливы. Ведь каждый человек на земле стремится к благосостоянию и к счастью. Это их право. Если эти люди понимают это счастье в том, что я описал здесь. Ну и пусть. А их миллионы в нашей стране. Если они не желают смотреть в небо, и пусть не

смотрят. Люди, смотрящие в небо, настораживают окружающих товарищей. Они тоже есть. И пусть они живут и смотрят в небо. Правда, их мало, и все они вызывают подозрение. Конечно, я отношу себя к категории подозрительных людей смотрящих в небо. Порой я даже чувствую на себе осуждающие взгляды людей, не смотрящих в небо. И я их понимаю, и не имею право осуждать этих людей. И мы относимся к лишним людям в этом сложном мире. Например, я уже не могу переделать себя, и подстраиваться под товарищей, не смотрящих в небо. Они ведь не желают подстраиваться под меня, а почему я должен быть, как они? Пусть себе живут, и наслаждаются жизнью. Шел я по тропке и почему-то имел право подумать вот о чем. Хотя бы на время, вместе с моими друзьями, попали бы в другой мир муж и жена Длиннохвостиковы. Они бы помогли нашему партизанскому отряду превратить в пыль многих улыбочиков. Разговаривать на эту тему с этими товарищами опасно. Да и от меня это не зависит.

Устал я физически и психологически. В парке я сел на лавочку. Я не стал сметать опавшие листья. Они будто придали мне бодрость и тепло. От них пахло вкусным ароматом осенней тайги. Я всегда любил эти запахи осени. Даже задремал. Кто-то сел рядом. Я открыл глаза. Это был мужичок. Можно даже сказать, это был старичок. За плечами рюкзак в заплатках. Мужичок одет в посеревший от времени кожушок. Мужичок снял рюкзак и положил его на землю. Я ещё подумал, почему он его не положил рядом с собой? Не моё дело указывать. Значит, так надо.

– Отдыхаем? – спросил незнакомец.

– Осенью пахнет, – ответил я.

– Да-а, – протянул он. – Осень. Удивительная пора.

– Согласен, – ответил я. Помолчали. Первым молчание нарушил мужичок. При этом он внимательно посмотрел на меня. Видимо, ожидал, как я отвечу. Он передернул худенькими плечиками. Странно, но меня этот мужичок сразу заинтересовал вот этим необычным вопросом.

– Ты когда-нибудь слышал, как поют листья?

– Листья осины и березы и даже тополя звучат по-разному, – быстро ответил я. Потому что, я, когда был в тайге, то всегда

прислушивался не только к пению птиц и карканью ворон, но и слушал деревья, траву. Слушал всё то, что должно быть живым. И я продолжал говорить: – У тополя грубоватый звук. Странно, но мне кажется, самый мелодичный звук падающего листа у осины.

– Звук тонкий, мелодичный, тоскливый, – ответил он. И он уже не смотрел на меня. И ещё меня удивило то, что он начал говорить со мной так, будто знал меня давно. Меня подкупило это. В мужичке не чувствовалась грубость, хамство, панибратство. Он будто был всегда свой.

– Михаил Бутаков.

Я тоже назвался. Он опять передернул плечами.

– Мой тезка бродит по свалкам. За городом много свалок. Трагедия для тайги. Рябчиков совсем не стало. Всё странно. Тяжко живется тайге.

– На охоту ходил? – спросил я. Он посмотрел на меня. В его прищуренных голубых глазах будто застыл вопрос и одновременно удивление. Он передернул плечами.

– Охотника видишь во мне? Зря. Ты сам, как я понял такой же охотник, как и я. Так, зачем, странный человек, спрашиваешь? Рюкзак? Нет там ружья. Вот уже пять лет брожу по тайге. Котелок с собой, ну и разные крупы, затируха. Больше мне ничего и не надо.

– Да и мне ничего не надо, – ответил я. – Дочь с сыном далеко от меня. В общем-то, я счастливый человек. У меня от первой жены дочь и сын. Они дали мне пять внуков и семеро правнуков. Разве это не счастье? Счастье. Сейчас живу один.

И вдруг я подумал вот о чем, а зачем перед незнакомым человеком так откровенничаю? Непонятно зачем прорвало меня. Я говорил:

– И таскала меня судьба, и ломала и коверкала, а я на – зло всему выстоял. Разве это не счастье? Счастье.

Заметил в его глазах любопытство. Но плечами он не передернул. Он с хрустом потер обросшее густой щетиной личико, и заговорил:

– Меня с детства ломала судьба. Отец рано умер. Нас было шестеро детей. Я младший. Все меня обижали. Видимо, от это-

го я и закалился. Из дома убежал. Потом мать умерла. А мы кто куда. Меня хотели в детдом отдать. Сбежал. Бродил по стране. Братьев и сестер, как ни странно, так и не встретил более. Образование не получил, как все дети. А вот экстерном сдал за десятый класс, потому что много читал всякую литературу и разные справочники и учебники. Потом учился в университете. Даже преподавал в институте. Кандидат наук. Из института попросили. Я всё справедливость искал. Где только я не работал. Получил много специальностей. Даже немного работал в районной газете. Попросили уйти. Писал фельетоны на не чистых на руку руководителей и бюрократов. Определяли на зону как тунеядца. Высылали. Всякое было в жизни. Да и у тебя жизнь была не сладкой. А вот глаза у тебя остались молодыми. Странно. Почему? Ты не в обиде на жизнь, как и я. Природу любишь. Я не говорю о человеке. Он ведь тоже часть природы. Ты не злишься на людей. Оно и правильно. Чего на них злиться? Пусть себе живут. Всякий человек по-своему живет. Главное, не надо ныть. Я бы по твоим глазам понял, что ты не из нытиков. Это уже хорошо. Странно, но мы нормально поговорили. Пора и честь знать. Встретимся ли ещё? Нам неизвестно. А хотелось бы встретиться. Я понимаю наше общество. Оно во все времена было таким. На него не надо обижаться. Просто, такие, как мы, в этом мире лишние люди для общества во все времена. Меня, как лишнего и попросили из института, а также из газеты.

– Я называю сейчас себя созерцателем, – ответил я. – Для меня жизнь, как ещё не прочитанная книга. Я открываю её, и начинаю читать. Так я понимаю свою жизнь.

В его глазах на какое-то мгновение уловил любопытство. И он тут же прикрыл глаза. Молчал. Со стороны распадка подул холодный ветер. Он принес мелкие и колючие снежинки, и неповторимый запах тайги. Михаил выпрямился, и подставил худенькое лицо северному ветру.

– Благодать. Смородиной пахнет и зрелыми шишками. Странно. Всё странно. У меня давно сложилось мнение к прослойке в обществе лишних людей. Ты хорошо сказал о созерцателе. Все эти люди только и годны, как созерцатели. Хорошо сказал. А может нас и создала природа для этого дела? Возможно,

когда-нибудь с тобой и встретимся, тогда я почитаю тебе свои дневники.

– Напечатай где-нибудь, – сказал я. Он снова передернул плечами. Хитро улыбнулся. Потом он неожиданно нахмурился. И с печалью в голосе ответил:

– Кто это печатать будет? Кто читать будет?

– Такие люди, как я будут читать.

Михаил встал, поднял рюкзак, накиннул его на худенькие плечи.

– Не люблю прощаться. Земля круглая. Да и страна наша, что овал, некуда скрыться. Для каждого своя граница, своя зона.

– У меня книга так и называется – Зона.

Он внимательно посмотрел на меня.

– Странно, всё странно в этом мире. Лишние люди, а бумагой занимаются. Меня эти люди всегда занимали.

– В моих книгах я именно этих людей и описываю.

– Странно. Я пошел. Земля круглая.

И он пошел в сторону распадка. Я смотрел ему в след, пока он не скрылся в чаще.

Я подумал, хотя земля и круглая, но вряд ли встретимся. Но, надежда на встречу должна быть. Как говорил Михаил про странность, на моем жизненном пути всегда встречались необычные и странные люди. Я и пишу только о них. Возможно, так уж я устроен.

Ещё немного посидел и направился в город. Надо сходить на рынок. Немного купить овощей. Этого человека иногда видел в разных местах города. Он всегда сидел на ступеньках магазинов, на рынке. С ним постоянно была одна маленькая иконка. Вот уже несколько месяцев я видел его. Он читал молитвы, иногда он тихо что-то говорил одинокому человеку. Я никогда не видел его глаз. Он постоянно смотрел в землю. Кто он, откуда, и зачем он здесь так долго задерживается? Где он живет? Кто его родные?

У входа на рынок он сидел на ступеньке. Чуть слышно читал молитву. У его ног не было банки для сбора мелочи. Он просто сидел и читал молитвы. Действительно, странный человек. Я давно понял, что все, такие, как я, странные и лишние люди в

этом мире, немного с придурью. Одним словом, полные придурки. Поэтому, нас многие, здравомыслящие люди, не понимают. Я и сам порой себя не понимаю. Кто я на самом деле, зачем и для чего я? Наверное, все такие вот люди задаются таким вопросом. Я объездил почти всю страну, и навидался таких людей. А я вот умудрился ещё иметь жену. Она родила мне дочь и сына. От них я имею внуков и правнуков. И все равно я считаю себя лишним человеком в этом мире. Из двух автобиографических книг «Зона» и «На острове снов» вы поняли, что я лишний человек в современном обществе. Слава Богу, что дети мои, внуки и правнуки не такие, как я. Они не пошли по моей ухабистой дороге. Если честно, то когда ещё в молодости умерла моя любимая жена Шура, я навсегда остался одиноким. Женщины были, как же без них родимых, но уже любви не было. Вторая моя жена Клава, которая тоже умерла, понимала меня, что даже с нею был одинок. Но, никогда не ныл, потому что в этом одиночестве был счастлив. Моё одиночество скрашивала тайга, мои странствия по стране, и путешествия в другие миры. Поэтому меня никогда, и никто не видел унывающим. Действительно, порой мне, кажется, моя ли это была такая жизнь, такая дана мне судьба? А может, несколько судеб вместились в меня? Но ведь я помню всю свою жизнь. Значит, это моя жизнь. А ещё, мне почему-то постоянно встречаются любопытные люди, непохожие на других. Такое ощущение, будто они специально попадают на моем жизненном пути. Странно, но это факт. Вот и сегодня я встретил удивительных хозяйственников Длиннохвостиковых. Если честно, то они мне понравились. Увидел мужичков бежавших за Хилопатовым. В парке, на скамеечке познакомился со странным, таежным человеком. И вот сейчас меня просто притягивал этот маленький старичок с иконкой, и читающий молитвы.

Я остановился в метрах трех от него, и будто разглядывал лубочные рисунки неизвестного художника. Долго разглядывал. Продавец этих картин даже начал нервничать. Не выдержал.

– За смотрины тоже надоть платить. Еслиф решил покупать, то и бери, и неча глазеть в пустую. Людей тока отпугивашь.

Старичок с иконой, как я заметил, чуть улыбнулся. И тут я увидел большие, и как не странно, довольно молодые глаза под

цвет неба. В них было понимание, и даже сочувствие. И снова стал смотреть в землю. В это время к нему подошла женщина.

– Вы почему-то не пришли вчера, Виктор Иванович. Мы вас ждали.

Кто же этот смиренный человек, что его так величают? Конечно, мне стало интересно.

Он посмотрел на неё неожиданно печальными глазами.

– Молился за вас, – ответил он нежным голосом. – На вокзале провожал отъезжающих в дальнюю дорогу.

– Мы сегодня ждем вас.

– Вот ожидаю человека. Что-то долго задерживается. Молюсь за его здоровье.

Тут я подумал, не встречался ли он с Сашей Хилопатовым? У этого Виктора Ивановича не было бороды и рясы. Одет он простенько. Кирзовые сапоги стоптанные. На брюках заплаты. Такие курточки носили ещё в шестидесятые годы. Выцветший берет. Кто он? Возможно, он представитель какой-то секты?

Видимо, он уже был в гостях у этой женщины.

Начинался мелкий, осенний дождь. Я приблизился к нему. Сказал:

– В этом году снег, возможно, выпадет рано.

Он быстро взглянул на меня. В глазах вопрос. Спросил:

– Всё может быть. Что вам надо от меня? Любопытство? Или ещё что, мил человек? Жду ответа.

– Любопытство, – быстро ответил я.

– Человек не придет. Я так и знал, что у вас любопытство.

– Таков уж я человек.

Он снова опустил взгляд в землю. Немного подумал.

– Сегодня ночью может выпасть снег. Но он быстро растает. Сейчас органы пока меня не трогают. Нет, нет, я не принадлежу ни к какой секте. Не беспокойтесь. И не надо из-за этого меня бояться. Хотя вы и не боитесь. Я есть чисто православный. Икона об этом ответит.

– У нас здесь был Саша Хилопатов, – сказал я. Он что-то про-бормотал, чуть улыбнулся.

– Александр? Я два часа тому назад проводил его. В Москву он отправился. Взял билет на проходной поезд. Любопытная личность.

– Он тоже, – хотел я поведать о Саше, но Виктор Иванович перебил: – Знаю. Он для другого дела нужен. Это не его стезя. Если бы он ещё немного остался, то мог бы попасть в больницу. Он успел многое, что поведать мне. В советские времена я и там был, и за тунейдство на зоне был несколько раз. Такие люди, как я настораживают людей. Но слово божье побеждает темноту.

– У нас есть церкви.

– Служил я там. Мне сон приснился, чтобы я пошел по России-матушке со словом божьим. Вот и езжу я из края в край. Сейчас меня никто не притесняет. Слово моё лечит души людей. И это главное в моей жизни. И в этом счастье моё. Конечно, когда я прибываю в какой-то город, то сразу иду в церковь. Отслужу службу, и снова в дорогу.

– А семья была?

– Была. Были у меня двое детей. Девочка и мальчик. Жена собрала мои вещички, и выставила за дверь. Я всё им отдал. Мне ничего не надо. И вот уже много лет странствую по стране. Это моё призвание. Меня не надо осуждать за оставленную мною семью. Конечно, уже есть у меня внуки, а возможно, и правнуки. Не надо меня осуждать. Я выполнил родительский долг.

– Я и не осуждаю. Каждый волен делать то, что ему предназначено судьбой, – быстро ответил я.

– Мудро сказал, – сказал, и что-то начал бормотать. Потом он встал.

– Пойду в гости. Там ждут мое православное слово Божье.

– Но ведь, как-то, – я хотел спросить о том, как он живет, и на какие деньги ездит по стране, но он прервал меня: – Мне крохи надо. Для меня главное, духовная пища. Много хожу пешком от деревни к деревне. Люди угощают меня, на ночь оставляют. Шоферы мне не отказывают. С удовольствием берут меня в дальнюю дорогу. Слово – это великое назначение для странствующего православного человека. Если надо отправляться по железной дороге или на теплоходе, нанимаюсь поднести вещи,

устраиваюсь на время сторожем-дворником. Всякое бывает. Пойду я. Люди ждут.

И он пошел от меня. Действительно, странный человек. Но, является ли он лишним человеком? Мне, кажется, нет. Такого человека я встретил впервые. Всякие люди встречались на моем пути, но этот особенный. Я не имею право осуждать его. Это его жизнь. И он делает благородное дело.

Недавно в нашем городке я встретил Юру Вычегжанина. Когда-то мы с ним трудились сантехниками. А до этого я увидел его, как он на свалке подбирал на себя брюки. Его только что освободили за тунеядство. Жить ему негде. Спал на вокзале, в тепловых камерах. Я привел его к себе домой. Одежду его я выкинул, и он надел мою. Устроил его сантехником. Конечно, его не принимали на работу. Мне пришлось долго уговаривать начальство. Потом я ему написал рекомендацию в партию. Правда, он во время одумался. Сказал:

– Надо же, клюнул на тебя. Да я бы её родимую изнутри развалил. Таких товарищей, как я на пушечный выстрел нельзя допускать в партию, как и тебя. Эдику Загубенному ты написал. Ну и что? Он ярый враг этой партии. Ты ведь таким вот людям даешь рекомендации.

В книге «Зона» я писал об Эдике Загубенном. Повторяться не буду.

Юра пробивался на север. Недавно он узнал, что его дочь живет в Якутске. У неё есть взрослые дети. Повидаться бы. Он сообщил об Эдике.

– Горбачевская перестройка и Гайдаровские реформы многих нормальных людей подкосили, – рассказывал Юра. – Встретил я Эдика на Ярославском вокзале. Бомжует. А ведь умный мужик. Кандидат наук. Даже работал учителем литературы и русского языка. Мы тогда вместе бутылки собирали. Потом попали на одну из свалок в Москве.

Я ему напомнил моих друзей. Юра ответил:

– Весьма сожалею, но не встречал. Свалок много. На свалке мы даже вроде землянки построили. Выгнали нас оттуда. Да, такие же бомжи, как и мы. Они бы нас не тронули. Мы не понравились главарям свалки. Они не очень любят грамотных бом-

жей. Я ведь после того, как отсюда уехал, в Нижнем Новгороде институт закончил. Прорабом на стройке работал. Выгнали. Высшее начальство воровать заставляли меня. Все они бывшие коммунисты, и были на руководящих постах. Привыкли воровать. Я не пожелал подписывать ложные бумаги. И так я оказался на свалке истории.

Тут я вспомнил о своей ещё не напечатанной книге «В краю Илимском». Там у меня есть мною написанная драма в трех действиях «Бунт на свалке» о бомжах. Тоже пострадали от этих реформ. Юра прочитал драму. Задумался. Я ждал, что он ответит. Потом он печально взглянул на меня. В глазах его я увидел слезы.

– Ты будто подглядел этих товарищей. Кстати, такой случай имел место на одной из свалок в Москве. Да такие случаи на свалках везде есть. Поздравляю. Правда, жизни. И ничего не придумано. Тебя многие не поймут. И даже осудят. Мол, пиши лучше о передовиках производства. И как ты говоришь, что после некоторых твоих материалов, люди моют руки. А говорят это бывшие коммунисты. Как я посмотрю, ты описываешь весьма простых людей. Это некоторых товарищей настораживает. Ты вскрываешь глубинный пласт нашего народа. Но в тебе нет зла к вышестоящим товарищам. Даже проглядывается легкий юмор. Не надо бы им, обижаться на тебя и мыть руки. Это, правда, жизни. Что сделаешь, Юрка, если мы сейчас лишние люди для нашего общества? Они забыли, что все мы в свое время, как и все работали. Месили грязь, жили в палатках. Просто все мы были немного не такие, как они. А кто теперь ответит, кто был из нас прав? Они или мы вот такие, как ты, Эдик Загубенный, я, да и многие другие. Никто не ответит. Могу только честно ответить, что они опять наверху. Я много видел на вокзалах и на свалках таких людей, каких ты описал в своей драме. Это трагедия нашего общества. Ведь умные люди были они. Ну не попали в обойму современного времени, и что теперь делать? Вот и странствуем по белу свету. А ведь я понимаю этого твоего старичка с иконой. Те, кто моет руки, его не поймут, как и тебя не понимают. Он для них тоже лишний человек.

Юра жил у меня три дня. Много говорили о жизни. С интересным человеком, непохожим на других, можно обо всем поговорить. Мне везло на таких людей. Если согласится тот старичок, я могу пригласить его в гости.

Юра уехал на север. Встретимся ли, не знаю.

Старичка я снова увидел. Он ждал автобус, чтобы поехать до другого города. Я сел рядом с ним. Помолчали. Я не знал, с чего начать разговор. Он первым заговорил.

– Спасибо за приглашение. Удивился, что откуда, мол, я знаю про это? Интуиция. Ты любопытный человек. Тебя жизнь крепко ломала. Ты выстоял. Это говорит твоя поперечная морщина между бровей. Тебя не обманывали случайные люди, которых ты приглашал в свою квартиру?

– Не обманывали, – ответил я. – Правда, один раз ко мне забрались воришки. Оставили мне записку, что так жить, как я живу, нельзя. У кого-то ворованную пачку чаю оставили. У меня брать нечего. Живу от пенсии до пенсии. Накоплений нет. Ничего нет. Возможно, от этого я счастливый человек. У меня хорошие дети, прекрасные внуки, правнуки. Я очень счастливый. Они меня понимают, что меня не переделать. Они не лезут ко мне, чтобы что-то изменить в моей жизни.

– Я догадался, что ты счастливый человек. Но, ты всегда был для общества лишним человеком, – ответил Виктор Иванович. – У тебя хорошие дети, внуки, правнуки, потому что они от доброго корня. Это тоже счастье твое.

Подходил автобус. Виктор Иванович встал.

– Всего тебе хорошего добрый человек. Буду за тебя и твоих детей молиться. Нет, мой хороший человек, ты не лишний человек. Ты был нужен, вот такой именно нужен в этом беспокойном мире. Судьба твоя была хорошим примером для многих людей, которые считали себя правильными. Я видел Юру и разговаривал с ним перед отъездом. Пусть некоторые люди моют руки после твоих рукописей. Просто они завидуют твоей судьбе. И никогда не признаются даже самим себе, что завидуют. В этом тоже твое счастье. Ты не сердись на них. Даже врагов своих прощай и люби, как ты продолжаешь любить всех. Хотя и врагов-то у тебя сейчас нет. Просто есть завистники. Улыбайся им, говори

им твою любимую фразу, что всё будет хорошо. Бывает, что от некоторых тебе становится плохо? На них не обижайся. Молитва от всего очищает. Вода проточная тоже тебя будет очищать. Всё, что есть в природе – люби. Так и живи с твоей любовью. Ты правильно делаешь, что уходишь в тайгу. Она придает тебе силы выстоять. Счастье тебе и здоровья.

Он перекрестил меня и вошел в автобус. Я долго стоял на остановке. Мы так мало общались с ним. Но, вряд ли теперь увидимся.

Я пошел домой. Завтра я снова пойду в тайгу. Мне там так хорошо! Постоял под контрастным душем, попил чаю таежного и лег спать.

Приключения придурков продолжаются

Утро. Выпал первый снег. От такой белизны в глазах больно. Я шел по знакомой тропке, и под ногами хрустела трава. Просто мне захотелось походить по тайге до полудня. Как хорошо подышать свежим, лесным воздухом. Кажется, что нет ничего лучшего в этом мире, как наслаждаться окружающими меня деревьями. На свежий снег упала кедровая шишка. В ней не было орешек. А вон и белочка. Я услышал, как она тревожно свистнула и перепрыгнула на другое дерево. Мелкий снег посыпался на мою голову. Отчетливо уловил запах этого снега. Я провел языком по губам, слизывая его холодные крупинки. Странно, но они отдавали вкус орешек. А к запаху снега вдруг прибавился и запах меда.

Тут я услышал, как кто-то с шумом и треском двигался по тайге. Медведь, мелькнула мысль. Не может быть. Он должен быть в берлоге. Хотя, сейчас есть медведи-шатуны. Они обитают на свалках. Даже посещают дачные поселки.

Нет, это не медведь. На тропу вышел детина. За плечами ружье. Он остановился, и хмуро посмотрел на меня. В его глазах, на его широком лице, и даже в шуршащей одежде видна была

злоба. Он плюнул и выругался отборным русским матом. Я напишу только его нормальные слова.

– Кошмар! Сволочи все! Перебили всю живность в тайге! Даже рябчиков и зайцев постреляли! Бывало, зайдешь в тайгу и настреляешь полный рюкзак этих рябчиков, а чичас хоть бы один на смех попался.

– Вот и постреляли их всех, – ответил я.

В ответ он плевался и выкрикивал отборные в таком случае слова.

– Какой белый снег, – сказал я, глубоко вдыхая аромат тайги. – Снег орешками пахнет. Прислушайтесь, белочка нашла шишку.

Детина неожиданно замолчал. Он начал глубоко дышать. Признак недовольства. Одежда на нем ещё сильнее зашумела. И тут я уловил совершенно новый запах. От детины пахло овчиной, застоявшимся потом, водочным перегаром и злобой. Тайга таких людей не любит. Она выберет момент и накажет.

– Ты чо, мужик?! – прохрипел он. – Обурел? Смеешься надо мной? Ты чо здесь шарисься?!

Давно заметил, что у таких людей, в злобе, глаза как бы собираются в пучок. И оттуда вылетают и разят человека колючими искорками. То же самое произошло и с детиной. В глазах появились не только искорки, они просто осатанели. Он немного помолчал, видимо, не понимая новых и необычных для него слов, и подбирая ответ. Потом он закричал. И его хриплый крик понесся по тайге. Он стучался об деревья и тонул в таежном пространстве. От такого крика белочка в испуге бросила шишку и начала убежать, прыгая с одного дерева на другое. Рядом стоящий кедр сбросил с себя часть яркого снега. Он осыпал детину. Но он не обратил на это внимание. Теперь на его меховой куртке при солнечных лучах на разные цвета, словно на новогодней елке, заиграли снежинки.

– Какие шишки, придурок! Ты чо здесь, падла делаешь? Какой снег? Какая белочка? Почему, мерзкая твоя душонка, я этова не вижу?! Ты особенный?! Чо ты делаешь в тайге? Умничаешь? Где твоя белочка? Чо ты мозги умным людям паришь?

– Я говорю, что снег упал с кедра, и в солнечных лучах твоя куртка, словно наряженная елка в новом году. Ты, посмотри, какая прелесть!

Детина совершенно окосел. Он даже рот открыл. Такое для меня возникло видение, что глаза не в пучок собрались, а будто получился большой и красный один глаз. И в нем было столько зла, что у меня по спине пробежали холодные мурашки. И я подумал, что надо быстрее уходить, в общем, по шустрому уносить ноги. Я свернул с тропы, и углубился в тайгу. Крик и отборный мат долго преследовал меня. Даже раздалось два выстрела.

Долго петлял по тайге, пока не стало слышно крика детины.

К полудню я вышел на тропу. А я вышел к своей сосне. Шершавый и теплый ствол успокоил меня и придал мне силы. Я шагнул от сосны, и решил пойти в город. Но тут, как из-под земли возник злой детина с ружьем наперевес.

– Попался? Так чо ты там болтал насчет елочки и нового года...

И вдруг он осекся. У него уже не было глазного пучка. Они расширились в испуге, а рот широко открылся, готовый издать звук от страха. Я оглянулся. Возле сосны образовалось вроде легкого тумана. И тут я увидел своих друзей, московских бомжей. Они звали меня. Я шагнул в образовавшееся окно. Оглянулся. У мужика ружье выпало из рук. Теперь он окончательно окосел. Видимо, ноги отказали держать грузное тело, он опустился на колени. И вот я среди друзей на острове Диком. Окно закрылось. Я могу только представить, что творилось в голове этого горе-охотника. Мне бы хотелось, чтобы этот момент остался у него в памяти.

– Мы только что прибыли, – сказал Иван. – Так можно и последнего ума лишиться. Ну да Бог с ним. Мне что-то его не жалко. Как всегда опаздывают – Кирьян, Степа и Володя.

– Вы забыли про Сашу Хилопатова, – сказал я.

– Он здесь, – ответил Олег. – Он пошел к морю просвещать людей. Он нам доложил об этом. Он ходил к тем, кто живет в домах. Но те его прогнали. Сказали, что не понимают, о чем он говорит. Они из времен коллективизации.

Мы пошли в подвал. Встали под купол. Ничего не произошло.

– Забыли про нас, – сказал Сергей. – Среди крестьян он обнаружил человека, который всё время улыбался, пока он им читал лекцию. Опять попался. Тот мужичок стал Сашу душить. Оказывается тот крестьянин глухонемой. Вот он и улыбался. Едва вырвался от тех людей. Теперь он пошел искать улыбочиков среди тех, кто живет в пещере у моря. И там ему попадет.

– Саша опять рехнется на этих улыбочиках, – сказал Олег.

– Пойдемте выручать мужика, – предложил я. И мы пошли к морю. Здесь люди, видимо, только что приплыли с рыбалки. Три женщины чистили рыбу. Шесть мужиков вытащили карбас на берег, и бросились на землю.

– Приветствуем рыбаков и рыбачек! – крикнул я. Женщины продолжали чистить рыбу. Мужики немного приподняли головы, оглядели нас, и промолчали. Шаши здесь не было. Интересно, куда исчез искатель улыбающихся людей?

– Хороший улов, – сказал Олег. – Вы ловко управляетесь с ножами, товарищи женщины.

Они даже не взглянули на нас. И вот один мужик не выдержал.

– Давно прибыли? Что-то вас мы не видели. От крестьян, или комиссаров? Только, пожалуйста, не надо нам ваших речей.

– Мы сами по себе, – ответил я. – И мы речи не говорим. Кстати, мы уже здесь бывали.

Мужики приподнялись, сели. Смотрят на нас. Женщины перестали чистить рыбу. Тот, который спрашивал, сказал:

– Всё ясно. Временщики. Как я не догадался? Вы из живых. Недавно у нас тоже здесь такие были. Они из Франции. Потом они пошли в дом, и совсем исчезли. Значит, вы не речистые?

– Да нет же! – повысил голос Сергей. – В вашу сторону пошел наш товарищ. Вот он любит толкать речи.

– Лучше бы он молчал, сука говорливая! – крикнула одна из рыбачек. – Я ему под глаз сияющую вершину поставила!

– Вон там, в траве лежит, – ответил ещё один мужик. – Мы его, этого лектора, связали, и кляп в пасть заткнули. Вы его убе-

рите с глаз долой. Вы, мы смотрим, мужики нормальные, а он у вас, какой-то не такой. Уберите.

Мы нашли Сашу в кустарнике. Под левым глазом синяк. Развязали и кляп вынули. Саша плевался. Он перешел на шепот.

– Они встретили меня хорошо. Накормили рыбой. Улыбчивые такие. Ну, я и подумал. А вдруг кто-то из них представитель улыбочиков. Никак мне не везет насчет этих тварей. Я им лекцию начал читать. Они стали сердиться. Тогда я им стал объяснять, что мы ищем улыбчивых тварей. Они меня и начали колошматить. Я им кричал, что я лицо духовное. Меня, мол, нельзя трогать. А эта баба взяла меня первой и тронула под глаз. Я им молитву читал. Они связали меня, и рот заткнули, чтобы я не говорил.

– О чем ты лекцию читал? – спросил Олег. – Ловко им мозги травил?

– Как положено. Я выучил отрывки из политических журналов. Порой я и сам ничего не мог понять, что там написано.

– Хотел умным себя изобразить? – спросил я.

– Из умных журналов ведь я взял тексты. Зачем на меня набрасываться?

– А зачем болтал про улыбочиков? – спросил Сергей.

– Так я ведь думал...

– Саша, не лезь больше вперед нас, – сказал я.

– Хорошо. Но, ведь они все улыбались.

– Просто к ним давно никто не приходил. Тут появился свежий человек. Расскажет что-нибудь новенькое. А ты начал болтать о сияющих вершинах, – сказал я.

– Нет. Я не стал говорить про эти вершины, а вот про гранитный фундамент брякнул, и про пятимильные шаги. Да многое, что говорил. Не стали слушать. Один даже в ухо угодил.

Мы выбрались из кустов. Саша семенил вслед за нами. Рыбачка воткнула нож в стол.

– Слушай ты, рыжий огрызок, убирайся лучше отседа! Я тебе мозги быстро пробудирю краеугольным камнем, и никакого кворума не надо. Откуда только таких непонятных слов навтыкал? Побежишь отседа пятимильными шагами на соседний

остров к сошедшим с ума бывшим инквизиторам. Им как раз и надо говорить про всю эту непонятную ересь.

– Люди добрые, извините его, – сказал Иван. – По ошибке он перепутал вас с другими людьми. Долго рассказывать. В соседнем мире есть нехорошие люди. Они постоянно улыбаются.

– Какие мы тебе добрые люди?! – возмутилась рыбачка. – Я командовала продуктовой базой. Воровала. За это меня сюда турнули. Много было у меня грехов. Все мы здесь собрались крупные греховодники. В вашем мире давно нас уже нет. Будто вы без грехов. Все мы грешники. Так это, тово, расскажите про этих улыбочков. Мы чичас уху сварим, ну и побазарим.

Уха была вкусной. Такую уху я давно не ел. Мы и рассказали о том, как мы были в краю улыбочков.

Один из мужиков нам сообщил, когда мы закончили рассказывать.

– Значит, это, правда. Были тут два веселых парня. Тоже, самое рассказывали. Они были там, и многих этих тварей побили. Мы ещё подумали, что всё это они придумали. А теперь стало ясно. Страшно.

Рыбачка улыбнулась и сказала:

– Ладно, Саша, извиняй нас. Но, надо было как-то по-другому с нами знакомиться. А то какую-то ересь начал болтать. Про партию и коммунизм говорил, и тут же молитвы читал. А другой раз вдруг и матерился. И всё бегал среди нас, да в глаза заглядывал.

Я решил спросить.

– Как я понял, вы были на большом острове. На берегу стоит плот и три лодки, и один баркас. Нам бы вы баркас дали.

– А чо не дать? Берите, – сказала рыбачка. – Митька вас переправит, и обратно вернется. Надо помочь. Вы делаете большое дело. Я бы тоже там могла такого загнуть, что они бы все попадали от страха.

– Извините, у нас чисто мужская команда, – ответил я.

– Это чо это вдруг? Брезговашь?

– Не в этом дело. У нас это такое общее решение. И вон те наши ребята, тоже против женщин.

К нам подходили наши друзья: Кирьян, Степа и Володя.

– Команда в сборе, – громко заявил Кирьян.
– Ни этот ли пузырь у вас командир! – засмеялась рыбачка.
– Женщина будь легче на поворотах, – сказал Степа.
– Ты, мадам, кухней командуй, а в мужские дела не лезь. В нашем мире они везде полезли, – ответил Кирьян. – Ну, что, друзья, купол нас не принимает. Может, на тот остров махнем.
– Возьмете меня с собой, тогда и баркас получите, – неожиданно заявила рыбачка.
– А я у тебя спрашивать не буду! – рявкнул Кирьян.
– Не дам! – закричала рыбачка.
– Она у вас командир? – резко спросил Кирьян.
– Да нет, – ответил совершенно лысый мужик. – Меня командиром назначили.
– Она тогда чо лезет? – спросил Степа.
– Она везде лезет, – ответил ещё один мужик.
– И здесь они полезли! – совершенно возмутился Кирьян. – Вы зачем её допускаете командовать?
– Тебя не спросили! – крикнула рыбачка. – Вы без нас, женщин, во все века, кроме воевать, ни к чему не годные.
– Слушай, ты рыба околетья, помолчала бы, когда мужские дела решаются! – закричал Степа.
– Без меня вы ничего не решите! – ответила рыбачка.
– Да что же это такое! – возмутился Иван. – Всё на себя переключила! Все должны слушать только её. Все вы женщины одинаковые. У нас есть такая дама. Знаменитая Октябрина Правда.

Мы все хором крикнули:

– Не надо!

Мы стали оглядываться. Но Октябрина не появилась. Рыбачка захлопала в ладоши и засмеялась. Она даже начала подпрыгивать.

– Попались! Попались! Попались голубчики! Так вас мужиков и надо держать в страхе! Мы бы с ней дали бы вам копоты!

– Ты была бы ей не подруга, – ответил Сергей. – Она любит окружать себя интеллигентными, культурными, образованными дамами. Конечно, они себя таковыми считают, хотя этих вы-

соких понятий у них никогда не было, как и у самой Правдиной.

– Ну и чо? Я хотя и пять классов закончила, а работала завбазой. Я могу тоже культурно общаться. Прическу сделаю, да как нафуфырюсь, так мужики и рты настезь пооткрывают.

– Это кто это из мужиков клевал на твою плоскость! – засмеялся Степа.

– А были такие!

– Не на тебя они клевали, а на то, чтобы ты продукты им отвалила!

– Хватит базарить! – закричал Кирьян. – Никому слово не даешь, баба, сказать! Все, отчаливаем! До темноты надо к острову причалить!

Мужики принесли нам весла. И только рыбачка кричала, чтобы нам баркас не давали. Но на этот раз мужики не послушали взбалмошную даму. Они нам воды принесли во фляге, и какие-то продукты, уложенные в рюкзак. И мы поплыли. Гребли по очереди.

К вечеру мы пристали к берегу. Мужик решил ночевать с нами. Ночью можно заблудиться в море. Мы развели костер. В одном котле сварили похлебку, а в другом вскипятили воду, и заварили чай. Ужин получился хороший.

Дежурили у костра по одному. Ночь прошла спокойно. Нас никто не тревожил.

Утром мужик отправился на свой остров, а мы пошли в гору.

– Я вот не помню, шли мы по этой тропе или нет, – сказал Сергей.

– Однако кто-то ходил здесь, – сообщил Володя.

– Если это тропа, значит, здесь ходили люди, – ответил я.

– Давно здесь никто не ходил, – сказал Володя. Мы все промолчали. В таком вопросе с Володей никто не спорил.

Мы поднялись на гору, и тут неожиданно под ногами тряхнуло землю. Видимо, в горах произошло землетрясение. Мы осторожно обогнули скалу. Но, как не странно, не было камнепада. Стали спускаться в долину. Оттуда понесло запахом дыма. И вскоре мы вышли к небольшой деревне. За ней сразу начинались

поля. Росла там пшеница или рожь, в таком деле я не разбираюсь. Эти культуры я не различаю, потому что деревню я не знаю. Я их только проезжал или проходил, когда бродяжничал. Дома деревянные, и такие же, как в наших деревнях. Обыкновенная деревня. Грязная и пыльная улица. В пыли возились куры. По улице мальчишки гоняли тряпичный мяч. Старина. В настоящее время таких мечей даже в деревнях нет.

– Я помню в детстве, мы гоняли такие вот мячи, – первым нарушил молчание Кирьян.

– Мы ещё, помню, в шахтерском городке Черемхово в зоску играли, – ответил я. – Может здесь тоже играют?

– Мне, кажется, мы попали в старую Россию, – сказал Сергей.

Мы остановились у крайнего дома.

– Церкви что-то не вижу, – сказал Саша.

– Ты ещё рясу надень, – ответил Кирьян.

– Она у меня на поясе. Надо поспрашивать у людей.

– Эй, пацаны, что это за деревня такая? – спросил Олег. Мальчишки перестали гонять мяч, и с испугом смотрели на нас.

– Чо высторожились? Людей не видали? Где взрослые?

– Кто такие? – услышали мы женский голос за забором.

– Мы путники. Куда нас угораздило? – спросил Кирьян.

– Знач, путники? – спросила женщина. – А чо этось без дела шляндите? А чо это с вами ширка тожесь без дела мучитесь? Не стыдно?

– Какая тебе разница?! – возмутился Кирьян. – Причем тут наш друг Володя? Мы тут разные. Володя чукча, есть поляк-эстонец, цыган замешанный с татарами и бурятами, чуваш, русский...

– Мои предки немцы, – ответил Саша.

– И все мы из России. Значит, все россияне.

– Какая Россия? Какие ещё россияне? – услышали мы чей-то голос. – Причем здесь Россия? Мы живем в Советском Союзе. Кто такие?

Мы оглянулись. Перед нами стоял крепкий мужчина. В руках папка. Я сразу подумал, что это, наверное, председатель колхоза.

– Мужики, – шепнул Иван, – кажется, мы опять влипли. Нас переместили. В горах землю трягнуло. И вот мы здесь. Толи ещё будет?

– Зря нас сюда, – тихо ответил Олег.

– Они серьезные. Не улыбаются. А где тогда, улыбки? – прошептал Саша.

– Что там шепчетесь? – строго спросил председатель. – Покажите документы? Не хватало нам ещё здесь тунеядцев. Документы! Кто в вашей шарашке главный? Может, шабашники? Тогда другое дело. Надо новый свинарник строить. Документы!

– Я главный над этими благородными товарищами, – тоже строго ответил Кирьян. Он стал хлопать себя по карманам. И неожиданно достал какую-то справку. Даже сам удивился. Протянул её председателю. Тот прочитал и улыбнулся.

– Надо же, – сказал он. В глазах его удивление и веселость. – Значит, вы Плешивов Пантелей Пантелеймонович. Да. Бывают же такие люди. Давай сюда остальные справки.

Колхозница хихикнула, и тут же ладонью закрыла рот. Степа громко начал смеяться. Председатель велел и Степе передать справку. Я понял, что они у нас у всех появились. Степа вынул справку и отдал председателю.

Кирьян стал надуваться. Лицо побагровело. Он сжимал кулаки.

– Вы, наверное, артисты. Такое у вас фамилия потешное. Ни какие вы не тунеядцы. Надо было сразу сказать, что вы артисты. Должны быть паспорта. Почему справки? Вот, пожалуйста. У вас фамилия Мозгоплюев Сидор Поликарпович.

Степа перестал смеяться. Кирьян стал успокаиваться. И даже соизволил улыбнуться. Председатель взял справку у Саши. Видно было, как председатель сдерживал смех. Не выдержал. Сквозь смех он сказал:

– Балбесов Балбес Балбесович.

Колхозницу корежило от смеха. Она даже стала повизгивать.

Саша, наконец, решил выступить.

– Я лицо духовное. И не позволю надо мной так смеяться.

Кирьян, видимо, сообразил, что кто-то над нами решил подшутить. Он даже хихикнул. Да и Степа стал успокаиваться. Все мы тоже начали смеяться. Один только Володя ещё не понял в чем дело. Кирьян попросил у Володи справку. Зачитал.

– Абрамович Лектор Моржович.

Володя смотрел на нас. Рот он открыл, глаза выпучил, и только мычал. Всем было смешно.

От смеха председатель утирал слезы.

– Насмешили вы меня. Дух подняли. А то с утра было полное расстройство. Половина хлеба ещё не убрали. Все сейчас в поле. Вот бы колхозникам что-нибудь показали, насмешили бы. Вы ведь юмористы. То хмуритесь, даже краснеете, то смеетесь. Мы вас устроим в пустой дом на краю соседнего села. Накормим. В клубе концерт устроите. Договорились, товарищи артисты?

– Договорились, – ответил я. – Мы все здесь артисты высшего пошиба. Мы вам такой концерт устроим, что ахнете. Все здесь специалисты. Я могу сам прочесть что-нибудь про сияющие вершины.

Кирьян перестал смеяться, захмурил.

– Ты этово, тово, понимаешь, не тово давай. Про это здесь не надо. Не поймут.

Председатель перестал смеяться. Он сказал:

– Ну, и молодцы. Уже на ходу стали репетировать. Видишь, как товарищ Плешивов мгновенно изменился. В общем, репетируйте. Я побегу. У меня дела. Конь мой вон стоит без дела. Через часок за вами подвода подойдет. В село вас прямо к клубу и доставят. Там вас и накормят.

Председатель побежал к своему коню.

– Вот это влипли, – простонал Кирьян. – Интересно, кто это над нами так подшутил? Стрелов, всё продолжаешь хохмить? А вот прочитай, какая у тебя здесь фамилия? Вместе и посмеемся. Валяй, давай.

Я вынул из кармана листок. Прочитал вслух:

– Кукишмаслом Кукиш Кукишович.

Степа начал громко смеяться. Колхозница визжала от смеха. Кирьян тоже начал смеяться. Всем вдруг стало весело. И вдруг Володя заявил:

– Но я ведь не Абрамович. И не лектор я. А причем здесь морж? Как-то всё, однако, не серьезно. Я не Абрамович. Я ведь на моржа не похожий.

Все продолжали смеяться. Смеялись долго. У всех были смешные фамилия. Первым перестал смеяться Кирьян. Он обратился к колхознице.

– Всё. Хватит смеяться. Посмеялись и хватит. Ты вот что, дорогая женщина и хозяйюшка скажи нам вот что.

– Как же не смеяться, товарищ Плешивов, если смешно.

– Хватит, я сказал! – повысил голос Подгузников. – Хватит. Мы долго путешествовали. Где мы находимся?

Женщина стала успокаиваться. Ответила:

– Недалече и Москва.

– Опаньки, – только и сказал Кирьян. Мы притихли. Вот куда нас занесло. Это что-то новое. Почему мы не заметили изменение в природе? Ведь была гора, и даже мы миновали скалу, а здесь равнина. Колхозные поля.

– Надо теперь узнать в каком это году мы образовались? – прошептал я на ухо Кирьяну. Он совершенно захмурил.

– Этово, как ево, тово, понимаешь. Я слышал выступление Брежнева. Вы слышали, уважаемая колхозница?

– Какой ишо Брежнев. Сиклятарь райкома чо ли? Не слышала.

– Ясенько, – сказал Иван. – А Хрущева вы слышали?

– Чо вы ко мне привизались с какими-то человеками, которых я не знаю. Всё с вами. Мне надоть коров доить идтить.

– Вы и речь Сталина не слышали? – спросил я. Она остановилась. Подумала. Ответила:

– А когда слушать? У нас одно радио на деревню у бригадира нашей Веры Васильевны.

И вдруг я сказал:

– Вот вам и сороковой год. Даже газет нет здесь.

– Совсем мужики от чудачества рехнулись. Тридцать девятый год на дворе. Всё с вами. Мне не до вас.

И она быстро пошла со двора.

– Опаньки, – сказал Кирьян. – Вот это мы попали. Я помню, как мы угодили в этот год в колхоз, а потом в кремль к самому Сталину.

– Что-то за этим кроется, – сказал Сергей.

– Ловко нас крутят, – добавил Олег.

– Вы и у Сталина были? – удивился Саша. – Повезло увидеть его. Мне бы хоть разок увидеть бы его.

– В этом мире всё возможно, – сказал я.

– Что будем делать? – спросил Саша. – Плохо то, что я не заметил церкви. Я бы им это, как его...

– Какая церковь в то время, Саша, – ответил я. – Церкви в те годы уничтожили. Служителей расстреливали, отправляли в лагеря. К власти пришли неистовые атеисты и безбожники. Им сияющие вершины подавай.

– Хватит об этом, – совершенно захмурил Кирьян. – Что будем делать?

– Я понял одно, что надо рвать когти отсюда. Иначе мы пропали, – сказал Степа.

– Мы бы им концерт устроили, – сказал я. – Показать им сценку, как у нас проходили политзанятия...

– Шутки в сторону, – резко оборвал меня Кирьян. – Бежать надо. Вон вдали виден лес. Там и скроемся. Там должна быть речка Москва. Бежим?

И мы почти побежали к далекому лесу. Но, чем ближе мы подходили к нему, что-то меня начало беспокоить. Пока людей не было видно. И нечего бы беспокоиться. Вот и лес. Мы вышли к неведомой реке. Возможно, эта речка и есть Москва. Шли по берегу. Беспокойство не проходило.

– Надо уходить, понимаешь, как можно дальше от этой деревни, – сказал Кирьян. Он стал оглядываться. Как никогда все были серьезными.

Без остановки мы шли до темноты. Впереди мы увидели костер. Подошли. У костра сидело три мужика. Как мы заметили, вблизи не было деревень. Далеко зашли рыбаки.

– Как рыбака? – спросил Сергей.

– Нормальный улов, – глухо ответил один из мужиков. – Уху будем варить. Вас много. У нас есть и жареная рыба. Думаю, что всем хватит. Вместе как-то веселее. Откуда идете?

– Мы путешествуем, – ответил Кирьян.

– Путешествуете? – спросил мужик, и как мне показалось, он ехидно улыбнулся. Странные мужики. – Впервые в жизни увидел путешественников. Почему у вас ничего нет с собой? Странно.

– Ничего здесь нет странного, понимаешь, идем на милость народа. У нас люди добрые, понимаешь, накормят. Так вот и путешествуем.

– Странно, – повторил мужик. В его голосе я уловил насмешку.

– Слушай ты, мамырь таежный, что ты всё скалишься? – спросил Кирьян. – Я не люблю шутить, и другим, таким, как вы свинячьи уши, не позволю шутить!

– А я могу их тронуть, – сказал Степа, засучивая рукава у рубахи.

Рыбаки встали. Один из них ехидно хихикнул и неожиданно сказал:

– О, сам Плешивов заерепенился. А Мозгоплюев нас решил тронуть. А ты попробуй, тронь, как ты выражаешься, свинячьи потроха! Интересные у вас слова, заслушаешься. Мы любим вас за это. Но, вы наши враги.

– Кто вы такие? – спросил я.

– Привет вам от нашего господина Гнатона, – засмеялся мужик.

– Гнатона?! – почти крикнул я. – Это ведь мой злейший враг! Ах, вы падлюги! И здесь появились? Теперь вас можно тронуть.

Вспомнил того, кто скалился. Несколько раз я бывал рядом с пещерой. Бугор. На нем стоял шатер. Костер. Вокруг него сидели пираты. И один из них длинной деревянной ложкой что-то мешал в котле. Это он! Я его узнал. Это пираты. Как они попали сюда? В общем-то, не надо бы удивляться. Они везде могут появиться.

– Ты правильно подумал, Кукишсмаслом Кукиш Кукишович, мы в этом котле варили отменную похлебку со свежим барашком. А теперь мы исчезаем.

– Зачем вы появились? – быстро спросил я.

– Как зачем? Мы за вами следили. Вас бы комиссары скрутили. У вас не было документов. А тут мы вам подсунили справочки. И вы для председателя стали артистами. Можно представить, что было бы потом, когда вас бы разоблачили. К стенке таких гавриков ставят, как вы. Так что мы вас спасли.

– Мы и без вас бы выкрутились, мерзкие твари! – крикнул Кирьян. – Трогай, Степа, этих упырей!

Пираты исчезли. Не стало и костра. Даже пепла не было.

– Вот это да! Свят, свят, свят! – прошептал Саша, и стал неистово молиться.

Но, мы слышали голос.

– Правильно ты подумал Кукиш Кукишович. В общем-то, мы можем быть и хохмачами. Разные пакости и мерзости строить мы отменные мастера. Можем появиться хоть где. Мы надеемся, что на том холме мы ещё встретимся. Исключаем. Мы уже у костра. Нас ждет отменный барашек.

– Черти проклятые, – проворчал Кирьян. – Надо изорвать наши справки. Этих справок у нас не оказалось. Володя ползал на том месте, где горел костер. Потом встал. Лицо его было растерянным.

– Однако ничего я не понял. Здесь не было костра.

– Как не было? – спросил Сергей. Все мы смотрели на то место, где был костер. Здесь росла трава.

– Даже пепла нет, – ответил Володя. – Я бы запах унюхал. Не было здесь костра.

– Друзья, это просто наваждение, – сказал я. – Это одна из пакостей этих тварей. Куда теперь нам идти?

– Как шли вдоль берега, так и пойдем, – сказал Кирьян. И мы пошли по песчаному берегу. Справа от нас был густой лес. Солнце давно село за лесом, и мы какое-то время шли в темноте.

– Привал, – сообщил Кирьян. Уставшие мы бросились на теплый песок.

– Жрать хочется, ажно кишки сводит, – сказал Степа.

– На рассвете надо бы попробовать пройтись по лесу, – предложил Иван.

– Вдоль реки надежнее, – сказал Олег. – Деревни, села всегда строились по берегам рек.

– Вот утром и пойдем по берегу. А теперь спать, – предложил Кирьян. Все замолчали. Я быстро уснул. Проснулся от холода. Светало. Легкий туман полз по воде.

Все были мрачные. Молчали. Кирьян махнул нам рукой. И мы пошли за ним. За поворотом мы увидели деревню.

– Не влипнуть бы нам опять, – проворчал Кирьян.

– Я так жрать хочу, что никого и трогать не захочу, – сказал Степа.

Сразу за лесом начались поля. Пшеницу здесь ещё не убирали. Вдали шел комбайн.

Мы вошли в деревню. На лавочке сидел древний старик.

– Здорово, старче, – сказал Кирьян. – В поле, наверное, все?

Старик подставил к уху ладонь.

– Ась? Усе? Чо усе?

– Где можно пожрать? – закричал Степа. – Оголодали мы!

– Матрена! – закричал срывающимся голосом дед. – Вынеси пару калачей. Нищие здесь. Да кринку молочка вынеси.

– Какие мы тебе нищие? – в злобе прошептал Степа.

– Молчи, – остановил его Кирьян. Тут выступил Саша.

– Извините. Я сию минуту. Где там дочь моя?

Он снял с пояса рясу, и через голову надел её. Он пошел во двор, читая молитвы, и успевая всё вокруг себя крестить.

– Все, друзья, сейчас он хозяйюшку заболтает, – наконец-то улыбнулся Кирьян. – Хоть не начал там лекцию читать про сияющие вершины.

Ждали мы Сашу довольно долго. Потом он вышел на крыльцо, и позвал нас.

– Дети мои, идите трапезничать. Хозяйюшка добрая зовет вас.

Мы вошли в дом. Встретила нас старенькая и тощенькая хозяйка в старинном, длинном сарафане. На столе наломанные калачи, яйца, разные овощи, кувшин. Наверное, в нем молоко. В углу дома на специальной полке стояли большие иконы под сте-

клом с дверцами. Помню такие иконы стояли у моей бабушки в селе Макарьева на Ангаре.

Саша перекрестил пищу, прочитал молитву. Хотя мы были голодными, но решили ждать того момента, когда Саша сядет и начнет есть. Хозяйка с умилением смотрела на Сашу и изредка крестилась.

И вот Саша сел, и мы набросились на еду.

Пока мы ели, хозяйка стояла в углу дома под иконами и усердно молилась. Я не видел в этом доме портретов вождей. Видимо, здесь жили набожные люди.

Мы отменно поели, Саша прочитал молитву, и мы вышли на улицу. Сели на крыльцо. Хорошо!

– Вот теперь можно подумать, куда нам идти, – сказал Кирьян. – Всё это так. Но зачем мы попали сюда, понимаешь, да ещё в этот год?

– Мы собирались громить улыбочиков, а попали в довоенное время. Загадка, – ответил Иван. – Какой в этом смысл? В любом мире, куда мы попадаем, есть какой-то смысл. Здесь его нет. Вот в чем вопрос. Что это?

– И я не пойму, – ответил я. – Бродяжничать? Но я и в нашем мире бывало, много бродяжничал. В другой мир я попадаю, чтобы вести борьбу с темной силой. Ничего не пойму.

– Может от реки податься вон в тот лес? – предложил Олег. – А вдруг выйдем к Москве?

– Но ведь город стоит на этой реке, – возразил Сергей. Все посмотрели на Кирьяна. Он насупился. Молчал. Потом резко встал.

– Хорошо. Двигаем к лесу. Там видно будет. Идем. Зовите Сашу.

– Александр! Хилопатов! Или ещё, как там тебя эти обозвали! – закричал Сергей. – Идем к лесу!

Саша вышел к нам. Через плечо перекинут мешок.

– Опять чо та слямзил? – засмеялся Степа.

– Хозяюшка нам в дорогу собрала, – ответил Саша. Мы пошли за Кирьяном. Старушка вышла на крыльцо и вслед нам начала нас крестить.

Мы миновали поле и вошли в лес. Долго шли. Попадались грибы, но мы их не ломали. Да и зачем. Спичек у нас не было, чтобы развести костер.

– Бестолковое путешествие продолжается, – сказал Олег. Водя что-то стал оглядываться. Потом он сказал:

– За нами кто-то идет. Несколько человек. Они близко.

– Всё, мужики, – сказал Кирьян. – Привал. Надо поесть. Саша, выкладывай. Что там есть у тебя?

Мы сели на траву. Саша вынул калачи, копченую рыбу, большой кусок сала. И только мы приступили к еде, как нас окружили военные. Это были военные из шести человек.

– Попались, беглецы? – подошел к нам, видимо, командир. Глаза круглые, немигающие. – Где оружие?

– Какое оружие? – спросил Кирьян. – Сейчас наше оружие, вот эта еда.

– Обыскать! – звонко крикнул офицер. И нас стали обыскивать, но ничего не нашли.

– Так. Это интересно. С вами поп, и вот этот, узкоглазый.

– Это наш товарищ. Он чукча, – ответил Кирьян. – И прошу не обзывать.

– Ух, ты! – нервно засмеялся офицер. – Он ещё и страшает!

– Люди добрые, окститесь! – поднял руки Саша. – Побойтесь Бога!

– Что?! – звонко крикнул командир. – Ты, смотри, поп начал мною командовать! Мало вас стреляли! Ах ты, рыжая твоя борода! Сволочуга конопатая! Встать, когда с тобой разговариваю, мерзавец! Сбежали с конвоя, да ещё и хвосты подняли! Встать всем, враги народа!

– Слушай ты, свинячье рыло! – ответил Кирьян, и встал. – Обзывать, бульенная твоя харя. Если глаза выпучил, понимаешь, так и страху на нас нагнал? Да мы такого навидались, что ты, ублюжий огрызок, во сне, если хоть чуточку увидишь, в обморок упадешь!

Пока это говорил Кирьян, у офицера лицо приобрело морковный цвет. Дрожащей рукой он пытался расстегнуть кобуру, чтобы вынуть револьвер. В этот же момент я почувствовал, как что-то шевельнулось в моем сапоге. Я наклонился, и увидел, что

из-за голенища торчал кнут. Надо действовать немедленно. Выдернул кнут и в одно мгновение я бросил плеть на руку офицера. Он взвыл.

– А ну, братцы, тихо, – сказал я. – Не дергаться. Плетью охомуаю. Бросай винтовки!

Солдаты бросили винтовки.

– Ну, а теперь марш туда откуда, понимаешь, приковыляли, огрызки Берии! – крикнул Кирьян.

– Я могу их тронуть, – ответил Степа.

Офицер ещё больше округлил глаза. За всю свою жизнь, я уверен, он не слышал подобных слов.

– Вы, вы, как вы могли? На Берию так? Кто вы?

– Мы свободные люди из весьма свободной страны, – поклонился им Иван. – И прошу нас не путать со сбежавшими от вас заключенными. Мы не убежали. Нас никто не арестовывал. Уходите немедленно. А то вас может аккуратно тронуть наш Степа. И тогда будет вам весьма больно.

– Я их трону! – неожиданно крикнул Володя. – Я их больно трону!

Офицер стал пятиться, и упал через колоду. Вскочил, и, оглядываясь, стал удаляться в лес. Кирьян сказал:

– Красноармейцы, подберите свои винтовки, а то за потерю личного оружия вас могут отдать под суд.

Солдаты взяли свои винтовки, и последовали за офицером. Кирьян сказал:

– Теперь, мужики, собирай остатки еды, и надо уходить, как можно дальше, – сказал Кирьян. – Они вернуться, но их, понимаешь, будет много.

– Как следует пожрать, сволочи, не дали, – проворчал Степа. – А у тебя, Юрка, во время кнут образовался.

– Юрка у нас настоящий кнубой, понимаешь, – засмеялся Кирьян. – Он, вообще, и в нашем мире был отличным кнубой. Слово у него заменяло кнут. Грешен я. Защищал тех, против которых боролся Юрка. Конечно, душой я его понимал, но моё окружение было против него. Он опережал время. Юрка как бы, не жил в нашем времени, он жил в будущем. Он видел мир таким, каким он только сам видел. Трудно было его понять. До-

сталось ему в полной мере. И сейчас ему достается от тех, кто не понимает его. Как только он всё выдержал – не понятно.

Пока он исповедался, мы собрали оставшуюся еду, и пошли вглубь леса. Надо торопиться. Долго шли. Лес закончился, и мы вышли к большому селу. Что-то было знакомое в этом селе. Кажется, вот это клуб. И тут я вспомнил, что я был здесь. Это село я описал в своей книге «На острове снов». Здесь судили моих земляков, в том числе и Подгузникова. Он, видимо, узнал это село, и вот этот клуб. Он глухо кашлянул и сказал:

– Это, понимаешь, надо бы нам пройти это село. Ну, его. Пойдем дальше.

– Кирьян Аполлинариевич, надо бы зайти в клуб. Мы ведь здесь уже были.

Кирьян насупился.

– Ну и что? Я уже постарался забыть всё. Хватит. Пойдем отсюда.

– Чо это вы с Юркой темните? – Спросил Степа.

– Как это вы без нас здесь побывали? Выкладывайте, – сказал Сергей. – Когда это вы успели?

– Было дело, – ответил Кирьян. – Как-то неудобно вспоминать. С нами был Дрожжин.

– С этим лектором всё ясно. Что произошло? – спросил Иван.

– Долго рассказывать, – ответил Кирьян. – С нами были некоторые несознательные товарищи. Они колхозное добро украли. И решили нас судить. А вот Юрка нас тогда спас от расправы. Ладно, Юрка, расскажем, как всё было?

– Как в Москву попали тоже можно? – спросил я.

– Куда теперь денешься?

И мы рассказали обо всем, что здесь с нами приключилось.

– Надо же, самого Сталина видели! – воскликнул Степа.

– Тише ты, горлопан, – прошептал Кирьян. – Вдруг кто услышит? Может получиться так, что и не открутимся.

Из клуба стали выходить люди. Видимо, там только что закончилось собрание. И вдруг мы услышали крик:

– А вон они! Двоих я узнал! Они были в той компании, что обманывали народ. А этот вот этим, как его, из Москвы представился. Ещё и револьвером махал. Товарищ Гниломедов всё рассказал

о них. Мошенники они и плуты. Арестовать их надо немедленно. Гниломедов скоро придет. Он с ними быстро разберется.

Саша воздел руки, и стал молиться.

– Дети, братья и сестры мои! Обращаюсь к вам! Это недоразумение! Всё это проделки дьявола! Я буду молиться за вас, за ваши грешные души. Покайтесь в грехах своих. Перед вами невинные люди. Они есть путешественники.

– Молчать, сука рыжая! Он ишо нам проповеди читает. Попа одного отправили в Сибирь. И ты захотел туда?

– А зачем меня туда? Я и так сибиряк. Я буду молиться за вас. Давайте я вам по одному буду отпускать ваши грехи. Кто первый? Подходите. Не стесняйтесь.

– Я подойду, – сказал здоровенный парень. – Подойду и отменно накостыляю.

– А ты попробуй тронуть моего товарища! – крикнул Степа. – Я тебя сам трону.

– Кто это там такой смелый? – спросил парень и вышел из толпы.

– Я тебя трону, – ответил Степа. Назревал скандал. Толпа может наброситься на нас. И вряд ли кто спасет нас. Как не странно, нас спас сам товарищ Гниломедов.

Я услышал его голос. Его ни с какими голосами не спутал бы.

– Стойте, граждане колхозники, стойте! Кого вы там собрались бить? Не позволю.

Люди расступились, пропуская Гниломедова. Он приблизился к нам. Глаза его расширились. Рот продолжал шевелиться, но голос у него пропал. Вид у него был такой, словно перед его лицом появилось что-то страшное, свирепое. Он онемел. Люди видели, что что-то такое произошло с комиссаром, и совершенно затихли. Гниломедов глубоко дышал, лицо его почему-то бледнело. Наконец его прорвало.

– Ах ты, мерзкая тварь, попался! Теперь ты никуда не исчезнешь! Люди, это настоящий враг народа! Он, как гипноз. Он может появиться, а может тут же исчезнуть. Я навидался его проделок. В подвал их всех. Это его банда мошенников и врагов народа. Теперь они никуда не денутся. Подгузников здесь. Где остальные? Расползлись по селу? Вызываем милицию.

Толпа окружила нас. Привели к крайнему дому. Там был глухой подвал. Вот туда нас и столкнули.

– Однако отсюда не убежать, – сказал Володя.

– Это так, – ответил Иван. – Стены из кирпича. Надежно подвал сделали. На острове он хозяйничает, и здесь заделался комиссаром. Интересно, а помнит он, что он сейчас живет на острове? Это весьма любопытно. Надо было спросить его.

– Ничего он не помнит, – быстро ответил Кирьян. – Мы тоже, понимаешь, ничего не помним.

– Я помню, – возразил Саша. – Все помнят, кроме вас и Правдиной.

– Тише про неё, – быстро и шепотом ответил Сергей. – Здесь замкнутое пространство.

Все притихли, стали оглядываться.

– Слава Богу, не явилась, – сказал Кирьян.

Так наступила ночь. Здесь были нары, и мы устроились на них спать. Утром подвал открыли.

– По одному наверх! – крикнули наверху. – Кто побежит, стреляем без предупреждения!

Мы выбрались из подвала. Кругом были милиционеры. Бежать некуда. Сколько я путешествовал в другие миры, такого ещё не было.

Командовал отрядом маленький и толстенький офицер. На его толстом и холеном лице плавала чуть заметная улыбка. Рядом с ним стоял Гниломедов. Он что-то говорил офицеру, и тот согласен кивал головой.

– Слушайте, враги народа! – крикнул офицер. Голос у него был визгливый, и злой. Он продолжал улыбаться. – Сейчас мы вас доставим куда надо. Там с вами разберутся. В нашей стране не положено быть без документов. Вы есть настоящие шпионы, мать вашу за ногу.

– А вдруг это улыбочик? – тихо спросил Саша. – Кричит в злобе, а улыбается.

– Успокойся, – ответил я. – У нас на зоне тоже был один офицер, и он тоже улыбался, когда избивал заключенных.

Саша хмыкнул, и прочитал молитву. Потом как закричит:

– Улыбчик дребаный! Я вам не только расскажу про сияющие вершины, но и про ваши ублюжьи хари!

И он разразился отменной бранью. Конечно, я Сашу понял. Он решил этим криком проверить офицера на предмет превращения его в песок. Степа тоже закричал только ему знакомые слова.

Офицер вынул револьвер из кобуры и выстрелил в воздух.

– Молчать! Ты, смотри, враги народа зашевелились. Блатных решили из себя корчить, мать вашу за ногу! Молчать! Не выйдет. Враги народа и шпионы! Взять этих двух. Попа и вон того балбеса!

– Слушай ты, визжащий поросенок! – крикнул Кирьян. – Плимутрок недоразвитый! Ублюдок поносный, попробуй, тронь наших друзей. Помидор не пасынкованный, я рожу-то тебе быстро начну пасынковать!

Мы все закричали. Милиционеры подошли к нам вплотную. Началось избиение. Мы тоже начали защищаться. Видимо, был приказ доставить нас живыми. Конечно, мы для них оказались людьми странными. Мы были без документов. Да и комиссар Гниломедов всё рассказал о нас. Конечно, мы были люди подозрительные. Нас повалили на землю, и связали. Нам досталось отменно, да и некоторым милиционерам досталось от нас.

Подошла крытая машина, нас загрузили и повезли.

– Жалко, что это не улыбочка, – простонал Саша. – Надо же, такие есть люди. Улыбаются и бьют. Он ведь был похожий на улыбочика. Ну, я и подумал, что вот хоть одного здесь разоблачу.

– Да я тоже об этом, понимаешь, подумал, – ответил Кирьян. – Куда же нас повезут?

– На Лубянку, куда же ещё, – сказал Сергей. Везли нас долго. Наконец, машина остановилась. Раскрылась дверка.

– Выходите, враги народа! – крикнул кто-то. Мы стали прыгать на землю. Того офицера здесь не было. Наверное, раны зализывает. И Гниломедова здесь тоже не было. Ему ведь тоже досталось.

Со связанными руками нас повели к какому-то зданию. Но, это не Лубянка. Я бы её узнал. Это тоже было кирпичное здание в два этажа. Глубоко в земле виднелись окна в решетках. Подвал.

Нас завели в здание. Повели по коридору. Потом нас провели по лестнице в подвал. Втолкнули в небольшую камеру. Здесь было несколько шконок в два яруса. Знакомо.

– Вот мы и попались, – сказал Кирьян. – И никто нам уже, понимаешь, как я понял, не поможет. Помню, меня на Лубянке били. И здесь будут бить. А потом отправят на Колыму. А то ещё хуже сделают.

– Опять к Сталину нас отправят? – спросил Саша.

– Кто их знает, – ответил я. – Здесь всё возможно. Между нами, друзья мои, а мне нравятся вот такие приключения. В этом мире я чувствую себя тем, чем мне всегда хотелось. Быть свободным человеком.

– И то, что нас сграбастали, тебе нравится? – спросил Степа.

– Конечно. Здесь надо мной никто не властвует. Здесь нет окружающей меня зоны. Ну и что в этом захвате нас? Это игра. Ничего с нами не будет. Скоро мы проявимся в другом мире. И мы найдем этих проклятых улыбочиков. Поверьте мне. Я с молодости путешествую. Просто нас проверяют на крепость духа. Кто из вас пал духом? Никто. Мы дали им отпор. В нашем мире этого бы не случилось. В нашем мире все стояли бы смиренные, и, возможно, даже вдохновенные. Потому что над каждым из нас была своя зона. Из такой зоны, невозможно было вырваться. В своей книге «Зона» я и описал такое состояние нашего общества. Мы все были в зоне. Но, для каждого из нас она была разной. Уж как я боролся, чтобы вырваться из этой зоны, не получалось. И только путешествия в другие миры, или в прошлое, дали мне возможность быть тем, чем мне хотелось. Быть свободным. А если бы кто-то из вас пал бы духом, и стал паниковать, то его больше не взяли бы в такие приключения. Я теперь думаю, что тот, кто сейчас здесь, в нашем мире получит возможность всё вспомнить.

– Дай-то Бог, – сказал Кирьян. – Как бы хотелось всё вспомнить.

– Ну вот, и товарищ Подгузников о Боге вспомнил, – сказал Саша. – Это уже что-то изменилось.

– Чему ты удивляешься? – спросил Кирьян. – Нам атеизм всю жизнь вдалбливали согласно Ленинскому завету особенно в Высшей Партийной Школе. Доброму там ничему не учили. В душе,

понимаешь, я, конечно, верил, но виду не подавал. Я никогда не выступал против религии. Это, как на духу говорю вам. Были у нас антирелигиозные товарищи в виде Балаболкина и Дрожжина. Даже отделы такие были. Я только не знаю, зачем их организовали? А попробуй, пойдя против общих правил? Отовсюду выгонят с треском. И, как правильно сказал Юрка, все мы жили в зоне. Вот и доставалось Юрке за то, что он пытался вырваться из проклятой зоны. А здесь свобода! Пусть мы сидим в этом подвале, но всё равно мы здесь свободные. Мы можем свободно, кому надо накостылять. Можем, понимаешь, любому упырю свободно говорить, что придет в голову. Разве это не свобода. А в нашем мире полная зона. Вот что, мужики, надо бы, понимаешь, как-то бежать отсюда.

– Всё правильно мелькуешь, командир, – сказал Степа. – В нашем мире на шконке валялся. Когда откинулся с зоны, тоже в одном бараке опять была шконка. А здесь я не желаю. Хочу быть свободным. Надо вырваться.

– Друзья, как только нас поднимут наверх, попробуем сотворить чудо, – сказал Иван.

– Мы их перебьем, вот и всё чудо, – ответил Сергей.

– Ловко придумано, – сказал Олег.

Мы стали обдумывать, что делать дальше? И вот откинута подвальная крышка.

– Выходи по одному! – крикнули сверху. И вот мы наверху. Милиционеры стояли ровным рядом. Револьверы направлены в нас. Человек двадцать. За ними стоял отряд солдат. Винтовки наперевес. И это понятно. Мы для них не только враги народа, но и отряд диверсантов.

– Да, мужики, это весьма серьезно, – сказал Иван.

– Всё равно, понимаешь, надо как-то выбираться, – ответил Кирьян.

– Эй вы, вонючие диверсанты, разговорчики! К машине шагом марш!

Как сквозь строй нас повели к крытой машине.

– Благословляю вас, солдатики! – закричал Саша. – Вами командуют упыри и настоящие враги народа! В аду им достойное место! Аминь!

– Молчать! – закричал командир отряда. – Ещё какой-то поп будет здесь говорить вражеские слова! Молчать! Здесь бы вас надо расстрелять, сукиных детей! Так нет же, был приказ в другом месте вас кончить!

– Как положено, нас надо допросить! – крикнул Иван.

– Много чести для вас! – отозвался офицер. Нас втолкнули в машину. И мы поехали.

– Вот теперь мы влипли, – нарушил молчание Кирьян.

– Туда, куда нас привезут, бежать будет невозможно, – ответил Иван. – У какого-нибудь оврага нас расстреляют.

– Надо бежать, – сказал я. – Видите ли, в таких машинах возили политических заключенных. Все они ехали смиренно. Каждый из них думал, что совершена ошибка. Теперь мы знаем, что ошибка никаких не было. Они надеялись, что их отпустят. Мы теперь знаем, что нас везут на расстрел. Поэтому предлагаю одно. Надо бежать.

– Как бежать? – спросил Степа. – Передавить их всех? Как мы отсюда выйдем?

– Давайте так. Стучим и кричим все вместе. И будем раскачивать машину. Там будет видно, – предложил я. Мы стали кричать, стучать, и толпой прыгали с одного борта к другому борту. Машина начала раскачиваться. И вот она остановилась. Раскрылась дверь.

Внизу стоял офицер, готовый пустить в ход свое оружие. Я же выдернул из-за голенища кнут, и выбил револьвер из рук офицера. Все мы спрыгнули на землю. В кабине ещё был один солдат с винтовкой. Степа ударом кулака оглушил его. Но это не всё. За нами шла машина. В ней, конечно, были солдаты. Пока она только что появилась из-за поворота. Мы побежали в лес. Долго бежали. Позади нас раздавались выстрелы. Мы всё дальше уходили от погони.

– Юрка, ты молодец. Надо такое придумать. Всех выручил, – говорил Кирьян. А я ответил: – Мои предки бегали и воевали с царскими опричниками. Дед мой и отец не признавали советскую власть, и постоянно были в бегах. Да я и сам кое-какой опыт имею. Передалось по наследству.

– Всё на этом, – едва справляясь с дыханием, ответил Кирьян.

Выстрелы прекратились. И вот мы пошли шагом.

– Не надо перекуривать, – сказал Кирьян. – Надо уходить, как можно дальше.

– Слушай, Кирьян, а ведь ты сейчас тоже пошел против советской власти, – засмеялся Степа.

– Как это вдруг? – спросил Кирьян, и даже остановился. Мы тоже остановились. – Как это?

– Очень просто, – ответил Сергей. – Ты восстал против солдат Красной армии, и против советской милиции.

Кирьян долго смотрел на Сергея, а потом неожиданно улыбнулся.

– Если хорошо подумать, то это, правда. Но, могли ведь и расстрелять.

– А те, которых везли вот так вот, они покорно шли под пули, – ответил я. – Бывали случаи. Восставали. Но, это было весьма редко. Значит, они тоже были против советской власти.

– Так-то это так, – проворчал Кирьян. – Всё былью поросло. Надо же, безвинных расстреливали. До сих пор ещё многие не желают, чтобы об этом говорили. В этом вопросе у многих ещё, понимаешь, в головах темно. Юркины зарисовки о людях, кто строил железную дорогу от Тайшета до Лены, некоторые бывшие коммунисты запрещают не только печатать, но и писать об этом.

– Хватит об этом, – прервал наш разговор Саша. – Что будем делать дальше? Я буду за всех молиться.

Странно. Мы вышли к широкой реке. А вот и холм. На нем вокруг костра сидели пираты. Один из них в котле мешал длинной деревянной ложкой. Гнатона среди них не было.

– Опаньки, – сказал Кирьян. – Здесь мы уже были. Как же так? Если мы были недалеко от Москвы, то вот такой горы, по-моему, там не должно быть. Равнина. А здесь вон ещё и пещера. Продолжаются необыкновенные приключения придурков.

– Зайдем в пещеру, или поплывем по реке, как в прошлый раз? – спросил Олег. Володя всё время молчал, а тут вдруг сказал:

– Вернуться бы домой, я бы своим оленеводам рассказал, как мы побывали везде. И ещё что-то будет.

– Как я понял, дети мои, извините, так и срывается с языка непотребно вам, нас испытывают на прочность, – сказал Саша.

– Не переживайте товарищ Подгузников, Степа и Володя. Вам дадут всё вспомнить. Но, не увлекайтесь рассказами о виденном вот этом мире, как это делал я. В деревнях и в маленьких городах опасно рассказывать. Не поймут. И определяют в психушку. Много передумал. Опасно. Я теперь живу в Москве. Хожу на свалку, брожу по вокзалам. Там свобода. Разговариваю с людьми на эту тему. Некоторые слушают внимательно. И что-то остается в них. Даже успел двух улыбочиков обнаружить. Они покинули этих двух людей.

– Молодец Саша, – сказал Иван. – Мы тоже обнаружили четверых улыбочиков. Постепенно бы увеличивать число таких людей, как мы для поисков улыбочиков. Только бы не болтали на каждом углу, как это делал Саша.

– Я бы помалкивал, – согласился Кирьян. Степа даже стукнул себя в грудь. – А я чо рыжий? Я тоже бы молчал.

– Я был рыжий, вот и болтал, – засмеялся Саша.

– Хватит об этом. Куда теперь нам отправляться? – спросил Кирьян.

И тут перед нами возник Турас.

– Мы нужны в том мире, где царствуют улыбочики? – спросил Иван.

– Вам надо уходить отсюда. Со своей бандой может появиться Гнатон, – ответил Турас.

– И этого гуся ты знаешь? – спросил я.

– Знаю. Видел его. Он постоянно проникает в ваш мир за душами умерших людей. Пакостник высшей категории. Мне бы не хотелось, чтобы вы встретились с ним.

– Мы бы его отменно тронули, – ответил Степа.

– Вы нужнее в мире кортов.

– Всё, – твердо сказал Кирьян. – Надо, значит, надо. Пойдем через пещеру.

– А вот эти пираты видят тебя. Они передадут Гнатону, что ты говорил нам, – сказал я.

– Они не видят меня и не слышат, – улыбнулся Турас. – Они даже не слышали и ваши разговоры. Я исчезаю.

Турас так быстро исчез, будто его и не было. Пираты не смотрели на нас. А мы вошли в пещеру. Грешники таскали тачки со

своими грехами. Оголенные по пояс охранники, били их кнутами. Мы не стали задерживаться здесь. Вошли в длинный коридор. Как я уже писал, по сторонам было много дверей. Олег открыл одну из них, и тут же захлопнул.

– Что там увидел? – спросил Сергей.

– Октябрина Правдина читает лекцию грешникам. Надо уходить быстрее. Хотя она стояла к двери спиной, но у неё нюх на нас. Учуёт, что мы здесь.

Володя шел впереди. Вот он остановился. Приоткрыл дверь, и заглянул в комнату. Потом он сказал:

– Однако можно зайти. Никого нет здесь.

У Володи тоже чутье отменное. И мы вошли. Обыкновенная комната. Стол, стулья. В углу зеркало. У нас уже есть опыт. Я подошел к нему, и свободно заглянул в соседний мир. Тревоги во мне не было. Недалеко была речка, лес, гора. Всё, как в нашем мире. Я позвал друзей. Сообщи́л им, что можно посетить новую местность.

И вот мы все прошли сквозь зеркало.

– Мне, кажется, что мы, понимаешь, попали в нужный для нас мир, – сказал Кирьян. – Должны появиться наши потусторонние друзья Турас, Дубак, Кат и представитель гелиозов-захватчиков Котя. Но, он против войны с нами. Пойдемте к реке. Там лес. Зачем нам торчать на открытом месте?

Мы пошли к речке. Рядом с лесом мы увидели большой дом. Рядом был огород. Вокруг него поленница дров. За огородом раскинулось большое поле пшеницы. Нас встретил хозяин. Он не улыбался.

– Ты что это один здесь? – спросил Кирьян.

– Как один? У меня семья.

– Ваши люди живут в деревнях и селах, – сказал я. – Здесь тени есть?

– Есть. Наши люди знают, как вы их побили. За вон тем поворотом лежит разбитый корабль теней. Вы его уничтожили.

– Ну, слава Богу, добрались, – перекрестился Саша.

– А тебя чо эти твари не тронули? – спросил Степа.

– Я ни с кем не воюю. Я совсем нейтральный человек. И они это знают. Меня не трогают.

- Подойдет время, и тронут, – ответил Степа. – Зачем одни?
- Все ваши корты объединяются для борьбы с врагами, – сказал Олег.
- Нас ещё молодыми выгнали из деревни, – ответил мужик.
- Как это? – спросил Сергей.
- Я полюбил Бану. Первая красавица по всем нашим деревням. И она полюбила меня. Родители были против нашей женитьбы. Она убежала ко мне. Нас изгнали из деревни.
- Вот это, полная камуха! – воскликнул Кирьян. – У нас такое тоже бывает. Юрка себе тоже невесту украл. Женились. Она ему двух детей принесла. Но, у вас так строго. Женщины, понимаешь, знают свое место на кухне и в хозяйстве, в воспитании, понимаешь, детей. А здесь такое случилось!
- Старики говорят, что они не помнят, чтобы подобное было. Первый случай, – ответил мужик.
- Где твоя жена? – спросил Степа.
- Она родила мне сына и дочь. Сейчас они пошли за грибами. Ягод соберут. Скоро жатва начнется. Дров уже у меня много. Дети у меня отличные. Всё на лету хватают. Дети хорошие, улыбочивые.
- Здесь им хорошо, – сказал Иван. Вид у него был задумчивый.
- Наверное, не любят, когда на них кричат?
- Откуда про это знаешь? Не любят. Мы ведь живем на отшибе. Здесь кругом тишина. Вот они и привыкли к тишине, – ответил мужик.
- Да, да, конечно, – ответил Иван. Меня насторожил такой разговор. Мои друзья притихли. Саша вдруг стал креститься.
- Ваши корты не беспокоят вас? – спросил я.
- Давно отстали. Но, – он неожиданно улыбнулся, – ещё две пары сбежали. Сейчас они живут вон за той горой. Две семьи рядом. У них тоже есть дети.
- Вот, дорогие мои друзья, началось, – сказал Иван. – Наша цивилизация проникла и сюда. Но, и ещё что-то проникло. Наверное, догадались. Толи ещё будет. Мир и здесь меняется. Я всегда говорил, что всё идет от женщины. Но, если ещё и, то произошло, о чем я подумал, и вы догадались. Страшно.
- Из леса вышли трое. Женщина была очень красивой. Рядом с ней шли подростки. Все они несли корзины. Когда они приблизи-

лись, то меня взяла оторопь. Дети чуть заметно улыбались. Мальчик нес корзину со смородиной. У женщины и дочери в корзинах были грибы. Жена по имени Бана поставила корзину на крыльцо. Строго сказала по-русски:

– Уходите отсюда. Тени узнают, и тогда нам будет плохо. Уходите. Ты рыбы наловил?

Мужик замахал на нас, чтобы мы уходили. И мы пошли вдоль речки в сторону, где был уничтожен летающий корабль улыбочков. Иван сказал:

– А я что говорил? Вот образец новой здесь женщины. Заметили, как она ведет себя по отношению к мужу? Прямо, как у нас. Мир и здесь начал меняться. И вот он образец.

– Хватит о женщине, – резко ответил Кирьян. – Дети улыбаются. И ещё. Вы все заметили. Улыбочики их не трогают, и проходят мимо.

Степа засмеялся:

– Я понял. Улыбочики заделали ей своих детей! Вырастит детей жестоких и мерзких. Они могут и родителей кокнуть. Пусть растут детей. До времени.

– Ничего здесь нет смешного, – сказал Олег. – Это трагедия. Я уверен, что и в нашем мире они заделывают детей в наших женщинах. Страшно. Я много раз видел детей безжалостных и мерзких. Бьют, кого и улыбаются.

– Я не понял, о чем вы говорите? – спросил Володя. – Помню, когда говорил Абрамович...

– Володя, здесь обстановка почище твоего Абрамовича, – преврал его Кирьян. Саша постоянно крестился, и что-то бормотал.

– Володя, тебе бы не надо об этом задумываться, – сказал я. – Твой народ намного чище, лучше, девствен любого народа в любой европейской стране. Вы счастливые люди.

Мы вышли на опушку леса. Недалеко протекала речка. Мы здесь были. В метрах ста от нас лежал подбитый нами корабль улыбочиков.

И тут из леса выбежала... Пелагея Пантелеймоновна Длиннохвостикова. А эта дама, откуда взялась? А, в общем-то, она бы для нас пригодилась в борьбе с улыбочиками.

– Вот это да! – воскликнул Кирьян. – Я ведь знаю её. Пропали мы!

– Она поможет нам, – ответил я.

– Чем это она нам поможет? Хотя, горло у неё луженое.

То, что мы дальше увидели, даже рты раскрыли от удивления. Саша стал быстро креститься, и приговаривать:

– Свят, свят, свят, спаси нас, Господи! Пропали мы.

И начал креститься и читать молитву. К нам приближались не улыбки. С ними мы бы справились. К нам шли две дамы: Железянкина, бывшая секретарь партийной организации цеха по пошиву нижнего белья и колготок, и неутомимая Октябрина Правдина.

– Пропали мы, – простонал Кирьян. – Здесь бежать некуда. Всё.

– Попались, голубчики, – торжественно засмеялась Правдина.

– Не бойтесь, вопросами я не буду вас мучить. У нас теперь другая задача.

– Какая может быть у тебя задача? – чуть не закричал Кирьян.

– Ты специалист мотать нервы людям. Зачем ты сюда явилась?

– Уже начал нервничать, – продолжала смеяться Октябрина. – Успокойся. Мы пришли вам помочь в борьбе с улыбочками.

– Как вы сюда попали? – спросил я.

– Очень просто и сложно, – ответила Октябрина. – В одной из комнат я читала лекцию о современной семье, где надо уважать женщину.

– Хватит о женщинах! – закричал Кирьян. – Зачем пришли, и как сюда попали?

– Не надо так нервничать, Кирьян Аполлинариевич, – улыбнулась Железянкина. – Мы сообща будем защищать местный народ.

– Не ты, ли, Аграфена, будешь защищать людей? Не смехи.

– Мы поможем. Как попали сюда? Весьма любопытно.

И они наперебой стали рассказывать, как они попали в этот мир. Аграфена и Пелагея появились одновременно у холма, где сидели пираты. Конечно, они растерялись. Правда, Аграфена вскоре поняла, в чем дело. Она уже была в другом мире. Стала успокаивать Пелагею, и объяснять в чем дело. Пелагея успокои-

лась, и пошла к пиратам, чтобы спросить у них, кто они, и что здесь делают. Спросила. Они стали ей грубить. Я могу только представить, что было дальше. Она их расшвыряла, опрокинула котел, тем самым затушив костер. Тут-то и появился какой-то культурный человек, и объяснил им, что делать дальше, чтобы увидеть нас и помочь нам. В коридоре они встретили Правдину. Так вот они и добрались до нас.

– Так что, теперь у нас одна команда, – сказала Аграфена.

– А вон и улыбки появились, – сказала Пелагея. – Они, наверное, решили войти в тоннель. А из него атаковать села местных жителей. Давайте я с ними проведу культурную беседу. Ещё есть новость для вас. Мой муж Петр тоже появился в этом мире. Он отделился от нас. У него, оказывается, целая папка лекций. Он нам сообщил, что будет читать эти лекции улыбкикам. Я только могу представить, что будет с этими тварями. Мы хотели взять его с собой, но он отказался. Он даже на меня накричал. Сказал, что хоть в этом мире он хочет быть свободным. И пошел искать улыбкиков.

Пелагея пошла им навстречу. Они остановились. Их было около двух сотен тварей. Говорила она культурно. Мы даже слышали все её слова. В десяти метрах она была от нас. Молодец, Пелагея. Командир банды захватчиков приблизился к ней, и мы услышали его слова. Зря он так. Просто он, видимо, ещё не знал наших русских женщин в ярости. Пелагея подбоченилась, кулаки уперла в бока. Она откинула голову. В этот момент, конечно, у неё глаза собрались в пучок. И, как она закричала, у меня опять в левом ухе звянькнуло, и я оглох на это ухо. Я не буду писать, что она кричала. С набором непонятных культурному человеку слов, она добавляла отменный русский мат. Я оглянулся на своих товарищей. Все они зажали уши. Аграфена и Октябрина даже присели. А я вдруг подумал, что это очень хорошо, что Пелагея появилась среди нас во время.

Командир упал и превратился в песок. Все солдаты быстро стали падать, и были полностью уничтожены. Наступила тишина. Пелагея повернулась к нам. Глаза были в норме. Лицо сияло. Она даже похорошела. А я подумал, вот, где надо ей работать и служить, а не возиться с курами и помидорами. Здесь она тоже

может быть свободной, как и мы. И нет той для неё зоны, которая есть в нашем мире.

– Как я их, мать их за ногу, – сказала она и громко засмеялась. Она с удовольствием потеряла руки. – Сейчас бы чего-нибудь перекусить. Я бы целого барана съела.

Как в сказке проявились: Турас, Дубак и Котя. И этот гель с ними.

– Героям всё сделаем, – сообщил Турас. Тут же появился стол, скамейки. Появились люди, и они доставили на стол разную еду. Мы с удовольствием поели то, что нам принесли. Октябрина не задавала нам вопросы. Пока не задавала. Там будет видно.

Когда всё съели, то стол, скамейки и наши новые потусторонние товарищи исчезли. Мы легли на траву. Блаженствовали. Первым заговорил Кирьян.

– Что будем делать дальше?

Аграфена неожиданно засмеялась.

– Мы ведь ещё небольшой отряд улыбочиков уничтожили. Постаралась Октябрина. Прежде чем войти в лес, мы обошли одинокое хозяйство. Странно. Улыбочики мимо прошли. Даже не взглянули. Когда мы приблизились к лесу, то нам навстречу вышел этот отряд в десять тварей. Октябрина и начала им задавать вопросы. Один из них был такой. Почему они прошли мимо того хозяйства. Ну, и дальше задавала вопросы, и путала их. В общем, так запутала, что они падали замертво.

– У меня теперь против них тоже есть личное оружие. Вопросы и ответы. Наши мужики от меня убегают. Не буду я вам больше мешать, и мотать нервы. Берегите силы для борьбы с улыбочиками.

– Количество наших людей увеличивается, – сказал Иван. – Это очень хорошо. Капля в море. Но, какая капля! Мы настоящее озеро. В общем, таких людей, как все мы здесь, больше бы послали в этот мир. Так глядишь, и может, прекратится поход тварей в наш мир. Да ещё бы в нашем мире, их бы начать уничтожать. Надо бы кому-то людям втельмяшивать в головы людей.

– Кому? Министрам? Они тебя, понимаешь, пошлют в кое-какое место, – мрачно ответил Кирьян. – В общем-то, все мы здесь

собрались нормальные люди. Не будем говорить о сияющих вершинах и гранитном фундаменте. Так, товарищ Железянкина?

– Да это так, – тихо ответила Аграфена. – Пошли они знаешь куда? Бессрочно мы шли к этим вершинам, и не дошли. Хватит. Стыд-то, какой. На острове среди дикарей хотели коммунизм построить. Слава Богу, наши новые друзья из этого мира не слышат и не знают.

– Всё они знают, – ответил я.

– Откуда? – спросила Октябрина. – Не уходи от ответа. – И тут же засмеялась.

– Не беспокойся, Октябрина, – сказал я. – Они всю прошлую и настоящую нашу историю знают. Они в нашем мире бывают.

И мы нашим женщинам всё поведали, что знали об этом народе. Октябрина загрустила.

– Столько раз я бывала в других мирах, а ничего так и не узнала. Только вопросы задавала. И от меня все отнекивались. Так сложен мир. Хорошо бы, нам память вернули бы, когда мы появились бы дома.

Появился Турас.

– Пора вам всем отправляться в ваш мир. На смену вам прибывает другой довольно большой отряд добровольцев из вашего мира. Так что борьба с тенями будет продолжаться. Теперь вас могут брать и отсюда. Здесь появилось окно в ваш мир. А вот попадать сюда вы можете только через другие места. Те места мы не знаем. Только что узнали, что отсюда вас могут отправить домой. Приготовьтесь. Нам сообщили, что вас отправляют по вашим местам. Хотелось бы вновь встретиться. Ваш земляк Петр Петрович Длиннохвостиков своей лекцией уничтожил целый отряд теней. Питание мы ему приносим. Сейчас он ищет другой отряд теней. Будет читать им уже другую лекцию. Он в ударе. Радостный. Он прибыл сюда позже вас. Он ещё немного побудет здесь. Вы все для нас настоящие герои. Но вам пора отправляться в свой мир...

Перед моими глазами образовался туман. Всё исчезло. Я стоял у сосны. Отсюда я уже несколько раз проникал в соседний мир. На этот раз у нас много было приключений. Я шел домой. Был доволен, что ещё раз мы помогли соседям, а, значит и нашему народу, в битве с улыбочками.

Интересно, а дадут память некоторым товарищам? Только бы они не стали болтать на каждом углу, как это делал Саша Хилопатов. Не должны. Тогда мы бы могли встречаться, и думать, что нам делать дальше?

Пришел домой, и сразу полез под теплый душ. Хорошо!

Пошел дождь. Ветка тополя снова начала биться о стекло. Нет, я её ломать не буду. Я понял, что она дает мне что-то необычное. Что? Я пока не знаю. Но, что-то дает. Настроение поднимается. Это одно. Но, что-то другое. Пока не знаю. Пока. Там будет видно.

ПРОИСКИ САТАНЫ И ПРИШЕЛЬЦЕВ

Хорошо дома. Дождь и легкий стук ветки от тополя в стекло клонили меня на сон. Только что закончил писать о том, как я побывал в соседнем мире. Теперь можно и отдохнуть. Но, что-то меня беспокоило. Что? Не знаю. Когда появлялось беспокойство, то мне было не до сна. Возможно, опять меня попросят путешествовать? А причем вот это беспокойство? Надо искать ответ. И он пришел. Я встал с дивана, начал ходить по квартире. Я часто вот так мотаюсь по комнате. Такая привычка у меня осталась с молодости. Надо включить телевизор, чтобы посмотреть новости. Что там опять наши руководители обещают приятное и сладкое. А попал я на не приятное и не сладкое видение. Четыре девушки в храме Христа Спасителя в Москве пели и танцевали среди икон. От такого видения я оторопел. В некоторых других городах и селах некоторые молодые люди крушили иконы. Эти неприятные события произошли за короткое время. Меня это насторожило. Что это? Я долго не мог придти в себя. За свою долгую жизнь я навиделся такого, что меня трудно, чем удивить. Но, после такого просмотра, я был в замешательстве. Оказался в полном расстройстве. Понимаю и не понимаю то время, когда к власти пришли большевики. Крушили иконы, сжигали древние церковные книги, бросали в лагеря священнослужителей, расстреливали. На десятки лет в нашей стране главенствовал атеизм. Мы прошли это. Казалось бы, возврата к мракобесию не долж-

но быть. И вдруг такое случилось. Меня озадачило то, что такое произошло сразу во многих местах России. Что это? Сговор? Я внимательно вглядывался в лица девушек и парня, который топором рубил иконы. Девушки находились за решеткой. Я увидел парня. И по моему телу пробежал озноб. Девушки улыбались. Они не раскаивались в содеянном зле. Они готовы повторить то, что они сделали. И тут я увидел парня. Его лицо показали во весь экран. Действительно, вздрогнешь. Глаза огромные. В них, как и у девушек пустота. Самое страшное было то, что он улыбался. Вот эта знакомая улыбка меня и насторожила. У меня возникло такое ощущение, будто всеми этими людьми кто-то руководил невидимый. Как бы мне хотелось с ними поговорить. Он не раскался в том, что он в церкви крушил всё подряд, и даже стал избивать священнослужителя, когда тот пытался помешать ему. Интересно, что скажут мои московские друзья? По телевизору я видел, как многие люди бунтовали против этих людей. И в нашем городке я не нашел защитников. Но, осталось что-то пока не понятное в народе. Все были возмущены тем, что уничтожали иконы. Но никто не говорил о священнослужителях. Вот это меня и насторожило. Некоторые тихонько признаются в том, что священнослужители сильно обогащаются, строят для себя дворцы. И им всё мало. Они тоже говорят долго и красиво, читают выдержки из Нового Завета. Призывают прихожан к благородству, честности, к смирению перед Богом. Когда я ездил по стране, видел многих прихожан. Все они пытаются хоть немного выполнять заветы Иисуса Христа. Строго проводят посты. Из прихожан я нигде не видел на вид сытых и гладких. Один из моих друзей Александр Ниточкин всегда строго соблюдает пост. Знаю многих женщин. Они тоже строго соблюдают пост. В такие дни они становятся благодными, тихими. Но все они, как правило, худеют, лица бледнеют. И я им сочувствую, и за это уважаю. Хоть как-то они пытаются жить по заветам нашего Бога Иисуса Христа.

Всё это так. Это право наших священнослужителей и прихожан. Мы все люди. И каждый из людей живет по своим правилам. А вот перед Богом мы будем отвечать за свои грехи по отдельности. И обсуждать настоящую жизнь этих людей я не имею право. Пусть живут так, как им нравится. Я, в общем-то, не об

этом. Меня взволновало другое дело. Все эти граждане, что ворвались в церкви, пели и танцевали, а другие уничтожали иконы – улыбались. Меня это насторожило и удивило. Я думаю, что это настоящие проделки Сатаны и «улыбчиков», пришельцев из чужого нам мира. И я вполне уверен в этом. Как и должно быть, они объединились. Там, где есть зло, безмерное стремление к богатству, там есть Сатана. Тут я вспомнил знаменитых маньяков Оноприенко, Андрея Чикотило и Муханкина. Они улыбались. В течение десяти лет в одном месте, под городами Ростов и Таганрог было поймано маньяков сорок человекообразных зверей. А один маньяк, когда убивал жертву, то плакал. При допросах он тоже улыбался и плакал. И все они были здоровыми людьми, если так можно их назвать. На допросах они говорили, что в какой-то период на них будто опускалась пелена. И словно, кто подсказывал им, что надо делать. И вот эти мерзавцы, что громили церкви и рубили иконы, творили, будто под каким-то присмотром. Некоторые журналисты пишут, что будто кто-то планировал эти действия. Пусть на здоровье пишут и сочиняют. У меня другое мнение. В каком-то селе, далеко от Москвы и других городов, человек начал громить церковь почти в одно время с четырьмя девушками. Кто его планировал? Он сам начал действовать, но под властью неведомых ему сил. Это мой ответ на такие вот действия этих духовно больных людей. У всех у них большая душа. Их надо лечить, а не судить. Из этих людей надо изгонять нечистую силу. Сатана и улыбки начали действовать в открытую борьбу за человеческие души. Интересно, как там действуют мои московские друзья? Теперь я уже не путешествую по стране. Наездился досыта. Теперь я не активный представитель общества, а созерцатель.

Отключил телевизор. Сел у окна и смотрел в плачущее окно. Ветер бросал капли дождя в окно. Вода струйками стекала по стеклу. Ветка тополя шуршала, и будто передавала мне что-то печальное, грустное. Она тоже плакала. Неожиданно вспомнил один вроде малозначачий случай. Вчера один десятилетний мальчик где-то подобрал металлический прут, и стал бить стекла на припаркованных машинах. Он в ярости кричал и даже матерился. Я шел по улице. Увидел этого разъяренного мальчика, и побежал, чтобы остановить его. Владелец автомобиля перехватил малолетнего

хулигана. Подросел ещё один шофер. Держали мальчишку, а он яростно вырывался. Я подошел ближе. В его глазах стояла ярость, но он улыбался. Тогда меня это удивило. Тут откуда не возьмись, появилась Октябрина Правдина. Как ни странно, она всегда появлялась в нужном месте и во время. Мы с ней переглянулись. Она сказала:

– Всё ясно. Мальчик, пожалуйста, скажи свое имя. Дяди тебя бить не будут. Они хорошие и добрые дяди. И ты хороший мальчик. Как тебя звать?

От крика или ещё от чего, он ответил хрипло:

– Андрей. Мне больно. У меня голова болит.

Он стал успокаиваться. Злоба в глазах исчезла. Мальчик испуганно озирался. И вид у него был такой, будто он всё, что окружало его, увидел впервые. Но продолжал улыбаться.

– Андрюша, миленький, ты зачем бил стекла?

В его глазах появилось удивление. Он ответил, и ответ озадачил меня.

– Я не знаю. Не помню. Я не я это сделал.

В глазах его появились слезы. Но он улыбался тихо и печально.

Шоферы отпустили его. Он не убегал. Он смотрел на то, что сделал. Он шел домой и улыбался. Октябрина подошла ко мне. Мы долго молчали. Первой заговорила она.

– А ведь в нем сидит улыбочка. Он не остановится. Ты видел по телевизору этих людей, что творили в церквах? Мне становится страшно. Вспомнила я, всё вспомнила. Раньше, бывало, я смеялась над тобой. Думала, рехнулся Юрка. Здорово мы там этих тварей превратили в песок. Мальчишку надо спасать. Он ведь ещё что-нибудь натворит. Я за ним посмотрю. Теперь я знаю, как из человека изгнать улыбочка.

– Пойми, Октябрина, таких людей в мире уже миллионы.

– Но, и нас становится всё больше.

– Октябрина, я чувствую, что будет битва добра со злом.

– Мы победим, – повысила она голос.

– Ты тише говори. Я не хочу повторить судьбу Саши Хилопатова. Нас с тобой засмеют. Битва будет. Страшная битва. Апокалипсис покажет.

– Ты веришь, что он будет?
– Конечно, будет. Но, добро должно победить. Верить надо в добро. Предчувствие меня никогда не обманывало. Битва будет.
– Нам всем, кто там был, и кому дали возможность вспомнить, надо объединяться и бороться.
– Я уверен, что в нашем мире, таких людей, как мы становится всё больше и больше. Хоть это нас должно радовать.
На этом мы и разошлись.
Я сидел у окна, и слушал шепот мокрой ветки от тополя. Ветка что-то передавала мне хорошее. Мне от этого было спокойно на душе. И я задремал. Надо уснуть.

Добро

Вот уже неделю шел дождь. Много лет люблю ходить в парк. Над лавочкой навес. Хорошо вот так сидеть в одиночестве на лавочке и думать о своем. Даже домой не хочется идти. Почему-то вспомнил свое тяжелое детство. Кто мне поверит, когда я со своим другом Генкой Султановым зимой шел за обозом от села Макарьево до Заярска. А ведь мне было всего восемь лет. Потом от Осетрово на Лене шли пешком за обозом до Бодайбо на реке Витим. Много, что вспомнил. Вереницы людей прошли мимо моей жизни. Порой мне казалось, моя ли это была жизнь? А может несколько судеб прошли через мою судьбу? Нет, это моя жизнь. Это была моя судьба.

Дождь стучал по крыше, и не было слышно тайгу. А ведь я люблю её слушать. Вот дождь вроде перестал. Я вышел из-под навеса. Тучи темные и плотные низко плыли над тайгой. Мне казалось, что они касались макушек деревьев, цеплялись за них, и сбрасывали тяжелые капли воды. Они падали на лицо, скатывались на шею, за воротник куртки. Я слизывал их с лица. Они были холодные и безвкусные. А вот запах от них напомнил мне свежий снег. Такой запах снега бывает осенью. Но сейчас весна. Хотя, что я болтаю? Снег всегда имеет такой запах, а вкус – дождя. Я шагнул на тропку. В один миг вода насквозь промочила мою одежду. По телу побежали холодные струйки. Я не обращал внимания на такое неудобство. Я слушал тайгу. Деревья будто

перешептывались друг с другом. Где-то дробно начал стучать дятел. Возможно, ждал, когда перестанет идти дождь. А он с новой силой зашумел над тайгой. И дятел сразу замолк. Мне снова пришлось бежать под навес. Надо как-то пробиваться домой. Можно простыть. Но я почему-то не замерзал.

И вдруг, тучи начали бледнеть, появился светло-синий просвет. Подул легкий ветерок. Дождь неожиданно перестал. Тучи раздвинулись, и выкатилось словно умытое, яркое и радостное солнце. Я зажмурился от такого света. А когда открыл глаза, то был поражен. Тайга резко изменилась. Молодые листочки на березе стали ещё зеленее, трава сбросила с себя лишнюю воду, выпрямилась, и напомнила мне огромный ковер темно-зеленого цвета. Я даже побоялся ступить на неё, боялся помять нежные и тоненькие стебельки. Моя любимая сосна, словно, невеста приободрилась, застенялась своей красоты, и от смущения ещё ярче зазеленела. На разные голоса запели и засвистели птички. Четко и упрямо долбил дятел. Вдали было слышно, как закуковала первая кукушка. Из вновь зарождающего муравейника вылезли муравьи-разведчики. Тайга ожила. Разве это не счастье? Если бы кто знал, как я люблю слушать тайгу. Об этом я написал и издал лирическую повесть «Илимская симфония».

Осторожно, чтобы не очень помять ожившую, молодую травку, я подошел к сосне. Ладони легли на её шершавый ствол. Тепло от неё передалось мне. Я чувствовал, как вливалась от неё положительная энергия. Радость переполняла всё мое тело. Я даже замурлыкал какую-то мелодию. Не знаю, какую мелодию, но она рвалась из меня.

– Сил набираешься? – кто-то спросил за моей спиной. Я убрал руки со ствола, и повернулся. В метрах трех от меня стоял мужчина. Сразу узнал его. Тогда он был с ружьем. В злобе хотел даже пристрелить меня. Он стоял передо мной без ничего. Видимо, погода тоже повлияла на него. Лицо его излучало добро, и понимание. Он подошел к сосне, свою ладонь приложил к стволу.

– Теплая, – тихо сказал он. – Ты прав, когда тогда сказал, что слушаешь тайгу. А я тогда на тебя обозлился. Прости меня. Не понял тебя. Я тогда чуть с ума не сошел. Ты прошел в дерево. Там я видел людей. Я тогда стал мужикам рассказывать, а они

надо мной смеялись. Пошел к врачу. Мне тогда от нервов лекарства дали. Так можно, как Саша Хилопатов, угодить в психушку. Успокоился. Стал думать.

– А мне там сказали, что ты не будешь помнить, – ответил я.

– Дали, наверное, вспомнить. Вначале я ничего не помнил. А потом вспомнил, как ты вошел в сосну. Теперь я и Хилопатову поверил. Он уехал отсюда. Правильно сделал.

И тут я решил признаться этому человеку. Надо когда-то полнять наш отряд.

– Саша Хилопатов, когда я скрылся от тебя, был в нашем отряде. Хочешь, я тебя расскажу, что там произошло?

Мужик быстро отнял руку от сосны, и положил её на мою грудь. Я увидел в глазах его вопрос и мольбу.

– Пожалуйста, расскажи! Нет, нет, я не буду смеяться! Что ты, что ты!

Я убрал его руку, и сказал:

– Хорошо. Вот теперь ты готов.

Я медленно и, осторожно ступая, пошел к тропе. Он тоже медленно двигался за мной. Мы вступили на тропу.

– Ты интересный и необычный человек, – тихо сказал он. – Возможно, из-за этого над тобой некоторые подсмеиваются. Даже придурком называют. Теперь я тебе верю. А как это рассказать людям? Тогда и меня засмеют. Опасно. Как же ты всё это терпишь?

– Постепенно, потихоньку, и у нас есть теперь довольно большой отряд. В общем, слушай. Теперь тебе можно поведать про то, над чем смеются люди. Так что мои две книги – действительность. Я назвал их фантастическими. Меня никому не отравить в психушку. Фантастика. Слушай.

Мы долго ходили по тропке. Над нами бежали тучи, иногда шел дождь, пробивалось солнце, а мы ходили и ходили. Наконец, я закончил свой рассказ тем, как нас отправили в наш мир.

Мужик долго молчал. Шли и молчали. Наконец, он первым заговорил:

– Какие же мы слепые. Чуть чо не так, чуть чо необычное, засмеют. Не поверят, а то и в психушку отправят. Всё, чо ты рассказал – верю. А мне можно туда попасть?

– Здесь я ничего не знаю. От меня это не зависит. Но, то, что ты поверил мне, и стал другим, могут отправить. Надо же кому-то бороться с нечистой силой. Надо помогать, светлому миру бороться со злом. Я думаю, что ты будешь в этом отряде. Так мы с тобой и не познакомились. Меня ты знаешь.

– Федя Копылов. Шофером работаю на автобазе. Вы, наверное, там все грамотные, а у меня пять классов. Я в семье был старший. Отец погиб в аварии. Кроме меня у матери осталось четверо детей.

– Всякие в нашем отряде есть. Главное то, что ты осознал свое место в этой жизни. У тебя телефон есть?

– Есть. Я тебе буду звонить. Мне так хочется попасть туда, чтобы схлестнуться с улыбочками.

До города мы шли вместе. Потом я пошел домой. Вот и ещё один человек годен в тот мир для борьбы. Для многих людей он тоже станет придурком.

На другой день, может быть случайно, встретились с теми, кто был со мной в другом мире. Рядом шли, как две подружки: Железянкина и Правдина. Они увидели меня и искренне обрадовались.

– Я всё теперь помню, – сообщила Железянкина. – А ведь мы думали, что ты в своих книгах всё придумал.

Я всем говорила, что ты отменный вруша. Теперь я понимаю, что всё это правда, – призналась Октябрина Правдина. – Мы видели Кирьяна Аполлинариевича. Он тоже всё вспомнил. Он теперь ждет, когда снова попадет в соседний мир. Кажется, один мужичок поверил мне. Он внимательно выслушал меня. Поверил. Наш отряд увеличивается. Мы тут подглядели двух мужиков. Что-то в них есть подозрительное.

– Вот так бы по всей нашей стране надо отыскивать нужных людей для борьбы с нечистью, – сказала Аграфена Железянкина.

– Да. Юра, я нашла того мальчишку. Я ему всё объяснила. Смешно, но надо было. Я начала мальчишке читать лекцию. Мальчишка ежился, кряхтел, даже побледнел. А потом, ничего. Повеселел. Видимо, из него вышла нечисть. На другой день я видела его. Нормальный мальчишка. Играл в футбол.

К нам быстро шла Пелагея Длиннохвостикова. Лицо её сияло. Она шла будто на праздник. Мы поздоровались. Аграфена спросила:

– Говорят, что ты всех животных на даче продаешь?

– Почти всех продала, а остатки раздала соседям. Просто будем отдыхать на даче. Я задумала разводить цветы. Странно. Побывала там, и будто мир для меня изменился. Другим стал и мой муж. Я просто его не узнаю. Но, я и не кричу на него. Мы с ним живем в мире и согласии.

Мы решили иногда встречаться в парке, и обсуждать нашу жизнь. Женщины приведут своих мужей. Плохо то, что у Октябрины нет мужа. Но она обещала привести свою подружку с её мужем. Вот какой большой отряд у нас бы оказался. А если бы так было в каждом городе? Что-то ведь надо делать! Добро должно победить зло.

Честно скажу, что радость переполняла меня. Мне хотелось петь. Один хмурый товарищ заметил мою радость.

– Всё веселишься? Плакать надо. Читал газету «Правда»? Почитай. Прочитал я её, и чуть сердце не прихватило.

– А ты не читай. Я совсем перестал читать газеты, где пахнет политикой.

– Слышал, слышал. Всё фантазируешь? Хоть бы правду написал, как когда-то ты писал фельетоны. До сих пор многие люди помнят эти фельетоны. Ерундой занимаешься, а по делу ничего сейчас не пишешь.

Я не стал с ним спорить. Понял, что вести разговоры с ним, попусту убить время. Я торопился домой. Федя, который видел меня, как я вошел в сосну, был в тот момент страшнее этого мужичка. Может и этот одумается.

Шел домой и думал, что некоторые люди стали меняться. И все-таки, доброта победит зло.

Пришел домой. Сел у окна. Дул легкий, весенний ветерок, и ветка тополя легонько скреблась о стекло. Радость и добро она принесла мне. Пусть стучится, скребется, мне даже ещё радостнее стало на душе. Теперь у меня много единомышленников. Даже те люди пришли к добру, которые ничему и ни во что не верили. Разве от этого мне плохо? Радоваться надо. Значит, всё

в моей жизни было не зря. Как долго я шел ко всему этому. С самой молодости шел к тому, чтобы увидеть, как самые отъявленные атеисты поверили в Бога. Разве это не радость? Я буду за них молиться. И, все-таки, добро сильнее зла. Если произойдет война между добром и злом, и даже произойдет апокалипсис, всё равно, добро в мире победит.

Наутро я пошел в церковь. Подошел к двери. Долго стоял. Не решался открыть дверь. Я впервые подошел к этой двери, хотя с молодости верил в Бога. Как меня встретит церковь? Я крещеный. У меня дома есть иконы. Перед ними молюсь. Людям и родным желаю добра, здоровья и счастья. Молюсь за мир на земле. Я долго стоял перед тяжелой дверью. И вот она открылась...

Проснулся. Наваждение? Что это? Странно. На душе было легко и радостно. За окном дул легкий ветерок. Ветка тополя качалась, и ветки от неё легонько касались стекла, и будто успокаивали и радовались за меня. Я подошел в угол квартиры, где были иконы, и стал молиться. Этот уголок для меня была церковь. В счастье и когда мне было плохо, я находил утешение в молитвах перед вот этими иконами. Странно, сегодня они словно светились. Значит, они открыли передо мной дверь в свой храм.

Потом начались звонки. Мои новые товарищи, которые побывали в соседнем мире, и которым возвратилась память, просили меня придти в парк. Там нам придется обсудить происходящее в нашей жизни. И, что нам делать дальше? Будем надеяться, что мы ещё пригодимся для борьбы с нечистой силой. Отряд у нас добрый подобрался. Конечно, как всегда добро победит зло. Вот, кажется пока всё, что я должен записать все то, что произошло со мной и моими товарищами. И пусть читатель решает и думает о моих записках, что же в них сочинил Стрелов. От себя добавлю, я написал правду. И ничего кроме, правды.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Часть первая. Соблазн всему голова	5
Отчаянные.	5
Какое-то наваждение	40
Остров ссыльных	64
Будни окаянные	82
Над нами вечность.	95
Солдаты вселенной	103
Городок ведьм.	137
Шабаш на дону	149
Часть вторая. Над нами вечность.	157
Невероятные приключения придурков	157
Молодые бомжи	182
Часть третья. В стране улыбочков	213
Засланцы.	213
Улыбочки	214
Окаянные будни	234
Корты.	236

Часть четвертая. Карты, Моты и Улыбчики250
Опасность. Улыбчики250
Карты.258
Моты274
Часть пятая. Невероятные приключения рядом296
Дома296
Мир сложен303
Возвращение в знакомый мир.320
Партизаны.334
Часть шестая. В трудных поисках356
Лишние люди356
Приключения придурков продолжаются.373
Добро.412

Юрий Стрелов

ОТЧАЯННЫЕ ПРИДУРКИ

Роман

Мистика. Фантастика. Приключения

Отпечатано в типографии «Оттиск». Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.

Подписано в печать 04.09.2013 г. Формат 60/84/16.

Усл. печ. л. 18,9. Уч.-изд. л. 24,4. Бумага офсетная. Печать трафаретная.

Тираж 300 экз. Заказ № 276.

664025 г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 26. Тел.: 34-32-34, 241-242.

E-mail: ottisk@irmail.ru. www.ottisk-irk.ru